АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОБРАНИЕ НАРОДНЫХ ПЕСЕН П. В. КИРЕЕВСКОГО

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)



ПАМЯТНИКИ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА



ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1983

СОБРАНИЕ НАРОДНЫХ ПЕСЕН П. В. КИРЕЕВСКОГО



ЗАПИСИ П. И. ЯКУШКИНА

ТОМ 1

ПОДГОТОВКА ТЕКСТОВ,
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИИ
З. И. ВЛАСОВОЙ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1983

Рецензенты:

А. И. БАЛАНДИН, Л. И. ЕМЕЛЬЯНОВ

С $\frac{4702010100\text{-}634}{042\,(02)\text{-}83}$ 414-83-II.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Павел Иванович Якушкин известен как писатель-очеркист 1860-х гг. и собиратель устной поэзии. Его странническая жизнь и самоотверженный труд по собиранию и изучению народного творчества в условиях крепостной России — беспримерный подвиг в истории отечественной науки.

Репутация замечательного собирателя, знатока народной жизни и устной народной поэзии установилась за Якушкиным уже в середине прошлого века. Было известно, что он обошел пешком все центральные русские губернии. П. В. Киреевский писал о нем: «П. И. Якушкин, который с неутомимой благородной ревностью к этому делу исходил пешком многие и многие губернии единственно с целью собирать песни и в своей любви к русской народности находя силы бороться со всеми трудностями и препятствиями, весьма значительно обогатил мое собрание песнями костромскими, тверскими, рязанскими, тульскими, калужскими и орловскими».[1] Киреевский назвал шесть губерний, в которых Якушкин записывал произведения фольклора. Читателям же он известен двумя небольшими сборниками песен и несколькими очерками, рассказами и путевыми письмами, собранными в посмертно изданном томе его сочинений, ставшем в наше время библиографической редкостью.[2] Поразительно несоответствие между титаническим трудом собирателя и его итогом.

В изданиях песенных материалов П. В. Киреевского, которому Якушкин, по его собственным словам, доставлял песни более 20 лет, напечатано около 200 текстов («Песни, собранные П. В. Киреевским», «Калики перехожие»). В опубликованных Якушкиным песенных сборниках насчитывается 330 текстов, но собственных записей собирателя — 179, остальные принадлежат его друзьям: С. В. Максимову — более 100, А. А. Григорьеву — около 20, М. А. Стаховичу — 25, единичные тексты доставлены А. Н. Островским, П. М. Боклевским и др. Тринадцать сказок вошли в собрание «Народных русских сказок» А. Н. Афанасьева;[3] им же опубликованы две якушкинские легенды. Четыре легенды приведены Ф. И. Буслаевым.[4] В «Песнях, собранных Киреевским» напечатано 19 текстов со ссылкой на Якушкина и 7 — без указания имени собирателя. В целом все это составляет около 500 фольклорных текстов.

---

[1] Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, № 9, отд. IV. М., 1848, с. VI.

[2] Сочинения П. И. Якушкина с портретом автора, его биографией С. В. Максимова и товарищескими о нем воспоминаниями: П. Д. Боборыкина, П. И. Вейнберга, И. Ф. Горбунова, А. Ф. Иванова, Н. С. Курочкина, Н. А. Лейкина, Н. С. Лескова, Д. Д. Минаева, Д. Н. Никитина, В. О. Португалова и С. И. Турбина. СПб., 1884.

[3] Афанасьев А. Н. Народные русские сказки в трех томах. Подгот. текста, предисл. и примеч. В. Я. Проппа. М., 1957.

[4] Буслаев Ф. Русские народные песни, собранные П. И. Якушкиным. — В кн.: Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым, т. 1. М., 1859, с. 99—103 (сотворение мира — с. 100—101; про Адама и Еву — с. 101; про избу — с. 101—102; про Ноя и Евгу — с. 102—103).

В это число не входят пословицы, переданные собирателем В. И. Далю, так как установить принадлежность отдельных текстов П. И. Якушкину невозможно.[5] 500 текстов — небольшая цифра для такого собирателя, как Якушкин, посвятившего фольклорным разысканиям несколько десятилетий.

Среди опубликованных материалов совершенно отсутствуют записи из Костромской и Тверской губерний, упоминаемые Киреевским. Но это лишь одна из загадок фольклорного наследия Якушкина. При обращении к архиву Киреевского в 1958 г. в связи с работой над былинами П. Д. Ухов обнаружил наряду с коллекциями других собирателей часть записей Якушкина и, в течение нескольких лет обследуя две части архива в отделе письменных источников ГИМ и ГБЛ, нашел около 300 неопубликованных текстов и путевые дневники 1840-х гг., о существовании которых в науке не было известно.[6] Одновременно с этим сотрудники сектора народного творчества Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом) в связи с подготовкой Свода исторических песен обратились к собранию П. В. Киреевского и также обнаружили часть неопубликованных записей Якушкина.[7] Выдержки из путевых дневников П. И. Якушкина вместе с записями песен (48 текстов) опубликованы в «Литературном наследстве».[8]

Возникла научная необходимость в полном издании всего записанного собирателем.

Фольклорные записи П. И. Якушкина представляют собой либо его автографы, т. е. черновые и набело переписанные его рукой в тетрадях и на отдельных листах тексты песен, сказок, легенд, духовных стихов, детских игр, прибауток, загадок, пословиц, дневниковые заметки, очерки и т. д., либо копии. Бóльшая часть текстов имеет паспорта, т. е. указания на место и время записи. Некоторые тексты не поддаются такому определению: они записаны на отдельных разрозненных листах, когда-то сшитых в тетрадь, а потом разорванных, или сохранились в тетрадях, не имеющих ни обложки, ни титульного листа. Такие тетради требовали дополнительных разысканий. Так, сохранилась часть тетради, озаглавленная «Продолжение детской тетради».[9] Начало ее было затеряно и найдено П. Д. Уховым в копиях. Тетрадь, названная Якушкиным «Журнал пешеходца», имеет уточнение: «Тетрадь первая». Продолжения ее в архиве не обнаружено.

Деятельность Якушкина как собирателя фольклора и исследователя народной жизни требует еще долгого и тщательного изучения, которому несомненно будет способствовать публикация всех известных в настоящее время его записей. Для данного тома отобраны материалы, относящиеся к самому началу собирательской деятельности Якушкина под руководством П. В. Киреевского.

Материал тома расположен по хронологическому принципу, благодаря чему дневниковые очерки и заметки позволяют проследить формирование интересов собирателя и его методики: от фиксации отдельных случайных текстов до широкого охвата песенного репертуара отдельных сел и почти фронтального изучения фольклора целых уездов (Малоархангельский, Раненбургский и др.). Дневниковые заметки характеризуют условия работы Якушкина, людей, среду, обстановку, т. е. предвосхи-

---

[5] Даль благодарил Якушкина в числе лиц, доставлявших ему материалы для собрания пословиц. См.: Отечественные записки, 1847, т. 54, Смесь, с. 190.

[6] Ухов П. Д. Найдены тексты 2000 народных песен. — Литература и жизнь. 1958, № 13.

[7] Власова З. И. 1) Из ранней деятельности П. И. Якушкина. (По забытым и неопубликованным материалам). — Русская литература, 1959, № 4, с. 195—197; 2) Ранний период деятельности П. И. Якушкина. Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1963, с. 14—35.

[8] Литературное наследство, т. 79. Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского. М., 1968, с. 375—426.

[9] РО ГБЛ, ф. 125, п. 57, л. 2886—2911.

щают известные требования Н. А. Добролюбова, указавшего на недостаточность простой фиксации фольклорного текста.

Знакомство Якушкина с Киреевским относится приблизительно к 1843 г. Том открывается записями, сделанными летом 1843 г. Автографов и полевых записей за этот год не сохранилось, тексты печатаются по беловым копиям (количество копий и их опись даны в примечаниях). Дальше следуют записи 1845—1847 гг. Песенные тексты перемежаются записями сказок, легенд, описаниями народных обычаев, примет, путевыми заметками и набросками. Это своеобразный дневник собирателя 1840-х гг. Из дневника можно многое узнать о взглядах молодого Якушкина, сначала студента, затем почти профессионального собирателя. В путевых заметках характеризуются и быт, и нравы, представители городских властей, внешний вид уездных городов, экономическое положение крестьян. Якушкина интересовало не только историческое прошлое народа, отразившееся в его устной поэзии, но и современная собирателю народная жизнь и народная культура.

В настоящем томе печатаются тексты, обнаруженные в архиве П. В. Киреевского и П. А. Бессонова, имеющие прямые или косвенные данные, указывающие на место и время записи и относящиеся к 1840-м гг.

Основной принцип публикации текстов хронологический. Хронология устанавливается по датам, сохранившимся на автографах и некоторых копиях. Внутри каждой хронологической рубрики тексты располагаются в том порядке, в каком они находятся в рукописи. Такой принцип публикации представляется целесообразным в серии «Памятники русского фольклора» и вполне оправданным по отношению к П. И. Якушкину, собирателю с очень сложной судьбой. Он позволяет видеть становление Якушкина-собирателя, формирование его интересов, рост его профессионального уровня. Во втором томе публикуются коллекции текстов, не имеющих точного указания на время или место записи. Не опубликованные в этом издании копии текстов, вошедших в два тома, указаны в комментариях.

Записи Якушкина в зависимости от того, представлены они в черновом виде (полевые записи) или в копиях, по-разному фиксируют текст. Для полевых записей характерно стремление к точной передаче фонетических особенностей говора. Особенности произношения в записях Якушкина не имеют строгой системы. Собиратель объясняет это неустойчивостью произношения и в дневниковых путевых заметках специально обращает внимание на эту особенность говора. Другой собиратель начала XX в. А. Д. Григорьев также указывал на эту особенность: «Невыдержанность произношения, языка и пения певцов не ставить в вину записывающим».[10] У Якушкина в одной и той же песне фонетически по-разному показаны повторяющиеся в тексте слова: *аглянись—оглянулась* (№ 290), *сизенький—сизинький* (№ 308), *мине—меня* (№ 347), *чисал—расчесавши* (№ 4), *суседи—саседи* (№ 556), *ретивое—ритивоя* (№ 558) и др. Возможно, что при таком разнобое в произношении собиратель и сам не всегда последовательно мог отмечать фонетические особенности говора. В ряде случаев записи сохранили исправления собирателя, вносимые им в первоначально зафиксированный текст. Записи Якушкина ценны как одно из ранних свидетельств наличия определенных областных черт в том или ином говоре среднерусского диалекта. Особенностью записей Якушкина является также непоследовательность в обозначении непроизносимых согласных в середине и конце слов: *сердце—серцо, солнце—сонцо—сонце, жизнь—жизь, дождь—дошь*. По-разному показано йотирование гласных: *йят такова ят малодчика; юж ты, степь; ни йюзвей; прийюныла*. Окончания прилагательных в родительном падеже единственного числа в ряде случаев представляют, по-видимому, местную осо-

---

[10] Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни, т. 1. М., 1904, с. XXIX.

бенность близкого к южнорусскому орловско-курского говора, бережно зафиксированную собирателем. В полевых записях преобладает также фиксация союза *что* как *што*.

По-разному записывается песенный текст: в зависимости от размера листа одна и та же песня в разных вариантах дается то полустишиями, то полным стихом; иногда начало песни записано полустишиями, затем собиратель переходит на запись полным стихом. При повторении целого стиха или полустишия в начале новой строки собиратель подчеркивает повторяющиеся слова прямой чертой, вписывая иногда возникающие изменения — украшающие стих частицы, междометия, восклицания. В отдельных случаях повторения полустиший в начале следующей строки отмечаются только в начале текста, а дальше опускаются, поскольку тип песенной строфы уже вполне определен в начале песни и легко может быть восстановлен по типу показанной уже строфы. Подготовка текстов к печати представила поэтому известные трудности, усугубляемые также почерком собирателя. Не всегда легко различить в полевых записях написание букв *о—а, а—и, е—я, т—ж.*

При подготовке записей Якушкина к печати были приняты следующие правила.

1. Фонетические особенности текста сохраняются почти полностью. Снимаются единичные случаи фиксации оглушения звонких и озвончения глухих согласных: *молотчик—молодчик, дефки—девки, збирали—сбирали,* т. е. фонетические обозначения звуков, совпадающих с современным произношением и не систематически фиксируемых; снимаются единичные показания на мягкость шипящих: *гарючь камень, клюшничька, печька, девчоночька.*

2. При отсутствии автографов тексты публикуются по копиям, в которых, за редким исключением, фонетические особенности записи сняты переписчиками.

3. Прочтение полустертых, сокращенных, малоразборчивых, а также пропущенных слов и строк дается в угловых скобках. Круглые скобки и ударения в тексте принадлежат собирателю.

4. Уточняется разбивка текста на стихи, если текст записан по-разному: то полустишиями, то целым стихом. При этом учитывается публикация данного текста по более поздним вариантам. Особенности записи — полустишия или смешанная запись — оговариваются в комментариях.

5. В прямых скобках восстанавливаются отдельные строки и полустишия, обозначенные в полевых записях и копиях прочерком или цифрой 2.

6. Орфография (написание приставок, в некоторых случаях — глагольных окончаний: *-дца, -тца, -цца,* падежных у прилагательных: *-аго, -яго,* если они сохранены в копиях, а не в полевой записи) и пунктуация приведены в соответствие с современными грамматическими нормами.

П. И. ЯКУШКИН В 1840—1850-е гг.

Павел Иванович Якушкин, один из основоположников демократического направления в истории русского народознания, занимает особое место в истории русской фольклористики. Он первый начал записывать с научной целью фольклор крепостного крестьянства, рабочего люда, кустарей и ремесленников в его подлинном виде. Самоотверженная деятельность и самобытная личность Якушкина вызывают постоянный интерес исследователей и читателей. Тем не менее в биографии его много неясного и противоречивого. Наименее изучен первый период собирательской деятельности Якушкина, когда закладывались и вырабатывались основы будущего демократического мировоззрения, — 1840—1850-е годы. Этот период, «особенно плодотворный по свежести, яркости и обилию наблюдений над народной жизнью», по словам издателя сочинений Якушкина В. О. Михневича, заслуживает более пристального рассмотрения.

1

П. И. Якушкин родился 14 января 1822 г. в с. Сабурово Малоархангельского уезда Орловской губернии (теперь — Покровский район Орловской области).[1]

Отец его Иван Андреевич Якушкин с 1775 г. служил гвардии подпоручиком, в 1781 г. «за болезнями» вышел в отставку и зажил помещиком, владея 1000 десятин земли, конным, винокуренным и кирпичным заводами, мельницей и маслобойней. В 59 лет он женился на 15-летней крепостной девушке Прасковье Фалеевне. Брак был официально разрешен церковью только через восемь лет, старшие дети и в их числе Павел Иванович считались незаконными. По словам С. В. Максимова, в семье было семь сыновей и дочь.[2] Современный биограф П. И. Якушкина А. И. Баландин называет пятерых сыновей: Александр, Павел, Николай, Виктор, Семен.[3] Однако в «Орловских губернских ведомостях» есть публикация о дарственных записях: «от имени жены подпоручика Прасковьи Фалеевны Якушкиной в даре ею сыновьям своим чиновнику 12 класса Петру и коллежскому секретарю Александру и дочери девице Наталье Ивановым» земли, «цена коей объявлена 6000 руб».[4]

Максимов, заезжавший погостить в семью Якушкиных, «которая не иначе понимала друзей любого из братьев, как своих близких и родных»,

---

[1] До 1960 г. в биографиях и словарях указывался 1820 год рождения, ошибочно названный первым биографом Якушкина С. В. Максимовым. В 1960 г. Н. М. Чернов обнаружил подлинную метрическую запись (Чернов Н. М. О дате рождения П. И. Якушкина. — Исторический архив, 1962, № 1, с. 188).

[2] Максимов С. В. Материалы для биографии Якушкина. — В кн.: Сочинения П. И. Якушкина. СПб., 1884, с. V. Далее ссылки на эту статью даны в тексте.

[3] Баландин А. И. П. И. Якушкин. М., 1969, с. 8—9.

[4] Орловские губернские ведомости, 1859, № 4, 24 января, с. 62. Н. М. Чернов также называет Петра в числе младших братьев Якушкина (Чернов Н. М. Литературные места Орловского края. Орел, 1961, с. 27).

писал, что мать Якушкина все уважали, она была умна и добра, проста и сердечна в обращении, дала возможность всем сыновьям закончить Орловскую гимназию, Александру и Павлу — университет, Виктору — Медико-хирургическую академию в Петербурге. Лекции в Московском университете слушали, по всей вероятности, и младшие братья Николай и Семен. В письме И. С. Аксакова к Елагиным, у которых в 1857 г. жил Якушкин, есть такие строки: «Если Якушкин у вас, скажите ему, что брата его я вручил покровительству Ивана Дмитриевича Беляева, с тем чтоб он сделал его славянофилом. Беляев сам профессор и устроит Якушкину слушание университетских лекций». Это написано 11 января, а 7 февраля в ответ на благодарность Якушкина за брата Аксаков писал: «Нечего ему благодарить меня за брата, напротив, я виноват против него в том отношении, что, будучи очень занят, я с ним виделся не более как на полчаса. Я дал ему письмо к Беляеву, который промыслил ему билет на слушание лекций, и дал ему письмо к Бессонову, который остался Якушкиным очень доволен и даже открыл в нем авторский талант. Он читал Бессонову какие-то свои очерки, чрезвычайно интересные».[5] Аксаков имеет в виду Семена Ивановича, так как Николай в 1857 г. уже служил и позже был мировым посредником. Известный декабрист И. Д. Якушкин приходился двоюродным братом Павлу Ивановичу; в семье Якушкиных брата-декабриста глубоко почитали.

В доме Якушкиных преобладал довольно демократический образ мыслей, обусловленный и происхождением матери. Павел Иванович, как рожденный «вне закона», был приписан к Мценскому мещанскому обществу и, уезжая учиться, брал отпускное свидетельство, как простой мещанин или крестьянин; в нем сказано: «Росту двух аршин 4-х вершков с половиною, волосы на голове русые, бровях — темно-русые, глаза серые, нос прям, средственный подбородок округл, лицо бело-чистое. . ., на правой щеке родинка».[6]

Имея отличные способности, Якушкин хорошо учился и, окончив Орловское уездное училище и гимназию, поступил на математический факультет Московского университета. «Он слушал курс довольно успешно, — писал Максимов, — и был уже на четвертом курсе, когда встреча с М. П. Погодиным и П. В. Киреевским изменила план будущих занятий» (с. V).

Из сведений, приведенных Н. П. Барсуковым и Н. П. Колюпановым, товарищем Якушкина по университету, следует, что Якушкин оставил университет, увлекшись собиранием устной народной поэзии.[7] Баландин считает, что «легенда о недоучившемся Якушкине должна быть отвергнута», ссылаясь на выписку из протокола университетского совета, по которой следует, что им получен аттестат на звание действительного студента. В. И. Даль в рекомендательном письме Географическому обществу называет его так: «Кандидат Московского университета Павел Якушкин».[8] Вопрос о том, окончил ли Якушкин университет, все-таки остается нерешенным.

Пребывание в Московском университете, где в 1840-х гг. особенно возрос интерес к истории, философии и устной народной поэзии, захватывая широкую студенческую аудиторию, оказало решающее влияние на Якушкина. «В Москве я начал жить жизнью человека, в Москве я начал понимать назначение человека», — писал он позднее в дневнике. Знакомство с П. В. Киреевским могло произойти в конце 1842 или начале 1843 г., так как уже летом 1843 г. Якушкин организует свою первую песенную экспедицию, в которой участвовали Н. А. Костров, А. С. Кудашев и, воз-

---

5 И. С. Аксаков в его письмах, т. 3. М., 1892, с. 258—259.

6 Чернов Н. М. Литературные места Орловского края, с. 125.

7 Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 10. СПб., 1896, с. 23—25; Колюпанов Н. П. Биография А. И. Кошелева, т. I, кн. 2-я. М., 1889, с. 48.

8 Литературное наследство, т. 79, с. 387. Аттестат на звание действительного студента выдавался только прослушавшим полный курс, но не представившим письменного сочинения.

можно, брат Якушкина Виктор, тогда еще гимназист.[9] Записи велись в селах родного Малоархангельского уезда: Липовицы, Колпна, Крутое, Сабурово, Татарино, Лимовое и др. Сохранились тетради с записями песен в этих селах. На одной из них есть подпись В. И. Якушкина, на других — фамилии П. И. Якушкина, Н. А. Кострова и А. С. Кудашева.

В декабре 1844 г. в журнале «Москвитянин» появилась первая публикация П. И. Якушкина «Народные сказания о кладах, разбойниках, колдунах и их действиях, записанные в Малоархангельском уезде». Статья была подписана инициалами «К. П. и Я». (Костров, Погодин и Якушкин?). Однако Погодин назвал автором одного Якушкина. Из обширного примечания Погодина выясняется, что статья сильно сокращена и что собиратель готовится к новому «длительному путешествию для собирания остатков нашей народности». Если учесть, что летом 1843 г. были записаны песни, а летом 1844 г. — народная проза в виде легенд, поверий, преданий и рассказов, то станет ясным, что Якушкин готовился уже к третьему выходу на разыскания произведений фольклора. Для предполагаемого путешествия летом 1845 г. Погодин составил специальную инструкцию. В настоящее время она опубликована, но сохранилась без окончания. Неясно, была ли инструкция вручена Якушкину или он следовал лишь устным наставлениям. Впоследствии собиратель с благодарностью вспоминал: «М. П. Погодин ... был первый, который указал мне, как должно изучать народную поэзию, давал мне множество рекомендательных писем, чрезвычайно облегчал мне мои подчас тяжелые странствования».[10] Совет нарядиться коробейником, отрастить бороду и торговать мелочным товаром по селам дал Погодин, рекомендовавший собирать прежде всего народные песни и при этом обращать внимание на разницу в выговоре. Надо полагать, что вместе с Якушкиным готовился к этому выходу в народ и Н. А. Костров. Для первого путешествия в «неблизкую от Москвы губернию» понадобились документы, которые получил Костров. В протоколе Совета Московского университета от 8 марта 1845 г. значится: «Присутствию Совета г-н ректор объявил, что губернскому секретарю князю Николаю Алексеевичу Кострову, согласно прошению его, при котором представил он доверенность действительного студента Якушкина на получение аттестата на означенное звание и документов его, выданы ему, Кострову, тот аттестат и документы Якушкина с распискою».[11]

Записей, датированных 1845 г., в архиве Киреевского нет, но среди копий и списков есть несколько текстов из Лихвинского и Жиздринского уездов Калужской губернии в записях Якушкина и Кострова; есть копии с записей Кострова из с. Истевского Спасского уезда Рязанской губернии, из с. Губцова Ростовского уезда Ярославской губернии, а из очерков Якушкина известно, что он также «ходил в Переяславском (Залесском) уезде, подвигался от Троицы и к Ростову, и потом опять назад,

---

[9] В. И. Якушкин (1829—1872) учился в 1849—1854 гг. в Петербургской медико-хирургической академии и окончил ее вместе с Н. С. Курочкиным; был близок с членами редакции журнала «Искра», позднее работал врачом в Мценском уезде, где женился на племяннице И. Д. Якушкина Елизавете Мардарьевне Милюковой. Ее имение Старухино находилось в семи верстах от Спасского-Лутовинова, известного имения Тургеневых, где в 1852—1853 гг. жил в ссылке И. С. Тургенев, хорошо знакомый с Виктором Ивановичем. В 1858—1861 гг. В. И. Якушкин был за границей, чтобы «совершенствоваться в науках». Впоследствии был популярен среди крестьян как опытный и бесплатный врач. В Старухине были школа и больница для крестьян, позднее — ссудо-сберегательное товарищество, организованное женой Виктора Ивановича уже после его смерти (он умер в Риме от туберкулеза). В. И. Якушкин послужил отчасти прототипом Базарова, героя романа Тургенева «Отцы и дети» (Чернов Н. М. Об одном знакомстве И. С. Тургенева. — Вопросы литературы, 1961, № 8, с. 188—190). Деятельность В. И. Якушкина и его жены вызывала уважение в семье Л. Н. Толстого. Некролог Е. М. Якушкиной написал сын Толстого Илья Львович (Русские ведомости, 1893, № 69, 12 III, с. 3).

[10] Сочинения П. И. Якушкина. СПб., 1884, с. 472. Инструкция Погодина опубликована в кн.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 10, с. 23—25. См. также: Баландин А. И. П. И. Якушкин, с. 25—26.

[11] Литературное наследство, т. 79, с. 387.

вправо и влево».[12] Возможно, Ярославская губерния и была объектом собирательской работы обоих студентов в 1845 г.

Уже в январе 1846 г. Киреевский писал Н. М. Языкову: «Якушкин и кн. Костров собрали множество песен... Они собирали для меня и по моему заказу. Это двое юношей, с которыми я очень желал бы, чтобы ты познакомился, потому что они оба обещают быть полезными деятелями».[13] Киреевский не ошибся в своих предположениях. Н. А. Костров (1823—1881) впоследствии стал известным этнографом. В 1846 г. он был назначен чиновником особых поручений при енисейском губернаторе и уехал в Сибирь. Служил позднее минусинским окружным начальником, был секретарем Томского губернского статистического комитета и опубликовал около 150 работ по фольклору и этнографии Сибири. Костров был членом Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества и награжден в 1878 г. золотой медалью. За исследования и публикации по естественному праву народов Сибири он был избран почетным членом Юридического общества. «При разносторонней образованности ... существенной чертой его характера было скромное о себе мнение. В отношении к ближним он отличался душевною теплотой и считал своею нравственною обязанностью оказывать помощь советом и делом всем, к нему обращавшимся», — писали о нем сослуживцы.[14] К сожалению, архив Кострова, в котором могли быть письма П. И. Якушкина и П. В. Киреевского, тщетно разыскивали в хранилищах Сибири в 1920-е гг. Он бесследно пропал, возможно, в годы гражданской войны.

Зимой 1846 г. Якушкин предпринял новое путешествие в Лихвинский уезд. Этот эпизод его биографии частично освещен в написанном тогда же «Дневнике пешеходца»: «30 января ... отпустил извозчика, который вез меня за заставу, взял страннический короб и отправился на „zufuskanie"» (русизм, образованный от нем. zufus — пешком). Пристав к извозчикам, Якушкин записал от них по пути сказку, легенды, присловья и так добрался до Калуги.

Из Калуги в с. Андроновское Якушкин шел вместе с крестьянином Федором Афанасьевичем Жидковым и поселился у его отца. «Здесь меня, кажется, полюбили», — записал он в дневнике. В очерке «Небывальщина» он так характеризовал это свое разыскание: «Я тогда был еще студентом Московского университета. В один прекрасный день купил рублей на десять разного товара, уложил в коробку и отправился в путь; и с этой коробкой — коробейником пришел в одно большое село одной из неблизких от Москвы губерний. В этом селе я и положил иметь свою главную квартиру. Познакомившись с сыном моего хозяина, парнем лет двадцати, мы с ним не расставались недели две. Пообедавши с ним часу в 9-м поутру, мы с ним отправлялись торговать по соседним деревням и, правду сказать, песен собрали много, денег же наторговали один двугривенный, потому что мой товар был бесценный... Я за свой товар рассчитывался песнями и одной только неотвязчивой попадье за двугривенный продал платок».[15]

Якушкин записал в Лихвинском уезде около сотни песен и загадок, сто тридцать слов офенского языка, которому его учили бродячие портные, несколько сказок, но работу пришлось прервать. Сначала соседняя помещица прислала узнать, зачем ему песни. Затем сотский, которого собиратель отказался поить водкой, повел его к становому. Об этом подробно рассказано в том же очерке «Небывальщина»: «Сижу я раз в избе за столом. Избранный на ту пору мой приятель сидел с правой

---

[12] Сочинения П. И. Якушкина, с. 113.

[13] Письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову. Ред., вступит. статья и коммент. М. К. Азадовского. М.—Л., 1935, с. 80.

[14] Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества, кн. IV. Омск, 1882, с. 1—2.

[15] Сочинения П. И. Якушкина, с. 92—93.

руки и распоряжался штофом, стоявшим на столе, а песни певший — с левой, и, как теперь помню, левый мой сосед пел:

А и я-то, православный царь,
Не хочу мужиками ругатися,
А татарам потешатися!

Едва успел кончить песню мой сосед, вошел сотский. Все замолчали ... На ту пору этот сотский был до крайности лишним». Якушкин рассказывает, что незваный гость без спросу взялся за штоф водки и, не торопясь, начал наливать ее в стакан. И тогда с обычной прямотой Якушкин сказал ему: «Ты водки все-таки не трогай. Водка не твоя, да никто тебя и не потчевал». «Представьте себе положение этого господина, — с юмором рассказывает Якушкин. — Сотский — все-таки начальство, хоть малое, а как ни рассуждай — все начальство . . . и опозорено перед людьми, которых за недоимки драло за вихор. Начальство обиделось». Сотский потребовал паспорт и, по неграмотности объявив, что паспорт фальшивый, решил представить собирателя к становому, жившему в соседней деревне.[16]

Независимость и самостоятельность, проявленные Якушкиным еще в гимназии, видны с первых шагов его собирательской работы, даже в самой ее методике. Погодин рекомендовал сблизиться с народом, но он сам вряд ли стал бы отдавать товар даром и поить певцов водкой. Зато и песни, записанные Якушкиным в Лихвинском уезде, не годились для страниц «Москвитянина». Тут и легенда про пьяницу, попавшего в рай; и анекдот с пословицей про икону: «Не годится молиться — горшки накрывать», записанной раньше, чем она стала известна широкому читателю из письма Белинского к Гоголю; и уникальная песня про «вора Яшку Засорина», который «кочует за Доном с братом Ковалевым»; про девицу, сидящую в остроге за кражу платка; фрагмент песни крестьян-переселенцев:

Юж ты, матушка Расея,
Не атсылай нас прочь атселя! —

и, наконец, удивительная по точности и правдивости песня беглых солдат, которым «страшненько скрозь зеленую пройтить»:

Батальен солдат стоит порядком, барабаны по концам...
Белы рученьки подвяжут за приклад и поведут,
Спереди стоят и грозятся, без пощады сзади бьют...

«Оказавшись лицом к лицу с народом», Якушкин сумел войти к нему в доверие и записал произведения остросоциального содержания. Первым из собирателей он записал и «заветные» крестьянские песни и загадки, обратив внимание на народную эротику задолго до Афанасьева.

«Дневник пешеходца» адресован друзьям и единомышленникам П. В. Киреевскому, Далю, Погодину, но больше всего обращений к Кострову: «Прочти, Николай, на обороте»; «просматривай, Николай, заметки на полях»; «скажи, пожалуйста, доволен ли ты моими трудами: ты говорил, что в месяц не упишу тетради, — а видишь, в три дня». Заметки собирателя предполагают общность взглядов, товарищескую поддержку и взаимопонимание и пронизаны радостью первооткрывания. Дневник не закончен, поэтому узнать, как завершилась работа, нельзя. Последняя дата в нем — 3 февраля — доказывает только, что к этому времени в Лихвинском уезде собиратель пробыл месяц.

В июле 1846 г. Якушкин отправился в новое путешествие — по Рязанской губернии. Дневниковые записи свидетельствуют об одиночестве собирателя. С первой страницы после восторженных строк о Москве, которая стала его духовной родиной, где он нашел друга, появляются

---

[16] Там же, с. 93—95.

тревожные слова о «горьких московских минутах», о том, что нашлись не только друзья, но и враги. Эти фразы малопонятны. Можно предполагать, что весной 1846 г. Якушкин пережил что-то тяжелое. Возможно, это был отъезд Кострова в Красноярск. Кроме того, Якушкину пришлось преодолеть сопротивление родных, несомненно огорченных его путешествиями. Им, естественно, хотелось, чтобы Якушкин с его отличными способностями служил, делал карьеру. Пока он был студентом и по совету профессора Погодина, выполняя его поручения, путешествовал по селам и деревням, этому не придавали значения. Теперь Якушкин уезжал в Рязанскую губернию, но не на ту службу, которая была почетна в глазах окружающих; он и радовался, и тревожился: «Не думаю, чтобы кто-нибудь мог быть так долго счастливо весел, как я теперь, хотя одна тяжелая мысль об моей бедной матери тревожит меня». Спустя 20 лет, ссылаемый на родину, он был так огорчен и расстроен, что не мог ни пить, ни есть. «Ему, очевидно, было очень тяжело, но не за себя, — вспоминал Максимов. — „Боюсь испугать старуху-мать, когда явлюсь к ней с провожатым“, — объяснил он» (с. XXI). В 1846 г. до появления с жандармами было далеко, но решение, которым Якушкин боялся огорчить мать, уже было принято; его поддерживал Киреевский: «Без него я не с такими чувствами расстался бы с Москвой, имея в кармане четвертак и впереди — 360 верст пути».

Так начинались первые экспедиции, в которых самым трудным было неузаконенное положение собирателя, обрекающее и его самого, и его работу на произвол местных властей. Были и бытовые трудности: в деревнях нельзя было найти ни сносной еды, ни медицинской помощи в случае болезни, ни постоялого двора. Во Владимирской губернии весной Якушкин провалился по пояс в ледяную воду и не скоро дошел до деревни; кабатчик не пустил его ночевать, но, видя его обледенелую одежду, дал с собой шкалик и провожатого в дом, где на русской печке, не переодеваясь, путешественник заснул и проснулся сухим и здоровым. В Переяславле-Залесском, куда надо было зайти за письмами, Якушкин, изголодавшийся на пустых крестьянских щах, попробовал в трактире яичницы и отравился, так что ямщики отказывались везти его, больного, боясь, что умрет. Приходилось идти одному лесом, по диким проселкам. «Да ты не ходи, — говорили ему. — Волков много». — «Одну только версту опасно будет, а там другая верста пойдет полем, — успокаивает кто-то».[17]

Кроме того, что рассказано самим собирателем о его экспедициях в очерках, кое-какие факты приведены Максимовым: «В другой такой же поход за песнями Павел Иванович успел где-то в спопутной деревне заразиться ветряною оспой, заболеть и свалиться в первом попавшемся деревенском углу. Здоровая натура, однако, выдержала, несмотря на все неблагоприятные для больного условия... Лицо его было серьезно изуродовано и, опушенное длинной бородой при длинных волосах, действительно оттеняло его из ряду обыкновенных личностей» (с. IX).

Принято считать, что свои экспедиции Якушкин делал за счет П. В. Киреевского. Н. Колюпанов, знавший собирателя со студенческих лет, утверждал, что «Киреевский дал ему средства на первое его путешествие».[18] В воспоминаниях Н. А. Лейкина приводится малодостоверный факт, что после окончания университета Якушкин получил от отца (по завещанию?) 20 тыс. руб. и все их истратил в походах за песнями.[19]

---

[17] Там же, с. VI.

[18] Колюпанов Н. П. Биография А. И. Кошелева, т. 1, кн. II. М., 1889, с. 49.

[19] Н. А. Лейкин в его воспоминаниях и переписке. СПб., 1907, с. 172—174. В воспоминаниях о Якушкине Лейкин приводит легенды о нем, которые рассказывали в Петербурге трактирные слуги: «Настоящий барин... Только отец его за родительское непочтение и за то, что он с мужиками двадцать тысяч рублев пропил, промотал, и самого его в мужики отдал. Денег ему больше не дает, на глаза к себе не пускает. Ну, он к мужикам уже привык, на господский манер ему рядиться не на что, вот он и стал одеваться по-мужицки» (Сочинения П. И. Якушкина, с. XIX).

Многие высказывания мемуаристов и биографов Якушкина свидетельствуют о том, что «доходившая до фанатизма любовь к народной песне» (И. Ягич) заставляла его изыскивать различные возможности для своих путешествий, обращаться к друзьям, пользоваться рекомендательными письмами Погодина. Выезжать ему приходилось по нескольку раз в год и, как показывают материалы, не однажды бывать в одной и той же губернии.

Не мнимое наследство отца сделало Якушкина щедрым. Щедрость была присуща ему с юности до смерти и служила поводом для всевозможных рассказов и анекдотов. Сколько бы ни просил с него извозчик, он всегда «тоном возражения прибавлял пятак»;[20] «Павел Иванович при встрече с крайней нуждой ... отдавал все, что имел при себе», — писал Максимов (с. XXVIII). За несколько часов до смерти, прощаясь с М. И. Писаревым, известным драматическим актером, зашедшим навестить больного, он подарил ему свою рубашку: «... точно спохватившись, взял меня за руку: „Ты знаешь, как я люблю тебя Ананием в «Горькой судьбине» и как ненавижу твою рубашку в последнем акте... Точно сейчас от швейки принесли. Вот, ... это моя, обношенная ... велел нарочно вымыть ... возьми на память“».[21]

Щедрость и удивительная доброта души немало содействовали и успеху его разысканий. «Попался я на свадьбу — на девичник. Свадьба была не ахти мне, мужик-хозяин был небогатый, а я, относительно, был богач. Сам собою, безо всякой просьбы, купил я полведра водки и за каждую песню, которою величали меня девки, платил по пятаку, а потому меня считали за большого гостя».[22] Зато именно Якушкину удалось дать наиболее полные и точные записи крестьянского свадебного обряда первой половины XIX в.

Из путевых заметок видно также, что Якушкин имел обычно скудные средства и сознательно воспитывал в себе аскетизм. В еде довольствовался тем, что дадут; ходил обычно пешком, лишь больной брал извозчика; выработал в себе привычку спать на голом полу, на лавке, на голых крестьянских полатях, ночевал и в открытом поле и потом уже всю жизнь сохранял суровые привычки странника: останавливаясь у знакомых, отказывался от удобств и спал обычно на полу. — «Отчего не на диване?» — «Чтобы привычки не терять, не баловаться. Помните, как мы встретились у покойника Михаила Александровича Стаховича? Я там с месяц жил по-дворянски да так избаловался, что как пришлось потом лечь на голых полатях — просто смерть! Недели, я думаю, две прошло, пока наново освоился».[23]

В. П. Острогорский вспоминал, что Н. А. Некрасов в начале 1860-х гг. «нанял для него квартиру с обедом, но Якушкин никогда почти не заходил туда».[24]

М. А. Стахович, богатый и образованный человек, большой друг Якушкина, в трудные минуты ссужал его деньгами. В 1847 г., будучи в Рязанской и Тамбовской губерниях, Якушкин заболел. Надо полагать, он обратился за помощью к Стаховичу, который прислал денег в Москву к моменту его возвращения.[25]

В разыскании средств на экспедиции Якушкину пытался помочь В. И. Даль, получавший от него записи пословиц и поговорок. Он обратился 18 декабря 1847 г. с письмом в Географическое общество, где просил снабдить Якушкина официальным документом и, если можно, деньгами: «... возбуждая собою подозрение недоверчивого сельского и поли-

---

[20] Русское обозрение, 1895, сентябрь, с. 346—347.
[21] Русский архив, кн. 3, 1915, с. 61.
[22] Сочинения П. И. Якушкина, с. 124.
[23] Там же, с. LXV.
[24] Острогорский В. П. Из истории моего учительства. СПб., 1914, с. 127—129.
[25] Сохранилась сопроводительная записка Стаховича к посылаемым им деньгам на имя Якушкина (ЦГАЛИ, ф. 586, оп. 2, № 25). См.: Баландин А. И. П. И. Якушкин, с. 37—38.

цейского начальства, Якушкин встречал большие затруднения и неприятности, почему и просит ныне Географическое общество снабдить его видом, в котором бы говорилось, что предъявителю поручено собирание этнографических сведений... Вид или свидетельство и 150 руб. серб. можно бы выдать ему тотчас, если Совет на это изъявит согласие свое, а программа (для собирания сведений, — *З. В.*) может быть доставлена, когда будет готова». Через полтора месяца Якушкин получил письмо от Географического общества с предложением сообщить «образчик этнографических исследований». О деньгах в письме не упоминалось.[26]

С 1849 г. Якушкин «испытывает свои силы на педагогическом поприще» (с. XVII). Он преподает историю и географию в Обояни и Богодухове, русскую грамматику в Харьковском уездном училище. Демократический образ мыслей и прямота характера приводили к неприятным столкновениям с начальством. П. И. Якушкин относился с уважением к своим ученикам и держался независимо. «Песни, которым он учил ребяток между классами, приняты были за дурное намерение, выходы за песнями в соседние деревни истолкованы совсем в другую неподходящую сторону. Над ним наряжено было следствие, кончившееся, однако, тем, что перевели его в другое училище», — пишет С. В. Максимов. По его словам, П. И. Якушкин «просто-напросто употреблял ту систему обращения с учениками, которая теперь признана обязательною для всех и стала общеупотребительною». Начальнику училища, который имел обыкновение говорить подчиненным «ты», П. И. Якушкин заметил: «„Ты“ я говорю только добрым приятелям, людям, которых я ценю и уважаю, а „Вы“ говорю даже слугам».[27]

Во время службы в Харьковской губернии Якушкин продолжал заниматься собиранием фольклорно-этнографических сведений. Крымская война застала его в г. Богодухове. Он обратился к генерал-губернатору Кокошкину с просьбой принять его в ополчение, но получил отказ. С этой же целью он писал И. С. Аксакову: «Чина я еще не имею, ... следовательно, меня можно записать простым ратником. И, если я буду в Вашей дружине, Вас можно поздравить с отличным запевалой».[28] Когда в Харькове был устроен большой лазарет для раненых, Якушкин неоднократно посещал его, беседовал с солдатами, записывал их рассказы. Так возникли его очерки «Из рассказов о Крымской войне», где правдиво показана психология русского солдата, его отношение к войне. В очерках повествуется о мужестве и скромности солдат. «Меня всегда поражало ... крайнее отсутствие самохвальства в рассказах людей, бывших в страшных опасностях», — заметил Якушкин. Он обратил внимание на то, что транспортировка раненых в Харьков была организована более чем неудовлетворительно; для раненых не было даже соломы, «так лежали».[29]

Педагогическая деятельность Якушкина — наименее известный эпизод в его биографии. В мае 1856 г. он вышел в отставку и вернулся на родину.

2

С середины 1840-х гг. Якушкин становится помощником Киреевского в подготовке к печати его песенного собрания. Записи Якушкина составили самый значительный вклад — более 1000 текстов сохранилось в архивах до настоящего времени. Его рукой написаны сотни списков-копий для готовящегося издания песен.

---

[26] Там же, с. 161—162. В «Отечественных записках» Даль напечатал «изъявление благодарности» лицам, приславшим ему материалы для словаря, и в их числе — «Якушкину в Москве» (1847, т. 54, Смесь, с. 190).

[27] Сочинения П. И. Якушкина, с. XXIII.

[28] ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, № 723.

[29] Сочинения П. И. Якушкина, с. 166; Анкудинова О. В., Власова З. И. Якушкин на педагогическом поприще. — Русская литература, 1982, № 4, с. 122—126.

В 1840-х гг. Киреевский, Якушкин и Стахович встречались то в доме Якушкиных в Орле на Нижней Дворянской улице — здесь с Киреевским познакомился А. В. Маркович, то в «чудной», по словам Стаховича, Слободке в 7 верстах от Орла, где поселился Киреевский, то в с. Пальна Елецкого уезда у Стаховича, талантливого поэта, драматурга, музыканта. В Орле в 1850-е гг. составился кружок образованных и демократически настроенных людей: Марковичи А. В. и М. А. (писательница Марко Вовчок), Н. К. Рутцен, земский деятель, А. А. Ветров, врач, И. В. Павлов, товарищ Салтыкова-Щедрина по Московскому дворянскому институту, хороший знакомый А. И. Герцена и молодого Н. А. Некрасова, увлекавшийся поэзией и переводами.[30] Со Стаховичем Якушкин учился в Орловской гимназии, впоследствии знакомство переросло в тесную дружбу, укреплявшуюся сходством характеров, общением с Киреевским и любовью всех троих к народным песням. Киреевский любил разучивать песни на гитаре, Якушкин легко запоминал слова и мелодии, о чем сохранилось много свидетельств: «Он сохранял в памяти напевы редких теперь, исчезающих старинных песен» (Максимов); «Немало песен, каких я потом нигде не мог найти в печати и которые, к сожалению и стыду моему, тогда не подумал за ним записать, певал он у меня маленьким приятным тенорком на настоящие местные мотивы» (В. П. Острогорский).[31] Не случайно в исполнении Якушкина записывали песни и Стахович, и К. П. Вильбоа, и М. А. Балакирев. Мелодию песни «Татарский полон», записанную Балакиревым от Якушкина, использовал Н. А. Римский-Корсаков в симфонической картине «Сеча при Керженце» (опера «Сказание о невидимом граде Китеже»).[32] И Якушкин, и Стахович восхищались Киреевским, его глубоким пониманием и знанием народных песен. Стахович посвятил Киреевскому свое «Собрание» со словами: «Несовершенный труд мой возбужден примером Вашего подвига — Вашим богатым и образцовым собранием русских песен».[33] В посвящении упоминалось, что составитель «почти сызмальства имел счастье» учиться у Киреевского «настоящему пониманию этого дела». Возможно, что именно Стахович познакомил Якушкина со своими московскими друзьями — кружок А. А. Григорьева и А. Н. Островского, где он подружился с И. Ф. Горбуновым и Е. Н. Эдельсоном, где бывали П. М. Садовский, Т. И. Филиппов и др.

Осенью 1856 г. тяжело заболел и скончался П. В. Киреевский, завещав Якушкину подготовку своего собрания к печати. Смерть Киреевского была тяжелым ударом для всех его друзей, но для Якушкина в особенности. Из письма И. В. Павлова к приятелю А. И. Малышеву известно, что Якушкин был в последние дни возле больного и, полный отчаяния, метался то к докторам, то к родным Киреевского, Елагиным, которые приехали в Слободку для ухода за ним.[34] Всем распоряжалась Е. И. Елагина, жена сводного брата Киреевского — Василия Алексеевича, который был дружен с И. С. Аксаковым. В письмах к И. С. Аксакову она рассказала о появлении Якушкина в Бунине, в доме Елагиных, куда были привезены из Киреевской слободки все материалы песенного собрания. После похорон Киреевского Якушкин заболел и по его просьбе к Елагиным поехал сначала Стахович. В письме от 25 декабря Е. И. Ела-

[30] Об орловском кружке см.: Маркович А. Воспоминание о Петре Васильевиче Киреевском. — Русская беседа, 1857, кн. 6, с. 17; Сочинения П. И. Якушкина, с. 14; Баландин А. И. П. И. Якушкин, с. 41—56.

[31] Сочинения П. И. Якушкина, с. XIII; Острогорский В. П. Из истории моего учительства, с. 127—129.

[32] Н. А. Римский-Корсаков вспоминал: «Я принялся за работу, взяв в основание русскую тему „Про татарский полон", данную мне Балакиревым, а ему сообщенную Якушкиным» (Римский-Корсаков Н. А. Летопись моей музыкальной жизни. М., 1935, с. 49).

[33] Собрание русских народных песен Михаила Стаховича, тетрадь 4. СПб.—М., 1851—1854, с. 3.

[34] Письмо Павлова процитировано А. Д. Соймоновым в статье «П. В. Киреевский и собранные им песни» (Литературное наследство, т. 79, с. 70—71).

гина пишет: «Стахович приехал один, Якушкин опасно занемог воспалением в левом боку, есть там какая-то плева; опасности, говорят, теперь уже нет, но он очень страдал. Лежит он в нумере Стаховича, да за ним ходит письмоводитель, который очень хороший человек и слуга Стаховича. Лечит его Картман, лучший доктор в Орле. Стахович, впрочем, не оставил бы его, если бы боялся за него».[35] Якушкин выздоровел в конце января и, надо полагать, приезжал в Бунино для переговоров. Елагина писала 23 января Аксакову: «Завтра ждем сюды Стаховича и Якушкина, который говорит, что теперь здоров, но между тем ужасно похудел, что ему очень к лицу».[36] Сначала было решено, что Якушкин приедет 1 января, чтобы просмотреть материалы к приезду Стаховича, обещавшего также пробыть в Бунине несколько дней, чтобы помочь Якушкину с Елагиным. Но из-за затянувшейся болезни сроки передвинулись почти на месяц.

Якушкин приехал 24 января и принялся за подготовку песен. Понимая научную ценность собрания, он начал с нумерации всех имеющихся материалов. Сразу обнаружилось отсутствие значительного количества записей, хорошо ему известных. «При самой передаче мне песен В. А. Елагиным я заметил страшный недочет в бумагах: по крайней мере двух или трех стоп бумаги, исписанной песнями, не оказалось; потом я узнал, что сверх этой страшной потери пропало еще множество бумаг покойного Петра Васильевича, оставленных им в Москве».[37]

Якушкин поспешил составить опись поступивших в его руки материалов. «В. А. и Н. А. Елагины, М. А. Стахович и я составили опись в двух экземплярах всем песням и в том порядке, в каком они остались после смерти собирателя, и все четверо подписались под обоими экземплярами», — писал он в статье «Кое-что об изданиях Бессоновым народных стихов и песен».[38] Приступив к работе, Якушкин поставил условием, что «по окончании ее ... рукописи все должны для проверки поступить или в Румянцевскую публичную библиотеку, или в библиотеку Московского университета». Работа Якушкина в Бунине пошла успешно. Уже через две недели, 7 февраля, Елагина писала Аксакову: «Вы отгадали, дорогой Иван Сергеевич, мы очень сошлись с Якушкиным и теперь с ним большие друзья ... Я боялась его приезда сюда, думала, что неловко будет жить с человеком, враждебно ко мне расположенным,[39] но он так незлобив, ... так кроток, с ним так ловко, что мой страх пропал в ту же минуту, как он приехал. Его присутствие очень полезно Василию; неприятности, сплетни, хлопоты отчасти заглушали горе в первые дни, но это плохое развлечение; тихие же и вместе спорные беседы с Якушкиным ему гораздо полезнее. Тем больше, что этот человек вполне понимает нашу потерю и не только сочувствует, но и делит горе ... Целый день он работает, а после ужина мы долго болтаем с ним».[40] В это время Якушкин пытался найти пропавшие материалы собрания и обращался с письмом к И. С. Аксакову, о чем свидетельствует приписка в цитированном выше письме: «Получили ли письмо Якушкина с просьбой поискать песен в доме Ивана Васильевича (Киреевского, — *З. В.*) у Красных ворот, куды

---

[35] ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, № 208, л. 16.

[36] Там же, л. 23.

[37] Сочинения П. И. Якушкина, с. 462—463.

[38] Порядковый номер описи был проставлен на всех рукописях, в ней перечисленных. Когда часть материалов П. В. Киреевского была обнаружена в архиве П. А. Бессонова, то оказалось, что некоторые рукописи, в их числе и дневники П. И. Якушкина, не помечены порядковым номером. Выходит, они попали в руки Бессонова при жизни Киреевского и не были возвращены наследникам.

[39] Е. И. Елагина, «немка» из Дерпта, не пользовалась расположением некоторых друзей Киреевского. Это нерасположение перешло во вражду во время болезни Петра Васильевича, когда она усиленно мешала ему приступить к составлению завещания, считая, что это ухудшит его состояние. Киреевский вынужден был, собрав последние силы, ночью подняться и написать вольные некоторым своим крестьянам. См. письмо В. А. Елагина к И. С. Аксакову (ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, № 208).

[40] Там же, л. 33.

перевезли книги Петра с его бывшей квартиры? Не затруднит ли Вас эта кампания, успешны ли оказались поиски?».

В. А. Елагин решил опубликовать специальное объявление, чтобы лица, взявшие песни у П. В. Киреевского, вернули их в Бунино. Объявление появилось в еженедельной литературной газете «Молва» 27 апреля 1857 г. и вызвало интерес читателей, откликнувшихся на известие о готовящемся издании песен.[41] Известный ученый А. А. Котляревский в письме к редактору «Молвы» приветствовал начатую по подготовке издания работу, указывая, что в то время не было ни одного «порядочного и обстоятельного» сборника, кроме сборника Кирши Данилова, вот почему известие о подготовке песенного собрания Киреевского к печати «пробудило много дорогих надежд, много светлых верований в великую будущность русской исторической науки».[42]

Уже к середине мая исторические песни были отобраны, паспортизованы и прокомментированы. Якушкин приводил их в порядок «по плану самого собирателя». При жизни Киреевского значительная часть текстов была переписана на карточки. В процессе подготовки сборника Якушкин переписал былины и исторические песни в тетради, а уже готовые карточки снабдил примечаниями, указав место записи и собирателя. Весь материал распределен по отделам, порядок которых был ясен составителю, поскольку не раз, по-видимому, обсуждался при жизни Киреевского. П. Д. Ухов, исследовав сохранившиеся разрозненные части тетрадей и отдельные листы якушкинского сборника, пришел к выводу, что П. А. Бессонов, подготавливая к изданию старую серию песен после отстранения Якушкина, лишь незначительно переработал сборник Якушкина, ухудшив его состав своими «заметками», «дополнениями» и «прибавлениями».[43]

Впоследствии Якушкина особенно возмутило заявление Бессонова в предисловии к первому выпуску, что «порядок, в котором размещены песни, установлен по мысли его, Бессонова».[44]

Составителю необходимо было посоветоваться со Стаховичем, и в письме к нему от 12 мая 1857 г. Якушкин писал: «Мне ты нужен донельзя; сделай одолжение, приезжай в Бунино; ты, верно, не откажешься поработать недели две, а скоро будет поздно; я непременно хочу ехать в июне или начале июля в Москву, отдам в цензуру исторические песни; взявши их оттуда, отдам в печать; другой отдел будет готов без цензуры; может быть, к генварю все будет издано. И мне бы очень хотелось тебе показать».[45]

Сборник исторических песен к августу был готов. Позднее Якушкин писал: «Приготовив исторические песни к изданию и не доверяя себе, я из Орловской губернии, где производились работы, отправился в Москву с единственной целью — воспользоваться советами тамошних ученых ... Я показывал исторические песни П. А. Бессонову, И. Д. и И. В. Беляевым, К. С. Аксакову, Ф. И. Буслаеву, И. Е. Забелину, Т. И. Филиппову, А. Н. Островскому, В. М. Ундольскому, А. С. Хомякову, И. В. Павлову ... Все они одобрили мои работы по изданию русских песен».[46]

В это время в Бунине уже, по-видимому, не было прежнего единодушия между хозяевами и Якушкиным; к нему начали относиться с недоверием. Это следует хотя бы из того факта, что В. А. Елагин, желая сам убедиться в одобрительном отношении ученых к работе составителя, снова повез сборник для показа К. С. Аксакову, но не застал его в Москве. Якушкин между тем подбирал песни по следующим разделам собрания. Следы его работы сохранились в папках, составленных из на-

---

[41] Молва, 1857, № 3, 27 апреля, с. 36.
[42] Сочинения А. А. Котляревского, т. 1. СПб., 1889, с. 76.
[43] Научные доклады Высшей школы. Филологические науки. М., 1959, № 4, с. 169—173.
[44] Сочинения П. И. Якушкина, с. 465.
[45] Баландин А. И. П. И. Якушкин, с. 72—73.
[46] Сочинения П. И. Якушкина, с. 463.

бело переписанных копий; на многих из них его рукой дописаны паспортные данные текста; а на обложках двух папок свадебных песен стоит помета: «подбирал Якушкин»; она встречается и на других папках с копиями. К этому времени «тихие спорные беседы» с Елагиным, видимо, выросли в серьезные несогласия, и дело было не только в том, что Якушкин сказал А. П. Елагиной с присущей ему прямотой, что ее Вася «не смыслит в песнях». Подготовка крестьянской реформы в 1857 г. волновала всех. Размышлениями и волнениями в связи с реформой полны и письма Е. И. Елагиной к Аксакову. Надо полагать, при разговорах об освобождении крестьян — «с землей», «без земли», «с выкупом», «без выкупа» — Якушкин не был молчаливым свидетелем. В письме от 22 октября Е. И. Елагина упоминает о нем без прежней теплоты и даже с явным неудовольствием: «Толки о свободе потревожили было помещичий сон в соседстве; многие, испугавшись волнений, собрались было уезжать, но, узнавши, что без земли, нашли, что это не страшно, и опять собираются спать, утешая себя мыслью, что крестьяне могут купить себе земли, что это им позволено. Это такие, у которых целые деревни просят милостыни. Народ между тем думает, что вся земля их — по новому указу, и не берут у Стаховича половины. Но это рассказывал Якушкин, следовательно, неверно. Ему иногда чудится и мерещится то, что никогда не бывало. Как вы знаете».[47]

Это письмо очень многое говорит о сложившихся у Якушкина отношениях с Елагиными. Якушкин, как видно из письма, говорил, что крестьяне не верят помещикам, даже такому доброму и гуманному, как Стахович; но это утверждение вызвало неудовольствие. У самих Елагиных не все шло гладко. «В имении соседей наших Елагиных после явного неповиновения помещику, когда начинщиков сковали и хотели везти в стан, крестьяне разбили подводы и отняли арестантов. К сожалению, владелец — славянофил, брат Киреевских, — во уважение к учреждениям „мира“ (крестьяне действовали скопом) пожелал замять дело. Помещики вообще лавируют»,[48] — писал сенатор и сторонник «порядка» К. Н. Лебедев. Позднее, в 1868 г., в Бунине сожгли «молотильный сарай» с хлебом (1240 копен), и Елагины понесли убытку на 10 тыс. руб.[49]

В вопросе освобождения крестьян позиции Якушкина и Елагиных были несомненно противоположны; при всем их славянофильском либерализме и гуманизме они оставались помещиками, а Якушкин отстаивал народные интересы, был за народ «ходатаем и заступником», отнюдь не идеализируя его. Показательно, что, узнав о волнениях крестьян в имении двоюродного брата Стаховича, он немедленно набросал записку их общему знакомому: «Сделайте милость, скажите свинье Стаховичу, чтоб он ехал сейчас же в деревню; его деревня бунтует и, верно, от пустяков; стыдно ему тысячу человек из-за своей глупости губить».[50] Якушкин был твердо убежден в противоположности интересов крестьян и помещиков, в полном нежелании последних понять действительные нужды крестьян. «Мы очень любим народ, — писал он, — только не хотим изучать его нужд, а, сидя в кабинете, сочиняем его истинные потребности; народ, в свою очередь, не понимая наших гуманных начал, смотрит на нас недоверчиво. Еще надо прибавить, что мы даем всему вид таинственности и все скрываем от народа, даже то, что напечатано в газетах, поэтому народ верит всему, что ему скажет какой-нибудь пройдоха-подьячий, беглый солдат, и ничему не верит, что ему скажет помещик. . .»[51]

В октябрьском письме Е. И. Елагиной требует пояснения еще одна фраза: «Ему иногда чудится и мерещится то, что никогда не бывало. Как вы знаете». И несколько странное обобщение — рассказывал Якушкин, следовательно, неверно. Почему появляется недоверие к словам Якуш-

[47] ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, № 208, л. 33.
[48] Русский архив, 1900, кн. 3, с. 55.
[49] Орловские губернские ведомости, 1869, № 48, с. 448.
[50] ИРЛИ, Р. III, оп. 1, № 2554.
[51] Сочинения П. И. Якушкина, с. 43.

кина? Ни один из его друзей и знакомых не обвинял его в том, что он бывал неправдив. Всегда подчеркивалась честность, прямота, даже резкость его суждений при свойственном ему мягком юморе. «Судил он всегда очень честно», — пишет Лесков;[52] «Это был человек ясного и острого ума, редкого сердца, душевной простоты и честности», — вспоминал В. П. Острогорский.[53] «В нем было что-то такое, что ставило его выше других, и этим Павел стоял выше всех дрязг и всех мелочей», — утверждал Максимов (с. XI).

В среде славянофилов Якушкин вызывал недоверие как раз своей прямотой и откровенностью. Похоже, что мнимым недоверием к нему прикрывалась иногда их собственная неправота. В 1856 г. у Якушкина возникло недоразумение с Аксаковыми. Он побывал в Абрамцеве и позднее, в разговоре с Е. И. Елагиной, изобразил, как его приняли. О сути конфликта в письмах упоминается неясно.

Позднее Аксаков привлек Якушкина к участию в журнале «Русская беседа», не сомневался в правдивости его очерков и даже гордился ими. «Не правда ли, чрезвычайно живо рассказано?» — пишет он Е. И. Елагиной.[54]

Недоразумение с К. С. Аксаковым, суть которого нам неизвестна, однако, доказывает, что и до жизни в Бунине у Якушкина было не все гладко в отношениях со славянофилами. Обвинение в мнимой лживости было позднее использовано Елагиными как оправдание при устранении Якушкина от издания песен Киреевского.

Сомнения в том, поручать ли подготовку песен Якушкину, высказывались в самом начале его работы. Декабрист Батеньков, живший у Авдотьи Петровны Елагиной (после раздела имения между сыновьями она поселилась с младшим — Николаем — в с. Петрищеве), в это время предлагает ей свои услуги по изданию песен, и, возможно, только его некомпетентность в этом вопросе помешала принять предложение. Е. И. Елагина писала 11 февраля Вере Васильевне Павловой: «Василий очень заботится о том, чтобы песни были, по возможности, изданы так, как были приготовлены Петром. Батеньков говорит: есть о чем хлопотать; если он (Василий, — *З. В.*) чувствует себя на это неспособным, скажите ему, чтобы он привез их сюда, я ему мигом все приготовлю к изданию, тогда ступай и печатай. Никола спросил: „Какой же план думаете вы избрать? Петр выбирал по одной песне: лучшую — в текст, а остальные в варианты". — Ну, это вздор, этого не надо, варианты — глупость, будет того, чтобы просто взять по одной песне ... Он серьезно думает, что в песнях понимает гораздо больше Петра, который посвятил на них больше половины своей жизни».[55]

Выполняя волю Киреевского, Елагины вынуждены были пригласить Якушкина, но, судя по письму, приведенному выше, в Петрищеве с самого начала велись разговоры, в которых высказывались различные сомнения по адресу составителя. Особенно острую неприязнь к нему обнаружила А. П. Елагина.

Однако ее сомнения были необоснованны. «В Павле Ивановиче бессребреник виделся настоящий ... О денежных вознаграждениях за печатный труд он не уславливался; довольствовался тем, что дадут; никогда не жаловался и не сетовал. Ценил деньги и просил их понемножку, когда бывали крепко нужны» (Максимов, с. XXVII—XXVIII). Бескорыстно преданный памяти П. В. Киреевского, он горячо желал видеть его Собрание в печати и не думал об условиях, на каких ему придется работать. После того как Собрание должно быть издано, составитель получал сумму денег, определяемую доходом, который могло принести издание. Из писем Е. И. Елагиной видно, что Якушкин не ставил не только выгодных для

---

[52] Там же, с. LIX.
[53] Острогорский В. П. Из истории моего учительства, с. 127—129.
[54] ЦГАЛИ, ф. 236, оп. 3, № 21, письмо от 17 июня 1859 г.
[55] Русские пропилеи, т. II. М., 1916, с. 93—98.

себя — никаких условий. Напротив, условия ставились ему (после смерти Киреевского обнаружилась с особенной силой его «слабость к вину»). «Не знаю, долго ли он выдержит нашу пустыню, но до сих пор покоряется уставу без ропота», — писала Е. И. Елагина Аксакову. Якушкин выдержал этот устав.

Не имевший никаких источников дохода кроме своей работы, он оказался в полной зависимости от Елагиных. Они, хоть и рассчитывали позднее иметь доход от издания, не очень охотно ссужали Якушкина деньгами в счет будущей суммы. Сохранилась расписка его от 2 апреля 1857 г.: «Взял у Василия Алексеевича Елагина сорок шесть рублей в счет суммы, сделанной мне за приготовление песен к изданию».[56]

Осенью 1857 г. исторические песни были почти готовы. «Мне оставалось без усиленного труда работы еще недели на две-три и притом такой неважной, что я мог легко исполнить ее при держании корректур», — писал Якушкин.[57] У него возникло намерение использовать для полноты издания материалы Географического общества. Как и для Киреевского, публикация песен была для него прежде всего делом национального и культурного значения. (Киреевский стремился к учету всех известных вариантов в рукописных и старинных печатных сборниках).

Для А. П. Елагиной, матери Киреевского, издание песен было прежде всего предметом фамильной гордости. Она увидела в стремлении Якушкина использовать дополнительные материалы ущерб для «дела Петра».

В декабре 1857 г. Якушкин выехал в Петербург, чтобы договориться с Географическим обществом. Вряд ли он предпринял эту поездку без ведома В. А. Елагина. Получив в Петербурге разрешение (К. Д. Кавелин даже обещал выслать материалы в Бунино и ничего оскорбительного для дела П. В. Киреевского в намерении Якушкина не увидел), составитель написал в Москву, где жили по зимам А. П. и Н. А. Елагины, следующее письмо (приводим полностью): «12 января 1858 г. С.-Петербург. Вчера я был у Срезневского. Он просил у меня хоть несколько песен для „Академических известий“, на что я ему сказал, что это совершенно не от меня зависит и что я только готовлю песни к изданию, но приготовлю или нет — то об этом рассудят умные люди, а этих умных людей будет искать Василий Алексеевич; но что я попрошу В<асилия> А<лексеевича> — ежели мне дадут для сборника Петра Васильевича сборник Географ<ического> общ<ества> — песню или две в полное распоряжение его, т. е. Срезневского. Мне хочется видеть Васил<ия> Алек<сеевича>. Денег у меня довольно мало даже и для этого. Сделайте одолжение, велите брату Семену (об его квартире можете узнать у И. С. Аксакова) выслать мне целковых хоть тридцать. Он в Москве, ежели их у него и нет, может достать и прислать мне как можно скорей по следующему адресу: Е<го> Б<лагородию> Николаю Дмитр<иевичу> Богословскому в П<етер>б<ург> в Контрольную комиссию, в Министерстве внутренних дел у Александровского театра, с передачею мне; а ежели нескоро его сыщете, то пожалу<й>ста попросите для меня у И. С. Аксакова или хоть своих пришлите; в четверг или пятницу мне хочется быть в Москве.

Вам душой преданный Павел Якушкин.

Вам из погодинской рукописи привезу сам или пришлю: она переписана да в руках ее нет. Пожалуйста, во всяком случае мне отвечайте немедленно».[58] Из последней части письма видно, как нелегко было составителю обращаться к Елагину с просьбой о деньгах. Может быть, Николай Алексеевич сразу отправил ему деньги в Петербург? На письме, однако, следующая приписка Н. А. Елагина к Аксакову и ответ последнего: «Сделайте одолжение, пришлите адрес Семена Ив<ановича> Якушкина». — «Не знаю его адреса, но он очень часто заходит ко мне по утрам». И. А<ксаков>.

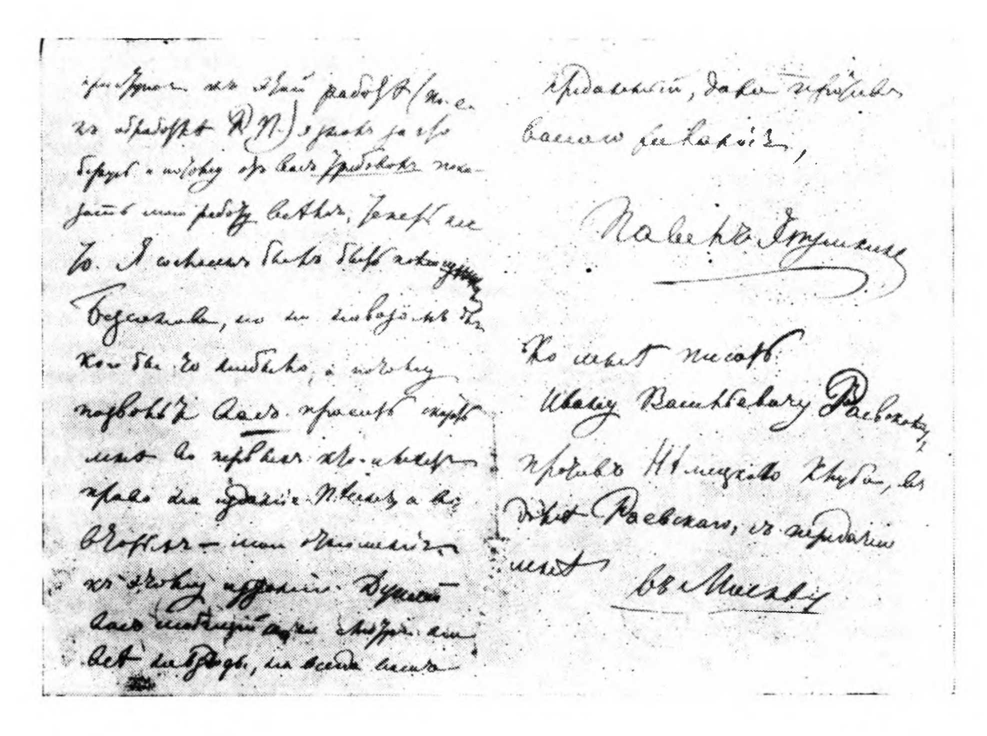
---

[56] Баландин А. И. П. И. Якушкин, с. 72.
[57] Сочинения П. И. Якушкина, с. 463.
[58] ГБЛ, ф. 99, п. 10, № 85.

После предварительных переговоров со Срезневским Якушкин обратился к нему как к председателю Этнографического отделения с официальным письмом, в котором «просил дозволения воспользоваться материалами Географического общества, чтобы пополнить сборник, приведенный почти к окончанию».[59] Дозволение было получено, и Якушкин смог наконец выехать в Москву, чтобы обо всем информировать Елагиных. Однако к нему отнеслись недоброжелательно, а инициатива использовать дополнительные материалы не была понята. В Бунине, видимо, негодовали на долгое отсутствие Якушкина. Авдотья Петровна писала 1 февраля: «На Якушкина я сама бешусь. Знаете, что он сделал? Выпросил Кавелина прислать к вам в Бунино песни, находящиеся в Географическом обществе ... Пиши, Вася, немедля к Кавелину, чтоб он этого не делал, что Якушкин был к нему прислан не тобою (Кавелин принял его как друга, ибо от тебя), что ты хочешь издать одни песни, собранные Петром. Досадно, что связались с этим сумасшедшим».[60] Если В. А. Елагин и поддерживал инициативу Якушкина, то после этого письма вынужден был молчать. А 4 февраля из Москвы последовала новая директива. Н. А. Елагин написал брату, чтобы тот «попросил Якушкина оставить издание песен Киреевского».[61] Решение исходило от А. П. Елагиной. Есть некоторые основания считать, что в Бунине при всех разногласиях с Якушкиным не признали такое решение правильным. Василий Алексеевич не хотел поступать вопреки воле покойного брата, но, как человек мягкий и уступчивый, не сумел отстоять Якушкина, хоть и пытался както его оправдать.

А. И. Баландин считает, что единственной причиной устранения Якушкина было обращение его в Географическое общество. Но это скорее повод, а причины несомненно гораздо сложнее и глубже. Елагины не отстранили Бессонова, когда он при издании пополнял песни и историческими, и литературными материалами, и сказками. Есть некоторое основание полагать, что на решение А. П. Елагиной избавиться от Якушкина повлиял Бессонов, усиленно рекламировавший позднее свою мнимую дружбу с Киреевским. П. И. Бартенев, в студенческие годы положивший немало труда на копирование песен из Собрания Киреевского и преимущественно якушкинских записей, в это самое время написал Бессонову какое-то неприятное письмо и сохранил полученный тогда же ответ Бессонова, датированный 9 февраля 1858 г., т. е. почти тотчас же после происшедшего отстранения Якушкина. В нем говорится: «... по силе убеждения в совершенной разности и несовместимости наших характеров и целей жизни, равно как и для избежания будущих столкновений и разочарований, предлагаю тебе остаться в прежних (бывших перед сим) далеких отношениях, исключающих всякие признаки близкого знакомства. По крайней мере я считаю такое положение необходимым и непременным. Прошу верить с тем в мое внутреннее расположение к тебе, чуждое всякой неприязни».[62] Когда М. Н. Сперанский, говоря о причинах разрыва Якушкина с Елагиными, считал, что «здесь имело место нечто вроде соперничества между Якушкиным и Бессоновым»,[63] он, видимо, имел на то основания; только Якушкин по свойственной ему доверчивости не предполагал, что имеет соперника. Недалека от истины и Л. М. Землянова, высказавшая мысль, что Якушкин с его методами подготовки песен был не по нутру славянофилам,[64] хотя дело было не в искажении текстов по желанию славянофилов, как предполагала Землянова, а в различном понимании научного и общественного значения предпринимаемого издания.

[59] Литературное наследство, т. 79, с. 88.
[60] Там же, с. 89.
[61] Там же.
[62] ЦГАЛИ, ф. 46, оп. 1, № 551.
[63] Сперанский М. Н. П. В. Киреевский и его собрание песен. — В кн.: Песни, собранные П. В. Киреевским. Нов. сер., вып. 1, ч. 1. М., 1911, с. X.
[64] Землянова Л. М. О роли фольклора в литературной деятельности П. И. Якушкина. — В кн.: Русский фольклор. Материалы и исследования, т. III. М.—Л., 1958, с. 188—189.



Письмо П. И. Якушкина к В. А. Елагину с просьбой определить его положение в деле издания песен П. В. Киреевского. Окончание. ГБЛ, ф. 99, п. 10, № 84.

Елагины не оценили труд Якушкина по подготовке песен, как не могли ни понять, ни оценить и его вклад в Собрание. Сам Киреевский знал, что сделанное Якушкиным нельзя исчислять на деньги, так как за его записями был не только кропотливый и нелегкий труд собирателя, но и риск, нервное напряжение, растраченное здоровье и главное — страстная, доходящая до фанатизма заинтересованность делом. Он считал, что Якушкин вправе обращаться к своим материалам, когда нужно. Доказательство тому — записка Якушкина, относящаяся к концу 1840-х — началу 1850-х гг.: «Сделайте одолжение, добрейший Петр Васильевич, пришлите мне в Москву мои рязанские и калужские тетради — в настоящее время они мне необходимы».[65] Так было прежде. Теперь Елагины отказали Якушкину в разрешении опубликовать песни у Срезневского в «Академических известиях» и других журналах.

Отношение к Якушкину и как к собирателю, отдавшему Собранию Киреевского лучшие годы, и как к составителю сборника, по воле Киреевского имевшему право на подготовку песен к изданию, было оскорбительным. Между тем в письмах не высказывается никаких претензий к его работе. Тем не менее в начале февраля составителю предложили «оставить издание».

Якушкин вначале не мог поверить в возможность такого решения. В письме от 22 февраля он писал в Бунино: «Мое положение довольно странное, Василий Алексеевич. Я думал, что я что-нибудь да значу в издании песен Петра Васильевича, а вышло, что нуль. Вы мне сказали, что без меня не будут издаваться песни, а мне говорят, что я совершенно посторонний человек в этом деле. И. С. Аксаков советует мне оставить совершенно это дело, на что я тоже совершенно не согласен. Сами согласитесь, что, приступая к этой работе, т. е. к обработке д<анных> п<есен>, я знал, за что берусь, и потому требовал показать мою работу всем ... Позвольте Вас просить сказать мне, во-первых: кто имеет право на издание песен, а во-вторых, — мое отношение к этому изданию...»[66].

[65] ГБЛ, ф. 99, п. 10, № 86.
[66] Литературное наследство, т. 79, с. 90.

В. А. Елагин, очень медлительный во всем и даже И. С. Аксакова сердивший неаккуратностью в переписке и длительным молчанием, скорее всего совсем не ответил на письмо. Н. А. Елагин «впредь приказал говорить, что дома нет». При таком положении дел Якушкин не мог вернуться в Бунино. Работа над Собранием была прекращена. Однако А. П. Елагина не могла успокоиться. Об этом свидетельствует тон ее писем. Так, 21 апреля она писала в Бунино: «Я сказала этому четвероглазому, что песни Географического общества и другие не могут входить в издание, собранное Петром, и что Вася будет издавать только Петрушины труды, а вовсе не может быть издателем всех народных песен. Он на это сказал, что если Вася не смыслит, то знает он, Якушкин, и должно издавать вместе. А я сказала: нет, он один».[67]

Многолетние труды Якушкина по собиранию песен и самоотверженная работа в течение 1857 г. по существу пропали. Он, по словам Максимова, «получил удар действительно серьезный в самую чувствительную сторону сердца: у него отнято было право редакции песен Киреевского, на которые он положил всю душу, истратил много здоровья и свежих молодых сил. У него только и было заветного, свято чтимого, и мы нисколько не преувеличим, если скажем, что в этом была его жизнь» (с. X). Якушкин не взял из Собрания ни одной из своих записей и уехал в Петербург.

В это тяжелое время при поддержке друзей он решает готовить к изданию собственный сборник. В мае он вернулся в Сабурово и начал снова записывать песни. Слухи о готовящемся сборнике дошли в Москву. А. П. Елагина, расстроенная этими разговорами, писала в Бунино: «Якушкин рассердился на меня и хочет издать свой сборник песен, выписанных из Географического общества и выписанных братом его в Петербургской публичной библиотеке. Это совсем уронит будущее издание песен Петра, но что же мне делать?»[68]

Если славянофилы молчаливо поддерживали устранение Якушкина, то друзья горячо приняли его сторону. М. А. Стахович, А. А. Григорьев, А. Н. Островский, П. М. Боклевский и больше всех Максимов — все дали ему песен для будущего сборника. Осенью 1858 г. Якушкин снова приехал в Петербург. Дочь П. М. Боклевского Мария Петровна вспоминала: «Он и Максимов носили тогда русские красные шелковые рубашки, о чем Максимов не любил впоследствии вспоминать. Максимов был высокий, благообразный, с темной бородкой, а Якушкин — небольшой и сильный брюнет, немного рябой, с черной бородкой и вздернутым носом — не очень нравился мне. Он заставлял меня петь ему русские песни, которые я, говорят, хорошо пела. . .»[69]

В ноябре 1858 г. Якушкин отправился в Новгородскую губернию в качестве корреспондента «Русской беседы». В 4-й книжке журнала появились его «Путевые письма из Новгородской губернии», вызвавшие большой интерес читателей. Граф С. Г. Строганов пожелал иметь оттиск статьи, о чем Якушкину сообщил Ф. И. Буслаев. Аксаков упоминает в письме Е. И. Елагиной, что Якушкин был принят у Строганова «с великими почестями». «Строганов все расспрашивал об участии Якушкина в труде Петра Васильевича и о том, где и у кого это Собрание, отчего не печатается, и предложил денег на напечатание».[70] Якушкин отказался от этих денег, объяснив семейными причинами задержавшуюся подготовку издания. Его отказ вызвал много пересудов; это был серьезный повод заставить Елагиных переменить решение, но Якушкин им не воспользовался. По-видимому, Строганов предлагал деньги и на поездки. «Мы знаем один случай, — пишет Максимов, — когда он отказался от предложенных трех тысяч на поездку сильным лицом, которое несомненно его

---

[67] Там же, с. 89.
[68] Там же, с. 91.
[69] ЦГАЛИ, ф. 939, оп. 1, № 7.
[70] ЦГАЛИ, ф. 236, оп. 3, № 21, письмо от 17 июля 1859 г.

уважало и ему покровительствовало» (с. XXVII). Якушкин якобы говорил, что эти деньги «в руках держать — не сдержать будет». Это объяснение можно было бы принять, если бы речь шла о середине 1860-х гг., когда писатель, как известно, был уже тяжело болен, не любил иметь при себе деньги: стал рассеян и часто терял их. Но в конце 1850-х гг. отказ Якушкина больше свидетельствовал о независимости его характера. Он принимал покровительство только от близких друзей. И самый его народный костюм, как справедливо замечено В. Г. Базановым, «не просто бытовая деталь, это бытовая реакция на господствовавшие вкусы и официальную этику. Иначе якушкинская оригинальность была бы не оригинальность, а скорее манерность».[71] Чешихин-Ветринский вспоминал, как за обедом Якушкин, очутившись среди черных фраков и белых галстуков, воскликнул: «Ишь ты ведь, на какую я ассамблею попал! . .» [72]

Чтобы услышать правду из уст народа, надо было «отойти от своего класса, порвав с ним всякую связь... Нужно было идти на риск столкновения с царской администрацией, познакомиться с тюрьмой и ссылкой, чтобы выполнить ту задачу, которая остро выяснилась в сознании как неотложно необходимая»,[73] — писал один из биографов Якушкина. В конце 1850-х гг. эта задача уже выяснилась в сознании собирателя и разрыв с Елагиными способствовал этому выяснению. Эпизод с покровительством Строганова завершает сложную историю участия Якушкина в Собрании Киреевского.

С конца 1850-х гг. крепнут связи писателя с демократическими литературными кругами. В 1857 г. на средства Стаховича Якушкин организует издание «Литературного сборника», в котором наряду с писателями-орловцами (М. А. Маркович, И. В. Павловым, М. А. Стаховичем) должны были участвовать М. Е. Салтыков-Щедрин и только что ставшие известными в литературе молодые писатели А. Ф. Писемский (товарищ Якушкина по Московскому университету) и П. И. Мельников. Известно из переписки, что Салтыков-Щедрин писал для этого очерк «Умирающие», Стахович готовил рассказ «Мельница» и свои переводы стихов Г. Гейне, Якушкин — публикацию народных песен. Трагическая гибель Стаховича прервала работу, и сборник не вышел.[74]

Смерть Стаховича была последним ударом из тех, какие принес Якушкину 1858 год. Исчезло последнее живое звено, связывавшее его с делом Киреевского. Между тем для Якушкина наставал новый период в изучении устной народной поэзии. Собиратель стал понимать свою задачу более широко, связывая теперь записи фольклора с изучением народного мировоззрения. Острее ставились им вопросы, касающиеся народной жизни, глубже проникал он в сущность социальных явлений. Дело изучения подлинно народной поэзии, в котором Якушкин был пионером, постепенно приобретало права гражданства даже в гимназиях. Он до конца жизни оставался верен этому делу и писал о народе и его нуждах, находясь в административных ссылках, в больницах, в «пути следования» с жандармами-«попутчиками».

Поражают мужество и хладнокровие, с которым собиратель расспрашивает своих попутчиков о Пугачеве и Разине, сам сопровождаемый двумя жандармами в последнюю для него астраханскую ссылку. Глубокую человечность и сочувствие к народу проявлял он неизменно во всех обстоятельствах. «Надо взять в каюту одного ребенка», — сказал я про-

---

[71] Базанов В. Г. Русские революционные демократы и народознание. Л., 1974, с. 266.

[72] Современный мир, 1908, март—апрель, с. 45.

[73] ЦГАЛИ, ф. 1884, оп. 1, № 151.

[74] Михаил Александрович Стахович погиб от руки кулака-бурмистра, разбогатевшего благодаря щедрости барина; бурмистр имел огромное хозяйство, держал 300 овец, 50 коров, больше 20 лошадей, т. е. был богаче помещика средней руки; он польстился на крупную сумму денег, получение которой было доверено ему Стаховичем. См.: Городецкий М. И. Убийство Стаховича. — Исторический вестник, 1884, март, с. 594—599; Сочинения П. И. Якушкина, с. XIII—XVI.

водникам своим. — «Это зачем?» — «Дождь идет, там холодно... Ветер сильный», — отвечал я... — «Куда же мы его денем?» — «Я положу с собой на одну постель: постель довольно широка». Мой попутчик от удивления рот разинул, просто ошалел! — «Как на одну постель?» — «Что ж мудреного?» — «Так лучше я с вами лягу на одну постель!» — решил попутчик». — «Это зачем?» — спросил я, в свою очередь озадаченный этим предложением... — «А мужичонка хотели положить с собой на одну постель?! — проговорил мой попутчик, зло посмотрев на меня. — Мужичонку холодно, у мужичонка нет постели...»[75]

Астраханская ссылка оказалась последним этапом в жизни и деятельности Якушкина. В нездоровом климате с резкими температурными перепадами он заболел лихорадкой. В тяжелейших условиях — то в больнице, то в нанимаемом им углу, где не было минимальных удобств, — Якушкин написал свой последний очерк «Бунт в с. Никольском» и последние путевые письма из Астраханской губернии, насыщенные богатейшим фольклорно-этнографическим материалом. Очерк долго находился под цензурным запретом и был опубликован через семь лет после смерти писателя в «Новом времени» А. С. Суворина.

Просьбы и ходатайства о переводе в более здоровые климатические условия (писатель обращался и в Третье отделение, и в Министерство внутренних дел, и просил похлопотать М. П. Погодина) в течение двух лет оставлялись «без последствий». Наконец последовало решение перевести его из Красного Яра в Енотаевск, где условия были не лучше, затем в Самарскую губернию. Прибыв в Самару глубокой осенью под проливным дождем, он сразу попал в больницу, где через три месяца скончался от возвратного тифа, которым заразился в больнице. Якушкин не дожил неделю до своего пятидесятилетия. Зная, что умирает, он все ждал гонорара за свою последнюю статью, чтобы быть похороненным на свои трудовые деньги. В день похорон писателя был получен перевод от Н. А. Некрасова — 50 рублей.

Друзья Якушкина, оказавшиеся в Самаре (В. О. Португалов, знакомый с ним с 1855 г. по Харькову, врач, только что сам отбывший ссылку на Урале; М. И. Писарев, известный актер, друг А. Н. Островского, подружившийся с Якушкиным в 1850-х гг. в Москве и встречавшийся с ним в Петербурге; кое-кто из журналистов и писателей), организовали похороны по подписке. Павла Ивановича хоронили с музыкой — случай в Самаре той поры единственный, когда частное лицо удостаивалось такой чести. П. И. Якушкин похоронен на Всесвятском кладбище г. Самары. Могила его не сохранилась.

3

Фольклористические взгляды П. И. Якушкина выражены в его немногих статьях, написанных в связи с публикацией собственных сборников песен[76] и в связи с выходом «Песен, собранных П. В. Киреевским» и «Калик перехожих», изданных П. А. Бессоновым в 1860-х гг.

В заметке «Несколько слов от собирателя», представляющей предисловие к первому сборнику песен, собиратель ставит вопрос о классификации песенного материала, предлагая распределить его по четырем отделам: I. Стихи духовного содержания; II. Песни исторические, с которыми мо-

---

[75] Сочинения П. И. Якушкина, с. 425. Дальнейшая литературная деятельность и биография Якушкина, писателя-очеркиста, революционного пропагандиста и агитатора, интересно рассказана В. Г. Базановым в его книге «П. И. Якушкин» (Орел, 1950), а также в гл. «Павел Якушкин» в книге «Русские революционные демократы и народознание» (с. 258—326). Малоизвестные стороны деятельности Якушкина — связь с Русским географическим обществом, переписку с А. И. Герценом, попытку проститься с Н. Г. Чернышевским во время его гражданской казни и заступничество за М. Э. Михоэлис, бросившую первой букет Чернышевскому, — осветил А. И. Баландин в упоминаемой ранее книге «П. И. Якушкин».

[76] Русские народные песни, собранные Павлом Якушкиным. СПб., 1860; Народные песни из собрания П. Якушкина. СПб., 1865.

гут быть соединены и солдатские; III. Песни лирические (из них составитель выделяет баллады и элегии, заметив при этом, что четкой границы между этими песенными разновидностями невозможно провести); IV. Песни обрядные, т. е. а) свадебные, б) величальные, в) подблюдные, г) хороводные, д) праздничные (т. е. масленичные, троицкие, колядные, дожиночные и т. п.).[77] Составитель не останавливается на характеристике каждого из этих отделов, полагая, что содержание их очевидно. Нечеткой представляется формулировка «праздничные песни», поскольку к ним можно отнести и хороводные, и величальные типа виноградий. Интересно в научно-исследовательском плане выделение группы величальных песен как особой жанровой разновидности[78] и подблюдных. Генетическое изучение последних показывает, что в древности они исполнялись не только на святках, но и летом, входили в купальский обрядовый цикл. Якушкин мог не знать этого, но чутье знатока позволило ему понять и почувствовать их особую природу и не включать в отдел «праздничных», поскольку вопрос требовал изучения и тщательного исследования.

Классификация песен, предложенная в свое время Якушкиным, была чрезвычайно проста и удобна. Выделенные им четыре главных отдела сохраняются в основе современных песенных классификаций.

Большое значение придавал Якушкин вопросу изучения вариантов. Он различал варианты слов и варианты содержания, указывая при этом, что для изучения текста важны те и другие. «Я думаю, что варианты песен должны быть печатаемы все: варианты слов могут быть подводимы под тексты (т. е., говоря современным языком, указываться как разночтения, — *З. В.*), но варианты содержания должны быть сохраняемы во всей их целостности и неприкосновенности».[79]

Во вводной заметке к своему сборнику и в полемической статье «Кое-что об изданиях П. А. Бессоновым народных стихов и песен» Якушкин поставил важнейшие в истории фольклорной текстологии вопросы: понятие составного текста и его научная ценность, проблема точной сохранности и строгой паспортизации текста при публикации, недопустимость его редактирования; он также коснулся современной ему научной фольклорной терминологии.

В своей издательской практике исследователь отказался от составления сводного текста из имеющихся вариантов, как то имело место у П. В. Киреевского при публикации духовных стихов. Он допускал, что такие составные тексты «мог создавать один П. В. Киреевский с его глубоким знанием источников, с его в высшей степени замечательным эстетическим чутьем и при обилии его материалов... Но не всем такой прием позволителен».[80]

Якушкин считал, что составные духовные стихи в общем не утратили научной ценности, так как в них не было сочинено ни одного слова, а к каждой строке текста указывался вариант, из которого эта строка взята. Однако он подверг резкой критике метод создания сводного стиха, изложенный П. А. Бессоновым в предисловии к первому выпуску «Калик перехожих», как метод псевдонаучный и принципиально возражал против самого термина «сводный» текст. Для нашего времени изучение фольклорного текста путем сведения вариантов в основной текст неприемлемо. Отказался от него в свое время и Якушкин.

Изучение содержания фольклорного текста, в частности песенного, по мнению Якушкина, должно сопровождаться сравнительным сопоставлением материалов. В названной выше статье Якушкин дал образцы такого сопоставления. Один из имеющихся вариантов принимается исследователем за основной текст. Остальные варианты сравниваются с пер-

---

[77] Русские народные песни..., с. 4.

[78] В наше время эту жанровую разновидность выделила и описала Н. П. Колпакова в книге «Русская народная бытовая песня» (М.—Л., 1962, с. 84—111).

[79] Русские народные песни..., с. 4.

[80] Там же, с. 4—5.



Калики перехожие. Участники этнографических экспедиций конца 1850-х и начала 1860-х гг. Карикатура «Искры» (1864, № 9). На переднем плане: П. И. Якушкин, П. Н. Рыбников, В. А. Слепцов, И. И. Южаков, С. В. Максимов. На заднем плане: И. Л. Отто и А. И. Левитов. Фототипия. Музей ИРЛИ АН СССР.

вым по главным сюжетным линиям. В качестве примеров он приводит варианты свадебной песни «Как при вечере было вечерничке» и исторической песни о походе Голицына «Не кулик куликает». В сущности Якушкин предложил тот метод изучения сюжета по версиям и вариантам, который принят в современной научной практике.

Вопрос о недопустимости вмешательства в фольклорный текст был им поставлен в связи с перепечаткой Сахаровым некоторых текстов Киреевского, опубликованных в альманахе «Денница» в 1834 г. Показывая, как Сахаров использовал текст Киреевского, создавая путем вставки других имен и слов новый вариант, исследователь писал: «Вещь совершенно невозможная, чтобы при изустной передаче песни она оказалась так, слово в слово сходною с прежде приведенною и чтобы единственный вариант был в имени князя Шуйского, исторически более верном. Дело, кажется, ясное, что она г. Сахаровым просто перепечатана с изменением имени героя, с присочиненными явно стихами, с заменою слов, по мнению издателя, новых — старыми, как: рот, солдат и другими».[81]

Якушкин отстаивал правомерность в науке таких понятий, как вариант (Бессонов предлагал неясный термин «разноречие»), исторические песни (Бессонов предлагал называть их былевыми) и др.

Особенно важно в статьях Якушкина требование острого социального анализа исследуемого содержания. Он дал блестящие образцы того, как надо интерпретировать смысл фольклорного произведения. Характерен

[81] Там же, с. 8.

в этом отношении его разбор начала известного эпического стиха о Голубиной книге из сборника Кирши Данилова:

При царе Давыде Евсеевиче,
При старце Макарье Захарьевиче
Было беззаконство великое:
Старицы по кельям родильницы,
Чернецы по дорогам разбойницы,
Сын с отцом на суд идет,
Брат на брата с боем идет,
Брат сестру за себя емлет.

«Вы думаете, что здесь говорится про ужасное положение общества, погрязшего в беззаконии, которое живет накануне потопа или, по крайней мере, — французской революции, которому грозит неминуемая гибель, что эти слова сказаны с ужасом? ... Господин же Бессонов прочитал, что это запев — шуточная переделка Стиха Иерусалимского!... (VIII кн. 3-го вып.)».[82]

С великолепным знанием материала Якушкин вскрывает антиклерикальную направленность некоторых пародий на духовные стихи и песнопения, которую отрицал Бессонов, как и самую возможность их пародирования («русский народ не профанирует духовными песнями, потому что он православный»). «Как мог сказать П. А. Бессонов, что у нас не профанируют духовными песнями или так называемыми стихами? ... Укажем П. А. Бессонову, что есть песня:

У отца архимандрита было строгого
Братия была веселая,
Погреба были глубокие
Да запоры были крепкие!

Еще я скажу: ежели П. А. Бессонов когда-нибудь слыхал певцов, не приведенных к нему, но где-нибудь на приходском празднике, в селе или на ярмарке, — как мог он не заметить, что слепцы не только пародируют, но даже кощунствуют: это может засвидетельствовать и сам П. А. Бессонов, когда он прочитает весь сборник Петра Васильевича Киреевского ... А Бессонов по сю пору всего его не прочитал. У него ведь все песни Киреевского, как же он мог пропустить:

Построю я келью с дверью,
Стану я богу молиться:
Чтоб меня девки любили,
Крашеные яйца носили...

Или другую:

Волною морскою
У нас под Москвою...

Да приведем целую песню:

Жил-был старец один наедине,
Построил старец келью себе,
Келью себе соломенную.
Пошел старец с корцем за водой,
Навстречу старцу девок хоровод.
Пошел старец скакати, плясать,
Оглянулся назад — келья горит!
Много добра погорело в той хоромине:
Ольховые лапти, дубовые сапоги.
Коробка с табаком березовая.

Этот стих я слышал у церкви села Липовицы Малоархангельского уезда».[83]

Полемические статьи Якушкина имеют значение и для истории фольклористической науки. Они раскрывают существенные моменты в судьбе Собрания Киреевского. Якушкин справедливо обвинил Бессонова в «литературном чужеядстве». Многие материалы архива Киреев-

---

[82] Сочинения П. И. Якушкина, с. 469.
[83] Там же, с. 474—475.

ского, в том числе и путевые дневники самого Якушкина, взятые Бессоновым, не были им возвращены. Он увез их с собой в Харьков, где работал в последние годы, и только благодаря П. И. Щукину, который приобрел архив Бессонова после смерти последнего, они вернулись в Москву.

Статьи Якушкина представляют блестящие образцы остроумной и страстной полемики. Свойственный писателю мягкий юмор переходит в них в уничтожающий сарказм. Безукоризненное знание песенного фольклора, мастерское владение народной речью обнаруживает он в принципиальной полемике с Бессоновым. Замечательный образец критики ненаучного истолкования былинного текста являют собой решение вопроса о жене Добрыни, оценка содержания подлинно народных стихов и произвольно относимых к ним Бессоновым церковных псалмов. Бессонову нечего было ответить на замечания Якушкина.[84] Его репутация ученого по существу была уничтожена, так как была убедительно раскрыта псевдонаучность его издательских методов и некомпетентность.

Передовые для своего времени взгляды Якушкин обнаружил и в вопросе классификации свадебных песен. Подготавливая их к печати по Собранию П. В. Киреевского, Якушкин расположил тексты в соответствии с общими, сходными для разных местностей моментами свадебного обряда. Группы вариантов подобраны им в соответствии с порядком свадебной игры: песни, поющиеся на девичнике; песни, сопровождающие невесту к венцу; величальные песни жениху и невесте, поющиеся во время обручения и сговора; величальные песни гостям. В особую группу выделены шуточные «корильные» песни свату, свахе, дружке и пр., исполняющиеся в различные моменты свадебной игры в зависимости от местной традиции.

Попытка Якушкина наметить общие черты в русском свадебном обряде осталась неосуществленной до конца, так как работа не была им закончена. На двух папках стоит надпись: «Подбирал Якушкин», но, судя по нумерации, многих текстов нет. Тем не менее намерение представить свадебные песни во всем разнообразии их вариантов по ходу свадебного действия свидетельствует о научном подходе составителя к этому материалу и опровергает мнение о нем как о дилетанте в деле издания песен, высказанное Бессоновым.

4

Деятельность Якушкина как собирателя фольклора была для своего времени явлением незаурядным. Собирательство и коллекционирование песен в первой половине XIX в. производилось обычно писцами, учителями, священниками, как исключение — грамотными крестьянами. Записи производились в купеческой, чиновничьей среде, у мелкопоместных дворян и мещан. Интерес вызывали только тексты, преимущественно наиболее архаичные, но не их хранители.

Якушкин обратился непосредственно к народу, обратился сам, без посредников. Максимов писал: «Никто до него таковых путей не прокладывал. Приемам учиться было негде ... По духу того времени затею Якушкина можно считать положительно безумием» (с. VII). Он стал первым в истории науки профессиональным собирателем.

Собирательство под видом торговли помогало завязывать знакомства, но не спасало от подозрительности начальства и любопытства помещиков. Постепенно им осознается необходимость в путевых заметках с характеристикой условий работы, экскурсами в историческое прошлое края. Эти заметки раскрывают интересы двадцатилетнего собирателя: внимание к народному быту, взглядам и оценкам, к отражению событий в памяти

---

[84] Ответ П. А. Бессонова и заметку от редакции см.: Библиотека для чтения, 1864, № 1, с. 1—4.

народа. Зарисовки и наблюдения, разбросанные среди фольклорного материала, создают в совокупности уже определенную картину народной жизни. В них мы узнаем будущего автора знаменитых путевых писем 1858—1860-х гг.

В записях Якушкина впервые запечатлена подлинно народная фольклорная стихия, в которой существуют и шедевры устной поэзии, и обиходные произведения со всеми присущими им особенностями — диалектными словами и оборотами, просторечием, шутками и бранью. В них запечатлены истинно народные, неприглаженные, неотредактированные песни и сказки. Он дал науке подлинный, «непричесанный», по выражению М. Горького, материал с насмешками по адресу попов, монахов и помещиков, с жалобами на тяжесть барщины, с острыми и «солеными» словечками — со всем, что считалось неудобным и неприличным замечать в народной жизни, но что верно характеризовало уровень народной нравственности и культуры. Не вина собирателя, что этот материал не попал в печать. Якушкин вырабатывал демократический метод собирания фольклора. Он заходил к рабочим, рыбакам, бурлакам, в избы поплоше, где хозяйство «не ахти мне», знакомился с путниками больших трактовых дорог, завсегдатаями трактиров; часто собирал по вечерам освободившихся от хозяйственных хлопот женщин и записывал песни в их хоровом исполнении. Именно по этим записям Якушкина можно изучать художественные вкусы крепостной деревни 1840-х гг. Он не пренебрегает и помощью помещика, хотя долгое пребывание в помещичьем доме ограничивает и стесняет его деятельность.

Якушкин чутко вслушивается в народную речь. Сначала приходит в отчаяние от несовершенства человеческого слуха и собственной методики: «Несмотря на все мое желание удержать выговор при записывании песен, я здесь скоро решусь писать просто. Выговор первоначальный ужасно путается. Недалеко от Зарайска народ модный... Один житель произносит *лидок,* другой — *лядок, ледок*».

Полевые записи песен свидетельствуют о становлении фонетического принципа фиксации текста. Собиратель стремится тщательно передавать черты средне- и южнорусских говоров: «аканье», смягчение глагольных окончаний, йотирование мягких гласных и другие особенности. В полевых записях 1847 г. уже можно наблюдать четко установившуюся фонетическую транскрипцию. К сожалению, при копировании все отмеченные собирателем особенности произношения обычно снимались, подлинных же якушкинских записей сохранилось немного.

Первым в истории науки Якушкин пытался записать репертуар определенного села и даже уезда (села Колпна и Сабурово Малоархангельского уезда Орловской губернии, с. Гололобово Зарайского уезда Рязанской губернии, с. Андроновское Лихвинского уезда Калужской губернии). По его записям можно судить о характере песенного репертуара всего крестьянства среднерусской полосы. Правда, собирателю часто приходилось прерывать работу и оставлять село, где уже многое было сделано. Из десяти походов, известных, например, Максимову, благополучно закончился один. Поэтому, возможно, среди записей нередки незаконченные тексты. Их было бы несколько меньше, если бы те, в чьи руки попадали полевые дневники, обращались с ними бережнее. Разорванные тетради, рукописи с вырванными листами в начале и конце, разрозненные листы без начала и конца, фрагменты, неизвестно к чему относящиеся, встречаются и в копиях, и в полевых записях.

На первый взгляд главное достоинство фольклорных материалов Якушкина — это отсутствие отбора текстов. Фиксировалось все, что можно было услышать. Зато его дневники создают объективную картину состояния песенной культуры. Шедевры, тексты уникальные, древнейшие песни и баллады — и современные для той эпохи романсы, самодеятельные тексты; народная эротика — и великолепный обрядовый фольклор. Фольклорное наследие Якушкина резко отличается от записей его современников прежде всего появлением текстов, которые не принято

было записывать: во-первых, — опасно, во-вторых, многое считалось неприличным и вульгарным.

В отличие от корреспондентов Географического общества, преимущественно священников, он проявлял особое внимание к антикрепостническому и антиклерикальному фольклору — рекрутским, солдатским, бродяжьим, тюремным песням, произведениям, отразившим социальные стороны народной жизни. Для того чтобы получить такие тексты в условиях крепостной действительности, надо было уметь войти в доверие и никогда ни в чем не обмануть доверившихся людей. Якушкин умел завоевать абсолютное доверие, и дело тут совсем не в водке, которой он охотно угощал крестьян, но в его личных достоинствах: умной сердечности, простоте, уважительном отношении к людям и понимании их нужд.

Многие из записанных им песен представляют творчество крепостных, дворовых, фабричных, солдат, ямщиков.

Таковы песни: «Как лакеям мужики позавидовали», «У калуцкова купца стоял фабричек новой», «У ямской-тверской заставе ямщички жили во славе», «Полно, старые бродяги, горе горевать» и др. Конечно, все эти тексты единичны, как правило, не имеют вариантов и в процентном отношении занимают незначительное место среди свадебных, обрядовых, хороводных и любовных песен. Но они есть! После Киреевского Якушкин был первым собирателем, запечатлевшим истинное отношение крепостного мужика к барину. Эта тематика была запретной и потому опасной. Смысл отдельных строф, даже строк прикрывался традиционным зачином, любовным сюжетом, иногда формой колядки:

Девки ягоды сбирали, коледа!
Купорос выбирали, коледа!
Они барину носили, коледа!

Голожопому носили, коледа!
Барин ягод не примаить, коледа!
К воеводе отсылаить, коледа!

В песнях, и плясовых и протяжных, нередки полные горькой правды строки; возникает, например, образ разоренной или переселенной деревни, села, слободы:

Ох, да слабада ты ли мая, слабодушка,
Слабада ты ли мая, сяло новая,
Сяло новая, разореная!
Разорил-то сяло степной стараста...

(№ 586)

Ай, звали папа, пазывали папа,
Ва новаю деревню молоденца кристить.
А ва новая ва диревни ни кала нет,
ни двара...

(№ 403)

Антикрепостнические мотивы обнаруживаются не в целых текстах, а в отдельных строфах, чаще строках песни, пугливо прячущей как бы нечаянно вырвавшуюся фразу за веселыми плясовыми двустишиями:

Старики наши старые!
У вас бороды седые,
Усы стриженые! ...
Бородами шавелите,
Господина веселите!
Господа наши такие
Нерассудливые!
Не рассудят того дела,
Чаво Маша захотела...

(№ 255)

Суздальцы! Владимирцы!
Когда ваши жены именинницы?
В середу Арины,
В пятницу Саломониды,
А в субботу на работу.
На барщину гонют рано,
А хлебушка дают мало.
Вот, кто ж тебя нес
На дырявый мост? ...

(ЛН, с. 401)

Якушкин первым обратил внимание на рекрутские и солдатские песни, приравнял их к историческим за правдивое изображение этого жестокого факта народной жизни, записывал их с середины 1840-х гг., учитывая и высказывания о солдатчине самих крестьян. В рекрутских песнях рассказана история превращения крестьянского сына в солдата: объявят набор — и заноет сердце, запечалится сударушка ... молодца ловят и куют «во железы», «везут во губерню», забелеются в поле каменные палаты — губернский город, прием; там ставят «под меру», писаря скрипят перьями, а молодца стригут — бреют кудри. Но между

строк этих традиционных сюжетов в текстах Якушкина сказано гораздо больше:

Не быть, не быть доброму молодцу, не быть во солдатах!
Да быть ли, не быть удалому во донских казаках!

Трудно остаться живым солдату за 25 лет службы в николаевской армии, но если он все же уцелеет, потеряв молодость и здоровье, его ждет горемычная доля нищего на родине.

Служи, служи, дитятко, двадцати пяти годов,
Отслужимши службушку, приди к дяде под окно:
— Родимой мой дядюшка, пусти ночку ночевать!

(№ 305)

Несмотря на кажущееся отсутствие определенного принципа в отборе текстов, можно, однако, убедиться, что такой принцип у собирателя был — это принцип подлинно демократический.

Одно из достоинств записей — фиксация текста с голоса. Впервые на такую необходимость указал П. В. Киреевский. Об этом специально говорилось в его прокламации.[85] Правда, Киреевский считал, что записывать можно и под диктовку, со слов, но уж проверять — пением, «ибо люди, привыкшие петь песни, обыкновенно лучше вспоминают их, когда поют, нежели, когда сказывают». Это очень важное наблюдение Киреевского и выдвинутое им требование были огромным шагом вперед в истории собирательской практики. Но в те годы принцип записи песенных текстов был еще далек от современного понимания «записи с голоса», т. е. в процессе пения. Междометия внутри строки, повторения слогов, частицы, украшающие текст, обычно опускались.

Якушкин стремился записывать песни с голоса, буквально, точно передавая форму песенной строки. У него и Н. А. Кострова мы находим тексты, записанные под пение и сохранившие особенности распева:

Ах, да не мила-та ли мне, мила мне, добру молодцу,
Мила мне здешняя сторонушка,
А постылее еще того мне, мой разлюбезный-та дружок,
Московская дорожка...

(ЛН, с. 432—433)

Или:

Да заной, маё серденушка, заной, ритивоя!
Ты заслышь-ка-ся, заслышь, мая разлюбезная,
Заслышь галасочик.

(№ 564)

Взгляды Киреевского оказали большое влияние на собирательские принципы Якушкина. Многие из его требований вошли в современную методологию собирания фольклора. Это и записывание песен в процессе пения, и точная паспортизация текста, и внимание к вариантам, и изучение исторического прошлого того района, где должна проводиться работа, и комментирование текста в процессе записи (бытовое назначение, реплики исполнителей). Если сначала, по представлениям Киреевского и, следовательно, молодого Якушкина, в понятие паспорта к тексту входило только указание на место записи, то позднее, в конце 1850-х гг., собиратель указывал и исполнителя, например: «Пел крестьянин Иван Кондрашов». Конечно, в большей части текстов такие точные ссылки отсутствуют, зато в тех случаях, когда дневниковые заметки собирателя не утрачены, можно всегда с уверенностью судить о том, где, в какой среде производилась запись.

В собирательской практике Якушкин следовал славянофильским концепциям постольку, поскольку они соответствовали его собственным убеждениям и интересам. Историческое прошлое России интересовало

[85] Литературное наследство, т. 79, с. 49.

собирателя не только само по себе. Ему было важно и то, как оно отразилось в народной памяти. Интерес к духовной жизни народа, его культуре, поэзии, обычаям сочетался с глубоко сочувственным отношением к бесправному положению народа и с горячим стремлением отстаивать его права.[86] Однако нельзя отчасти не согласиться с Максимовым, который считал, что кружку славянофилов Якушкин обязан был «самым главным в своих честных и прямых убеждениях». Но «он не был славянофилом в том узком смысле, как понимает это наша критика ... Он веровал в народ и любил его настолько, что всю жизнь потом оставался за него работником, ходатаем и заступником» (с. XIII).

В научном наследии Якушкина нашли отражение важнейшие этапы формирования русской фольклористической науки в 1840—1870-е гг. Якушкин и как собиратель, и как исследователь оказывается на передовой линии борьбы за подлинно демократическую науку, отстаивает передовые для своего времени научные принципы собирания и издания произведений фольклора.

В деятельности его остается много неизвестных нам сторон. Не изучено его влияние на современников. Если теперь достаточно четко обрисован круг лиц, увлеченных собирательством под влиянием Киреевского, то совсем мало известно о влиянии Якушкина. А такое влияние было. Читая рассказы и очерки Якушкина, И. И. Акутин увлекся собирательской работой и стал впоследствии активным корреспондентом П. В. Шейна. О влиянии Якушкина хорошо сказал В. П. Острогорский: «Он был в годы моей юности первым и единственным для меня народником, глубоко убежденным и верующим в духовные силы массы, которые знал он не из книг и за которыми отлично видел темное невежество и дикость, вопиявшие о необходимости скорейшего просвещения.

Его теплая любовь к мужицкой загадочной Руси и ее убогой природе, его вера в будущее нашей родины согревала и меня, не выезжавшего никогда из Петербурга, меня, барина-интеллигента. Русь открывал он мне во всю ее ширь и мощь, побуждая к знакомству с сокровищами народного творчества».[87]

В дореволюционных статьях о собирателе высказывались противоположные взгляды на его деятельность и противоречивые оценки его роли в общественной борьбе 1860-х гг. Облик Якушкина был значительно искажен в мемуарной литературе о нем. На это указывал Н. Колюпанов: «Я был в приятельских отношениях с Павлом Ивановичем Якушкиным, начиная со студенческой скамьи, хотя нам потом приходилось редко встречаться, и потому я был глубоко опечален теми воспоминаниями, которыми почтили его петербургские литераторы. За исключением С. В. Максимова, <...> товарищи-литераторы не могли ничем приличнее помянуть покойного, как выставить на свет единственно его чудачества, его оригинальный костюм, бесцеремонное обращение и даже несчастную сорокоушку, точно будто собирались анекдоты о шуте Балакиреве! Неужели генерал-адъютант граф Строганов, к которому хаживал Якушкин, приглашал его также для того только, чтобы посмотреть на его оригинальные приемы в компании?! ... Те, кого удостаивал Павел Иванович своей настоящей приязни, очень хорошо знали, что его недюжинному уму и честной натуре яснее многих представлялась самобыт-

---

[86] Показательно, что уже в 1859 г. в доносе из Орловского жандармского управления в Петербург говорилось, например, что Якушкин позволял себе громко говорить о крестьянском деле, о наделе им земли и об отношении дворовых слуг к господам, припевая: «Авось мы им зададим!». Автор этого доноса, штабс-офицер, писал: «По дошедшему ко мне о сем сведению я тотчас принял наблюдательные меры за всеми действиями Якушкина, но 23 декабря утром он поспешно уехал в Москву, где ныне и находится ... Такой человек, путешествуя по России, при своем вольнодумии, может в легковерном простом народе поселять превратные заблуждения и возбуждать толки, вредные при ожидаемой перемене крестьянского быта» (Чернов Н. М. Литературные места Орловского края, с. 32—33).

[87] Острогорский В. П. Из истории моего учительства, с. 129.

ная, свободная и народолюбивая Россия, сохранившая свои исторические традиции».[88]

Специально этот вопрос рассматривается в монографии В. Г. Базанова, восстанавливающей подлинный облик Якушкина как идейного соратника революционных демократов, каким становится Якушкин в 60-е гг.[89] В прогрессивной печати деятельность Якушкина получила высокую оценку в статьях Н. А. Шелгунова, Н. С. Курочкина. С симпатией и уважением отзывались о Якушкине М. Е. Салтыков-Щедрин и М. Горький. Но современные читатели не знают Якушкина. Еще в конце XIX в. его «Сочинения» стали библиографической редкостью. В большом долгу перед собирателем оказалась и фольклористика, так как из всего его огромного наследия в печати едва можно отыскать около 500 текстов. Изданием фольклорных записей П. И. Якушкина мы уплачиваем часть этого великого долга памяти собирателя и восполняем существенный пробел в истории науки.

---

[88] Колюпанов Н. П. Биография А. И. Кошелева, с. 316.
[89] Базанов В. Г. П. И. Якушкин. Орел, 1950.

ЗАПИСИ 1843—1844 гг.

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ, СОБРАННЫЕ ЛЕТОМ 1843 г.

ТЕТРАДЬ I

1

Ой, матушка, не могу,
Сударыня, не могу!
Э-э-э-ха-хо,
Э-э-ахти мне!
Хочу хлеба да меду!
Отдавали молоду,
Э-э-э-ха-хо,
На чужу сторону,
Не в сваютную семью:
Только свекор, да свекровь,
Да четыре деверья,
Три невестушки,
Две золовушки
Да две тетушки.
Как ведут молоду,
Уговаривают.
Да и свекор говорит:
— К нам медведицу ведут!
А свекровья говорит:
— Людоедицу ведут!
А деверья говорят:
— Разори домок ведут!
А невески говорят:
— К нам непряху ведут.
А золовки-колотовки
Подкалачивают!
А две тетушки стоят,
Все про то же говорят!
— Позволь, батюшка родимый,
Позволь в горницу войти,
Мне по горнице пройти,
Правду выговорить:
А медведица, батюшка,
Во темном лесу!
Людоедица, матушка, —
Лютая свекровь!
А вы, братья-соколы,
У вас жены таковы!
Вы, невестушки,
Сами в людях живете!
Вы, золовушки,
Сами в люди пойдете!
А вы, тетушки,
Вы не вказывайте
Во чужом дому!
Как поставлю на порог —
Да в три шеи до ворот!
Как за то ль меня муж
Да и больно бил:
Привязал нитку
На соломинку!
Я со этого побоя,
Э-э-э-ха-хо,
Э-э, ахти мне,
Три нидели лежала,
Три без памяти была!

2

Эх, да как задумали солдат набирати,
Уж немного тысяч — сорок и четыре,
Сорок и четыре — казаченки молодые!
Дак как погнали солдат до Полтавы:
Вперед едут да все генералы,
А по бокам едут да все капитаны,
А позади едут да все с барабанами;

Бьют, выбивают, горе утешают,
Молодым солдатам жалоб не задавают.
Эх, да как погнали солдат до Полтавы,
Их заставили и рыть, и копати.
Видно, нам же, братья, усем пропадати.
Не будет знати ни отец, ни мати,
Ни отец, ни мати, ни радна радина,
Ни радна радина, жена молодая!

3

Сторона ль ты моя, сторонушка,
Сторона моя чужая!
Ты кручина, ты моя кручинушка,
Кручина большая!
Что не сам на тебе, сторонушка,
Не сам я зашел, заехал.
Что зашел, зашел добрый молодец
Не своей охотой,
Что охотою добрый молодец,
Большою неволей!
Что пойду, пойду со кручинушки,
Младец, разгуляюсь,
Что зайду, зайду ко сударушки,
В гости побываю.
Да вспрошу, вспрошу во сударушки
Об ее здоровье:
— Что здорова ль ты, моя любезная,
Спала-почивала?
Что на новинькой на тесовинькой
Новой короватке,
Что на мягкинькой, было, на пуховинькой
Мягкой на перине,
Что под тепленьким, под шелковеньким
Теплым одеялом?
— Что ложись, ложись, разлюбезный друг,
Ложись спать со мною!
— Ни за тем пришел, разлюбезная,
Чтобы спать ложиться,
Я пришел к тебе, разлюбезная,
Пришел успроситься,
Что позволишь ли, разлюбезная,
Позволишь мне жиниться?
— Что женись, женись, разбессовестный,
Женись, черт с тобою!

4

Ишол, ишол миленькой крутым бережком,
Чисал русые кудерьцы частым гребешком.
Расчесавши кудерки, стал подрезывать,
Подрезавши кудерцы, пустил на воду:
Плывите, кудерки, плывите туда,
— Где милая моя, где моя любезная
Водицу брала — кудри видела:
— Скажите вы, кудерки, скажите вы мне,
[Скажите вы мне] правду ль ту всиё:
Тужит ли, горюет ли милый обо мне?

— Тужит и горюет, шельма, по тебе!
Тужит и горюет и земля, и вода,
[И земля, и вода], да не я ль молода!
Рассердился миленькой дружок на тебя!

5

— Ты вздохни, любезный, вздохни обо мне,
Обо мне, любезный, в чужой стороне!
Или ты, любезный, забыл про меня?
По тебе, любезный, слезы всегда лью,
Слезами наполнила дорожки, лужка,
Тяжелыми вздохами скланила леса.
Те леса прекрасные казалися мне,
Бумажные листики стлались по земле,
Шелковая травушка сплетала мой след.
Знать, моего любезного здеся дружка нет!
— Нам с тобой, любезная, злодеи грозят,
Мы будем стараться злодеев победить,
Чтобы нам, любезная, тиранствами <не> жить.

6

Я во Питере-Питерочке,
Питер-славном городочке,
Я во Питере была,
Три науки поняла.
Как и первая наука —
Научилася плясать,
А другая-то наука —
Полюбила сокола.
Я с Питера выезжала,
Я конверты принимала,
Я конверты принимала,
С удовольствием читала.
Пишет, пишет милый, знать,
Чтобы я вышла гулять.
Я у маменьки просилась
На улицу погулять,
На улицу погулять —
С милым дружком повидать.
Не успела я прийти —
Стоит милый предо мной,
[Стоит милый предо мной],
Говорит речи со мной:
— Здраствуй, девка,
Здраствуй, красна,
Здраствуй, душенька моя!
Я недаром же пришел,
Я подарочек принес,
Подарочек дорогой —
Славный шалевой платок,
На ручиньку перстенек,
На шеюшку земчужку!
— Мне не дорог твой подарок,
Дорога твоя любовь!

7

— Ну да как же мне, мать,
Ну да как же мне, мать,
Землю пахать,
Землю пахать?

— Вот и так, вот и сяк,
Вот и этак, и вот так!
Эй, мати, эй, мати! *

— Ну да как же мне, мать,
Лен-то сеять,
Лен-то сеять?

— Эй, мати, эй мати!
Ну да как же мне, мать,
Ну да как же мне, мать,
Лен-то брать,
Лен-то брать?

Ну да как же мне, мать,
Ну да как же мне, мать,
Лен-то стлать,
Лен-то стлать?

* Припев поется после каждой строфы.

Ну да как же мне, мать,
Ну да как же мне, мать,
Кучера любить,
Кучера любить?

Ну да как же мне, мать,
Ну да как же мне, мать,
Повара любить,
Повара любить?

Ну да как же мне, мать,
Ну да как же мне, мать,
Лакея любить,
Лакея любить?

Ну да как же мне, мать,
Ну да как же мне, мать,
Барина любить,
Барина любить?

8

Прилетал сиз голубчик, ни мал, ни величек,
Прилетал сиз голубчик, начал гурковати,
Он воркует, он воркует, сударушку будит:
— Встань, девушка, встань, красная, от сна пробудися!
Ты на первый на случай со мной взвеселися!
А девушка (о)брадовалась, к окошку бросалась.
(О)на окошко открывала, молодца встречала,
Чистова́ла,* угощала разными питьями,
Заказала, чтоб не хвастал своими друзьями.
Мил за это рассердился, со мной не простился.
Как ударил мил об столик — зачем, шельма, вздорил! —
Пошел стук, пошел грюк по моей по спальне.
Моя маменька узнала, слугу присылала,
Свою верную служанку, мою грубиянку.
— А что, а что, сударыня, с вами случилося?
— Сера кошечка блудлива на окошко вскочила,
На окошичка вскочила, зеркальцо разбила,
Пошел стук, пошел грюк по моей по спальни!

9

Да я Дунюшку люблю, я голубушку люблю.
Снаряжу свою Дуняшуньку, я на улицу пущу.
Да я стану Дуняшуньку домой позывать:
— Поди, Дунюшка, домой, поди, голубушка, домой!
Уж я по двору-двору — светлым месяцом,
А я улицей — серой утицей,
Через черную грязь — черною галушкой,
Я во горницу входила красной девушкой.
На порожик становилась, таки речи говорила:
— Вы, стаканчики хрустальные, наливайтесь пополней,
Наливайтесь пополней, выливайтесь поскорей!
Да и бог тому дал, кто себе ровню взял!
А моя голова не за ровню отдана.
Как бы сто рублей занять — себе ровню взять!

10

Где живет моя любезная, там привольна сторона
На привольной стороне разливается вода.
Я нанял бы легку лодку, переехал жить к милой,
Приехавши к милой, я бы выстроил терем,

* Чествовала.

Я бы выстроил терем, насадил бы сад зелен,
Насадил бы сад зелен, я насеял бы цветóв.
Пойду в садик, разгуляюсь, вижу любушку в глаза:
— Здраствуй, любушка милая, в свете лучше нет тебя!
Я пришел к тебе вспроситься:
Что хочу, мила, жениться, я намерен тебя взять!
— Женись, женись, разлюбезный, а я замуж не пойду.
Не пойду я, милый, замуж за насмешки за твои,
За такие за насмешки, за пахабные слова.

11

Веселитеся, подружки, к нам весна скоро придет,
Солнце глянуло, с гор снежки <согнало>, в лужки мороз!
Расцветай в поле цветочки и ракитовы мелки кусты,
Из-под тех ли из кусточков быстра речинька текет,
Как на ту я на реку гулять с милым выхожу,
Гулять с милым выхожу, свою горя выношу,
Пущу горюшко вдоль по речке, вдоль по речке, по реке.
Как мое ли горюшко, (о)но не тонет, ни плывет,
(О)но не тонет, ни плывет, прочь от бережка нейдет.

12

Заря моя, зорюшка,
Что ты рано узошла?
Калина с малиною
Рано, рано расцвела.
На ту пору матушка,
Мати сына родила.
Не собравшись с разумом,
Во солдаты отдала!
Не чаяла матушка
Своего сына избыть —
Сбыла, сбыла матушка
За едины<й> за часок!
Поехал мой батюшка
Во новенький городок,
Купил, купил батюшка
Легкое суденушко,
Пустил, пустил батюшка
На сине море гулять.
Увидала матушка
С высокого терема,
Возгаркнула матушка
Громким голосом своим:
— Дитя ль мое, дитятко,
Воротися, милое!
— Сударыня-матушка,
Теперь воля не моя,
Против воды, матушка,
Суденушко не плывет,
Против ветру буйного
Белый парус нé стоит!

13

Летает соколик мой, летает сизой,
Белая лебедушка повыше его.
Сокол во лебедушки успрашивает:
— Где же ты, лебедушка, где же ты была?
— Была я, соколик мой, на синем море.
— Что же ты, лебедушка, что же видела?
— Видела я, соколик мой, на море корабль,
Во том ли кораблику высок чердачек,
Во этом чердачинке горинка нова,
Во той ли во горинке два красных окна.
В этой ли во горинке живет вдова,
Во той ли во вдовушки дочка хороша,
Дочка хороша, Анюша-душа.
— Анющичка-душичка, любишь ли младца?
Если верно любишь, возьму за себя,

А если не любишь, убью сам себя.
Душичка-Анюшичка, отворяй ворота,
Отворяй ворота, встречай молодца!
— Ванюшичка-душичка, не время мое:
В горнице сижу, голову чешу,
По новой хожу, я косу плету;
Я старую ленточку выплетываю,
Я новую алую заплетываю.
Я старую душичку покинуть хочу,
А младого душичку полюбить хочу.
А старый-то душечка заплакал пошел,
А новой-то душечка заорал, засвистал.

14

Не за то ли меня матушка бранила —
Недалечо я милого дружка проводила,
Я за вышние вороты, за луга, болоты.
Я про все с милым дружком говорила,
Про единое словечко сказать позабыла:
Не про бытье, не про житье, про женитьбу!
Ты женися, ты, мой милый, не ошибися,
Не бери ты ж, мой милый друг, удовку.
Да удовушкин обычай не девичий:
(О)на постелюшку стелит, сама слезно плачит,
Возголовьеце вскладает, сама возрыдает,
Сваво прежняго дружка вспоминает,
Что хорош, пригож милый дружок уродился,
Уж он ростом, дородством, своей красотою,
Своею молодецкой чистотою!

15

Во сыром бору кукушечка кукует,
В нас во тереме молодушка горюет:
С кем-то, с кем же будет зиму зимовать,
А еще с кем будет весну весновать?
Тошно, матушка, да весною жить одной,
Что тошнее того — нейдет ко мне милой.
Выду, выду на крылечко, постою,
Я на все четыре сторонки погляжу —
Не летит ли по зареченью сокол?
Летит, летит по зареченью сокол,
Машит, машит своим сизовым крылом.
В нас по улице-д мителица метет,
За мителицей там мой милый друг идет,
Машет, машет своим ситцовым платком!

16

Породила удова,
За пьяницу отдала.
Пьет пьяница неделю,
А я, млада, не верю.
Пьет пьяница другую,
А я, млада, горюю.

Он на третью повершает,
[А меня мать посылает].
Посылает меня мать
Да и пьяницу шукать.
Я не знаю молода,
Игде пьяницу сыскать.

Чую: степью при дороге. . .
Чушин-коркин на порог *
Сам и пьяница идет,
И пару музык ведет,
И горнец меду несет.
Он до дому не дошел
И причининку нашел.
Он ударил меня раз —
Полилися слезы с глаз,
Он ударил у другой —
Покатились глаза вон.

17

Как пошла наша Параня с горы на гору гулять,
Ой, ляй, ой, ляй, ой, али,
Ой, али-али-али! **
С горы на гору гулять, яровое зажинать!
Она первый сноп нажала, алой лентой перевязала.
Она другой сноп нажала, голубою перевязала,
А как третий сноп нажала — за милым дружком бежала.
Как рассукин сын Ванюша, он догадлив был,
Во перед забежал, под кустиком простоял,
Под кустиком простоял, он Параню дожидал.
Как схватил-то он Параню поперек живота,
Как ударил он Параню об сырую мать-землю!
Как насилушку Паранюшка опомнилася,
Как пошла наша Параня вдоль, вдоль по меже,
Навстречу Паране сударь-батюшка идет.
— Отчего у тебе, Параня, растрепана коса,
[Растрепана коса], подбитые глаза?
— Сударь, батюшка родимый, головка болит,
Головка болит, сердечко щемит!
Как и с вечера Параня переможилася,
С полуночи Параня причистилася,
К белу свету Параня переставилася,
Да и солнца на восходе — хоронить понесли.
Да во городе в Орле во большой колокол звонят,
Знать, Парашу хоронят.
Рассукин сын Ванюша, он догадлив был,
Во перед забежал, на паперти простоял,
Воскову свечу держал, знать Параню дожидал.
Он гробницу открывал, полотенцо подымал,
. . . Он Параню целовал:
— Ты прости, прощай, Параня, прости, сердце мое!
Не досталася Параня ни мне, никому,
[Ни мне, никому], ни злодею моему,
А досталася Параня сырой матери-земле,
[Сырой матери-земле], гробовой доске.
Я хотел пошутить, да и до смерти убил!

18

— Ты о чем, горька кукушечка,
О чем ты кукуешь?
— Как же мне, горькой кукушичке,
Как мне ни кукувати!
Что один, один-то был зеленый сад,
И тот засыхает!
Что один-то во саду был соловьюшка,
И тот вылетает!

---

* Строка, возможно, искажена переписчиком.
** Припев поется после каждого стиха.

— Ты о чем, красная девушка,
О чем тужишь, плачешь?
— Ну и как же мне, красной девушке,
Не тужить, не плакать?
Что один-то, один разлюбезный был,
И тот покидает!
Что со всеми, ах, да разлюбезный друг
Со всеми простился,
Что со мною, молодой, с молодешенькой —
Со мной постыдился!
С половины пути, со дороженьки
Назад воротился,
Со мной, с красной девушкой,
Со мной распростился:
— Ты прости-прощай, моя любезная,
Прощай, бог с тобою!
— Если лучше найдешь, разлюбезный друг,
Меня позабудешь,
Если хуже найдешь, разлюбезный друг,
Меня воспомянешь!

19

Зазноба, зазноба, зазноба моя!
Тебе, друг, зазноба, а мне сухота,
А мне сухота — чужая жена!
Чужая жена очень хороша!
Пойду с горя, разгуляюся,
Пойду в темный лес, размыкаюся.
Кусточки, листочки все в лесе шумят,
Они все шумят, сучки говорят,
Сучки говорят, молодца бранят!

20

Закивают, закивают, заморгают,
Заморгают, про разлуку вспоминают:
Ах, разлука — злая скука!
Со разлуки живот ноет,
Сердце бьется — не воймется,
Любовь с девушкой расстается.
Ты почувствуй, моя дорогая,
Моя дорогая, шельма злая!

21

Бражинька, бражинька медовая!
Кому эту бражиньку спивать будет
Без милого дружка, без надежи,
Без ласкового словечка, без привета?
Знать, моего любезного дома нет<у>.
Поехал мой милый в городочик
На малое времичко, на часочик,
А я, красна девица, во следочик.
Брала, брала ягодки — земляничку,
Бравши, бравши ягодки, приуснула,
Наехал мой миленький, я не вчула.

Стебал, стебал милый друг, да не вдарил:
— Вставай, <вставай>, девушка, поскорее,
Садись во колясочку посмелее.
Да моя колясочка не простая,
А мои лошадушки вороные,
Кучер, форейтор молодые,
А на них кафтанчики <голубые>,
А на них и шляпушки пуховые!

22

У отца, у матери
Зародились три дочери,
Ей, али, лей, али,
Зародились три дочери!
Две дочери счастливые,
А <третья> несчастная!
Большая дочь говорит:
— Отдай меня, батюшка,
В Москву за посадского!
А другая дочь говорит:
— Отдай меня, батюшка,
В Щигры за подьячего!
А третья дочь говорит:
— Отдай меня, батюшка,
У Крым за татарина!
Большая дочь приехала:
— Не плачь по мне, матушка,
Не тужи, родный батюшка!
У моего посадского
Свечи неугасимые.
Всю ночь мастера сидят
И льют перстни золоты
На мои руки белые,
На мои руки нежные!
Другая дочь приехала:
— Не плачь по мне, матушка,
Не тужи, родный батюшка!
У моего у подьячего
Свечи неугасимые.
Всю ночь мастера сидят,
Шьют платья шелковые
На мое тело белое,
На мое тело нежное!
Третья дочь приехала:
— Поплачь по мне, матушка,
Потужи, сударь-батюшка!
У моего татарина
Свечи неугасимые.
Всю ночь мастера сидят,
Плетут плети шелковые
На мое тело белое,
На мое тело нежное!

23

Ой, гульба моя, гульба,
Гульба батюшкина!
Ой, ляй, ой, ляй,
Ой, ляли, али-али! *
Гульба батюшкина,
Нега матушкина!
Я гуляю во гульбе,
Сердечный друг на уме,
На уме, на разуме,
На великой памяти.
Лягу, лягу спать одна,
Лягу, лягу, не усну.
На белой на заре,
На восходе солнушка,
На восходе солнушка,
На закате месяца
Хороший сон привиделся:
Будто, будто мой милой
Дле кроватушки стоит,
Во глаза девке глядит.
Он обрадой называл:
— Ты обрада, ты обрада,
Ты обрадуй, друг, меня!
Ты обрадуешь меня —
Расцелую я тебя!
А не (о)брадуешь меня —
Разругаю я тебя!
Разругаю, расстрамлю,
Еще шельмой назову,
На улицу не пущу!
В поле цветики цвели,
В поле аленькие,
В саду мальчики гуляли,
В саду маленькие,
Разудаленькие!
Гуляй, гуляй, молодец,
Чтоб не сведал мать-отец.
А узнает мать-отец —
Разорит гульбу в конец!

* Припев повторяется после каждого двустишия.

24

Из-под дуба, из-под вяза,
[Из-под дуба, из-под вяза]
Вода протекала.

Вода, вода протекала,
[Вода, вода протекала],
Вода холодная.

Нельзя, нельзя воду пити,
[Нельзя, нельзя воду пити],
Нельзя почерпнути.

Нельзя мужу жену бити,
[Нельзя мужу жену бити],
Нельзя поучити.

Уж я бил жену часину,
[Уж я бил жену часину],
А плакал неделю!

Сушил, крушил ясны очи,
[Сушил, крушил ясны очи]
По четыре ночи!

Не ходи, бел, кудреватый,
[Не ходи, бел, кудреватый]
Мимо моей хаты!

Не топчи, бел, кудреватый,
[Не топчи, бел, кудреватый]
Моей травы-мяты!

Не для тебя ее садила,
[Не для тебя ее садила],
Не для (тебя) поливала!

Для того (е)ё садила,
[Для того (е)ё садила],
Кого я любила!

Для того (е)ё поливала,
[Для того (е)ё поливала],
Кого целовала!

Для того (е)ё укрывала,
[Для того (е)ё укрывала],
Кого обнимала!

25

Пойду я в рощу, погуляю,
Белую березу заломаю,
Али-лей, заломаю! *
Белую, кудряву защипаю!
Я вырежу два пруточка,
Я сделаю два гудочка,
А третию балалайку.
Заиграйте вы, гудочки,
Разбудите моего мужа,
Разбудите вы старого:
— Вставай, старый, не ленися!
Вот тебе помои, умойся!
Вот тебе рагожка, утрися!
На заслонку, богу помолися!
На тебе сухарик, подавися!
Вот тебе <батог>, подоприся!
Вот тебе корыто, завалися!

26

У Акулова купца
Была дочка умница,
По горнице ходила,
Двух сыночков родила,
Сама бабушкой была,
В пеленочки повила;
В пеленочки повила,
На Дунай-реку снесла.
— Уж ты, матушка-Дунай,
Детей моих не терзай!
Ой, уж вы, желтые пески,
Не давай детям тоски!
Ой, уж ты, матушка-лоза,
Не стебай детям глаза!
На пятнадцатом году
Пошла девка по воду,
Растрепавши голову.
Стала девка воду брать —
Стал кораблик выплывать.
Как на этом корабле
Два завдалых молодца:
Первый сидит на корме,
Поправляет по воде;
Другой сидит на носу,
Чешет русую косу.
Ой, уж и эта коса
Всему городу краса,
Всему городу краса,
Доброму молодцу,
Эй, красной девке сухота!

* Припев с повторением последнего слова второй строки поется после каждого двустишия.

27

Как у нас нонче плохие времена:
Не велят Маше на улицу ходить,
Не велят Маше молодчика любить,
Про молодчика худа слава лежит,
Худа слава, небылые словеса.
С чего в Машеньки заплаканы глаза?
У лебедушки затерты рукава?
За тебя ли, друг, побои приняла,
Уж и с той поры я сделалась больна,
Я больна, больна, в постелюшку слегла.
Я три недели во постеле лежала,
На четвертую выздоравливать стала,
А на пятую во зеленый сад пошла,
В зеленом саду дороженьку нашла.
Знаю, знаю, кто дорожиньку проторил:
Холостой парень ко девушке ходил,
Много злата, много серебра носил,
Без расчету золотой казной дарил.

28

Да на речушке, на Дунай-реке
Девушка рубашечку мыла,
Тонок ворот намочила,
Тонок, тонок, тонешенек —
Стой же, ветер буйнешенек,
Суши ворот тонешенек!
Ишла девка бочком, бочком,
Ко мне, молодцу, белым лицом.
— Да я роду не простого,
Отца-матери честного,
Люблю младца молодого,
Молодого, холостого!

29

На речке-реке, на речке быстрóй
Купался бобер, черный, молодой.
Он не выкупался, только вымарался,
На берег узшел — обтряхивался,
На горку узшел — обсушивался.
Охотнички ездят, черного бобра ищут,
Хочут бобра бить, кунью шубу сшить,
Бобром опушить, жену снарядить,
К обедне отпустить, во след поглядеть!

30

Ты молодка молодая,
У кого, душа, уродилась хороша?
Лицом бела, щечки — аленький цветок,
Черные брови, с подволокою глаза!
Зазвала дружка к себе в гости побывать,
Взяла дружка с собою ночку ночевать.
А я все дружку все тайности расскажу!
Понадеялась, мил не скажет никому.
А послышу — мил смеется надо мной,
Мил смеется, насмехается во глаза.
Я же дружку, я насмешку отсмею:
Я пойду ль, молода, вдоль по улице гулять,
Я взойду, молода, против милого двора!

31

Кто домой, кто домой?
А я домой не хочу! с кем гуляю — не скажу!
Во зеленом во саду, под яблонью в холоду,
Под грушею зеленой три лебедка плавали!
Да и первой лебедок — Павел-лебедок,
Белинькой да и Иванович белинькой.
Другой лебедок — Петрушка-лебедок,
Белинькой да и Иванович белинькой.
Третий лебедок — Виктор-лебедок,
Белинькой да и Прохорович белинькой.

32

Эх, да и ты, извощик мой, извощик молодой,
Ни с одной ты сторонушки со мной?
Ни паедешь ли вопеpед моего домой?
Ты скажи моей любушки поклон,
Что не буду я во всю зимушку домой,
Ой, во всю зимушку, вплоть до самой до весны!

33

У ворот сосна раскачалась,
Наша Дунюшка разыгралась,
Наша белая расшутилась.
Воеводский сын на крыльце стоит,
На крыльце стоит — поиграть велит:
— Поиграй, Дунюшка, поиграй, любушка.
Я тебя, Дуня, лучше всех люблю,
Я платок куплю с алыми лентами,
С алыми лентами, с позументами!
К вечеру Дуня захворала,
Ко белу свету на погост везут.
Воеводский сын на крыльце стоит:
— Прощай, Дунюшка, прощай, любушка!
От меня Дуня на тот свет пошла,
Во сыру землю, во желты пески,
[Во желты пески], во дубовы доски!

ТЕТРАДЬ II

34

Трава-травушка,
Трава моя ковыль!
Ой, ляй, ой, ляй,
Ой, ляли, али-али!
Во той траве колодезь,
Во колодезе водица.
Ой, ляй, ой, ляй,
Ой, ляли, али-али! *

Там мылася девица,
Офицер коня поил.
Все молитовку творил,
С девкой речи говорил.
Ай, девушка красная,
Головушка гладкая!
Коса расплетенная,

* Припев поется после каждого двустишия.

Замуж сговоренная.
Не быть девке за младым,
А быть девке за старым.
Я старому угожу —
Постелюшку постелю,
Постелюшку мягкую:
В три ряда поленья,
Во четвертый — кирпичей,
В головушку чурочки,
Одеяло — борона.
Лежи, мой друг, не дрожи,
Боронушки не свали:
Боронушка свалится —
Головушка скатится.

35

Ой ты сад, мой сад,
Сад, зеленый виноград!
Ой, ляй, ой, ляй,
Ой, ляли, али-али! *
Да во этом саду
Да три следика лежат.
Да и эти следы
Доведут нас до беды,
Доведут нас до беды,
До бедушки до большой,
До бедушки до большой,
До славушки до худой.
Чем же славушку примать,
Лучше молодца любить,
Во совете с ним пожить,
Во совете, во любови,
Во ласковых словах.
— Ты дурак-раздурак,
Что ты ходишь не так?
Ты пойди-ка под окошко,
Ты поздравствуй меня!
— Здравствуй, девка,
Здравствуй, красна,
Здравствуй, душечка моя,
Здравствуй, душечка моя,
Дома ль маменька твоя?
— Ни батюшки, ни матушки —
Дома нету никого,
Дома нету никого,
Полезай, милый, в окно!
Сержант ручку протянул —
Холоп плеткою стебнул:
— Да не ваша, сударь, честь
Под окошко к девке лезть.
А и ваша, сударь, честь —
На сражельнице стоять
И с турками воевать.
А холопская честь —
Под дорогою стоять,
Кафтаны, шубы снимать,
Еще плеткою стебать.

36

Пошли девки, пошли красные
В лес по ягоды гулять,
Заблудилась красная девка,
Заблудилась во лесу.
Становилась красная девка
Дли дубовой вереи.
Мимо девки, мимо красной
Белый заяц пробежал.
Как за этим как за зайцем
Добрый молодец бежал.
Ничего парень не говаривал,
Начал шуточки шутить.
Пошучовши парень шутку,
Начал спрашивать в(у) нее:
— Ты скажи, скажи, девица,
Чьего рода, чия дочь?
— Я не царская, не барская,
Не купеческая дочь,
А нас восемь-то сестриц,
А девятый родной брат.
А девятый — родной братец,
Он за охотою пошел.
Ничего парень не говорёвши,
Вынимает вострый нож,
Наставляет острый булатный
В ретиво сердце свое.

37

Гоголь мой, гоголь,
Московский мой щеголь,
Ой, али-али,
Разудалый молодчик,
Купеческий сыночик,
Ой, али-али.
Что в гости не ходишь,
Гостинцев не носишь? *
— Приходил я в вечере,
При огне, при лучине,
Ой, ляли-ляли,
Приносил я молины —
Тебя дома нету.
— В чистом поле гуляла,
Бел лен рассевала.
Бел лен рассевала
Да все с приговором:
Расти, мой леночик,

* Припев поется после каждого двустишия.

И тонок, и долог;
И тонок, и долог,
И бел, что ковыла;
А бел, что ковыла,
А крепок, что жила.
Золотые коренья,
Жемчужное семя.
Стал лен поспевати,
А я горевати,
[А я горевати] —
С кем лен выбирати?
Как выискался свекор:
— Ну, сем, я с тобою.
Ну, сем, я с тобою,
С снохой молодою.
Ну, это все не бранье,
Больше кропотанье,
Под межою лежа,
Лихорадка — дережа,
Ворогу она трепеща.

38

По зарям-зарям сердце слышало,
За неделюшку испугалося,
Испугалося, не сказалося,
Что не можно жить со милым дружком.
Будет скорое расставаньице,
Будет дальнее провожаньице.
Провожу дружка я дальным-далеко,
Я дальным-далеко, я — до города,
Я до города, до Воронежа,
Я до матушки каменной Москвы.
Вся Москва-царство здивовалося.
Да и кто же это распрощается:
Либо брат с сестрой, либо муж с женой?

39

В середу, середу праздник,
Все люди праздны.
Одна молоденька не спряла,
Часто по торгу гуляла,
Щетку, гребенку купила,
Купить веретены позабыла.
Курвины, курвины дети!
Что вы соли не толкли, не мололи?
Завтра мои именины —
Мученицы Екатерины.

40

Расколись, сырой дуб,
На четыре дранки.
А кто любит чужих жен —
Того душа в раю,
А кто молодых молодок —
Велико спасенье.
А кто девку поцелует —
Грехам отпущенье,
А кто старую старушку —
Не будет прощенья!
— Вы раздайтесь, расступи-
тесь,
Добрые люди,
Да вы дайте молоденьке
В саду погуляти,
В саду, саду погуляти,
Алы цвёты рвати,
Покуд батюшка родимый
Замуж не отдал
За такого за детину,
За невежу.
У кабак идет невежа,
Свищет, пляшет.
Как и я, молоденька,
Была тороплива,
Поскорее с постели
Уставала,
На босу ногу башмачки
Надевала.
Поскорее я ворота
Растворяла,
Я смелей я с невежей
Говорила:
— Хорошо тебе, невежа,
Быть за воротами?
Таково мне, молоденьке,
Быть за тобою,
За тобою, за тобою,
За невежей!

41

Пойду́, пойду́ молода,
Пойду во зеленый сад гулять,
Поймаю молодого соловья,
Посажу его на ручушку,
Стану, стану его спрашивати:
— Ты скажи, скажи, соловушко,
Кому воля, кому нет воли гулять?
— Воля, воля красным девушкам,
Молодушкам миновалася гульба.
Молодушкам три заботушки:
Как и первая заботушка —
Чужа дальняя сторонушка;
А другая-то заботушка —
Кропотливая свекровушка;
Как и третия заботушка —
Муж, невдалая головушка,
Заставляет разувать-раздевать,
Часты пуговки расстегивати.
Не хотелось разувать-раздевать,
Своих белых рук измарать,
Золотых перстней изломать.

ТЕТРАДЬ III—IV

42

У Иванушки, у Иванушки голова болит,
У дородного платком связана,
Платком шелковым, гарнитуровым.
Звали Ванюшку за реку в гости,
За реку в гости, по ту сторону,
По ту сторону, во новую слободу,
К сударушке, душе Марьюшке.
Там и шли-прошли три полка солдат,
Три полка солдат пешеходные.
Как один полковой на коню сидит,
Он не пьян сидит, а шатается.

43

На речке, на речке,
Да на речке на быстрой,
Да на быстрой, на чистой,
На доске на тонкой,
На тонкой, на звонкой
Девка платье мыла,
Звонко колотила,
Чисто полоскала,
Круто выжимала,
В чистом поле слала,
При поль-при поляне,
На высоком кургане.
Отколь взялся школьник —
Молодой полковник
На вороном коне,
В сером балахоне,
В зеленом камзоле,
Седло кованое,
Стремена золотые.

44

Во саду-саду, зеленом саду,
В зеленом саду соловей свищет,
Молодой: чок, чок!
Еще ахти мне гореваньице,

Доброму молодцу, неженатому!
Если б были у меня, у молодца, крылушки
Да сизые перушки,
Подлетел бы я под высок терем,
Под высок терем, под окошечко.
Поглядел бы я, как девушки плачут,
Замуж идучи за старого мужа:
— Да и старый муж — погубитель мой,
Погубил мою буйную головушку,
Косу русую!

45

Уж вы ночи мои, ночи мои темные,
Вечера ли мои, вечера осенние!
Я усе ночи, все ночи просиживал,
Я усе думы, усе думы придумал.
Как одна ли дума, думушка с ума нейдеть,
(О)на с ума нейдеть, со велика разума:
Если б были у меня, у молодца, крылушки,
А еще-то б были да сизые перушки,
Полетел бы я на свою сторонушку,
Поглядел бы я на свое подворьице,
А еще бы я на родного батюшку,
А еще бы я на родную матушку,
А еще бы я на свою молоду жену,
На свою молоду жену да на малых детушек.

46

Воробей чичотушку кличет,
Молодой молодую кличет.
На ту пору чичотушки,
[На ту пору чичотушки]
Дома нету.
Поехала чичотушка,
[Поехала чичотушка]
К торгу.
У ней девять дочерей,
[У ней девять дочерей] —
По платочку купить:
И Аксинья, Афрасинья,
И кривуша, помаргуша,
И два сидня, и два лежня,
И два поползня полозят,
Эй, полозят!
Воробей чичотушку кличет,
Молодой молодую кличет.
На ту пору чичотушки,
[На ту пору чичотушки]
Дома нету.
Поехала чичотушка,
[Поехала чичотушка]
К торгу.
У ней девять дочерей,
[У ней девять дочерей] —
По юбчоночки купить:
И Аксинья, Афросинья,
И кривуша, помаргуша,
И два сидня, и два лежня,
И два поползня полозят,
Эй, полозят!
Воробей чичотушку кличет,
Молодой молодую кличет.
На ту пору чичотушки,
[На ту пору чичотушки]
Дома нету.
Поехала чичотушка,
[Поехала чичотушка]
К торгу.
У ней девять дочерей,
[У ней девять дочерей] —
По лаптеночкам купить:
И Аксинья, Афросинья,
И кривуша, помаргуша,
И два сидня, и два лежня,
И два поползня ползут,
Эй, ползут!

47

Да и что ж это за горе, за беда!
У меня, младой, свекровья лиха,
(О)на лиха, лиха, немилостива,
Посылает и туда, и сюда,

Посылает меня в погреб за вином.
Я во погребе замешкалася,
Зелена вина натрескалася,
Сладкой водочки накушалася.
Сладка водочка анисовая,
Короватушка расписанная,
Сударушка намалеванная.
Я у девушках смиренушкой слыла,
Я на улицу не хаживала,
Со ребятами не игрывала,
С молодыми я не стаивала.
Я у девушках трех родила,
С четвертым замуж пошла.
Я на первую ночь родила,
Я усей семье спать не дала:
Да свекор-то люльку шьет,
А свекровья пеленочки дерет,
А невестки рубашки шьют,
А золовки свивальник ткут.*

48

Уж вы бабы,
[Уж вы бабы],
Уж вы бабы молодые!
Вы сходитесь,
[Вы сходитесь],
Вы сходитесь в одну хату.
Говорите,
[Говорите],
Говорите в одно слово:
— Мы пойдемте,
[— Мы пойдемте],
Мы пойдемте к воеводе!
Воевода,
[Воевода],
Воевода — господский сын!
Дай нам волю,
[Дай нам волю],
Дай нам волю над мужьями!
— Нет вам воли,
[Нет вам воли],
Нет вам воли над мужьями.
Уж вы бабы,
[Уж вы бабы],
Уж вы бабы молодые!
Вы сходитесь,
[Вы сходитесь],
Вы сходитесь в одну хату.
Говорите,
[Говорите],
Говорите в одно слово:
— Мы пойдемте,
[Мы пойдемте],
Мы пойдемте к воеводе!
Воевода,
[Воевода],
Воевода, господский сын!
Дай нам волю,
[Дай нам волю],
Дай нам волю на три года!
— Вот вам воля,
[Вот вам воля],
Вот вам воля на три года.
Чем хотите,
[Чем хотите],
Чем хотите — колотите:
Поленом,
[Поленом],
Поленом — по коленам,
Кирпичищем,
[Кирпичищем],
Кирпичищем — по плечищам,
Головешкой,
[Головешкой],
Головешкой — по головке.

49

На заре то было, на зорюшке,
Во Москве то было во городе,
На Щепной то было на площади:
Собирался в круг казацкий полк.

* Припев после каждого двустишия — «Ой, ляй».

Во кругу стоит виноходный конь,
Виноходный конь, подкованный,
Конь подкованный, оседланный.
На коне сидить добрый молодец.
Добрый молодец, казак плакался.
Он не так плачеть — что река льется,
Шелковым платком утирается,
Он на все стороны покланяется,
Со полками устревается:
— Да вы здравствуйте * да солдатушки!
Не с одной ли вы со сторонушки?
Вы скажите-ка поклон батюшке,
Челобитьице родной матушке,
Что погиб, пропал добрый молодец
Что под силою под шведскою,
Что под армией под турецкою.

50

Как за речкой, как за быстрой
Живет Сашенька-душа,
Живет Сашенька-душа, ой-ну!
Собою очень хороша,
С подволокою глаза.
Сколько я к тебе ласкался —
Знать, мне тобою не владать,
[Знать, мне тобою не владать], ой-ну,
Завдалою головою.
Если б крылушки орловы,
Я бы в армию слетал,
Я б про то про все узнал,
Игде милый друг страдал,
Все бы косточки собрал,
В сыру б землю закопал.

ТЕТРАДЬ V

51

Да ты горе мое, горе-гореванье!
Что ж горчей что того не будет,
Как жена мужа не любит!
Да не любит, ненавидит!
Я со этого со горя
Я поеду в Орел-город,
Назовусь я во солдаты,
Я возьму денег немножко,
Всего рубликов пятнадцать.
Послужу я с годом двадцать,
Приду домой — не узнают.
Жена, шельма, узнавала,
Середи двора встревала
И Ванюшей называла:
— Да ты Ванюшка-Ванюша,
Ваня, миленький дружечик!

* В рукописи фраза не закончена и текст на этом обрывается. Конец песни печатается по другой копии.

Что ты, Ванюшка, не весел,
Буйную голову повесил?
— Чего мне веселиться —
Завтра молодцу жениться.
Жена, шельма, нескорыстна,
Нескорыстна, не по мысли.

52

Головушка, ой, моя горькая,
Сиротин<уш>ка, ой, моя бедная!
Сиротинки горе горевать —
Не с кем ночки будит переспать.
Одна ляжу, ляжу — боюся,
С милым ляжу, ляжу — стыжуся.

53

Вы комарики мои, вы сударики мои,
Вы за что-про что вы кусаете меня?
Со кусаньица грудь, головушка болить,
От головушки бело личико горить,
От бела лица я уся стала больна,
Я больна, больна, во постелюшку слегла.
Три недели во постели лежала,
На четвертую выздоравливать стала,
А на пятую во зеленый сад пошла,
В зеленом саду я дороженьку нашла.
Знаю, знаю, хто дорожку проторил:
Холостой парень ко девушке ходил,
Много злата, много серебра носил,
На белу грудь жемчужну цепочку.
Кто бы, кто бы мому горю пособил,
Кто бы, кто бы мово дружка воротил!

54

Ходил Ваня по долине,
Любил три девчины:
Любил Машу, любил Дашу,
Третью душу Ульяшу.
Купил Машеньке (о)жерелье,
Даше алу ленту,
Своей душечке Ульяше —
Аленькой платочек.
Ты носи же, Ульяшечка,
Носи, не хвалися!
Если будешь выхваляться —
Век с тобой не знаться;
А не будешь выхваляться —
Не могу с тобой расстаться.

55

Голова ль ты моя,
Ты головушка!
Голова ль ты моя
Игриливая,
[Игриливая],
(Е)щё шутливая!
У моей у головушки
Да нету заботушки,
Никакой родни,

Ни родной сестры.
Только есть у меня
Один милый друг,
Да милая ладушка,
Да белая ластушка.
Как повадился за реку ходить,
По ту сторону да на барский двор,
К девке ключнице, ко разлучнице.
Разлучила б... со милым гулять,
Со милым дружком, со Ванюшею.

56

Под зарею я стояла,
Я зари-то не видала,
Что за милым примечала:
И где милый друг гуляет,
И где душечка мотает?
Он гуляет, гуляет
По тому боку, за рекою,
Со девками в корогоде.
Одна девка говорила:
— Уж вы, девки, вы, молодки,
Не любите мово мужа,
Мово ль мужа молодого!
— Подцепи себе на шею,
Волочи за собою!

57

Шла молода,
[Шла молода]
Из-за лесу темного.
Видела,
[Видела]
Черную смородину.
Вызрела,
[Вызрела]
Черная смородина.
Вызнала,
[Вызнала]
Да люта свекра-батюшку.
То-то, лют,
[То-то лют]
Да и лют свекор-батюшка!
То-то люта,
[То-то люта]
Да люта свекровь-матушка!

58

Тошно невозможно, не знаю, как быть,
Про милого дружечка не могу забыть!
Куда с горя ни пойду — везде тошно мне,
Кому печаль ни скажу — все ругают, бранят.
За что же я ни возьмуся — из рук дело валится,
Куда я ни гляну — глаза мои не глядят,
Куда я с горя ни пойду — ноженьки мои не идут.
Кусточки, лесочки кругом лесу обошла,
Нигде свово дружечка, нигде не нашла.
Кипарисное деревцо, сломившись, стоит,
А мелкие пташечки жалосно поют,
А мне, красной девушке, тоски-горя придают.

59

Вы белилицы, румянцы мои!
Сокатайтесь со бела лица долой:
Едет, едет мой ревнивый муж домой,
Везет, везет мне подарок дорогой,
Хочет, хочет меня, молоду, побить.
Я не знаю, я не ведаю за что,

За какую за провинность за мою.
А и только <и> провинности моей —
У соседа на беседе пробыла,
Холостому стакан меду поднесла,
А женатому — рюмочку винца.
Холостой стакан меду выпивал,
Ко стакану белы руки прижимал.

60

Уж ты девка, уж ты девка,
Уж ты девка-раскрасавка!
Раскрасила молодцу кудри.
У молодца кудри вьются,
У девушки слезы льются.
Уж ты, матушка родная,
На что на горе родила,
Малолеткою женила?
Жена, шельма, не взлюбила,
С короватушки свалила,
Ручку, ноженьку сломила.
Стала ноженька болети,
Стала милая тужити.
— Не тужи, моя милая,
Заживет нога больная!
Станем банюшку топити,
Станем щелок щелочити,
Станем ноженьку лечити
Али пылью, иль мукою,
Али теплою водою.

61

Выкатайтесь, слезы, с глаз,
Нам топеря не до вас —
Разлучиться пришел час.
Я у батюшки, у матушки
Одна дочка была,
У родимого у братца
Понежилася,
У любезной у невестушки
Повольничала.
Я без рыбки есть не стану,
Без калачика не съем,
Я без пива, без вина
На полчаса не была.
Без мила дружка не лягу,
Без надежи не усну.
Я умоюсь, наряжусь,
Играть на улицу пойду —
На белу грудь цепочку,
На шеюшку жемчужку,
Ко милу дружку пойду.

ТЕТРАДЬ VI

62

По горам, по горам
Да я по горам ходила,
Все цветы, все цветы
Да все цветы видела.
Нет цвета, нет цвета
Да и нет цвета алого,
Алого, алого,
Самого прекрасного!
Знать, его, знать, его
Буйным ветром выдуло,
Знать, его, знать, его
Сильным дождем высекло.
Все ко мне, все ко мне
Да и все гости съехались.
Нет в(у) меня, нет в(у) меня
Да нет гостя милого,
Милого, милого,
Батюшки родимого.

63

Деверечик, деверинушка,
И где твоя животинушка?
Коровушка во дубравушке,
Лошадушка на площадушке,
А свиньюшки во трясинушке,
Овечушки возле речушки.

64

По заре да по зорюшке,
По заре милый ходит, али-али.
Мил во дудочку играет,
Во дудочку во калиновую, али-али,
— Во другую во малиновую.
Поиграй, мой милый друг, али-али,
Позабавь меня, молоду,
Позабавь молоденьку, али-али,
На чужой сторонушке
Без большой головушки, али-али,
Без отца, без матери,
Без роду, без племени.

65

Вдоль по речке, по реке,
Вдоль по быстрой, широкой
Всколыхалася волна —
Подымалася война,
Вся французская земля.
В Москву-город уважли,
Много дела сделали,
Много крови пролили,
Все за белого царя.

У Платова казака
Обстрижена голова,
Обобривши борода.
Француз в гости к себе звал,
За дубовый стол сажал,
Сладкой водки наливал,
На подносе подносил:
— Да ты выпей-ка, купец,
Разудалый молодец!

66

Настя по саду гуляла,
Хмелю ярого щипала,
Брагу пьяную варила,
В погребах долго томила.
Гостей Настя зазывала,
Всех по лавочкам сажала.
Сама села на скамейку
Супротив свово милого,
Стакан меду наливала,
На подносе подносила:

— Выпей, выкушай, Ванюша,
За свое, сударь, здоровье!
— Я не пью, не пью, Настасья,
На меня вышло несчастье,
Несчастьице небольшое:
Хочут Ванюшку поймати,
Во железушки сковати,
Во солдатушки отдати.
Ваню в меру становили —
Ваня в меру не годился,
Вышел Ваня, поклонился.

67

Три дня бани не топила,
Три дня бани не мела.
Накопила сору до верхнего полу,
До красных окошек.
Приехали гости — узяли по горсти.
Приехала попадья — в ней завистливы глаза —
Полну юбку нагребла!
Пойду я к соседу, пойду к молодому,
К дядюшке родному:
— Ты соседик молодой,
Ты мой дядюшка родной,
Дай ты мне сапок сору повозиться.
— Невестка, невестка, сноха молодая,
У нас так не водится —

На санках не возится.
У нас так нейдется — веником метется,
В охапочку берется, под гору несется.
Гуси-лебеди летели,
В степи баню становили,
Коростель в бане мост мостил,
Муха банюшку топила,
Гнида щелок щелочила,
Блоха парилася, да запарилася,
Об пол вдарилася.
Закричала блохам:
— Вы подайте мне попа
Да запечного клопа
Причастить божью рабу —
Черну блоху во гробу!
Совка ль моя, совка, бедная удовка!
Где ж ты бывала, где ж ты живала?
— Была я, совка, была я, псовка,
Во темном лесище на старом дубище.
Никто ж то про совку, никто про удовку,
Никто не знает, никто не спознает.
Спознали про совку,
Спознали про удовку
Все добры люди, все милые други.
Стали совку сватать,
Сватов засылати.
Засылали свата, совиного брата:
— Сова ль моя, совка,
Пойдешь ли ты замуж
За белого луня, за милого друга?
— С чего мне не йтити,
С чего не ходити?
Али я кривая, али я слепая,
Али я безносая, али я безрукая?
Совсем сова бравая, зарецкая барыня
Татьяна Ивановна, красная княгиня!
Стали убирати: лапти, ошмётки,
Онучи, отопки, оборки, веревки.
Сова засмеется — хохол затрясется.
Синицы-игрицы сидят на полице,
Песни играют, сову величают:
Ворона-то — свахой, галка — стряпухой,
Сорока — плясухой, воробей — дружком,
А ворон-повар по двору летает,
Кур-то собирает:
— А куры, вы дуры, ничего не знаете:
Идите к совице, к сове-то на свадьбу!
Как нашу-то совку повезли венчати
Ко синему морю, ко старому дубу.
Сустрелись со совкой синеньки, мале́ньки,
Крылушки рябе́ньки, ножки топе́ньки,
Ноготки востре́ньки,
А носики длинные, а жопки глиняны.
Стали сову рвати, на клоки метати.
Сова сторопилась, назад полетела,
В куст головой, кверху ногой.
Ногами-то топ, топ! глазами-то хлоп, хлоп!
Прилетела ко двору, узвалилась на полу,
Расплакалася, раскудахталася:
— А лунюшка белый, друг ты мой милый,

Что это за люди, что за татаре?
Синеньки, маленьки, крылушки рябеньки,
Ножки тоненьки, ноготки востреньки,
А носики длинные, а жопки-то глиняны?
— Сова ты дурища, это люди наши,
Наши крестьяне.
За морем бывали, сено косили,
В стоги пометали, домой прибегали.
У мово-то у тестя да и есть что поести:
Сорок кадушек соленых лягушек,
Сорок анбаров сухих тараканов,
Сорок бочонков свежих мышонков.

68

Я пойду ли, молоденька,
Во всю темную ночь гуляти,
Своего дружка искати.
Я нашла, нашла милого
Я не близко, не далече:
В зеленом саду, под грушей.
Зовут дружка и Ванюшей.
Иван белый и румяный,
Чернобровый, черноглазый,
Белоликий, круглоликий!
Перед ним стоит девица,
Не девица, красавица,
Белы руки умывала,
Своего дитя качала.
Люлю, баю, мое дите,
За тобою дело стало —
Любить дружка перестала.
Полюбил, шельма, другую —
Солдатушку молодую.
Ну и чем же она лучше?
Белым лицем не белее,
Черной бровью не чернее.

69

Да во батюшкином во садику не с кем погулять.
Да незрелую черемушку нельзя заломать,
Да не вызнавши красной девки, нельзя замуж взять.
Да я вызнаю, я выгляжу, тогда я возьму.
Поил-кормил сударушку, прочил за себя.
Досталася любезная другому, не мне,
Другому-то милому, злодею моему.
С того крыльца ведут к венцу сударку мою,
Жених ведет за рученьку, сваха за рукав.
Да в ворот-ворот, у воротичках стоит милый друг,
Горючу слезу, слезу льет <об> сударке своей.
Одно говорит: «Сердце болит, не знаю, как быть,
Про такую любезнаю не могу забыть».

70

Таракан дрова рубил,
Комар по воду ходил,
В грязи ноги увязил.
Он не вытащил,
Глаза вытаращил.
Блоха подымала —
Живот надорвала.
Муха банюшку топила,
Гнида щелок щелочила,
Блоха парилася,
<О>на запарилася,
Об пол вдарилася.
Закричала блоха:
— Вы подайте мне попа
Да запечного клопа
Причастить божью рабу —
Черну блоху во гробу.
Уж ты, жор-журавель,
Завдалой молодец,
По мельницам ездил,
Диковинки видел:
Козел муку мелет,
Коза подсыпает,
Молодые козляточки

Себе не гуляют,
Во скрипочку играют.
Две вороны снаряжены
По горнице ходят.
Две сороки-белобоки
Под скрипочку пляшут.
Два кочета, два рябые
Горох молотили.
Две курицы, две красные
С току волочили,
Попадью кормили.
Как и наша попадья
Зародила воробья
Тонконогонького,
Длиннокогтинького.
Как ушел воробей,
Как ушел молодой.
Как нашли-то воробья
Под погребицею
С красной девицею.
Повели воробья
Да на барский двор,
К Капитону в дом.
Капитон, Капитон,
Капитонщичик,
Ты не бей меня жгутом,
Обстриги меня кругом,
Три косички оставь,
У попы меня поставь.
При дороге при большой
Кто ни едет, кто нейдет
Воробья попом зовет:
— Уж ты батюшка-попок,
Что ты служишь без порток?
— Я поеду во полки
Закупать себе портки!

71

Соловей-птица на долинушки сидит,
Горьку ягоду калинушку клюет.
Мил по горенке, мил похаживает,
Калену стрелу мил заряживает,
Каленой стреле мил приказывает:
— Ты лети, лети, ты, калинова стрела,
Ты лети, лети ты на Волгу на реку.
Ты убей, убей серу птицу на воде,
Сиза голубя ты на каменной стене,
Красну девицу во высоком тереме.

72

Уж ты Ванюшка-Ванюша,
Ваня, миленький дружечик.
Ваня в гостюшки ходит,
По рублю денег носит.
— Я бы рад, душа, ходити,
По рублю денег носити,
По червонцу золотому.
У нас улицы грязны,
Переулочки тесны,
А ворота скрипчивы,
А собаки брехливы,
А семья-то бранчивая.
Мы всему делу поможем,
Мы камен мостик положим,
Переулочки расставим,
В подворотню стакан масла,
А собакам ломоть мяса,
А робятам горшок каши.
На ее мы сон напустим.

73

Во поле-то грушица раным-рано расцвела,
На ту пору матушка меня, горькую, родила,
Не собравшись с разумом, в чужи люди отдала.
Не чаяла матушка, как изжить, избыть меня.
Сжила, сбыла матушка за единый за часок.
— Сострой, сострой, матушка, легонько суденышко,
Легонько суденышко, петербургской же стружечик.
Сама вышла матушка на крутенькой бережечик.
Кричит-вопит матушка своим громким голосом:
— Постой, ностой, дитетко, сем, простимся мы с тобой!

— Сударыня-матушка, не моя воля, чужая.
Легонько суденышко против ветру не стоит,
Чужой отец с матерью безовременно журит.
А я к тебе, матушка, на три года не буду,
На четвертый годочик мелкой пташкой прилечу,
Горючими слезами все кусточки потоплю.

74

Ох да соловей, эх да молоденькой-молодой,
Ты не вей-ка, не вей ты гнезда да при дорожке при большой,
При дорожке при большой, на ракитовом кусте.
Если б кустик мне не мил, соловей гнезда не вил.
Если б девушка да не мила, красавица не мила,
‹О›на мила-то, мила, девушка, размиленька была, душа.
Я спишу, я спишу я потрет на александрийский на листок,
Я прибью-то, прибью я потрет в коровати, в головах.
Я таких-то людей я сыщу, потрет с девушки я спишу.
Если скучится молодцу,
Изволь на потрет, право, смотреть.

75

Зальюсь, зальюсь, Машенька, я зальюсь горькой слезой,
Знаю, понимаю я, кого верно люблю.
Любовь разлучает за моря далеко,
За моря далеко, между трех гор высоких,
Между трех гор высоких, где там несчастная живет.
Я могу сходить, спросить, могу я речь говорить.
— Скажи, скажи, Машенька, скажи, любишь или нет?
Если ты любишь верно, возьму замуж за себя.
Если не любишь — убью, мальчик, сам себя,
Убью, застрелюся, а сам в землю пойду гулять.
Пущай люди знают, что я, мальчик, верен был,
Что я, мальчик, верен был, одною Машу любил.

76

Как Фома-то да Ерема
Они ладно живут,
Ох, братцы мои!
Они ладно живут,
Они сладко едят,
Ох, братцы мои!
Как Фома-то купил телку,
А Ерема-то бычка,
Ох, братцы мои!

ТЕТРАДЬ VII

77

У ворот сосенушка,
У ворот зеленая.
На той на сосенушке
Колыбель повешена,
Колыбель досчатая,
Хорошо снаряжена:
Подщепки шелковыя,
Подплутки бумажныя,
Лучек медненький,
Крючек серебренький.
В той колыбели
Дворянин с дворянкою:
Дворянин — Андреюшко,
Дворянка — Аннушка.
— Вы, братцы-товарищи,
Подойдите поближе,
Вскачните повыше,
Чтобы тестев двор виден,
А тещин высок терем,
А моя короватушка!

78

По сеням, се́нюшкам,
По новым досчатым,
Там хо́де, гуляе
Большой воевода,
Большой воевода,
Иван Андреяныч.
Он ходе, гуляе,
Во скрыпку играе,
Маврушу забавляе:
— Не плачь, Маврушенька,
Не тужи, Микитична.
Пойдем мы с тобою
Во ельник, сосенник,
Во частый березник!
Во том во березничку
Грузди родилися,
Грузди родилися,
На двор катилися,
На двор катилися,
На стол годилися.
Что белый груздочик —
Иванов сыночик,
Что белая воловинка —
Маврушина дочка!

79

У ворот перепе́лушка лета́ла,
У ворот рябая порхала.
Узувался сходáтай-сват
Перепелушку ловить,
Узувался сходатай-сват на кони.
Сходатай-сват воронова коня уморил,
Рябую перепелушку не уловил.
У ворот, у ворот перепелушка летала,
У ворот, у ворот рябая порхала.
Узувается Осипушка
Перепелушку ловить на кони.
Осипушка ворона коня не уморил,
Рябую перепелушку уловил.
Я мечала перепелушку у пушку,
Ажно это Агафьюшка у земчужку.
Я мечала перепелушку под лучком,
Ажно это Аграфенушка под бочком.
Я мечала перепелушку рябую,
Ажно это Агафьюшку младуя.
Я мечтала перепелушку во перьях,
Ажно это Агафьюшка в жерельях.

80

Аннушка сенюшки мела,
Михайловна новенькие,
Нашла себе сахарцу,
Нашла себе сладенького.
Мечела сахарцу,
Мечела сладенького,
Ажно Андреюшка,
Ажно Прокофьевич.
Начала его целовать, миловать,
Почала на ручку класть:
— Он лучше мне сахарцу,
Он лучше мне сладенького:
С сахарцом час часовать,
С Андреюшкой век вековать!

81

Не зоря́ ли моя, зо́рюшка,
Не зоря ль моя вечерняя!
Солнушко восхожее!
Высоко восходило,
Далеко осветило
Через лес, через поле,

Через синее море.
По тому по синю морю
Там лежала жердочка,
Жердочка еловая,
Гибкая, сосновая.
По той жердочке никто не хаживал,
Шел, перешел Яков Федорович,
Вел, перевел Натальюшку,
Переведши, целовал,
Целовавши, миловал:
— Друг ты мой, Натальюшка,
Сердце мое, Григорьевна!
Ты меня состарела,
Без ума поставила,
Без ума, без разума,
Без великой памяти —
Тихою походочкой,
Еще вежливой говорочкой,
Низкими поклонами,
Умильными взглядами!

82

По садику-садику,
По зеленому винградику,
Там ходила, погуливала
Молода жена, боярыня
Аксинья Андреевна.
На той яблоньке два яблочка рвала,
Она клала на блюдечко,
На блюдечко на серебряное.
Восходила на высокой на терем,
Становила на дубовой стол.
Дубовой стол разлагается,
Два яблочка раскатаются
По блюдечку по серебрену.

83

На реке, реке, на Волгé-реке,
Там плывет лодка новая,
Лодка новая, сосновая.
На той лодочке добрый молодец,
Добрый молодец Иванушка,
Иванушка Гаврилович.
Он зовет с собой красну девушку,
Красну девушку Агафьюшку:
— Ты Агафьюшка моя разлюбезная!
Ты садись со мной, с добрым молодцом!
— Добрый молодец, я тебя не знаю.
— Агафьюшка, я тебя сам знаю.
Как отец-то твой — тесть-то мой,
Как мать-то твоя — теща моя,
А братья твои — шурья мои,
А сестры твои — своячены,
Агафьюшка — моя возлюбленная!

84

Белой лен при долине вее, повивае,
К земле приклоняе.
Марфа Филипьевна по садочку гуляе,
Приунывши, припечаливши,
Ручки подожмамши.
Приходят к ней сестрицы, подружки:
— Аль тебе, матушка, тошненько, грустненько?
— Сестрицы, подруженьки, не докучайте!
Мне свекор по<о>бычился,
Что родимой батюшко!

85

Из-под камушка быстрая вода бежала,
Из-под бережку быстрей этой еще бежала,
Все вишенья, орешенья подмы<ва>ла.
Под вишеньем, под орешеньем стоит конь,
Возле коня стоит мо́лодец.
Он чешет коня гребешком:
— Уж и конь ты мой вороной,
Товарищ ты мой дорогой!
Поедем-ка, конь, со мною
В дальнюю незнакомую дорогу
По модную и спесивую Парасковью!

86

Честь наша, хвала наша
Усеяла чистое поле жемчугом,
Стлала зеленые луга кунами,
Замостила звонкие мосты перстнями,
Поставила дороженьку на броду,
Сама стала под сосною в бору,
Сама стала богу низко молиться:
— Создай, боже, теплое лето на дворе.
Нам ехати с сходатаем-сватом на коне,
Нам ехати с сходатаем-сватом на вороном!

87

И кто ж у нас у́мен? И кто ж у нас разумен?
У нас Андрей у́мен, Прокофьич разумен.
Он хорошо ходит, манерно ступает,
Сапог не ломает, чулок не марает.
На коня садится, а конь веселится,
Плеткою машет, а конь под ним пляшет.
К лугам подъезжает — луга зеленеют,
К садам подъезжает — сады расцветают,
Сады расцветают, пташки распевают.
На двор въезжает — матушка встречает:
— Поди, мое дитятко! Поди, мое милое!
Что ты ходишь не весело, гуляешь не радостно?
— Сударыня-матушка, как же веселому быть?
Друзья, братья женятся, а я холостой хожу,
Еще не женатенький, белый, кудреватенький!

— Женись, женись, дитятко! Женись, женись, милое!
Возьми ж, возьми ж, дитятко, купецкую дочерь
С няньками, с мамками, с сенными с девками!
— Сударыня-матушка! То мне не жена будет,
То мне не работница, а в доме не кукобница!

88

Сгаркнула голубушка в голу́бни,
Всплакнула девушка в неволи:
— Выкупи меня, матушка, из неволи!
— Что будет дать, дитятко?
— Сто рублей. — Негде взять, дитятко!
Сгаркнула голубушка в голу́бни,
Всплакнула девушка в неволи:
— Выкупи меня, матушка, из неволи!
— Слова нет, дитятко!
Слова нет, сто холстов!

89

У ворот конопелька,
Сидя́, сидя́ пташки,
Сидя́ распевают.
Они прочь отлетают
Ко темному лесу,
К зеленой дуброве.
Анна Филипьевна,
Дорогая гостейка,
Живет, отживае.
Она прочь отлетае
От батюшкова подворья
К божьему су́ду,
К светлому венчанью.
От божьяго су́да —
К лютому свекру,
Ко лютой свекрови,
К лютым деве́рьям,
К лютым невесткам.

90

Цвела, цвела вишенья алыми цветами,
Опадала вишенья ра́ными зарями,
Все что-то Натальюшке на русую косу,
Все что-то Григорьевне на алую ленту.
То-то ж бы Натальюшка потише ходила,
То-то ж бы Григорьевна не бодро ступала,
Носила бы ключики, ими не звонила,
Родимаго батюшку ими не будила,
Сударыню-матушку ими не гневила!

91

Уж ты сваха, ‹ты сваха›, злодей,
Ты горазда обманывать,
Ты, злодей, подговаривать,
В чужу сторону сманивать!
Чужая сторонушка —
Полыном поле сеяно,
Чернобылом горожено.
Чужая сторонушка —
Сахаром поле сеяно,
Виноградом горожено,
Сытою поливано —
Сытою медовою.
— Слезою горючею,
Слезою девичьею.

92

Сваха на свадьбу спешила,
Перед печкой рубашку сушила,
Передок у рубашки спалила,
Свет-Настасью замуж манила:
— А у нас жить приволье,
А у нас жить роскошье.
Пошла я, спроведала,
Чужу сторону изведала.

93

Противу тестева двора
Стоит высокая гора:
Ни проехать, ни пройти,
Ни коня в седле взвести.
Хоть и дорого дадим,
А у тестя погостим.

94

Не ложись, бел заюшка,
При пути-дороженьке:
Там ехать Виктору,
Там ехать Никитичу.
Там ему конем топтать,
Там ему плетем стебать.
— Братцы мои, товарищи,
За что меня конем топтать,
За что меня плетем стебать?
Не я у вас в саду бывал,
Не я у вас яблонь глодал.

95

У Павла Сергеича
Камчатная горенка,
Кипарисовы лавочки
Да печки травчатые,
Загнеточки муравчатые,
Середа из литого серебра.
Там ходила боярыня
Да Ульяна Федоровна.
Она будила, побуживала
Свово друга милова:
— Устань, устань, мой милой,
Пробудися, надежа дорогой,
Собирайся в гости, молодой.
Прикажи, сударь, карету заложить,
Чтобы кони были вороны,
А повозничики молодиньки,
А кафтанчики зелены,
Рукавички барановыя.

96

Съехала Настасьюшка со двора,
Сломила березоньку со верха:
— Стой, моя березонька, без верха,
Живи, моя матушка, без меня.

97

Кудрявый повозник,
Погоняй поскорее,
Чтобы я не слыхала,
Как батюшка тужит,
Тяжело воздыхает,
Меня вспоминает.

Кудрявый повозник,
Погоняй поскорее,
Чтобы я не слыхала,
Как матушка плачет,
Тяжело воздыхает.

98

Шел каравай с клети,
Пытал, куда себя дети:
— А иде мое место стояти?

А стоять караваю у хати,
На красном столе,
На шитой скатерти.

99

Из бору к дуброве тропинка лежала,
По той по тропинке куна пробежала
У куньей у шубе, в сафьянных сапожках.
За той за куною охотники ездят,
Охотники ездят, Ульянины братья.
Коней притомили, куну не вловили.
Из бор ко дуброве тропинка лежала,
По той по тропинке куна пробежала,
За той за куною охотники ездят,
Охотники ездят да и Павловы братья.
Коней не втомили, куну изловили.

100

Подари нас, друженька,
Не рублем, полтиною,
Золотою гривною.

101

На море да и утушка да купалася,
На море да серая полоскалася.
Скупавшись да и уточка встрепенулася,
Встрепенувшись да и уточка да воскрикнула:
— Как-то мне с синим морем да будет расстаться,
Как-то мне с крутых бережков да подняться?
Захватит да и зимушка, зима лютая,
Выпадут да и снеги да глыбокие,
Вдарют ли морозы да крещенские!
Тут-то я с синим морем я рассталася,
Тут-то я с крутых бережков подымалася.
В тереме да Лукерьюшка убиралася,
В высоком Сергеевна умывалася,
Белыми белилами (о)на белилася,
Алыми румянами (о)на румянилась,
Черными сурмилами брови сурмила.
Белые белила — из Белагорода,
Алые румяна — из красной Москвы,
Черные сурмила — из Чернагорода,

Наша Лукерьюшка с высока терема.
Убравшись, Лукерьюшка, (о)на заплакала:
— Как-то мне с матушкой да расстаться будет?
— Как-то мне да и с батюшкой распроститися?
Приедет да Ефим-сударь на вороном коне,
Тут-то я да и с матушкой я расстануся,
Тут-то я да и с батюшкой распрощаюся.

ТЕТРАДЬ VIII

102

Около сосеночки
Молодые опеночки.
Эй, али-али, ай, ляй-ляй! *
Только нет, только нету
Молодого груздочка.
При дожде да при солнушке
Молодой груздок выйдет.
Около Настасьюшки
Все красны девушки,
Только нет, только нету
Молодого Виктора.
Светлый день воскресенье,
Виктор-сударь едит
Со князьями, с боярами,
С молодою свахою.
Вдарила Настасьюшка
Золоты ключи об стол:
— Батюшка, родимый мой,
Не ключница буду!
Ключи — ларечница —
Молодому Виктору.

103

Ой, во поле-поле,
На высоком кургане,
Лели, али-али-али,
Ляй, али-али! *
Настасьюшка траву жала,
Тимофевна шелковую.
(О)на тем серпом серебряным,
(О)на той ручкой позолоченой.
Тихо ехал Викторушка,
Тихо ехал Никитич:
— Эй, бог помочь, Настасьюшка,
Эй, бог помочь, Тимофевна,
Ой, бог помочь, траву жати,
Ой, бог помочь, шелковую
Да тем серпом серебряным,
Да той ручкой позолоченой.
— Отъезжай прочь, Викторушка.
Отъезжай прочь, Никитич:
Не велела мне мати
С холостыми стояти,
С женатыми говорити.
Шли девки долинóю,
Несли фонарь под полою,
В фонаречке уголечки.
Уголечек разгорался,
Калин мостик загорался.
Мой батюшка стосковался
По душе, красной девице,
По Настасьюшке сестрице,
Тимофеевне подружке.

104

Во бору, бору
Под грушицею
Под садовою
Там сват начевал,
Конечка ковал.
Там сваха ишла,
С рук перстень дала,
Приказывала:
— Эй, сват, сваточик,
На тебе перстенечик,
Подкуй конечик.
На тебе золотой,
Подкуй вороной.
Да нам с тобой
Далечо ехать,
Далечо, далеко
Да все по бору
‹На› белом конюшку.
Бор будет шуметь,
А конек греметь,
Подковы звенеть.**

---

* Припев поется после каждого двустишия.
** Эту песню повторяют, только переменяя слова «сват» и «сваха» на слова «Виктор» и «Настасья» (собир.).

105

Летела-то галка, летела-то черна
Через сад.
Эй, али-али,
Ляй-али, через сад.
Роняла (о) на перья, роняла (о) на черные
В зелен сад.
Эй, али-али,
Ляй-али, в зелен сад.
Вдарила правым крылом
Об терем.
Эй, али-али,
Ляй-али, об терем.
— Не пора ли тебе, Настасьюшка,
С терема долой?
Эй, али-али,
Ляй-али, с терема долой?
Не пора ли тебе, Тимофевна,
С высока долой?
Эй, али-али,
Ляй-али, с высока долой?
— Что тебе, галка, что тебе, черна,
Дело до меня?
Эй, али-али,
Ляй-али, дело до меня.
Есть у меня родной батюшка
Без тебя.
Ей, али-али,
Ляй-али, без тебя.
Когда велит, когда благословит,
Тогда я пойду.
Ей, али-али,
Ляй-али, тогда я пойду.
Расстелют шелковы ковры —
Я стану.
Ей, али-али,
Ляй-али, я стану.
Подвинут зелену карету —
Я сяду.
Ей, али-али,
Ляй-али, я сяду.
Посадят молодаго кучера —
Поеду.
Ей, али-али,
Ляй-али, поеду.
Молодой кучер
В нас Виктор.
Эй, али-али,
Ляй-али, в нас Виктор.
Он швец, он кузнец,
Чеботарь.
Эй, али-али,
Ляй-али, чеботарь.
Сошьет своей Настасьюшке
Башмачки.
Эй, али-али,
Ляй-али, башмачки.
Сошьет своей Тимофевне
Алые.
Эй, али-али,
Ляй-али, алые.
С хохольчиком, с мохорчиком,
Со пучком.
Эй, али...

106

Хмель ты, хмелюшка,
Еровая шишечка!
Передайся, хмелюшка,
На мою сторонушку.
На моей сторонушке
Приволье хорошее,
Приволье хорошее,
Раздолье широкое.
По том по раздольицу
Гулял доброй молодец,
[Гулял доброй молодец]
Да Павел Иванович,
Повесил головушку
На праву сторонушку.
Увидала матушка
С высокаго терема:
— Дитя ль мое, дитятко,
Дитя мое милое,
Что ходишь не весело,
Играешь не радостно?
— Сударыня-матушка,
Чего веселиться мне?
Друзья, братья женятся,
А я холостой хожу,
[А я холостой хожу],
А я не женатенькой.
— Женись, женись, дитятко,
Женись, мое милое!
Возьми, возьми, дитятко,
Генеральскую дочерю
И с няньками, с мамками,
И с сенными девками.
— Сударыня-матушка,
Это не жена будет,
Это не жена будет,
Это не работница,
[Это не работница] —
В доме не куковница.
У соседа девушка —
Она мне понравилась:
У доме куковница,
Во поле работница.

107

По тестеву двору
Все горы крутыя,
Речки глубокия:
Нельзя Викторушке
К тестю переехать,
Настасью поглядети.
Какова Настасьюшка
И ростом, дородством,
Личенько беленька,
Собой пригоженька.
Хочь дорого дати —
Казаков понаняти,
Горы поскотити,
Мосты помостити,
К тестю переехать,
Настасью поглядети.

108

Соловеюшка, соловей,
Отлетная пташечка,
Куда летал, отлетел?
— Я от сада до сада,
До ракитова до куста,
До теплава до гнезда.
Викторушка молодой,
Куда ездил, отъезжал?
— Я от села до села,
До тестева до двора,
До тещина терема,
До Настасьиной комнатки.
— Да Настасьюшка, отомкнись,
Тимофевна, отопрись!
— Я рада бы отперла:
Буен ветер косу рвет,
Ясно солнце лице жжет.

109

Во горнице, во светлице
Два голубя на шкапе,
Два сизых на шкапе
И пьют, и льют,
И торелки бьют,
В цимбалы играют,
Настасьюшку Тимофевну
Всегда забавляют.
— Настасья Тимофевна,
Тебя батюшка кличет,
— Сестрицы мои, подружки,
Право, не слыхала.
Во горнице, во светлице
Два голубя на шкапе,
Два сизых на шкапе
И пьют, и льют,
И тарелки бьют,
В цимбалы играют,
Настасьюшку Тимофевну
Всегда забавляют.
— Настасьюшка Тимофевна,
Тебя матушка кличет!
— Сестрицы мои, подружки,
Право, не слыхала.
Во горнице, во светлице
Два голубя на шкапе,
Два сизых на шкапе
И пьют, и льют,
И тарелки бьют,
В цимбалы играют,
Настасьюшку Тимофевну
Всегда забавляют.
— Настасьюшка Тимофевна,
Тебя Виктор кличет!
— Сестрицы, подружки,
Право, давно слышу.

ТЕТРАДЬ IX

110

У ворот, у ворот перепелушка летала,
У притворчатых рябая порхала.
Кто изовьется перепелочку поймати?
Вызывается сходатый сват на коню,
Вызывается сходатый сват на вороном.
[Вызывается Виктор на коню],
[Вызывается Никитич на вороном].

Сходатый сват ворона коня притомил,*
Викторушка ворона коня не втомил.
Он рябую перепелочку уловил.
Он думал, что перепелушка у перьях,
Ажно ль его Настасьюшка у перстнях.
Он думал, что перепелушка во пушку,
Ажно его Настасьюшка в жемчужку.
Он думал, что перепелушка под лучком,
Ажно ль его Настасьюшка под бочком.

111

— Ой, моя волвеночка,
Да белая беляночка,
Не боишься ль ты зимы?
Не боишься ль да лютых,
Не боишься ль морозов?
— А я зимы не боюся,
Под снег схоронюся,
Листом накроюся.
— Ой, моя Настасьюшка,
Не боишься ли ты свекра?
Не боишься ль да лютой
свекрови?
— Да я свекра не боюся!
Приду, повинюся,
В ножки поклонюся.

112

Летели голуби через двор,
Вдарили крыльцами об терем:
— Дома ли Настасьюшка али нет?
Скажем Настасьюшке добрую речь:
Едет Виктор-сударь на коню,
Едет Никитич да на вороном.
Его батюшка спрашивает:
— Куда ж ты, дитятко, собрался?
— В охоту, батюшка, в охоту.
Давай, дитятко, подмогу:
Сорок человек верховых,
Две каретушки золотых,
Да два сватенька молодых,
Два повозничка холостых.

113

Да во поле бел шатер,
Да во том беле шатре
Да Викторова сестра.
Где Виктор, где ни ездит,
Ко шатру привернится,
С сестрою успросится:
— Сестрица моя, Татьянушка,
Татьяна Никитишна,
Тесть в меня даров просит.
— Да братец Викторушка,
Ты давай, не отказывай,
Ты бери суженую,
Ты бери ряженую
Да Настасью Тимофевну.

114

Улица, улица ты широкая,
Мурава, мурава ты зеленая!
Кому улицу разыграть будет?
Красной девушке в нас Натальюшке,

* Эта песня повторяется два раза: первый раз говорит сват, а второй — **Викторушка Никитич**. Окончание первого раза (собир.).

В нас Ивановне!
Узяла платок, повела тонóк,*
Тонок вывела, платок кинула.
— Господа бояре, станьте к сторонке,
[Станьте к сторонке] все поодале:
Мой батюшка едит, всех вас перебьет,
Всех вас подорит
Не большим даром — вороным конем,
Да не езжаным, да не седланым.

115

Во саду, саду,
[Во саду, саду],
Зеленом саду,
[Зеленом саду],
Ай, ляли-али,
Али-ляй-али. . .**
Там ходил, гулял
Добрый молодец,
Да у нас и Павлушка,
Да у нас Иванович.
Он и ходячи
Рамон рассевал:
— Ты родись, рамон,
Не пущай ветвей,
Широким листом.
За в тобой, рамон,
Ходить некому:
В меня матушка
Да старешенька,
Да меньша сестра
Да малешенька,
А и сам, младец,
Я холост хожу.

116

Травушка-ковылушка,
Что рано сломилася
Без ветру, без вихоря,
Без сильнаго дождичка?
Молодая молодушка,
Молодая Устиньюшка,
Устинья Григорьевна,
Что рано состарелась
Без роду, без племени,
Без отца, без матери,
Без большой головушки?
Выйду за воротичка,
Гляну я вдоль по речушки,
Не плывет ли сиз селезень
Со моей сторонушки?
Не несет ли мне весточку
Под правым под крылушком,
Под сизым под перышком?

117

У ворот сосенушка зелена стояла.
Да ты стой, моя сосенушка,
Ты стой, не шатайся.
Живи, живи, Настасьюшка,
Живи, не печалься,
В тоску-печаль не бросайся.
Выйди, разгуляйся,
Выйди, выйди, разгуляйся,
С милым повидайся.
Как миленький дружечик
Живет недалече:
Он во славном во городе
Живет за рекою.
Засылает Викторушка
Свово человека,
Человека не простого,
Парня холостого,
Чтобы, чтобы Настасьюшка
В гости побывала,
Чтобы, чтобы Тимофевна
В горе навестила.
— Не досужно, Викторушка,
Право, не досужно.
Одолело меня, Никитич,
Меня одиночество,
Одиночество, беспокойство.
Все чужие-то люди —
Все мои подруги.
Загадаю я загадку —

* Тонок — танок, хоровод.
** Припев повторяется после каждого двустишия.

Изволь отгадати,
Загадаю я другую —
Отгадай любую:
С чего, чего кудри вьются,
С чего же секутся?

— Как мы с тобой совыкались,
Кудри завивались.
Как мы с тобой разлучаться,
Кудри развиваться.

118

Настасьюшка воду носит,
Коромысло гнется,
Тимофевна холодненьку,
Калиново гнется.
Викторушка в окно смотрит,
Сам слезами льется:
— А что же ты, коромысел,
Давно не (в)зломился?
А что же ты, Викторушка,
Давно не женился?
А что же ты, Никитич,
Давно холост ходишь?
— Опричь тебя, Настасьюшка,
Мне некого взяти,
Опричь тебя, Тимофевна,
Никто не по (о)бычью.

Выду, выду за вороты:
Луга, что болоты.
Гляну, гляну за новые —
Луга зеленые.
Взгляну я в чисто поле:
Виктор-то гуляет.
Под ним конь вороной,
Что сокол, летает.
На нем, на нем платье,
Что мак, расцветает,
Что мак, что мак, расцветает,
Что маковы цветья.
На нем перстень, на нем перстень,
Что луч, разгорает,
Что луч, что луч, разгорает,
Что солнце, сияет.

119

Зиму, лето сосеночка была зелена.
Ей, али-али...
Али-ляй, зелена.*
У пятницу Настасьюшка была весела,
У суботу головушку гладила,
В воскресенье к венцу ишла, плакала:
— Отдает, отдает меня батюшка от себя.
Остаются у него три садика на дворе,
Остаются у него три зеленых — все цветут.
Уставай, уставай, мой батюшка, ранехонько,
Поливай, поливай зеленые частенько:
Утренними, вечерними зарями,
А после того горючими слезами.

ТЕТРАДЬ X

120

Вкруг шатра белого, полотняного
Да Настасья цветы (о)на рассаживала,
Тимофевна цветы-розаны (о)на рассаживала,
В бел шатер, полотнян (о)на заглядывала.
В том шатре беле ли, полотняном ли
Спал-почивал, <спал-почивал> да Виктор господин,
Спал-почивал, <спал-почивал> да Никитич господин.
Звал-позывал, звал-позывал да Настасью к себе,

* Припев поется после каждого стиха.

Звал-позывал, звал-позывал да Тимофевну к себе:
— Душечка, Настасьюшка, ты поди в шатер,
Душечка, Тимофевна, поди в бел, полотнян!
— Я нейду, не думаю и не слушаю.
Слышала я, люди сказывали,
Слышала, твой отец грозен.
— Душечка, Настасьюшка, будь сама добра, ласкова,
Душечка, Тимофевна, будь сама добра, ласкова,
Ты держи голову ты поклонливее,
Ретивое сердце, ретивое сердце ты покорливее.

121

Вы цветы ли мои, цветики,
Голубы цветы, лазоревые!
Ну да много цветов сеяла,
Да не много уродилося.
В терему много красных девушек,
У нас не было изменницы,
Молодецкой прелестницы.
Ну топеря проявилася
Да Настасья Тимофевна свет.
(О)на сказала: «Не пойду замуж».
(О)на сказала: «В монастырь пойду
И вас, девушек, с собой возьму:
Которую я во ключницы,
Которую во ларечницы,
Свою милую подруженьку
Я приставлю за собой ходить».

122

У нас по морю, по морю
Разлилась вода полая,
Разлилася, разлелеяла,
Унесла, улелеяла
Дочь от матери любимую,
Да Настасью Тимофевну свет.
Оставалась матушка,
Оставалась сударыня
Что на том крутом бережке
Да на белом на камушке.
Ни белая лебедь вскрикнула,
Мать по дочери всплакнула:
— Воротися, мое дитятко,
Воротися, мое милое!
Ты забыла свои ключи,
Что свои ключи золотые
Да шелковый поясок.
— Государыня-матушка,
Не ключи я забыла в вас,
Позабыла волю батюшкину,
Что свою негу матушкину.
Нажила я себе грозу,
Что себе грозу великую,
Что Виктора Никитича:
Я куда пойду, вспрошусь,
Я откуда приду, доложусь.

123

Перебор, переборушка мой,
Перебор серебряный,
Перберу сине море,
Перберу Тонинское,
Не пущу из моря воды,
Не пущу из синяго.
Я пущу, повыпущу
Лебедя с лебедкою:
Лебедок — да Егор-сударь,
Лебедка — да и Аннушка.
Да и Анна Андреевна
Просилася на улицу:
— Друг ты мой, Егор-сударь,
Друг ты мой, Николаевич,
Ты пусти на улицу
Поиграть на широкую.
— Я тогда тебя пущу,
Когда девять сынов родишь,

А десятую дочерю.
Я тогда сына женю,
Я тогда сноху пущу,
Я тогда сноху пущу,
За снохою я дочерю.
— За дочерью сама пойду,
Сама пойду с дубиною,
С дубиною, с дубовою.

124

Стой, верба, стой, развейся,
Раным-рано стой, развейся!
К нашей вербе будут гости:
Семьсот господ, три, четыре,
[Три, четыре] верховые.
Станем вербу сечь, рубити,
[Сечь, рубити], всем делити,
Да всем барям по веточки,
Виктору не доставалось.
Да и Настасья доставалась,
Да и всем барям насмеялась.
Ваша верба часовая,
Моя Настасьюшка вековая.

125

Я пойду ли, молоденька,
В зеленую рощу,
А я выколю доску,
Что тонку, что звонку,
Да что тонку, что звонку,
Что кленовый листик.
Не успела да и мать
Шубушку одети.
За рукав шубу хватала,
На двор выбегала,
Середи двора одела.
За воротами встрела,
Целовала, миловала,
Правды не сказала.
— Я скажу тебе правду
На новых на сенях,
Я на новых на сенях,
На мягких постелях.
Я рожу себе дочку
Я беловолосу,
Я рожу себе сына,
Что белее сыра.

126

По дороге пыль-то, пыль,
По дуброве дым-то, дым.
Не ложись, бел заюшка,
При пути-дороженьки:
Там ехать Викторушке,
Там ехать Никитичу,
Там ему конем топтать,
Там ему плетей стебать.
— Да братцы-товарищи,
Ну за что меня конем топтать,
Ну за что меня плетей стебать?
Не я у вас в саду бывал,
Не я у вас яблонь глодал.

127

Провожатые:

Мы далечо ездили,
Дородну привезли —
Чистую, речистую,
Белую, румяную,
Настасью Тимофевну!

Домашние:

Сколь далечо ездили,
Сколь дородну привезли —
Чистую, речистую,
Белую, румяную,
Настасью Тимофевну!

128

Ты глянь-ка ты, мати,
Выглянь у окошко,
Как сын сокол едит,
Соколушку везет.
Соколка молодка,
Повитая головка.
Сокол-то — Виктор,
Соколка — Настасья.

129

Тихонько, бояре,
Вы с горы спущайтесь,
Вы с горы спущайтесь.
Не сломите вишенки,
Не сорвите ягодки:
Вишенка — Викторушка,
Ягодка — Настасьюшка.

*

Ай вы, дружки, слепы:
Что девка детинке
Бока протолкала,
У клеточку звала.

*

Залетела пташечка
Во чужую клеточку,
Она в дверь не вылетит,
У окно не выпорхнет.

130

В нас на дубчику, на кудрявчику,
Ой, ляли-ляли, ой, ляй-ляй-али.*
Там сидел голубь со голубкою.
(О)ни цалуются и милуются,
Сизыми перьями обнимаются,
Ясными перушками утираются.
В нас во тереме, во высокиньком,
Там сидел Алексей с Катериною.
(О)ни цалуются и милуются,
Белыми руками обнимаются,
Шелковым платком утираются,
В нас поименно называются:
— Друг ты мой, Алексеюшка,
— Сердце мое, Катеринушка!

131

Вскаганули гуси-лебеди,
Переплывши сине море.
Уздрогнул да Викторов конь,
Переехавши тестев двор.
Усплакнула да Настасья,
По новым сеням ходючи:
— Охо-хо, еще охти мне!
Как-то мне быть, в чужи люди идти,
Как-то назвать свекра-батюшку?
Батюшкой назвать — мне не хочется,
Свекром назвать — так не водится.

ТЕТРАДЬ XI

132

Лебядиное перо
Перед теремом пало.
Да упал Викторушка

* Припев поется после каждого стиха.

Перед господом богом,
Перед родимым батюшкой:
— Батюшка, прости меня,
Родимый, бла(го)слови меня
В божий суд пойти,
Ко святому венчанью.

133

Поспешай, сер заюшка,
Да ко темному лесу,
Ко шелковым тенетам.

Поспешай, Викторушка,
Да ко божьему суду,
Ко святому венчанью.

134

Солнушко за лес закатилось,
Ясное за лес закатилось.
Настасьюшка со двора съезжает,
Тимофевна со двора съезжает.
Батюшка ее уваймает,
Родимый ее уваймает:
— Дитятко, ночуй хоть ночку,
Милое, ночуй ты другую.
— Батюшка, рада б ночевала,
Викторушка за рученьку держит,
Никитич за золотый перстень.

135

У городе, у городе да витые ворота.
В те ворота, в те ворота да Настасьюшка шла,
В те ворота, в те ворота Тимофевна шла.
Встречу ей да Виктор-сударь:
— Не плачь, не тужи, да Настасьюшка,
Брал я тебя, брал я тебя да не силою,
Брал я тебя, брал я тебя не неволею,
Сама шла, сама шла да охотою.
Бил я челом, бил я челом твоему батюшке,
Бил я челом, бил я челом твоему родному,
Не доезжая до терема, да я с коня долой,
Не доходя, не доходя до высока, я у ноги челом.

136

У Михаила-архангела
Два голубя венчалися,
Сизенькой да беленькой:
Сизинькой — Викторушка,
Белинькой — Настасьюшка.

137

Летит, летит черная галка низенько,
Оглянется — ясен сокол близенько.
— Отвернися, ясен сокол, от меня,
Ищи себе такову галку, что меня.

Да черненькой, да касатенькой галушке:
— Я все леса, я все поля прилетал,
Нигде себе такой галки не сыскал.
Бежит Настасьюшка резвенько,
Оглянется — Викторушка близенько:
— Отвернися, да Викторушка, от меня,
Ищи себе таковой девки, что меня.
Белинькой, хорошенькой Настасье:
— Я все селы, все деревни приездил,
Нигде себе такой девки не сыскал.

138

Чесу-почесу Настасьину косу,
Чесу-почесу Тимофевне русу.
А еще почешу, а и косу заплету,
Алу ленту уплету, голубою перевью.

139

Чем чесать, чем маслить
Да Викторовы кудри,
Чем чесать, чем маслить
Да Никитича черны?
Кинемся, бросимся
Во три торга, города.

Купим мы, купим мы
Порованского масла.
Расчешем, размаслим
Викторовы кудри,
Расчешем, размаслим
Никитича черны.

140

Молодая сваха
Хмелем посыпает,
Молодой поезжанин
Поезд объезжает,
Поезд объезжает,
Плеткою стебает,
Стебает плеткою шелковой.

141

Гордая, спесивая свашенька
Не знала, что в гордости делати:
Припахала чисто поле журавлем,
Засеяла чисто поле жемчугом,
Замостила калины мосты перстнями,
Завесила зелену дуброву атласом.
Когда будет ехать сходатый-сват поездом,
Заяснейся, чисто поле, жемчугом,
Зазвени, калинов мост, перстнями,
Зазеленейся, зелена дубровушка, атласом.
Гордая, спесивая Настасьюшка
Не знала, что в гордости делати:
Припахала чисто поле журавлем,
Засеяла чисто поле жемчугом,
Замостила калины мосты перстнями,
Завесила зелену дубраву атласом.
Когда будет Викторушка ехати поездом,

Заяснейся, чисто поле, жемчугом,
Зазвени, калин мост, перстнями,
Зазеленейся, зелена дубравушка, атласом.

ПЕСНИ, ЗАПИСАННЫЕ В МАЛОАРХАНГЕЛЬСКОМ УЕЗДЕ ЯКУШКИНЫМ И КН. КОСТРОВЫМ

142

Пожила ли я с дружком, я с дружком по совести,
Не открыла ль я дружку я всей ему тайности.
Довела ли я дружка, его до худой славы,
До худой славы, до худой славы, до кнута ременного.
Что ведуть-та ли дружка, ведуть к наказаньицу:
Впереди его идеть, идеть молодой палач,
По правой его руке идеть, идеть молода жена,
Молода жена идеть сы малыми детками.
Узади его идеть, идеть отец с матерью,
Но не так они идуть: идуть, слезно плачуть.
По левой руке идеть, идеть змея лютая,
Змея лютая идеть, душа красна девица.
Как свели только дружка, свели к наказаньицу:
— Ты прости-прощай, мой друг, прощай, молода жена!
Оставайся сиротой ты с малыми детками.

143

Совыкался сокол с перепелушкою,
Солюбился молодец с красной девушкой.
Проторил мил дорожку — не стал йон ходить,
Пропустил худу славу — не стал йон любить!
Насмеялся ты мной — насмеюсь я тобой.
Как в меня, молодой, есть два брата родных,
У моих-то у братцев по булатному ножу.
Я из рук да из ног короватку смощу,
Я из мяса его пирогов напеку,
Я из крови его я вина накурю,
Из буйной головы ендову солью,
Я из жиру его я свечей налью!
Зазову я гостей, всю роденьку его,
А послей я того я сестрицу его,
Загадаю загадку неотгадливую:
— Да и что ж таково: я на милом сижу,
Я на милом сижу, про мила говорю,
Про мила говорю, милым подчиваю.
А и мил предо мною свечою горить?
Вот сестрица его стала отгадывати:
— Я давно тебе, братец, говаривала:
Не ходи ты туда, куда поздно зовуть,
Куда поздно зовуть и где пьяны живуть.

144

У попа была беседа, у дьякона другая,
У дьякона другая: хвалились два брата,
Хвалились два брата, что есть у нас сестрица,
Что есть у нас сестрица — из терема не ходить,

Из терема не ходить, белил с лица не ронить,
Белил с лица не ронить, бела лица не кажить,
Бела лица не кажить! Как выискался сын попович,
Как выискался сын попович: «Не хвалитесь вы, два брата!
Не хвалитесь вы, два брата, я вашу сестру знаю!
Я в вашей сестрицы два ужина ужинал,
Два ужина ужинал, третий завтрак завтракал».
Как брат брату сговорить: «Пойдем, братец, кы двору,
Пойдем, братец, кы двору, свернем снегу по кому,
Свернем снегу по кому, бросим к сестре в окошко,
Бросим к сестре в окошко, что нам сестра сговорит!».
Сговорила им сестрица: «Не дури, судырь-попович,
Не дури, судырь-попович, поди ко мне во терем,
Поди ко мне во высок! Моих братьев дома нет,
Моих братьев дома нет, поехали на базар,
Поехали на базар тветно платье покупать,
Тветно платье покупать, меня, сестру, снаряжать».
Как брат брату сговорить: «Пойдем, братец, во кузенку,
Мы сделаем по ножу, ссекем сестре голову,
Ссекем сестре голову — обесчестила бороду».

145

Вот ходил ли я, молодчик, по чистом я полю,
Я бил, я побивал я гусей-лебедей.
Застрелил ли я, удалый, сизого голубя.
Опоздал ли я, молодчик, идтить-ехати.
Во всем городе воротички были заперты,
Караульщички молоденьки, они крепко спят,
Что одна ли не спала ли красная девушка,
(О)на такая Перекраса-королевишна.
Вынимала из комода золоты ключи,
Успущала добра молодца, все наказывала:
— Ты двором иди, молодчик, не закашляйся,
К новым сеням подходи, не застукайся!
Не услышал бы родимый сударь-батюшка,
Не сказал бы он родимой моей матушке.
Ты на утре ли, молодчик, не напейся пьян,
Во хмелю-та, разудалый, не похвастайся!
Как на утре-та молодчик напивался пьян,
Во хмелю-та разудалый похваляться стал:
— Как вечор ли я, молодец, в гостях гостил
Я в такой ли Перекрасы-королевишны.
Что поутру про удалова дозналися.
Призывал король молодчика во палатушки:
— Ты скажи, скажи, молодчик, где в гостях гостил?
Я за то тебя, удалова, пожалую!
Я пожалую молодчика палатушками,
Вот такими ли палатами — на трех столбах.
Я сострою тебе релюшки точеные,
Я повешу тебе петельку шелковую!
Уж как добрый молодец стал качатися,
Перекраса во саду стала кончатися.

146

Летить пава, (о)на ронить перья.
Не жаль павы, жаль перушек,
Не жаль отца, жаль молодца:
Везуть молодца во солдатушки.

Йон и год служил, йон другой служил,
На третий год ко двору пришел.
Жена встретила его середи луга,
А мать встретила супротив крыльца.
— Сын ты мой, сын возлюбленный!
Моя сноха, а твоя жена,
Твоя жена — горькая пьяница,
Коней твоих пораспро́пила,
Соколов твоих пораспустила,
Меды твои пораскушала,
Сады твои позасушила.
Сын ты мой, сын возлюбленный,
Возьми ты свою саблю вострую,
Смахни ты у ней буйну голову.
Покатилась же буйна голова,
Покатилась же во конюшенку:
Кони стоять, сено-вёс едять,
Соколы сидять — очищаются,
Меды стоять — позаплесневели,
Сады стоять зеленешеньки.
— О мать ты моя, змея лютая,
Змея лютая, подколодная!

147

Не ржа во болоте железо съедаить,
Не кручинушка добра молодца только сокрушаить,
Что сушить-крушить добра молодца его худа слава.
От худой славы, от напраслины мальчик пропадаить,
Через свой ли он разум девку забываить.
— Да воздохни, вздумай, любезный, как мы с тобой знались,
А таперича, разголубчик, мы должны расстаться.
Усе люди нам злодеи, все над нами насмеялись.

148

Что ни пыль в поле запылилася,
Ни камыш-трава зашаталася,
Что шатался, гулял добрый молодец
По чужой, по дальней сторонушке.
Сторона ль ты моя, сторонушка,
Чужедальняя, незнакомая!
Ах! Что не сам я на тебя зашел,
Не своею ли я охотою:
Завела ли молодца неволюшка,
Неволюшка, нужда крайняя,
Нужда крайняя. служба царская.

149

Через речку за реку взбушевалася волна,
Взбушевалася волна — подымалася у нас война:
Подымалась вся французская земля,
Сквозь Россиюшку она прошла,
Во Москву-город зашла.
В Москве мало стояла, много штурму сделала,
Кроволитья больше того пролила.

150

Сторона ль ты моя, сторонушка чужедальняя!
Я прошел тебя, сторонушка, всю с конца в конец,
Не нашел я в тебе ни отца, ни матери,
Находил в тебе добрый молодец один царев кабак.
Во кабак пошел добрый молодец — словно твет твететь,
С кабака-та он идеть — в чем мать его родила.
Увидала доброго молодца красна девица-душа:
— Что зайди, зайди, добрый молодец, ты хоть ночку заночуй!
— Что боюсь, боюсь, красна девица, изведешь ли ты меня.
Изваляется мое тело бело по подлавичью,
Разнесуть мои ли косточки зверья лютые,
Растаскают по чистом полю черные вороны.

151

Что не пыль в поле подымается,
Не туман с моря он качается,
Подымались с поля гуси-лебеди,
Гуси-лебеди, крылья у них белые.
Что один лебедь да йон оставаится,
Оставаится, не поднимается.
Йон повадился рано по зарям ли летать
Ко своей ли ко белой ко лебедушке.
— Уж ты белая ты моя лебедушка!
Да игде ж твое теплое гнездышко?
Что не пыль во поле подымается,
Не туман с моря он качается —
Подымались все казаченьки.
Как один казак оставается,
Он повадился поздно по ночам ходить
Ко своей душе, красной девушке.
— Уж ты милая, ты моя раздушенька,
Покажи свою только короватушку,
А игде же она у тебя стоить?
— Середи двора (о)на во тереме,
Караульничек в нем родной батюшка.

152

Уж ты батюшка мой, Ярославль-город!
Ты хорошо, славно сам ты построен,
Лучше Киева, лучше Питера,
Лучше Киева, чище Питера,
Лучше матушки каменной Москвы.
Ох, да что в три ряда стены каменны,
Во четвертый ряд все будить купечество,
Все купечество, молодечество.

153

Как во славной была во Москве на Большой на Дмитровке,
Вот живет ли поживаеть, там живеть Волконский князь.
У того ли было ведь у князя был Ванька-клюшничек,
Молодой его жены-княгини Ваня полюбовничек.
Он и жил-был со княгиней он ровно три года,

На четвертый ли годочик князь-то доведался,
Он через ту ли девку, девку сенную,
Через подлую паскуду, паскуду последнюю.
Приходила же та сенная девка к самому князю,
Закричала же та девка своим громким голосом:
— Уж ты батюшка, уж ты князь наш, покровитель мой!
Ты отслушай от меня, девки, усю правду сущую:
Что живеть твоя княгиня с Ванькой-клюшничком.
— Ты послушай, ты, расшельма, слушай, расканалья!
Если правду ты мне скажешь — буду жаловать тебя,
Если правды ты не скажешь мне — я повешаю.
— Уж ты батюшка, ты князь наш, ты отец ли мой,
Когда хочешь ты, князь, жалуешь, хочешь — вешаешь меня!
Закричал ли князь Волконский своим громким голосом:
— Вы подите, вы ко мне пошлите Ваньку-клюшника мово.
Вы подите, вы поставьте его супротив, шельму, меня!
Вот только и стал князь Волконский Ваньку допрашивати:
— Ты скажи же мне, Ванюшка, Ванька-клюшничик,
Ты скажи же, варвар-вор, со которых любишь пор?
Отвечаить же Ванюшка, Ванька-клюшничик:
— Что и знать-то я не знаю, и ведать не ведаю!
Закричал тут князь Волконский своим громким голосом:
— Уж вы люди, мои слуги, слуги верные мои!
Уж вы ройте, мои слуги, канавы глубокие,
Вы становьте, мои слуги, вы столбы дубовые,
Перекладинки кладите все ильмовые,
Вы идите, приведите Ваньку-клюшничка мово,
Ну повесьте вы Ванюшу — Ваню-клюшничка.
Закричал же Ваня-клюшничик громким голосом своим:
— Прикажите вы Ванюше с горя песню спеть,
Что уж то-то и попито, и погуляно,
Уж со младою княгинею поезжано,
За белы груди княгинины подержано,
На пуховых перинах со княгинею полежано!

154

Трава ль моя, травушка,
Трава ль моя ковыла
Во всем лугу залегла.
Во той траве колодезь,
Во колодезе водица,
Брала ее девица.
Офицер коня поил,
Все молитовку творил,
Девке речи говорил:
— Ой, девушка красная,
Головушка гладкая,
Коса заплетенная,
Замуж сговоренная!
Не быть девке за младым,
А быть девке за старым!
— Я старому угожу,
Постелюшку постелю,
Постелюшку мягкую:
Во три ряда каменья,
Во четвертый кирпичей,
В головушку чурочки,
Одеяло — борона.
Лежи, мой друг, не дрожи,
Боронушки не свали!
Боронушка свалится —
Головушка скатится!

155

Уж как тошно ж жить добру молодцу, жить с плохой женой!
Проложила, шельма, про доброго молодца худу славушку:
Да и вот-та же я, добрый молодец, дома не ночую,
Да и вот-та же я, добрый молодец, вечор загулялся,

Да и вот-та же я у своей сударушки вечор застоялся.
Ой, без причины вот моя головушка только пропадаить,
Да вот за что ж мое сердцечушко только отвечаить!

156

Молодушка молодая
Черноброва, хороша,
(И)грать на улицу пошла,
Низкий поклон отдала,
Своему дружку лучше всех.
Берет младу грусть-тоска,
Великая сухота:
— Как приходить темна ночь,
А мне, младой, не с кем спать.
Пойду с горя в темный лес.
В темном лесе удавлюсь,
В быстрой речке утоплюсь.
За речкою молодец
Кричит девке: «Не топись!
Красавица, не давись!
Подай, подай рученьку!».
— Быстра речка глубока,
А рученька коротка.

157

Девчоночка лесом шла,
Красная да темненьким,
Все дорожки презошла,
Любить дружка не нашла,
Любить дружка не нашла,
Заплакала, в лес пошла.
В лесе листики шумять,
Про березу говорять.
Белая березушка
Низко к земле клонится.
На той на березушке
Слеталися пташечки,
Соловей с кукушкою.
Кукуить кукушечка
По своем теплом гнезде.
Горюить девчоночка
По своем горьком житье.
Девчоночка молода
Себе сына родила,
Худу долю нарекла,
В солдатушки отдала.
— Служи, служи, дитятко,
Служи, служи, милое.
Отслужишься, дитятко,
Приди домой побывать.
— Я бы рад побывать,
Да воля-то не моя,
Воля белого царя.

158

Заплакали сенаторы все ясные очи.
Вы не плачьте, сенаторы, авось бог поможить!
Пошли наши сенаторы во город Саратов.
Во городе Саратове речушка Вохлушка,
Как на этой на Вохлушке стоял вор-французик.
Француз рано уставаить, жандара взбужаить:
— Молодые жандарята, вы седлайте коней!
Поедемте, жандарята, во чистое поле.
Мы посмотрим-поглядимте российскую силу!
Стоить сила в три ряда, еще во четыре,
Огонь горить, стрела летить, француз утекаить.

РУССКИЕ СЕМЕЙНЫЕ ПЕСНИ

159

Жил соловей с кукушечкой,
Жил — обманывал:
— Полетим, кукушечка,
Во мой зелен сад.
Во моем во садику
Молодец гулял.
— Что ж ты, добрый молодец,
Не весело ходишь?

— Как же добру молодцу
Веселому быти:
Журит, бранит матушка
Не знаю за что.
Нарек сударь-батюшка
В солдаты отдать,
А мне, добру молодцу,
Не хотелося.
Хотелося молодцу
Годок погулять,
Все нужды спознать,
В Москве побывать.
Солдатушки-батюшки
На строю стоят,
На строю стоят братцы,
Ружья за плечьми.

160

Уж ты, Танька кривонога,
Нарожала детей много,
Не знаю, как быть, во несчастьи жить.
Во несчастьи жить не стану,
Тужить, плакать перестану.
Все ж это пустяк, наносны слова.
Ишол миленький горою,
А я — крутым бережечком,
Он ручкой махнул, головкой качнул.
Уж ты, Танька-Татьяна,
Под яблонь сошла,
Под кудрявую, под кудрявую.
Я те речи говорила,
Которых я любила,
Ах, прежних своих, ах, прежних своих.
Я поручика любила,
Я капотом дарила —
Немножко носил — во черной земле (?).
Офицера полюбила,
Его шалью подарила —
Немножко носил, во поход ступил.
Целовальничка любила,
Во кабак к нему ходила
Водкой пянковать!

161

У меня ли, молодешеньки,
Невелик мужичоночка,
Он увесь с кулачоночка,
Надо мною надругается,
Над отецкою дочерью,
Над великою боярынью:
Заставляет разувать, раздевать,
Часты пуговки расстегивати,
Его станет подергивати.

162

Пареж ты мой, Парежок,
Пареж славный городок!
Не хвалися, не хвалися вор-хвранцуз,
Есть получше, есть получше Парежа:
Все в нас каменна Москва,
Да она ж камнем, камнем выслана,
Желтым, желтым пяском всыпана.

163

Я не знаю, как мне быть:
Начала дружка любить.
Скоро белый снег напал,
Молодец с коня упал.
Йон упал, упал — лежить,
Нихто ж к нему не бежить.
А как верная-манерная
Сударушка моя
Скорешенько подошла,
За рученьку подняла,
Черну шляпу подала.

164

— Заной, заной, мое сердечушко, [заной, ретивое!]
Заслышь, моя сударушка, заслышь мой голосочик!
— Я давно твой голос слышу — во глаза тебя не вижу.
Што во чистом во поле снеги выпадали,
Што во чистом во поле снеги забелелись,
Што забелелись у мово любезного каменные палаты,
Што на тех на палатах шатры шелковые,
Што за теми за шатрами столы дубовые,
Што за теми за столами писаря молодые.
Они пишут, пишут письмо не чернильцем,
Они пишут, пишут письмо горючьми слезьми,
Они пишут, пишут письмо не по граматке,
Они пишут, пишут его на белой бумаге.

165

По горенке похожу,
Платком голову свяжу,
В окошечко погляжу,
По миленьком потужу.
Тужила я, плакала,
Заливалася слезой.
Залила ж я, девушка,
Все дорожки, все лужка,
Залила ж я, девушка,
Все крутые бережка.
Как на той на речушке
Все кораблики плывуть,
На тех на корабликах
До пятисот молодцов,
Славных песенников.
Хорошо гребцы гребуть,
Важно песенки поють,
Все А<ракчее>ва бранять:
— Как рассукин сын Арак<чеев>
Всю Россию разорил,
Все дороженьки порыл,
Ракитничком насадил.

166

Парашенька пашенку пахала,
Широкие борозды метала,
Белую капустку садила.
Она садила, говорила:
— Родись, моя белая капустка,
Родись бела, кочениста,
Листом лопушиста.
Со вечера тучи заходили,
С полночи дождь поливаить,
Белый свет градом усыпаить,
Грать девок на улицу не пускаить.
— Ох, тетки, молодки,
Не любите мово мужа,
Не любите мово мужа,
Нету в свете ево хуже!
— Да и черт с тобою,

Подцепи его себе на шею,
Волочи за собою.
— Уж и я ж его волочила,
Аж шея моя заболела,
Как котел, посинела!

167

Задумала, загадала,
Заплакала, зарыдала:
Я сама себе сгубила,
На что щеголя любила.
Щегольнее всех ходила.
Чулок белый, башмак черный,
Шубка, юбка парчевая,
Душегрейка золотая,
Рубашечка ильняная,
На головушке платочек,
Купил миленький дружечик.

168

Не люди сапожники, безлюдье — кузнецы,
Нет таких плутов, что портных мастеров.
Они пьють, едять чужое, носять краденое,
Они платьице кроять, а остаточки таять.
Они день работають, ночь на улице шатають.
— Здравствуй, маминька моя, дома ль Сашинька твоя?
— Моя Сашинька в чулане, заперта тремя ключами.

169

Уж я улицей —
Серой утицей,
Через зелен сад —
Перепелушкой,
Через барский двор —
Я холопушкой.
— Ах, рассукин сын холоп!
И где был ты, пробывал?
— Сударыня-барыня,
У тебя в тереме,
С твоей дочерью!
— Ах, рассукин сын холоп,
Я тебя с двора сошлю!
— Сударыня-барыня,
Я и сам сойду
Да три беды сорежу:
Как и первую беду —
Пару коней уведу,
Как другую беду —
Я карету заложу,
А и третью беду —
Твою дочерь увезу.

170

У батюшки, у матушки зелен сад растет.
Кому ж у нас по садику погулять будить?
Кому же калинушку заломать будить?
Недоспелую калинушку нельзя заломать,
Не высмотревши, не выглядевши красной девки,
Не высмотревши, нельзя замуж брать.
Я кормил, поил сударушку, прочил за себя,
Досталась же сударушка другому, не мне,
Не родному, двоюродному братцу моему.
За реченькою за быстрою в цымбалушки бьют —
Ажно ль это сударушку, сударку ведуть,
Жених ведет за руку, сваха за рукав.
Милой стоить, слезы ронить, речи говорить:
— Кормил-поил сударушку, прочил за себя,
Досталась же сударушка другому, не мне.

171

Девка по саду гуляла,
Алы тветы сорывала,
Алы тветы сорывала,
Во шелков платок вязала,
Ко милому отсылала.
Милый тветов не примаеть,
Вот ответу не даваить.
Да и хто ж нас разлучаить?
Либо ближния соседка
Да соседка, красная девка.

172

Не бела заря, гусары, заря занималася,
Занималася, выкаталася вся сила солдатская.
Как пошли наши гусары, пошли со знаменами,
Со знаменами гусары, еще с барабанами.
Во втором полку гусарском погром сделался,
Погром сделался, гусары, енарал помер.
Енарал помер, гусары, своей скорой смерточкой.
Подняли же енарала — на главах несуть.
Понесли же енарала через три поля,
Через три поля, гусары, через сине море.
Енаральского конечка во трех поводах ведуть,
Енаральскую шляпу во руках несуть.
Схоронили ж енарала промеж трех дорог:
Промеж Курской, промеж Тульской и Воронежской.

173

У нас на горке, на горе,*
На высокой, на крутой
Расцвел садик зеленой.
Во том садику свила,
Свила пташка гнездышко.
Она вила, не вила,
Заплакала, прочь пошла.

174

Што за речкою за быстрою
Не ковыль-трава зашаталася,
Зашатался добрый молодец
По чужой дальней сторонушке.
Сторона ль ты моя, сторонушка,
Чужедальняя, незнакомая!
Да не сам же я на тебя зашел,
Да не ворон меня конь занес:
Завела ж меня нужда крайняя,
Нужда крайняя, служба царская,
Служба царская, государская.

175

Я у батюшки одна дочка была,
У родимого во нежечке росла,
Изо всех подруг красавицей слыла.
Как за то ж меня не любять, все девку бранять.

* Собирателем отмечено повторение первых 4-х строк.

Не слушала я руганьица-брани ничьего,
Полюбила любезного дружка своего.
Я не знаю, к чему любезного дружка применить.
Применю ж я дружечка к белому снежку,
Провожу ж я любезного свово далеко,
Воздохну ж я по любезном очень чижело.
С воздыханий, с возрыданий бела грудь болить.

176

Щиплить, ломаить она изюм, виноград,
Мечить, бросаить она к милому в корагод.
На чужой сторонушке умеемчи жить:
И старому, и малому все низкий поклон,
Душе красной девице по самую земь.

177

Брали девки лен, лен,
Брали, выбирали,
Земли не (о)бивали.
Боялися девки
Да серого волка.
Не таво волка боялись,
Што по лесу ходить,
Што по лесу ходить —
Серых овец ловить.
А таво волка боялись,
Што по полю рыщить,
Красных девок ищить.
Где ни взялся паренек,
Схватил девку поперек,
Схватил девку поперек
За шелковый поясок,
Повел девку во лесок
За пень за колоду,
За белу березу.
— Постой, парень, не валяй,
Сарафана не марай —
Сарафан кумашный,
Работы домашней.
Постой, парень, скину,
Под себя подкину,
Ручки, ножки разложу,
Дороженьку покажу.
Дороженька торна,
Черна п. . ., черна,
Черна, как цыганка,
Ребятам поманка.

178

Как на горке, на пригорке,
Как на горке, на пригорке,
Доны, доны молодые,
Доны, доны завдалые, на пригорке *
Собиралися девчонки,
Собирались черноп. . .ы,
Собиралися купаться.
Как поскинули рубашки,
Подокрался вор Игнашка
Да покрал усе рубашки.
Тут все девки застыдились.
Одна девка нестыдлива
За Игнашкою бежала.
— Василиса, постыдися!
Ты закрой свою мироныо
Своей белою ладонью, —
Не ладонью, так заслоньЮ.
Остриги ее поглаже,

* Припев, видимо, поется после каждого двустишия.

У соседа вомножепы (?)
Ты отбей ее помягче,
Отпряди ее потоньше,
Да ты вывяжи перчатки,
Подари куму подарок.
— Вот, кум, тебе подарок,
Со черпой п... поярок!

179

Да болить больно головушка,
Не знаю, как быть:
Да вечор добрый молодец
Во девушки был.
Сказала ж ему девушка
Нерадошную весть,
Нерадошную весточку,
Все печальную.
— Не кукуй, кукушечка,
Жалобнешенько,
Без тебя ж, мой друг любезный,
Жить тошнешенько.
— Как мы с тобой, девушка,
Совыкалися,
Да под белою березою
Расставалися.
Да под белою березою
Тветы раствели.

180

Вечор девушка, вечор глупо сделала:
Молодого что она парня что любить покинула.
— А за то я его любить парня бросила,
Зачем ходит он часто во царев кабак,
Зачем допьяна милый напивается,
Надо мною ль, молодой, милый насмехается.

181

Поворачивай, ребята,
На крутую на гору,
Ко цареву кабаку,
Ко Ванюше чумаку.
Как мы били-выбивали,
Полведра вина узяли.
Мы не вспели вина пить,
Барабаны стали бить.
Расходилися ребята
Свинец-порох закупать,
Кастрюме в город стрелять.
При долине во лужку
Стоят девушки в кружку.
Для того мы подъезжаем,
Полюбить было б кого.
Одна девка разыгралась,
Пошла, очень заскакала.

182

— Уж ты, Доня белая,
На что глупость сделала,
Любить Ваню кинула?
— Как же его любить?
Душа, сердце не лежит...
Всягда пьянаво вижу
Во царевом кабаке
Во бумажном колпаке.
Он за сеткою сидить,
Зеленое вино пьеть,
С кабака пьяный нейдеть...
Молодая жена за ним идеть,
Шелковую плеть несеть,
Хочить мужа проучить:
— Ступай, пьяница, домой,
Распропоица, домой!
Распропил ты, размотал
Все твое житье-бытье!

183

— Прощай-прости, казаченька! — Прощай, молода жена!
Пошел же он, казаченька, на гуляньице,
Пустил же он добра коня в зелены луга,
А сам же он, казаченека, во круты горы,
Во крутенькой во горочке разбил бел шатер,
Под тем шатром под тем бялым лег спать-почивать.
Приснился же казаченеку, приснился дивный сон:
Из-под ручки из-под правой сокол вылетал,
Из-под белой из-под левой серая утка!
— Гадай, бабка, гадай, старая, гадай дивный сон!
Из-под ручки из-под правой сокол вылетал,
Из-под белой из-под левой серая утка!
— Твоя жена, казаченека, на другой день родила,
На третий день, казаченека, сама померла.

184

Что спасибо что мому синяму кушину —
Растащил, разволок горькаю кручину,
Что в меня, братцы, дома нездорова,
Что жена, шельма, жена помираить...
— Помирай, жана, помирай, шельма, поскорее,
Мне да жить без тебя будить вальнее.
Я сострою ж сябе горенку навую,
Я сабью ж себе дверку дубовуя,
Я салью, салью чепку золотуя,
Я складу, складу печку каменнуя,
Я сваим-та деткам привяду мачиху лихуя.
— Развались же, наша горенка новая,
Разбейся ж, моя дверка дубовая,
Развались же, наша печка каменная,
Подымись, подымись, матушка родная!

185

Уж я батюшке гаваривала,
Я родимому приказывала:
Не наймай, не наймай батрачка.
Батраченочка на печке спит,
Батраченочка разоспался,
Батраченочка с печки упал,
Ко мне к маладой в колена попал.
Как я молода спужалася,
Поперек ево хваталася,
Как и с той поры дитя понесла.
Я пойду же во торг торговать,
Я куплю, что палюбится мне.
Полюбилася мне люличка,
Я за люличку три гроша дам,
За крючок — весь пятачок,
За подцепочку — копеячку.

186

Била жена мужа...
Сволокла в сад, повесила.
Ты качайся, муж, величайся, друг.
Я пайду ко двару, дома проведаю:

Каково же жить без худа мужа?
Худо, худо жить за худым мужем,
Без худа мужа еще жить хуже!
Я пойду у сад, отцаплю мужа.
— Что же так ты спишь, что не прóснешься?
Али ты в саду, в саду яблачек,
В саду яблачек понакушался,
Салавьиных песянок понаслушался?

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД С. КОЛПНА МАЛОАРХАНГЕЛЬСКОГО УЕЗДА

187

У жениха на дворе, при сборе поезда на девичник.

Да за то люблю соловьюшку,
Што йон во садочку,

[Што йон во садочку]
Ранешенько уставаить,
Хорошо распеваить,

[Хорошо распеваить].
Да за то люблю Васильюшку,
Што йон экономен,

[Што йон экономен],
Ранешенько уставаить,
Поезд собираить,

[Поезд собираить],
За мной присылаить
И сам приезжаить.

Когда поезд подъезжает к дому невесты, сбираются молодые парни и запирают ворота. Большой сват со стороны жениха встает тогда с телеги, снимает шапку, кланяется в пояс и говорит: «Здравствуйте, добрые молодцы, хорошие старички! Пустите-ка нас переночевать». Те отвечают: «Да что? негде: изба тесна». — «Ничего, мы переночуем и на дворе». — «Нельзя, двор худ: коней сведут». — «Мы сами, братцы, покараулим. Уж что ни взять, то взять, а пустите переночевать! Мы ездим здесь, купцы, ищем куниц, лисиц да красных девиц». — «Ну уж так и быть, пустим; давай могарыч». И тут сват должен обнести всех стоящих вином. Тогда ворота отворяются и весь поезд въезжает на двор. Оставив всех поезжан, а также и жениха на дворе, большой сват, который обыкновенно бывает мужик умный, сметливый, остряк, входит в избу и, переступя через порог, говорит: «В избе-то и в самом деле тесно». Потом, помолясь богу и поклонясь всем, продолжает: «Здравствуйте, добрые люди, хорошие старички!». — «Здорово, здорово! Что ты за тот. . .?» — «Здравствуйте, сватьюшка и сваточик!» — «Э, ты, брат, уж и сватов тут нашел! Смотри на него: пустили переночевать, а йон лезить в сватовья!» — «Что ж делать, братцы, линия такая подошла; делать нечева». — «Ну, милости просим садиться, сваточек!» — «Покорно благодарим, сватьюшка и сваточек, на добрых речах». Здесь сват снова кланяется и идет на двор, приносит за собою все привезенные им харчи, а дружке велит вести за собою в избу под правую руку жениха. Между тем, надо заметить, что в избе в это время стоят три стола: один нá земи, за которым сидят одни

мужчины, другой тоже на́ земи, за которым сидят женщины, и третий на полу, за которым сидит невеста с девушками. Сделав свои распоряжения насчет жениха, большой сват подходит, подшучивая и подсмеивая, к мужскому столу и спрашивает, нет ли у них продажного красного товара: куниц, лисиц да красных девиц. Те отвечают ему, что такого товара у них нет, а есть вот в том углу, и показывают на стол, за которым сидят женщины. Подходя к ним, он говорит: «Здравствуйте, тетки-лебедки, пенешныя (ай, бишь, шелковыя) застежки! Нет ли у вас красного товару: куниц, лисиц да красных девиц? Кабы такой товар нам попался, уж мы бы что́ ни дать, а дали». Те отвечают ему: «Есть у нас такой товар». — «Ну, что же вам дать за девицу?» — «Да что? Уж мы дорожиться не станем; давай 200 рублев да ведро вина». — «Больно дорого, тетки-лебедки; вот вам 100 рублев и ведро вина». — «Э, полно скупиться! Мало, давай 200 рублев и ведро вина!» — «Ну так и быть, уж куда ни шло; мы дадим и 300 рублей, и 2 ведра вина. Возьмите». Тут он отдает одной из родственниц невесты гривну денег и начинает угощать всех женщин вином.

Между тем дружка уже привел жениха; а большой сват, окончив угощение, идет на пол, становит всех девушек в ряд и говорит жениху: «Ну, любезный, выбирай любую; мы за цену не стояли, а теперь уж твое дело». Жених берет невесту, берет ее руку правою рукою, берет бутылку вина, а невесте сват подает стакан, и они начинают угощать родственников и гостей. Между тем свахи держат на блюдах подарки, и молодые, окончив угощение, сперва дарят друг друга, а потом близких родственников. По окончании всего этого все садятся за столы, а жених с невестою за девичий и начинается угощение. Тут поются следующие песни.

188

Садовая яблонка
На присаде стояла
Да сильно, дробно твела,
Да немножко вытвела,
Всего два яблочка:
Первое яблочко —
Василий Димитриевич,
А другое яблочко —
Наталья Михайловна.
Не любила в пир ходить,
Не любила меду пить,
Любила на ручке спать
У свово дружка милого,
Василья Димитрича:
На ручке легохонько,
К сердечку близехонько.

189

Козушка белоногая
По горке ходила,
Дразнила, поддразнивала
(О)на сераво волка:
— Волчушка, серинькой!
Я ж тебя не боюся.
Я ж тебя не боюся,
В терем схоронюся.
Не взгадала ж да и козушка,
Што на утре будить:
Ножки тут, рожки тут,
Самой козы нету.
Дразнила Натальюшка
Василья Димитрича:
— Васильюшка Димитревич!
Я ж тебя не боюся.
Как я ж тебя не боюся,
В терем схоронюся.
Не взгадала ж да Натальюшка,
Што на утре будить:
Ленты тут, перевязки тут,
Натальюшки нету,
Ай, ляли, али-ляй-ляли!
Натальюшки нету.

190

По реке-реке, по быстро́й реке,
Ай, ляли-ляли, али-ляй-ляли! *
Плавала лодочка, лодка новая,
Лодка новая, ще кленовая,

* Припев поется после каждой строки.

Ще кленовая, раскрашёная.
В той лодочке добрый молодец
Холост, не женат, белый, кудреват,
Белый, кудреват Василий Димитривич.
Красна девушка бережечком шла,
Красна девушка, Наталья Михайловна.
— Садись со мною во новую лодочку,
Красная девушка! Я тебя сам знаю,
Знаю, ведаю всю родню твою,
Все родню твою, отца с матерью:
Вот, что братья твои, то шурья мои,
Вот што сестры твои, то своячинья мои,
А што батюшка твой, то-то тестюшка мой,
Вот што матушка твоя, то-то теща моя.

191

Белый лен при долине
Да буен ветер веить,
Ай, ляли, али-ляй-ляли,
Да буен ветер веить.*
Уж ён веить, повеваить,
К земле приклоняить.
Белая Натальюшка
По садочку гуляить.
Красная Михайловна
По зеленому ходить.
Приходють к Натальюшке
Сестрицы-подружки:
— Что ж, наша Натальюшка,
Да невесело ходишь?
Что ж ты, наша Михайловна,
Томненька, грустненька?
Аль тебе, Натальюшка,
Свекор не по сердцу?
Аль тебе, Михайловна,
Родной не п(о) обычью?
— Свекор мне подобычался,
Что родимый батюшка.
Уж мне свекровь подобычилась,
Что родная матушка.

192

Ой, Натальюшка по садочку гуляла,
Ай, ляли, али-ляй-ляли, да гуляла.
(О)на каленые орешки щелкала,
Ще щелушечки в окошечко бросала,
Да Васильюшке во кудерцы попала:
— Отсмею тебе, Натальюшка, насмешки,
Отсмею тебе, Михайловна, да большие.
— Позабудешь, мой милой друг, позабудешь
За своею, за большою суетою,
За своим за великим за гуляньем.
Позабудешь, мой милой друг, з обниманьем,
За своим же целованьем, милованьем.

193

Да березничек листоватый,
Ай, ляй, листоватый.**
Листоватый, кустоватый!
Да и кто ж у нас холост ходить?
Да и кто ж у нас не женатый?
Да и кто ж у нас белой, кудреватай?
— Павел-свет холост ходить,

* Припев поется после каждого двустишия с повторением 2-й строки.
** Припев с добавлением последнего слова поется после каждой строки.

Иванович белай, кудреватай.
Ему ж девки говорили:
— Павел-свет, не женися,
Не женися, сговорися.
Тебя девки полюбили
Да молодицы выхвалили.

194

Да рябина, рябинушка,
Да рябина кудрявая,
Еще качурявая.
Как тебе ж, рябинушка,
Как тебе не скучится,
На болоте стоючи?
Молодая молодушка,
Марфа Кузминична!
Как тебе не стошнится,
За старым жиемчи?
— Положу же я
Свово старово
Среди же я погреба.
Накрою соломою,
Подложу огонушку,
Зажгу я соломушку!

195

Ох, Павел во пир едить,
А Хавронья ворочаить:
— Воротись, мой милый друг,
Павел Иванович!
Навяжи хвост к коновязи,
Посмотри ж мою короватку:
Тесова ли моя короватка,
Весела ли моя новая?
Ай, ляли, али-ляй-али,
Весела ли моя новая?

196

Испей, испей, умничек,
Выкушай, разумничек,
Николай Васильевич.
Испить ведь винца хочется,
Сахаром в душу катится,
Подарить дружка хочется.

197

Не пора ли тебя, Натальюшка,
С терема долой?
Ай, ляли, али-ляй-али, с терема долой.*
Желты ковры пораскинем,
Ты ступнешь.
Зелену карету подвинем,
Посадим,
Посадим тебе извозчика,
Молодого,
Молодого, холостого,
Не женатого,
Холостого, не женатого —
Василья.
Ен сам кузнец, ен сам чеботарь,
Сапожник —
Сошьет своей Натальюшке
Башмачки
С пучками, вот с лендачками,
С позументочками.

---

* Припев с повторением последней строки поется после каждого двустишия.

198

Да не ласточка, не касаточка
Щевелит.
Ай, ляли, али-ляй-али, щевелит.*
Да училася да Натальюшка
Говорить.
— Сестрицы мои, подруженьки,
Как мне быть?
Да и как же мне, да и как же мне
В люди йтить?
Да и как же мне, да и как же мне
Свекра звать?
— При людей зови, при людей зови
Батюшкой,
А послей людей, а послей людей —
Лют свекор.
Да не ласточка, не касатушка
Щевелить.
Да училася да Натальюшка
Говорить.
— Сестрицы мои, подруженьки,
Как мне быть?
Да и как же мне, да и как же мне
В люди йтить?
Да и как же мне, да и как же мне
Свекровь звать?
— При людей зови, при людей зови
Матушкой,
А послей людей, а послей людей —
Люта свекровь.
Да не ласточка, не касатушка
Щевелит,
Да училася да Натальюшка
Говорить.
— Сестрицы мои, подруженьки,
Как мне быть?
Да и как же мне, да и как же мне
В люди йтить?
Да и как же мне, да и как же мне
Василья звать?
— При людей зови, при людей зови
Милый друг,
А послей людей, а послей людей —
Васильем.

199

У Васильюшки кудри русые,
Ай, да ли-ляй, ляли-ляй-ляли,**
Как у Дмитрича по плечам лежать,
По плечам лежать, по бело́м лицу,
По белом лицу, по румёному.
Как Васильем кудрям дивовалися:
— Как, Васильюшка, продай кудерцы,
Ох и, Дмитривич, продай русые.
— Мне самому, молодцу, кудри надобны,

---

* Припев поется после каждого двустишия с добавлением 2-й его строки.
** Припев поется после каждой строки.

Я и сам, молодец, холост, не женат,
Холост, не женат, белой, кудреват.
Тебя ж девки полюбили, на высок терем узводили,
На высок терем узводили, да молодицы усхвалили:
— Ох, Василий-свет, продай кудерцы,
Ох, и Дмитривич, продай русые.
— Уж и я-то вам, я дамно сказал:
Мне самому, молодцу, кудри надомны,
Я и сам, молодец, холостой хожу,
Я и сам, молодец, не женат хожу,
Не женат хожу, белый, кудреват.

200

Как нынче у нас ни порошица выпадала.
Ай, ляли, али-ляй-ляли, выпадала.*
Натальюшка извощичков нанимала,
Она семь пар коней, восьмой воз.
А как бы кто ж скоморошничка да подвез:
— Играй, играй, скоморошничек, с села до села,
Уж штоб была Натальюшка весела,
Уж штоб была Михайловна завсегда.

201

Пало перо,
[Пало перо]
Перед сенями,
[Перед сенями].
Пал Василий,
[Пал Василий]
Перед батюшкой,
[Перед батюшкой]:
— Батюшко, благослови, прости!
Во божий суд пусти,
Святой закон принять!

202

Прозвякнули недоуздочки на дворе,
Ай, ляли, али-ляй-ляли, на дворе.*
Да и все ж это, Натальюшка, для тебя,
Для твово, для твово, для краснова поезда,
Для твово, для твово, для хорошева жениха.

203

Не было ветру —
Понавеяло,
Не было гостей —
Понаехало,
Полон двор
Молодых гостей.

После этой песни входят в избу. Большой сват потчует всех родных жениха и невесты. По отходе стола невесту, покрытую полотенцем, сажают с старшим братом; к ним подходит большой сват и говорит: «Чем

* Припев с добавлением последнего слова поется после каждой строки.

ты, брат, торгуешь?». — «Красным товаром». — «Продай, мне нужно купить». — «Не продам; кроме моей, лавок много». — «Мне тут хочется купить: люди сюда послали». — «Люди могут тебя послать и в другие». — «Я уж был, да нет продажнаго». — «Пожалуй, мы продадим: да дорого ли дашь?» — «Вот тебе сто рублев да ведро вина». — «Мало». — «Вот тебе двести рублев и два ведра вина». — «Ладно». — «За большим не стояли, за малым стоять нечего». После этого он ставит перед ним ковш или кружку и сват должен налить ее полну: в противном же случае он говорит: «Наливай, брат, полнее: у сестрицы-то моей глазки полные». После всего этого поют:

204

Пречистая Матерь,
Ходи к нам у хату
Свахи помогать,
Косу расплетать,
Натальину косу,
Михайловны русу.

205

Пречистая Матерь,
Ходи к нам у хату
Свахи помогать,
Кудри расчесать,
Васильевы кудри,
Димитрича русы
Кудри расчесать.

206

Мимо садика, мимо зеленóва
Дорожка.
Что по той же дороженьке дружко
С поездом.
Ён и шапку снял,
[Ён и шапку снял],
Коня с' удержал,
Ён и шапку снял,
[Ён и шапку снял],
Послушал:
Да и где ж это кукушечка
Кукуить?
Яму мечело: кукушечка
За лесом,
Ажно ль это Натальюшка
За столом.

207

— Ой, был ли ты, да белóй лебедь,
На море?
Ой, видел, ли, да белóй лебедь,
Лебедку?
— Да и как же мне да и на море
Не бывать?
Да и как же мне да лебедушки
Не видать?
Да поплыла ж моя лебедушка
В тростничок,
Да за ней утушки
В три ряда,

Да и маленьки утеночки
    В четыре.
— Да и был ли ты, Васильюшка,
    У тестя?
Да и видел ли ты, Васильюшка,
    Наталью?
— Да и как же мне да у тестюшки
    Не бывать?
Да и как же мне да Натальюшки
    Не видать?
Да пошла ж моя Натальюшка
    Во терем,
Да за ней молодиц
    В три ряда,
Да и красных, да и девушек
    В четыре.
— Да и был ли ты, Васильюшка,
    У тестя?
Да и видел ли ты, Васильюшка,
    Да тестя?
— Да и как же мне да у тестюшки
    Не бывать?
Да и как же мне да и тестюшку
    Не видать?
Да што бырчатай полушубок —
    То тесть мой,
Да што дымчатое полотенчико —
    То теща моя,
Да што набекрень шапка —
    Деверь мой.

208

Ой, конь ты мой, конь сивогривой,
Повозник возгривой!
Приударь коня больно,
[Приударь коня больно],
Штобы конь бежал бодро,
[Штобы конь бежал бодро],
Штоб молодая заслыхала,
Встречать выбегала.

209

Да сер заюшка через поле
    Бежала.
Да бежи, бежи, сер заюшка,
    Во лесок,
Да руби, руби, сер заюшка,
    Липиньку,
Мости, мости, сер заюшка,
    Коровать,
Как бы было где Васильюшке
    Почивать.

210

Черна чернабылка
В поле моталась,
К горé приклонялась:
— Гора ж, моя горка,
Скажи всие правду:
Какова зима будить?
— Морозы лютые,
Снега глубокие.
Наталья Михайловна
Батюшку пытала:
— Каков Василь будить?
— Ай, умен, разумен,
Ко всему дороден.

211

А мы гостей ждали,
А мы поджидали,
Кунами двор стлали
С частыми соболями.
Пречистая мати!
Выглянь да в окошко:
Твой сын сокол едить
С соколушкой ясной.

212

Ай, во поле Натальюшка
Зелен ячмень жала,
Ай, ляли, али-ляли, зелен ячмень жала,*
Ай, во поле Михайловна
П(о) одном колосочку.
На ту пору Василий-свет
На вóроном коне:
— Не можешь ли, Василий-свет,
Изюму купити?
Не можешь ли, Василий-свет,
Меня накормити?
— Могу, могу, Натальюшка,
Изюму купити,
Могу, могу, мой милый друг,
Тебя накормити.

213

У Дмитрия Ивановича
Два тветочка раствели,
Да тветочка лазоревых:
Да как первый тветочек —
Василий Димитревич,
А другой тветочек —
Наталья Михайловна!

214

А мы зажгем лен, лен,
А девушек вон, вон!
— На что ж было звати,
Когда вон выгоняти?

---

* Припев поется после каждого двустишия с повторением 2-й строки.

*

Хорош каравай пашенишнай.
Хороша ж Натальюшка да с подружками.
Зазвала ж она всех подруг,
Думала ж думушку лучше всех.

215

Когда молодым постель готова, то дружко с женою идет ее обминать. Спустя несколько времени входит к ним большой сват с кнутом и выгоняет вон. Потом кладут молодых. Часа через два, если венчанье происходило утром, и на другой день поутру, если венчанье было ввечеру, большой сват входит к ним опять с кнутом и велит им переменить рубашки, а сам отправляется зазывать гостей. Когда все съехались, начинается даренье, после чего все садятся за стол и начинается пированье, во время которого, если молодая была virga и если coitum было совершено, большой сват берет рубашку и, тряхнув ею три раза, бросает под лавку. В противном же случае родных молодой начинают угощать худым стаканом. При этом должно заметить, что деревенские колдуны по злобе или по другим каким причинам делают у молодого impotentiam verilis. Я слышал, что недалеко от Сабурова (в Малоархангельском уезде) живет колдун, который может сделать какую угодно нев.....у на одну женщину, на всех, на год, на век. Я его призвал к себе и торговал у него этот секрет; он сперва не хотел мне его открыть, но наконец, когда он выпил водки и увидел деньги, он открыл мне всю подноготную. Эту болезнь делают двояким образом.

1. Берут нитку из покрывала мертвеца, влагают ее в иглу, которую и вдевают в подол рубашки известной женщины: пока эта игла не вынута, то мужчине ничего нельзя с нею сделать; ежели же ее найдут, то не вынимают, а раздирают рубашку, а лоскутья жгут.

2. При восходе солнечном отрезывают от церковного колокола конец веревки, берут часть этого конца, завязывают три узла при следующем заговоре: «Как висит колокол, так виси у раба NN сором на рабу NN отныне до веку. Аминь». После этого заклинания кладут эту веревку под порог или на то место, где должен пройти тот раб, которому это делают.

3. Вместо веревки лучше брать часть мохра от церковного паникадила, на одной нитке которой завязывают 3 узла при следующем заговоре: «Как висит мохор, так виси у раба NN сором на рабу NN отныне до веку. Аминь». Нитку эту кладут под порог.

Делать эту болезнь легко, а лечить и того легче. Надо на утренней заре сходить за водою на колодезь самому больному и на возвратном пути не оглядываться и не останавливаться, что́ бы ни почудилось. Потом эту воду выливают в складни и больной переливает воду через тележную ось из одного складня в другой. Между тем колдун читает три раза: «Как стоит стержень, так стой у раба NN сором на рабу NN отныне до веку. Аминь». После этого воду должно вылить на восточную сторону какого-нибудь строения, и болезнь должна непременно пройти.

В Малоарх<ангельском> уезде про дела колдунов на свадьбах рассказывают чудеса. В селе Нетрубеже во время свадьбы у молодого беспрестанно соскакивали порты. За верность этого события можно поручиться, потому что оно дошло и до господ.

НАРОДНЫЕ СКАЗАНИЯ О КЛАДАХ, РАЗБОЙНИКАХ, КОЛДУНАХ И ИХ ДЕЙСТВИЯХ, ЗАПИСАННЫЕ В МАЛОАРХАНГЕЛЬСКОМ УЕЗДЕ

216

Вам все только рассказывай да рассказывай, а что станешь рассказывать? Вот кабы вы позвали Касюка, так тот бы наговорил вам вдоволь всего; тот человек грамотный, а я что? Мое дело мужицкое... Что я вам стану рассказывать? Как я ездил по зиме в Орел, что ль? Да это я вам уж рассказывал. Об чем же? Да, вспомнил! Скажите-ка мне, слыхали ли вы, например, что-нибудь о кладах? Если не слыхали, то вам не только я, а любой старик столько об них наговорит, что в три короба не покладете. Вот, изволите ли видеть, клады зарывали в старину, когда подходил неприятель, литвин, примером, или татарин. Случалось, что скряга какой-нибудь зароет в землю котелок-другой рублевиков, а больше всего разбойники. Вот благо, что на ум пришло: я поведу с вами речь сперва о разбойниках, а там уж о кладах.

В старину было так много разбойников, что, бывало, тот, кто ехал в дорогу за сто верст, исповедовался и причащался. Да что в дороге! От них и дома не было покоя. Такие страхи запомню и я. Вот хоть возьмите Муравья. Уж что за человек, а и тот ведь сколько напроказил в свою жизнь; а кладов-то сколько зарыл! Пять губерний, небось, можно купить. Уж бог знает, отчего православные его так называли, только он не имел никакого другого имени — Муравей да Муравей.

Сперва-то он как следует был, мужик честный, исправный — да что ты будешь делать! Втемяшилось в голову это проклятое богатство, сна не дает! На какую ж он хитрость поднялся: взял украл из соседней деревни лошадей да и повел продавать на ярмарку. На ярмарке у приходской церкви хозяин узнал их, назвал вором его, всю деревню — разбойничьей пристанью. Слово за слово, давай драться... Вот Муравей и убил его. Его, было, ловить — куда! Сел на лошадь, да и поминай как звали. Прошел месяц, другой. Вот и пронесся слух: там на большой дороге нашли мертвое тело купца, носившего образа. Он был зарезан, кругом валялись куски святой плащаницы, все в крови. Там в лесу нашли попа, удавленного на осине; там, бог весть отчего, сгорела целая деревня; там то, там другое. Мужики, которые ездили в лес за дровами, часто видали: Муравей с топором за поясом расхаживал да посвистывал, только из своей деревни никого не трогал. Зато уж из чужих не попадайся! И все решительно знал он: что где про него говорили, у кого сколько денег, кто куда собирался ехать. Все решительно знал. Один раз приехал из Москвы в свою деревню барин, а жена-то его слыхала про Муравья да вот как его боялась, что и сказать нельзя! На ночь она клала с собою в одной комнате несколько девушек, двери все были крепко-накрепко заперты, караулила целая дворня. А Муравей был и сам малый не промах — и носа не показывал. А барыня так уж и думала: вот-вот пожалует в гости!

Один раз, ночь была темная-темная, хоть глаз выколи, барин с барыней сидели да разговаривали. Вот барыня и говорит барину: «Уж сколько раз говорила я этим людям, чтобы закрывали они ставни на ночь, — не слушают! Что, если теперь вдруг выглянет Муравей?». Только что она сказала это, как Муравей ей гаркнет в окошко: «Да Муравей-то и здесь!». Барыня так и остолбенела. Барин сперва не мог сказать ни одного слова, а после: «Лови, держи его!». Вся дворня бросилась его ловить, куда — только его и видели!

Что ж только делал этот Муравей? Волосы станут дыбом, как послушаешь, что рассказывают старики. Ни пешему, ни конному — никому не давал спуска. И церкви божьи грабил. А куда шло добро? Ведь и теперь гниет в земле. Но не вечно же гулять доброму молодцу, не всегда веселиться удалому!

Один раз из одной деревни в другую шла через лес молодая однодворка повидаться с родными. Вдруг перед нею из-за куста Муравей... «Стой, — говорит он, — что у тебя есть?». А что она могла дать ему? У нее ничего не было. Поискал, поискал, видит, что взять нечего, да и говорит: «Жалко! Да ты никак беременна?». «— Да, батюшка!» «— Ну, слава богу, что ты мне попалась, а я уж давно хотел посмотреть, как у вас там лежит ребенок!». Тут он схватил ее за косы, повалил на землю и взрезал живот. Только, как он резал, то (уж видно, бог так дал, чтоб кровь христианская не пропала даром) на него наехали купцы. Он почти и не слыхал, как его схватили и связали. Долго потом рассказывали старики, что они видали его в городе; сидит, бывало, под окошком в тюрьме да и смотрит на всех, как сумасшедший, а глаза на выкате, как у удавленника. Мальчишки бегали по улице, смеялись над ним и бросали камнями; те, которые были посмелее, подходили к нему поближе и спрашивали: «Муравей, как лежит ребенок?». Тут он скорчится да и покажет, как лежит ребенок в утробе матери. Стали разбирать дело, судили, судили, разве лет пять. Да уж приказ высечь его кнутом маленько опоздал: Муравей умер в тюрьме.

217

Вот я рассказал вам теперь только об одном разбойнике — о Муравье; а слыхали ли вы что-нибудь о старце Яриле? Этот был тоже не хуже Муравья. Он был очень богат. У него было двенадцать человек сыновей, все молодцы как один, большая шайка разбойников, и все они, как только наступит ночь, так, бывало, и едут под дорогу. Не ездил только один младший сын. Часто, бывало, целая деревня, целое село гонится за ними в погонь, и тут-то они, если видят, что дело плохо, бросают в какую-нибудь трясину все что ни награбили, забивают поглубже, а сами, как ни в чем не бывало, приезжают домой. Наконец Ярила был пойман, тоже года три сидел в тюрьме. Да этот не умер... Знаете Жданов вершок? Ну, вот что к курской границе. В старину там был дремучий лес, по нем не было ни проходу, ни проезду. Вот там-то суд и присудил повесить Ярилу со всеми сыновьями. И младшего тут же повесили, который не ездил-то на разбой. Надо, дескать, проклятый род дотла извести. Там их и закопали.

Вот уж лгать не хочу, сам я никогда не видал, а слыхать слыхал, что с той поры всякую ночь на могиле младшего сына Ярилы теплилась свеча. Многие видели ее вблизи. Бывало, настанут сумерки, а она так и загорится. Узнал об этом отец Иван да и говорит в церкви после обедни: «Это оттого, — говорит, — горит свечка, что он безвинно повешен и некому помянуть его на родительскую субботу; это, — говорит, — страдальческая кровь, а вы, — говорит нашим мужикам, — когда не хотите, чтобы она горела, так запишите его в поминанье да отдайте мне, а я, — говорит, — буду его поминать». Вот кто-то и послушался отца Ивана. Как помянули раз, так и свечка погасла.

218

Да разве один только старец Ярила был у нас разбойником из старцев? Ни, чушь! Вот, примером, дядя Тимофей ведь тоже был, а носятся и за ним худые слухи. В церковь, бывало, войдет, так посмотришь — такой смиренник, что, на́ поди, и подумать-то, кажется, грешно про него худое; а настанет ночь — хоть и не подступайся: черт чертом, да и только. Наши мужики и теперь еще, пожалуй, покажут вам в Поповом верху ямы, что прежде были разбойницкие погреба дяди Тимофея, куда он прятал все награбленное добро. А немного подальше Попова верха, знаете, к Пересухе (деревня) есть бездонный колодец, куда дядя Тимофей посадил один раз целую шестерку лошадей с каретой. Как ключ, ко дну пошла.

Ехал, знаете, какой-то барин. Они, было, и давай его того, да куда! С ним, вишь, было много хлопот. Делать было нечего: лучше уж не доставайся никому, чем пустить так. Гаркнули на лошадей, а те были добрые такие, сытые, как понесли — и прямо в трясину, да и поминай как звали! Уж наши ребята в рабочую пору сколько раз хитрились достать дно в бездонном колодезе. Навязывали на кушак камень, кушак привязывали к косе, и, бог знает, чего они ни делали, а дна все-таки не достали. Так рассказывали ребята, а уж врать им нечего.

Старец Тимофей был еще не так давно, только он недолго попировал. Как прослышал сердечный, что к нему хочет наехать в гости суд, бросил жену и детей, да и давай бог ноги... Там он и умер.

219

Да что дядя Тимофей! Такие ли разбойники бывают! Вот, примером, Кудеяр, так тот уж, что называется, вполне разбойник! А этот что за разбойник! У нас про Кудеяра, слава богу, не было слышно. Зато уж, братцы, в Трубчевском уезде накуралесил он вдоволь. Вот, видите ли, летось зимою ездил я с обозом в Орел и напал там на мужичка оттудова. Слово за слово, он и рассказал мне об этом Кудеяре, какие чудеса делал он там.

Вот видите, в тамошних местах протекает река Десна. Только теперь она течет не там, где прежде, а взяла немного левее, а отчего — я сейчас расскажу. Уж, бог знает, правду ли мне говорил этот мужичок али лгал, кто его ведает, я расскажу, что слышал. Давно, очень давно, даже самые старые старики этого не запомнят, а так только народушко болтает, проявился в Трубчевском уезде Кудеяр, страшный разбойник. Там, бывало, сожжет целое село, там разорит целую деревню. А в Трубчевском уезде и теперь еще такие леса, что срубить такую хату, как, примером, эта, — плевое дело... А прежде, говорят, просто не было ни прохода, ни проезда. Там-то и жил Кудеяр с своею шайкою. Там же, на берегу Десны, в маленькой избушке жил старик лесничий, а у него дочь была такая раскрасавица, что в нашей деревне ни одной такой молодки не отыщешь. Вот и приглянулась она Кудеяру: ходит он, бывало, да похаживает около избушки. Да что ты возьмешь? Отец всегда дома, а доведись тебе или кому-нибудь на месте его, так черту, не только Кудеяру раскроит голову.

Только неподалеку оттуда жила одна старушка, кажись, еще сродни лесничему, кума что ли, бог ее ведает. Вот один раз и приходит к ней Кудеяр. «Слышь ты, — говорит, — бабка, сходи-ка ты нынче к лесничему да позови его вечерком к себе, только без дочери. Если ты этого не сделаешь, всю деревню, — говорит, — вашу сожгу, а тебе, старой карге, висеть на осине. Я, — говорит, — Кудеяр». Сказал да и пошел прочь. Вестимо, дело бабье: Кудеяр, дескать, велел, что ты будешь делать, пропала моя бедная головушка! — ну и расхныкалась.

Только ночью, как старик ушел в гости, дочь и слышит, что кто-то стучится. «Кто тут?» — говорит она. «Отпирай скорее, это Кудеяр!» Что тут делать! Бедную девку как варом обдало. Ну, скорее бежать! Схватила со стены образ Богородицы да прыг в окошко: глядь — полон двор разбойников, а у самой двери стоит Кудеяр да постукивает. Вот как завидели они ее и давай гнаться. Она — к Десне, подбежала и говорит: «Мать Десна, спаси меня!» — да и бросилась в воду. Только, — стало быть, бог так дал, — Десна вдруг переменила русло, так что красавица осталась на одном берегу, а разбойники на другом.

220

Но полно толковать о разбойниках. А теперь вы говорите, что клады. Ведь клад без цвета папоротника не скоро достанешь. Вот, примером, в Зубаревом верху, уж там сколько кладов, что если бы достать хоть

один, так стало бы не только нам, да и внучатам нашим не прожить. А сунься-ко, так ничего и не будет. Уж сват Федор не нам чета: умный мужик, хоть с барином поговорить — не полезет в карман за словом; а ведь тоже взял. Видите ли, каким манером было дело: раз он запоздал в лесу, идет домой и видит: в Зубаревом верху горит огонь: «Дай, — говорит, — посмотрю, кто это там хворост жгет. Верно, ребята в ночное забрались. Ох, не видит их староста! Счастлив их бог!» Вот и пошел. Глядь: сидит у огня старичок, седенький такой. Подле него воткнут в землю костыль, возле костыля собака, а к костылю привязан гусь. Супротив его стоят три котла пребольшущие-большущие. Дядя Федор говорит: «Навряд ли человек 20 с места сдвинут». В одном золото, в другом серебро, в третьем медь, а по краям котлов горят свечи. Дядя Федор так и ахнул. Вот, дескать, кабы хоть горсточку вот из энтого-то. Подумал да идет мимо, а старик ему: «Давно, давно бы пора, голубчик, прийти за деньгами, уж залежались. Да без папоротника хоть и не показывайся. Знаешь ли, что этот верх стоит один трех губерний: Орловской, Курской и Тульской. Приходи, приходи, друг, только чтобы был папоротник!». Дядя Федор был человек набожный, сотворил крест да и говорит: «С нами крестная сила!». Глядь, ни старичка, ни огня — ничего нет!

221

А вот какая оказия случилась в Х-ом. Ведь вы, небось, знаете Ваську слепого? Ну, вот что еще торгует табаком! Так это было с ним. Раз привиделся ему сон: приходит к нему старичок да и говорит: «Послушай, Вася, ступай ты нынче с лопатою в Протопопов Заказ да подпили камень, что подле болота — там клад». Васька и пошел. Рыл, рыл землю, вот и видит: стоит котелок. «Ага, — говорит, — достался ты мне!» — да и давай его тащить. Вдруг, откуда ни взявшись, бежит солдат; ни дать ни взять, как настоящий: с ружьем, с саблею, со всем, как следует быть. Прибежал да как гаркнет: «Что ты тут, сатана, делаешь!». Васька видит, что дело плохо, давай бежать, и попышку забыл. С той поры Васька клялся и божился, как рассказывал это: всякий, кто пройдет мимо того места, видит, что все расхаживает солдат с ружьем. А вы думаете, что это в самом деле солдат? Как бы не так! Зачем ему тут стоять? Это нечистая сила стережет деньги.

222

Вот М-м тоже ведь сколько кладов, а как их достанешь? С голыми руками не суйся, найди сперва цвет папоротника, а как его найдешь? Ведь папоротник бывает разный: иной желтее, иной чернее, и цветет тоже разно — иной под Петров день, иной под Ивана Купалу. Вот, что ни самый черный листьем, тот-то и есть настоящий. Бог ведает, правда али нет, что говорят про цвет этого папоротника. Сам я за ним никогда не ходил. А говорят об нем много.

Вот, примером, раз кучер Петрак, знаете, что из Л-а, караулил папоротник. Ведь он, говорят, цветет ровно в полночь под Ивана Купалу. А как узнать полночь в лесу? Никаким попадом не узнаешь! Так что ж он сделал? Вам и в голову не придет. Дня за два до Ивана Купалы с вечера он зажег свечку и стал смотреть, сколько сгорит ее до полуночи. Вышло, что к полуночи сгорело полторы свечки. Вот хорошо! С вечера под Ивана Купалу, чуть только смерклось, он пошел в лес, обвел около папоротника круг, зажег свечку да и стал читать Евангелие. Что же вы думаете? Он себе читает да читает, а нечистая-то сила над ним куралесит: то из ружей стреляет, то кричит, то хохочет и уж чего-чего ни делает! А тут уж такое дело: когда сел — сиди, не оглядывайся. А то на какую сторону повернешься, там голова и останется, и будешь кривошеим. Вот догорела одна свечка, догорела половина и другой, он взглянул на па-

папоротник, а папоротник так и цветет, и цветок на нем горит рассыпными огнями. Подостлал Петрак полотенце, стряхнул бережно на него цвет, завернул покрепче в полотенце да и пошел домой.

Только что стал он подходить к околице, барин ему пырь в глаза! «Где ты был, такой-сякой? Чай и невесть где шатался!» — «Нет, сударь, я доставал цвет папоротника, и вот он». Только что барин взял в руки полотенце с цветком — ни цветка, ни барина будто не бывало. Петрак глядь кругом: он сидит над папоротником, а вдали кричат петухи. Тут только он догадался, что то был не барин, а нечистая сила, прости господи, в виде барина. Страсти-то натерпелся, а папоротника все-таки не достал. А с ним, говорят, можно какой хочешь клад выкопать — и нечистая сила не тронет. Только вот что: клад кладу розь, а другой хоть и брось.

223

Иной клад такой: ты его хоть и достанешь, а впрок тебе он все-таки не пойдет. Так-то в Кр-м один мужичок нашел котелок с деньгами. Как рыбья шелуха, так и навалены верхом. Вот только что он нашел его — стал чахнуть. Чах, чах да и помер.

У него было три сына. Стали после отца делиться, разделили и денежки. Что ж, не прошло и года — все прибрались! Вот что.

А тут самое лучшее, если ты нашел клад, так не жадничай, не прячь, а возьми да раздели на три части: одну отдай в церковь божию, другую на нищую братию, чтобы поминали за упокой того, кто их зарыл в землю, а третью-то хоть возьми себе. Вот тогда уж все будет хорошо и злое слово тебе ничего не сделает. А то ведь часто клад зарывают да делают и проклятья, чтобы он никому не достался. Добрых людей много на белом свете, а злых еще больше!

224

Ну а слыхали ли вы, к примеру, братцы, что-нибудь о колдовстве? Вот уж это не то что клад. Клад сам по себе, а колдовство само по себе. Клад только достать трудно, а достал да коли умеешь еще употребить на доброе дело, так и живи себе припеваючи. А колдовство хоть и легче достается, да зато каково за него разделываться! Трудненько, трудненько... Колдун ведь, братцы, с чертом коротко знаком. А черт уж, знамое дело, даром знакомиться не любит. Только в старину, так что, может быть, запомнят прадеды наши, одна баба обманула черта. Да уж черт ее знает, как она его обманула! Говорят, хитра была. А хитрость, известное дело, не всякому дается, оттого-то и черта обмануть не всякому придется. Черт его обманет!

А все-таки колдовство — дело диковинное! Случалось мне на своем веку побывать и в Орле, и в Болхове, даже и до Ельца доезжал с извозом... А уж кто бывал в дорогах, тот всего наслушается. Собирался, было, раз и до Москвы с пенькою, да француз проклятый все дело испортил. То-то, нехристи, говорят! Ну да пропадай они совсем.

Видите ль, как достается колдовство. Об этом мне рассказывал покойник Артемьич, дай ему бог царство небесное... Славный был старичок. Как теперь помню, это было о святках. Пришел ко мне Артемьич и этак, к примеру сказать, навеселе. Не то чтобы пьян, пьян он никогда не бывал. Он был человек умеренный. А так себе, навеселе, да и только. Вот и сели мы с ним. Сперва у нас разговор как-то не клеился, а как выпили по рюмочке, то и пошло дело на лад.

— Да знаешь ли ты, — сказал мне Артемьич, — что такое колдун?

— Колдун? Как не знать, дедушка.

— Ну что ж ты знаешь?

— Колдун-то... вестимо... Нет, дедушка, не знаю.

— Молодо-зелено, братец, хуже, чем... А потом остановился да и говорит: «Так узнай же, брат Степан, что колдун и черт — почти все равно. А если разобрать дело как надо, так колдун выйдет еще хуже черта!».

— Что ты, дедушка!

— Не что, а лучше послушай-ка: вот, к примеру, хоть бы ты захотел стать колдуном. Знаешь ли, что нужно для этого сделать?

— Не знаю, дедушка!

— Так вот что: возьми-ка полтину, а много-много две да и поклонись ниже колдуну, а уж он, наверняк можно сказать, познакомит тебя с чертом!

— Наше место свято, дедушка!

— Знаю, знаю, Степан, только не мешай мне. Как поклонишься ты колдуну, вот он возьмет тебя да и поведет в полночь на перекресток. Да это бы ничего, а послушай-ка, какие штуки там-то он выкинет. Вот видишь ли ты: сперва он ножиком очертит круг, возьмет чашку с водой да и станет вместе с тобой в кругу-то лицом на восток. А как станет, то и начнет выплескивать из чашки воду да звать нечистую силу. И только что выплеснется вода из чашки третий раз, ан смотришь, нечистая сила тут как тут. Как зашумит, как загудит, так вот того и смотри, что разорвет тебя на кусочки! Ан нет... Как он закричит «чур меня», так мигом приутихнет. А как утихнет она, он и скажет ей: «Послушайся вот такого-то, к примеру Степана, как меня». Ну и дело в шляпе, уж будет слушаться. Это я слыхал от верных людей. Так, стало быть, и выходит, что колдун хуже черта. Черт сам по себе черт, он уж и был чертом, а колдун был человеком, а сделался-то чем? Черт знает чем... так-то!

225

Вот что мне рассказал Артемьич. А знаете ли вы, какие оказии делают колдуны? Послушайте, так вдоволь надивитесь.

Слыхали ли вы, к примеру, что-нибудь о заломах? Не слыхали? Мало же вы знаете. Залом не то чтобы дело плевое, а бедовое... Сорви-ка, попробуй залом, как раз богу душу отдашь. А ежели жив останешься, то так тебя изуродует, что сам на себя не будешь похож. Вот уж это на моей памяти было: в сельце С-е — вы уж, верно, знаете это сельцо — был садовник, да уж такой неверующий, ну просто ничему не верил! Вот напался он раз на залом да и думает: эка, глупость какая! Подумал да и вырвал его, так вырвал, что только корешки замотались! Небось, вы думаете, что это ему так прошло? Ну нет! С тех пор и начал за всяким словом прибавлять «говорит, говорит». Смех, бывало, да и только, господи прости мое согрешение. А рука-то больше полгода как на пружинах была, только и знай, что подергивала. Вот какова оказия.

226

А слыхали ли вы, как делают заломы? Вот, изволите ли видеть: ночью колдун разденется донага, взъерошит волосы да и пойдет на чей-нибудь загон. Как придет туда, вот и схватит пук зеленого хлеба да заплетет его колосьями, одними к лицу, а другими на восход солнца, так странно, так хитро, что тот, кто не знает делов-то этих, ни за что и не развяжет. Да еще кверху выпустит торчмя колос либо два, уж это, дескать, на чью-нибудь голову. Что вы смеетесь? Нет, зубы-то, братцы, нечего чесать! Нешто еще попросишь другого колдуна залом сломать, а то хлеб-то хоть на загоне оставь: никуда не годится. Даже и купцы его узнают: бог его ведает отчего, а только так все кверху и топорщится. А спорыньи-то в нем и на грош нет.

А коли колдун сломает этот залом, так уж будет плохо и тому, кто его сделал. Вот что раз было: в Н-е жили два мужика; а один из них был такой задорный, что, бывало, и самому барину готов нос сорвать. И слыл задорный-то за колдуна.

Рассердился он раз на своего соседа да и смастерил ему залом. Тот так и всплеснул руками. Да ведь сколько ни ахай, а сам беде не поможешь. Вот он и позвал другого колдуна. Колдун срубил осиновый кол, расщепил его надвое да и выдернул им залом. А как выдернул он залом-то, то и сжег его благовещенскою свечою. А на месте том, где он был, забил осиновый кол. Потом пошептал что-то да и ушел. Вот и стал задорный-то мужик побегивать на загон да ухаживать около кола. Уж чего-чего он там ни делал, а колушек нет как нет, не лезет из земли, да и только. Велик, верно, был. Вот и не выдернул он кола и начал мучиться предсмертными муками. Господи боже мой, уж чего с ним не было! То он охал, то кричал, то подымался, к примеру, на пол-аршина от земли и падал. Мучился-мучился, ну, что ж вы думаете? И решил спокоиться. Дотащился кое-как к соседу да и говорит. «Прости, брат, виноват заломом, вперед не буду». Тот подумал-подумал да и простил. И вправду, не содрать же кожи. Как к бабушке сходили, встал мой мужичок и пошел здоровехонек.

А, говорят, выдерни он кол зубами, так и прощенья не нужно бы было просить.

227

Да то ли еще делают колдуны! Недаром они с чертями в ладу. Вот, к примеру, знаете ли вы, что сделал один писарь с нашим дьячком? И этого не знаете? Ну, ну, ну! Да вы спросите хоть у пятилетнего, и тот вам расскажет. Хорошо, что на дворе еще не так поздно, а то бы и рассказывать не стал: как раз оторопь возьмет. Это было о Дмитриев день. Уж вы, верно, знаете, что в Дмитриев день у нас храмовый праздник. А уж, известное дело, престольный праздник попу и дьякону больше, нежели всякому, праздник. Они сами в гостях и у них гости. Вот и были у дяди Федора гости. Был в гостях у него и писарь из другого села, который любил похвастаться своим знахарством. Рюмочка за рюмочкой — вот гости дяди Федора и поразвеселились. И, боже мой, как начал хвастаться писарь: он знает одно, он может другое, ну просто не было ничего, чего бы он не знал. Взяла досада дядю Федора, он и начал спорить с писарем и как-то обмолвился и сказал ему напрямик, что он врет. Как ощетинился писарь да и начал говорить дяде Федору: я тебе сделаю то, другое... Слово за слово, да и побранились. Писарь уехал, а дядя Федор и не почесал в затылке. Как легли все спать, лег и дядя Федор, только ему не спалось как-то в эту ночь. Лежит он да и думает, а об чем он думал, бог весть. Вдруг как зашумит в конюшне, как загудит, что дядя Федор хоть был и не трусливого десятка, однако немного сробел. «Что бы такое», — думает он да и зовет своего работника; а в конюшне шум все пуще и пуще.

Входят они в конюшню, глядят, ан все лошади вверх ногами в яслях; мыло с них валит ручьями, а по яслям какой-то серый клубок так себе и катается. Дядя Федор хотел было его цепом — не тут-то было, он прыг из ясель, да и покатился. Собаки его так и рвут, а он себе катится да катится. Прикатился к кусту, рассыпался, да и был таков. Полгода целых всякую ночь мучился дядя Федор, пока сам писарь не избавил его от беды; вот, изволите ли видеть, умилосердился да и отговорил.

228

А вот уж на свадьбах что делают колдуны, так просто избави господи! Другой такую штуку над молодыми сострoит, что и смешно, и жалко... Давно, очень давно сын одного однодворца пошел на службу;

человек он был смышленый, вот и захотелось ему быть дворянином. Служил он служил да и дослужился капитанского чина. А медалей, крестов-то у него было хоть бы тебе у другого генерала. Полк, в котором он служил, стоял в Польше. А на чужой стороне, известное дело, одинокому жить тошно. Встосковался и мой капитан. Тосковал, тосковал да и вздумал жениться. Ну что ж? Жениться недолго. Вот и женился он на одной богатой-пребогатой полячке да еще и из знатного рода.

Как приехал он с женою на свою родную сторону, как увидала она его невзрачные палаты да отборную родню, всплеснула, бедная, руками да и покатилась замертво. Ну и, правду молвить, родня-то у него была отборная. А уж из всей родни его была у него кривая сестра. Я думаю, вы давно знаете, что кривой бабы и черт боится. А православному с нею и говорить много не приходится, как раз наделает беды. Не взлюбила кривая невестку, да и давай строить над нею разные каверзы. Строила, строила да так хорошо пристроила, что та и закричала на голоса.

Разузнал капитан, где живет бабка, и поехал к ней с женою. Только что они подъехали к ее хате, она из сеней пыр к ним навстречу да и говорит: «Знаю, знаю, зачем вы приехали, да без соли и хлеба я никого не принимаю». «Со мною нет хлеба, бабушка», — говорит капитан. «Ан нет, у тебя в повозке есть калачи». Как вспомнил капитан, что у него в повозке лежат калачи, так у него и пробежал мороз по закожью. Делать нечего, однако, принес калачей. А бабка разослала шубу, да и давай гадать. «Испорчена, родная моя, испорчена золовкою». Да как начала им высказывать всю подноготную, что и господи упаси. «Довольно, бабушка, довольно!» — говорит капитан. «Не бойся, родная моя, не бойся! Сем-ко я расскажу тебе, как надо полечиться: перебери твой пуховик и подушки, вынь оттуда кости, щепки, волосы и много кой-чего да все это спусти на воду, а не жги. Не то умрешь, как раз умрешь! Да вынь еще в сенях из левой притолки большую цыганскую иглу и ее спусти также на воду». Вот и сделала капитанша все, что ни велела ей бабушка, и вылечилась совсем. Да только кривая не унялась и опять дала ей какого-то снадобьица.

229

А то вот, если хотите, и смешная история. Жил в старину один помещик. У него были дети, а грамоте обучал их дьячок. Пришел раз в хоромы к помещику мельник. А помещик был человек приветливый: со всеми любил разговаривать. Вот и начал он разговаривать с мельником. Откуда ни возьмись дьячок, да и вмешался в разговор. Говорил, говорил и начал смеяться над мельником, а мельник-то был колдун. Слушал, слушал мельник да и рассердился.

— Послушай, — говорит он дьячку (а дьячок тогда сидел на сундуке), — хочешь ли, ты не встанешь с сундука?

— Ой ли?

— Так вот же не встанешь!

Дьячок хотел было приподняться, ан смотрит — и крышка за ним поднимается. Он туда, он сюда — прилип, да и только. Крепче прилип, чем язык к наковальне, когда ее лизнешь во время мороза. Метался, метался бедный дьячок, да и ну просить мельника: «Батюшка, такой-сякой, сделай милость, отклеи!».

— Ой ли?

— Сделай милость!

— Вставай да вперед пустяков не болтай!

Дьячок вскочил, да и был таков. Ну уж с той поры о колдовстве ни слова.

230

А слыхали ли вы что-нибудь о приворотах? Вот, к примеру, полюбилась вам девка. Как сделать, чтобы она полюбила и вас? Поклонитесь знахарю, так уж все сделает. Вот что в старину раз было.

Жил один помещик с женою: жили-то они не то чтобы ладно, да зато больше семи раз в неделю не бранились. Вот и забилась дурь в голову моей помещице, твердит она и встречному, и поперечному: не любит меня муж, да и только! Твердила, твердила да и вздумала приворожить его. Как начала кормить его лепешками, а лепешки были такие сладкие-пресладкие! Помещик ест да похваливает. А уж на чем они были приготовлены, мерзко подумать, не то что сказать! Что ж вы думаете? Ведь ладно стали жить!

231

А вот и почище этой история. Был в одном селе парень, да только такой парень, что махнешь, бывало, рукой да и скажешь — молодец! Вот и ухаживали за ним все девки, а достался-то ведь одной. Жила в одном селе с ним девка, да еще горничная. Не то чтобы она была хороша, не то чтобы была дурна, а так — середка на половине: от дурных ушла, а хороших не догнала. Полюбила она парня и начала за ним всячески ухаживать, только он на нее и смотреть не хотел. Пришел он раз в барские хоромы да и говорит старухе-ключнице: «Дай, бабушка, молочка!». А горничная, как тут была, схватила ключи, побежала в погреб и принесла молока. Как попробовал его парень — ах ты боже мой! Не то кисло, не то горько, гадко, просто гадко, а есть его так и хочется. Поел он молоко да и лег спать. А как проснулся, то и нашел какой-то гребешок под подушкою. Идет он по барскому двору, а горничная идет с ним рядом. Что за оказия — хочется ему ее поцеловать, да и только. А как поцеловать? Неровно господа увидят в окно — страшно. Моргнул он ей, а сам и пошел с барского двора, она пошла за ним. Как сказал парень девке — люблю тебя, она прямо к нему на шею... С той поры и начали они любиться.

232

Вот еще что рассказывал мне Артемьич. Вы знавали старика Пахома? Да нет, вы его не запомните, и я-то его как во сне вижу, а вот уж шестой десяток живу. Слава тебе господи, много на своем веку видел и хорошего, и худого. Так вот мать-то Пахома была страшная колдунья и таскалась по смерти с того света. Уж, разумеется, таскалась-то не она, а тень ее. Да все-таки в доме было неладно. Бывало, придет и начнет перебирать ложки, чашки... Стучит, гремит целую ночь, хоть вон беги из дому. К тому же не взлюбила невестку — схватит, бывало, бедную за косу да и вытащит на улицу. Мучились, мучились да и придумали забить ей осиновый кол. Как отрыли ее — что ж вы думаете? Лежит-то она уж не кверху лицем, а книзу. Перевернули ее, глядят — румянец во всю щеку так и играет! Тут хоть кого оторопь возьмет. Бойся не бойся, а делать нечего: кол-то все надо забить, а то еще хуже будет проказничать. Вот как наставили в спину кол-то, как ударили, так кровь и брызнула из нее. С той поры полно таскаться. А невестка-то, ну вот та самая, которую она на улицу таскала, зачахла и году, бедная, не прожила. Да мало ли чего ни делает эта нечисть с того света! Случалось мне не раз слыхать, что она бегает оттуда и свиньею, и кошкою, и во всяком виде. И собаки-то ее не берут. Разве уж щенки третьего помета: вот эти ее видят, и она их боится.

Нет, плохо быть колдуном. И по смерти-то им покоя нет, только и знают, что шляются. Да и умирать-то колдуну не так-то ловко. Другой и язык на пол-аршина выпятит... Что ж делать — не выходит душа.

Разве через огонь его перенесут либо половицу в потолке подымут, так легче ему будет. Да кто ж ему виноват? Не пакостничай, а живи по-христиански — и умрешь легко, и по смерти спокоен будешь. А то уж чего-чего они ни делают! И пчел морят, и людей портят, и козюлек (род змеи) заговаривают... Ну их совсем, прости господи!

233

Небось, вы думаете, что колдуны знают одни наговоры? Нет, они еще знают и многие травы. Да и не верить травам нельзя. Вот я вам насчет трав-то расскажу не сказку, а настоящую быль.

У одного мужика в погребе жил уж. Правда, он никому не делал зла, да все как-то нехорошо, что подсоседится такая гадина. Вот раз мужик взял у него яйца да и положил их на другое место, а сам стал караулить, что будет делать уж. Приполз уж в свое гнездо, глядь, а яиц там и нет. Он и выполз из погреба. Мужик и думал, что он никогда не воротится. Ан нет. Не успел он и глазом моргнуть, как уж опять ползет в погреб, да только не в гнездо свое, а к горлачу (горшок для молока) с молоком. Мужик глядит на ужа, а тот обвился около горлача да и бросил в него какой-то желтенький цветок. Вот мужик взял да и положил яйца на прежнее место. Как увидал уж свои яйца, так и кинулся опять к горлачу. Уж чего-чего он там ни делал, а все горлача не завалил. Велик, верно, был. Мужик подумал: куда бы деть это молоко? Взял да отдал его собаке. Что ж? В минуту издохла! Так вот и выходит, что не один наговор надобен колдуну, а и травы.*

234

Плакун-трава зарождается всегда на крови, на обидящем месте... А тут-то уж и вырастет на дворе, если хозяева благочестивы. Одна барыня, такая добрая, благочестивая, купила дом; не успела купить, как плакун-трава и выросла на дворе.

Эта трава хороша во всех болезнях. А в порче прострел-трава еще лучше. Эта трава была создана богом не такая, как теперь, а вся сплошная. Когда бог разгневался на нечистую силу и повелел архангелу Михаилу выгнать ее из рая, она спряталась в прострел-траву. Архангел прострелил громом небесным прострел-траву с самой макушки до корня и сбросил нечистых на землю. Они летели три дня и три ночи и падали на леса, в воду, на дома. Оттого-то они и называются лесными, водяными и домовыми.

Вот и трава перекати-поле также трава, любимая богом. И черти ее боятся. Только настоящую траву перекати-поле трудно сыскать: у ней корень должен быть похож на коня с седоком, даже на коне видны седло, узда, а на груди у коня должен быть и крест. Эта трава, братцы, просто делает чудеса... Как раз покажет, кто прав, кто виноват. Вот что в старину случилось.

В одну зимнюю ненастную ночь ехал богатый купец с молодым извозчиком. Разгорелось сердце у извозчика на купеческое золото. «Отдай мне свои деньги», — говорит извозчик. Купец сперва «нет» да «не дам». А извозчик вынул нож да и говорит: «Молись, купец, не хочу отпустить

---

* Очерк сокращен со следующим примечанием Погодина: «Здесь автор сообщает множество любопытных подробностей, кои ходят в народе о разных травах и животных (плакун-трава, прострел-трава, перекати-поле, кипарис, осина, верба, табак, картофель, хмель, просфирка, петровский крест; козел, свинья, волк, воробей, голубь, ворон), их свойствах, отношениях к богу, человеку, дьяволу — но мы думаем, что эти известия должно сообщить в другой форме. Нам нужно особое сочинение о народных поверьях, подобное сочинению г-на Снегирева о народных праздниках».

П. И. Якушкин. Фотография с репродукции. Музей ИРЛИ АН СССР.





П. И. Якушкин в 1840-е гг. Снимок сделан с репродукции утраченного оригинала. ЦГАЛИ, ф. 191, п. 1, № 1224.



П. И. Якушкин в 1850-е гг. Фотография из альбома А. Н. Пыпина. Музей ИРЛИ АН СССР.



П. В. Киреевский. Фотография с дагерротипа 1840-х гг. Музей ИРЛИ АН СССР.



М. П. Погодин. Фотография из альбома А. М. Скабичевского. Музей ИРЛИ АН СССР.



И. С. Аксаков. Автотипия с литографии П. Ф. Бореля. Музей ИРЛИ АН СССР.

С. В. Максимов в конце 1850-х гг. Фотография из альбома А. М. Скабичевского. Музей ИРЛИ АН СССР.





П. И. Якушкин в начале 1860-х гг. Фотография с репродукции. Музей ИРЛИ АН СССР.

душу на тот свет без покаяния!». Купец видит беду неминучую, просит только отпустить его живого, а деньги и все взять себе. Извозчик не сжалился. На ту пору перекати-поле несется через дорогу. «Свидетелей здесь нет, — говорит купец, — будь же ты, перекати-поле, моим свидетелем!» Прошло много лет; извозчик разбогател, женился. Едет он раз зимою к тестю, с ним ехала и жена. Перекати-поле несется опять через дорогу. Извозчик вспомнил про купца и засмеялся. «Чего ты смеешься?» — говорит жена. «Так!» — «Как так?» Тот не говорит, а она больше пристает. Ну ведь, дело известное, от бабы ни перстом, ни крестом — ничем не отделаешься. Вот и рассказал извозчик жене про смерть купца и как тот выбрал безмолвную травинку свидетелем. Приехали они к тестю. Тесть угощает зятя и вином, и медом. Забурлило в голове у молодца. Чего не сделает пьяный человек. Мудрено ли после того, что извозчик тут же подрался с женою, а та в сердцах и высказала все, что он ей ни рассказал. Извозчика схватили. Ну, какой конец ему был — рассказывать нечего, в Сибири таким людям много места.

235

Есть и еще хорошие лекарства от дьявольского наваждения: трава Петровский крест, у которой корень — настоящий поклонный крест; просвирочка, корень которой похож на просфиру, а цвет — на пасху; верба — с нею Христа встречали в Иерусалиме; оттого-то православные на Вербное воскресенье бьют друг друга вербою, которую несут из церкви, и приговаривают:

Верба — хлёст,
Бей до слез!
Кушай на здоровье.

И скотину в первый раз выгоняют этою же вербою. Папоротник тоже трава, ко многому пригодная: как ни карауль нечистая сила клад, а если у вас есть цвет папоротника, то вы все-таки его достанете. Папоротник растет по лесам и по болотам, только больше по лесам. Он бывает разный: один повыше, другой пониже; один пожелтее, другой почернее. Вот высокий да черный папоротник-то и надобен.

Но только я никак не мог узнать, отчего нечистый боится папоротника.

А знаете ли вы, какие травы он (т. е. нечистый, — *З. В.*) любит? Картофель, табак, хмель... много их, всех не перечтешь. Ну вот, к примеру, картофель нечистый за то любит, что он его порождение. Когда нечистый соблазнял Христа в пустыне и не мог соблазнить, то плюнул с досады, а тут-то и вырос картофель, оттого-то его и зовут чертовым яблоком (это поверье существует у старообрядцев).

Попробуйте-ка купите картофель в окно, так вы увидите, что будет... Одна барыня сидела под окном, а мимо едет мужик с картофелем. Подозвала она мужика к окну, сторговала картофель да и взяла его в окно. Что ж вы думаете? Картофель поднял такую пляску в доме, что не знали, что делать. Взяли да и выкинули его в окно. Вот табак и хмель — другое дело. Они не делают таких чудес, да самое порождение их дьявольское. Давно, очень давно, так что ни деды, ни прадеды наши не запомнят, жила в городе Вавилоне девка, такая срамница, какой свет еще не родил. Да не век же ей было бога гневить, умерла и она. Не успели ее похоронить, как на могиле ее выросли: где лежала голова — хмель, а ниже — табак (это поверье тоже существует у старообрядцев).

А слыхали ли вы, какое самое святое дерево? Самое святое дерево — всем древам древо — кипарис-древо...

ЗАПИСИ 1845—1846 гг.

ЖУРНАЛ ПЕШЕХОДЦА

Путешествие приятно,
Когда некуда спешить.
Положил я аккуратно
В день три мили проходить.
Но и тут не мог потрафить —
В срок до места я дойти,
Черт же им велел расставить
Сто трактиров на пути!

236

30 генваря, Гурьева.* 1846. Дневник.
Слава богу, наконец мое путешествие приведено в дело. Когда я выехал за заставу — отпустил извозчика, который вез меня за заставу, взял свой страннический короб и отправился на zufuβкание.** Тут шли извозчики, к которым я и пристал.

Мне очень хотелось с ними поговорить, и потому я и стал курить. Думал, что они старообрядцы. Один из них увидел у меня трубку, которая, было, выскочила из-за пазухи, и речь завязалась об трубке, табаке... Мой товарищ был не раскольник, говорил, что Дмитрий Р‹остовский› и курил, и нюхал. «Да и водку пить не грех, — говорил разговорившийся мой спутник, — ежели пить умеренно».***

237

Раз один пьяница пришел в рай, где стоял Петра-Павел с ключами от рая. «Пусти, брат, меня в рай», — говорит пришедший. «Нельзя — ты пьяница». «Не стыдно ли тебе? — говорит пьяница, — ты сам был кто? Клял господа бога, а теперь, по милости его, держишь ключи от раю!» Нечего делать было Петру-Павлу — пустил пьяницу в рай: он не клял бога и не отрекался от него. Только что я хотел расспросить еще кое про что, кто такой был Петра-Павел, как один из извозчиков закричал: «Москва горит!». Мой рассказчик посмотрел на меня, засмеялся: «Это за нас богу свечку поставили, чтоб счастливей путь был». «Как бы не так, — говорил другой. — Свечу поставили богу, за то что вы выбрались из Москвы, а завтра молебен будут служить!» Который прав, Николай? **** Поговоривши еще кой о чем, я присел на сани к одному из порожних извозчиков, заснул и очутился за 36 верст от Москвы в Красной Пахре.

---

* Одоевский уезд Тульской губернии, граничит с Калужской губернией.

** Буквально — пешеходство; от немецкого zu Fuβ — пешком; zu Fuβ gehen — идти пешком.

*** На полях помета: «Про Павла, Петра и пьяницу».

**** Имеется в виду, вероятно, Н. А. Костров. На обложке тетради есть следующие приписки к нему: «Прочти, Николай, на обороте». На обороте: «Проглядывай.

238

На другой день сел к другому извозчику, который взялся меня везти за полштофа водки хоть до самой Калуги. Один из моих товарищей сказал мне присказку: Едет мужик в город. «Куда, брат, едешь?» — спрашивают его ребята. «В город. Матушка третий день ни х... в рот не брала, дык купить калач да образ!» — «А много денег?» — «40 копеек!» — «Ну хорош же будет образ!» — «*Годится, годится! А не годится молиться — горшки накрывать!*» Ответ его вошел в пословицу.

Сколько едят мои товарищи! Надо заметить — и я с ними!

Вот еще сказка.*

239

Жила-была старуха, у нее был кривой сын — Фома Беренников. Вот поехал Фома пахать. Лошаденка худенькая, взяло его горе. Сел на завалинку — давай с... Мухи около г... так и жужжат. Схватил он хворостину да как хлыснет по г...! Стал считать, сколько побил, насчитал 700 — да еще много там осталось. Решил он, что им и сметы нет! Приходит к своему коню, на нем сидит 12 оводов. Он и их всех побил. Приходит к матери Фома Беренников и просит у нее благословения великого; побил, дескать, *мелкой силы счету нет да 12 богатырей могучиех. Пусти меня, матушка, на подвиги великие, а землю пахать — не мое дело богатырское, то дело мужицкое. И благословляла его матушка на подвиги великие, на поприща богатырские.*

Берет он за плечи серп тупой, а за пояс — лычной кошель, а в тот кошель кладет тупой косарь. Вот едет он путем-дорогою, стороной незнакомою, и наехал он на столб. Вот и пишет он на том столбу; не было у него в кармане ни сребра, ни золота, а случился у него в кармане мел, вот и пишет он мелом: «Проехал здесь богатырь Фома Берен‹ников›, который побивает 12 могучиех богатырей да *опричь того силу несметную*». Написал да и поехал дальше. Едет той дорогой Илья Муромец, подъехал он к тому же столбу, видит надпись и говорит: «Видно попрыска богатырскова: не тратит ни серебра, ни золота, а один мел». Написал он серебром: «Проехал вслед за Фомкой Б‹еренниковым› богатырь Илья Муромец». Наезжает он Фомку Б‹еренникова› и говорит (устрашился он той надписи меляныя): «Могучий богатырь Ф‹ома› Б‹еренников›, где ехать, спереди или сзади?». «Ступай сзади!» — отвечает Ф‹ома› Б‹еренников›.

Вот едет тою же дорогою Алеша Попович-млад, наезжает он на тот столб, издалеча видит на том столбе надпись, что как жар горит, подъезжает и читает (надпись Фомки и Муромца), вынимает из кармана чисто золото и пишет: «Проехал Алеша Попович-млад». Наезжает он Илью Муромца: «Ты скажи, скажи, Илья Муромец, впереди ехать или сзади мне?» — «Не меня спроси, а мого брата старшаго — Фомку Бер‹енникова›!»

Ежели у тебя не достанет терп‹ения› на всю тетрадь прочесть, просматривай, Николай, зам‹етки› на полях». Несколько ниже: «Сказки все отдай Луганскому и просить его возвратить мне в Орел — адрес знает; переписать сказки и мои подчеркнутые слова подчеркнуть с тем же примечан‹ием›.

Посылаю эту тетрадь М. П. Погодину — не знаю, где тебя отыскать.

Скажи, пожалуйста, доволен ты моими трудами? Ты говорил, что в месяц не упишу тетради, а видишь — в три дня.

Стихов не отдавай Киреевскому. Я надеюсь их собрать в скором времени порядочную коллекцию. Я подружился с одним слепым.

Скажи Петьке про мое житье-бытье».

* На полях помета: «Сказка про Фому Беренникова, Илью Муромца и Алешу Поповича. Подчеркнутые буквально записаны».

Подъезжает А‹леша› П‹опович›-м‹лад› ко Фомке Бер‹енникову›: «Ты где прикажешь ехать Алеше Поповичу, удалой боец Фома Берен‹ников›?». — «Ступай сзади». Вот едут они путем-дорогою, стороной незнакомою; приезжают они в зелены сады. Илья Муромец и Алеша Попович раскидывают белы шатры, а Фомка Б‹еренников› свои портки. А те сады были самого царя, царя Прусского. А наезжал на того царя король китайский с 6-ю богатырями могучими. Посылает царь прусский грамоту к Фомке Б‹еренникову›, а в той грамоте значится: «Наезжает на меня, царя прусского, король китайский — не будет ли ваша помощь?».

Фомка грамоте не разумел, посмотрел на грамоту, покачал головою да и говорит: «Хорошо». Подъезжает король китайской близко к городу. *Вот и приходят Илья Мур‹омец› и Алеша Попович-млад ко Фомке Б‹еренникову› и говорят таково слово*: «Подъезжают под прусского короля, к самому городу, надо его защитить; сам пойдешь али нас пошлешь?». — «Ступай ты, Ильюшка Муром‹ец›!» Побил Илья Муромец всех.

А после того еще приводит король китайской шесть богатырей и рать-силу несметную. Приходит к Ф‹оме› Б‹еренникову›: «Ты скажи, скажи, Ф‹ома› Б‹еренников›, *сам пойдешь али нас пошлешь*?». — «*Ступай, брат, ты, Алешка Попович-млад!*» Поехал Алеша Попович-млад и побил всю рать-силу несметную и тех шесть богатырей могучиих.

Говорил китайской король: «*Есть у меня еще один богатырь, берег его на племя — пущу и его теперь*». Вот приводит он рать-силу несметную и с нею богатыря могучего, заветного. И говорит король своему богатырю: «Не силой бьет нас русской богатырь, а хитростью; что будет делать русской богатырь, то и ты делай!».

Приезжают Илья Муромец да Алеша Попович-млад ко Фомке Б‹еренникову›: «Сам пойдешь али нас пошлешь?». — «Сам пойду, приведи моего коня!»

Ходят кони богатырские по чисту лугу, а Фомкин овес ест, который он взял у матери; подходит Илья Муромец к Фомкину коню, а тот разъелся, брыкается и кусается... Взяла досада Илью Мур‹омца› — схватил он коня Фомкина за хвост да и кинул через плетень. Говорит ему Ал‹еша› Попов‹ич›-мл‹ад›: «Не увидел бы нас Фомка Б‹еренников› — задаст он нам жару!».

Говорит Илья Муром‹ец›: «*Знать, вся сила не в коню, а в самом молодцу*». И подводит он ту клячу к Фомке Б‹еренникову›. Садится он на ту лошадь да и думает: пусть убьют — Фомы не будет. Едет, а сам пригнулся к коню на гриву, зажмурился. Богатырь китайский, помня наказ королевский, сам пригнулся да зажмурился. Фомка слез с коня, сел на камень, да и давай точить серп. Китайский богатырь себе слезает с могучего коня и точит свой меч. Видит он, что Ф‹омка› Б‹еренников› прищурил один глаз (а он был крив на один глаз). «Сем, — думает он, — зажмурю оба». Не успел он зажмурить, как Ф‹омка› Б‹еренников› отсек ему голову.

Берет он его коня, хочет от него ехать, да не взлезет. Привязал Ф‹омка› Б‹еренников› могуча коня ко ели столетней ли, взлез на ель да и вспрыгнул на коня того. Конь почуял седока того, как рванет конь, ель волочит за собою и *летит во всю мочь богатырскую*. Кричит Ф‹омка› Б‹еренников›: «Помогите, помогите!». А китайцы-дураки — русского языка не знают — побежали, а Фомкин конь сам да и елью той почти всех приколотил. Вот и пишет король китайской к Фоме Б‹еренникову› грамоту: «Никогда не буду с тобой воевать». А Фоме Б‹еренникову› то и надобно.

И дивуются Илья Муромец и Алеша Попович-млад тому Ф‹оме› Б‹еренникову›.

Вот едет Ф‹ома› Б‹еренников› к царю прусскому. «Чем тебя жаловать? — говорит царь прусский. — Бери казны золотой сколько надобно, али полцарства моего белаго, али царевну мою прекрасную». — «Давай царевну твою прекрасную да позови только моих братьев меньших И‹лью› М‹уромца› да Алешу Поп‹овича›-млада».

И женился Ф<омка> Б<еренников> на царевне прекрасной той. Видно, не одним богатырям бывает удача — кто накричит о себе больше, тому лучше.*

Еще есть три песни, да переписывать не хочется —уморился — спать буду.

240

31 генваря. Андроновское. Дневник.

Приехавши в Калугу, пошел искать Гиля; он уехал куда-то на свадьбу и приедет не ближе недели; сыскал прежнего своего товарища Батолина (?) — потолковали об прошлом. Хотелось мне у него побыть подольше, а нельзя было: я нашел себе приятеля Федора Афанасьева из сельца Андроновского, с которым и пришел в Андроновское.

Лихвинский уезд, с. Андроновское. 1 февраля.

Приехал в Андроновское, здесь меня, кажется, полюбили. Вчера вечером лег и стал думать об моем путешествии. Вспомнил про Тарутинский памятник. Я долго не мог отнять от него глаз: он стоит за деревнею и, ежели ехать из Москвы, то он тогда только виден, когда к нему подъедешь. Осмотрел его вблизи, потом долго на него смотрел издали. Теперь я сижу в избе, мне поют песни портные из Хроловского села Мещовского** уезда (кстати, они пришли в избу и спросили: есть ли *шитво*).

241

Ванька по Москве гулял,
Ваня по Москве гулял,
Работы (и)скал,
Работушки строговой —
Вот он строговой искал
Стружки с кленовой стрелы.
За ним ходит красная девушка,
Красная девка — Палагеюшка.
(О)на брала стружки,
Все на (о)гонь клала,
На них пекла змея лютого,
С того змея сердце вынула,
С того сердца зелье сделала
Не про друга, не про ми(е)лого,
Про свово братца ради(е)мого.
Мой братец в каменной Москве,
В каменной Москве у раб(у)отушке.
Сестра брата к себе в гости ждет,
(О)на стревала середи двора,
Наливала зеленова вина:
— На-ка, братец, на-ко выпей-ка!
— Ну-ка, сестра, на здоровьице себе!
Сестра пьет-не пьет, во рукав и льет,
А брат пьет-ни пьет, коню в гриву льет,
Коня грива загоралася...
А брата сестра испужалася.

---

* На полях: мещовский портной тоже порассказал, только про Кузьму Набелкина вместо Фомки Бер<енникова>. Битва его: богатырь по одну сторону трясины на могучем коню, а Кузьма Набелкин на своей гагаре — по другую. Взяла досада богатыря, кинулся он через трясину — утоп. А Кузьме то и надобно. Кинулся на богатыря; пилил-пилил голову богатырю, насилу дотащил голову до своей клячи да и привязал к хвосту.

** Мещовск — уездный город в 60 км от Калуги.

242

Разливалися все болоты, все луга,
Растворилися все трактиры-кабака.
Порасстроялся Питер-город и Москва,
Вот хорош Питер, Москва очень широка.
Вот нихто по ней ни хаживал, ни гулял,
Только йшел-прошел дитинушка молодой,
Он (и)мел себе заботушки никакой.
Есть во молодца вот заботка-сухота,
Навязалася зла-худа шельма-жена,
(О)на журит-бранит свово мужа завсегда,
Ох, да муж не слухает своей жены никогда.
Только с вечера вот он буйную голову чесал,
С полуночи на гуляньице пошел,
Кы белу свету со гуляньица идет,
Он стучит-грючит в новы задни ворота:
— Ятваряй, жена, новы задни ворота,
Сострючай, жена, свово мужа-дурака.
Я не вор пришол, ни разбойничик зашел,
Красным девушкам, девкам полюбовничик.

243

В нас по Питерской по дорожки
Там йшли-прошли два егаря молодыих.
Позади-то идут матушки родныя,
Да (о)на йдет-идет, сама слезнешенько плачет.
Молодой егарь матушку плакать вынимает:
— Ты не плачь-ка-ся, не плачь, матушка родная,
Ни наполнишь ты синего морюшка слезами,
Да не воротишь ты свово сына словесами
Да не есмен сокол сы тепла гнезда сылетает,
Молодой егарь сы квартирушки сыюзжает,
Красна девушка молодого егаря провожает,
Начала (о)на молодого егаря оставляти.

244

Пишет султан турецкий, пишет ко белому царю:
— Ты отдай-ка-ся, отдай, царь, землю, не то я тебя разорю,
Разорю я да царя, разорю, всее землю отобью,
Порасставлю я своих гарнадеров по всей матушке Москве,
А сам я, салтан турецкей, в Межовьевом дворце!
Как востужит царь, возгорюет, сам он ходя по граду:
— Господа вы, купцы-енаралы, все помещички мои,
Вы придумайте, пригадайте, вы подумайте-ка мне.
Хочет, хочет вор салтан турецкий, хочет меня разорить.
Как возговорил енарал Бабынин, за дубовым седя за столом:
— Не тужи-ка, белый царь, ни об чем, не тужи, белый царь, ни об чем.
Ты изделай-ка три года набору, набери-ка три полка солдат,
Я пойду, я пойду, разорю я турецкого царя! *

* Начал было петь какой-то чувствительный романс — насилу остановил (примечание о певце на полях).

245

Во том ли во городе живет Ванька-клюшничик,
Во того ли живет во князя, во князя Волконского.
Он ни год живет, Ванюша, Ва́нюшка другой живет.
Да на третий год-годочик сам князь доведался
Через туя девку, девчоночку сенную,
Через такую подлость самаю последнию.
Как воскрикнул князь Волк<онский> своим громким голосом:
— Уж вы, слуги мои, слуги, слуги мои верные!
Вы подит-ка вы, слуги, во чистое поле,
Вы ройтеся, вы копайте все ямы глубокия,
Вы становьте столбочки дубовыя,
Вы кладите переклады, кладите кленовыя,
Да вы вешайте, цапляйте петелькю шелковаю,
Вы подите, приведите ко мне Ваню-клюшничка,
Да вы вешайте, цапляйте в петельку шелковую!
Как Ванюшина головка качается,
Молода его княгинья, княгинья кончается.

246

Из-за лесу, лесу темнаго,
Из-за садику зеленаго
Заходили тучки темныи,
Тучки темныи, непогожии,
Сы снегами, сы морозами,
Сы частым дожжичком.
Пролегала там дорожунька
Широка, торна, все раскатиста,
Раскатистая, разухабиста.
Да никто по ней ни хаживал,
Никто следу ни накладывал,
Только ехала, проехала
Единая дочка к матери,
К отцу, к матери поехала.
В ней кобыла уморилася,
Серед лесу становилася,
Серед лесу, серед темнаго,
Серед садика-то зеленаго.
С соловьями думу думала,
С молодыми думу крепкую:
— Соловей ты мой, соловьюшка,
Залетная, вольна пташечка.
Полети-ка-ся, соловьюшка,
На родимую на сторонушку.
Ты скажи, скажи, соловьюшка,
Моей матушке да низкой поклон,
А батюшке — челобитьице.
Это, матушка, неволюшка,
Осударушка, боярщина!
Посылают меня, молоду,
По стюденую по ключ — по воду.
Налетели гуси серые,
Возмутили воду свежаю!

247

Во садику во зелениньким, во зеленом гуляла,
Я хорошава, я пригожива ждала.
Ни дождавши его, возле садику пошла.

Навустречу да мне мил-хороший друг идет:
— Здрастуй, милая, ты хорошая моя,
Сы чего же ты худа, бледна стала?
— Как же мне худой, бледной не быть?
Завсегда я, молода, сокрушаюся по табе!
Меня с горя, сы тоски мои ножиньки по сырой земле нейдут.
Мои ручушки ко работушки не льнуть.
Мои ручушки ко работушки не льнуть.
Я пайду ли, молода, во зеленыя луга,
Я сорву, молода, с ярой травушки цветок,
Я совью ли, молода, сибе легинький венок!

248

То-то горюшко-беда,
Чья хорошая шельма-жена
Мужу лишняя сухота.
— Сударушка, жизнь мая,
Лебедушка белая.
Скажи правду, ни патай,
Кого любишь, кого нет?
— Право, право, никаво,
Тебя, мой друг, анаво!
— Я за то тебя люблю —
Живешь близко дли мине.
Ходишь хольно, мой друг, хорошо.
Рубашечка, эх, да белая,
Занавеска браная,
На головушки у ней платок,
Словно алинький тветок.

249

— Ох ты Доня, Доня белая!
На што глупость сделала,
Любить Ваню бросила?
— Да за што ево любить?
Мое сердце не лежит.
Всегда вижу пьянаго
Во царевом кабаке.
Он у синем сертуке,
Сам за сеткою сидит,
Зеленоя вино пьет.
Молодая жена идет:
— Ступай, пьяница, домой,
Ты пропоица двора,
Ты пропил мое житье,
Все приданое мое,
Пару ко́ней вороных,
Два барана молодых,
(Е)ще карету золоту!

250

Не могу решить: как говорят *а*? Что-то среднее между *а*, *э* и *и*. *Сказывают, грают песни,* а не поют.

Поселился я жить в с. Андроновском у Афанасия Жидкова. Сын его Федор со мной пришел из Москвы. Нонче я завтракал и обедал тут. За обедом узнал, что *за трубку и за табак грех говорить спасибо.*

Замечательно, что жители Недельного называются *недельницы.* Кстати: недельницы — известные коноводы; не коннозаводчики, а воры лошадиные (выражение Барилева).

В Сретенье метель подберет кормок — зима долго будет.

251

Летал голубь, летал сизый, летал по загорьям,
Искал голубь, искал сизый сизаю голубку.
Моя сизая голубка вочень знакомиста,
Через три перень-перенька головка гладенька.
Подымалася голубка высока — далеко;
(О)на высоко, (о)на далеко, под самое небо.
Опущалася голубка на синее моря,
Присадилася голубка на бел горюч камень,
Умывалася голубка морскою водою,
Увтиралася голубка шелковой травой.

252

Ни кулик куликает,
Ни князь Голицын по лужкам гуляить.
Йон думаить думу, йон гадаеть:
— Вить и где ж мне, князю, ехать, где проехать?
Вить Москвою ехать стыдно,
Да дорожкой князю ехать пыльно,
Да лесом князю ехать, лесом темно,
Полем ехать князю, полем да не быльно.
Приезжает князь Голицын к церкви, кы собору.
Йон снимает черну шляпу, держит перьд собою.
Да ты князь, князь вот Голицын да Голицын. . .

253

— С чего же, молодчик мой, не весёл сидишь?
— С чего ж мне, молодчику, веселому быть?
Вечеру познешенько сударка была,
Сударка была, была — рядом сидела,
Рядушком сидела, она мед-водку пила,
Мед-водку пила, пила, сделалась хмельна.
Во хмелю, младешенька, пару слов дала,
Пару слов дала: «Я буду твоя,
Я буду твоя вековечная,
Вековечная твоя, неразлучная,
Неразлучная твоя, слуга верная».
Сказали молодчику нерадостну весть,
Нерадостную ему, невеселуя:
Вечеру познешенько сговореная,
А поутру ранешенько увезеная!
Йон за то ее берет, что сосед живет,
Что сосед живет, живет забор во забор,
Забор во забор, калиткой на двор,
Калиткой на двор; милой у ворот,
Милый у ворот, зовет у (о)город.

254

Где я с миленьким гуляла,
Тот день я весела была,
Гулять млада перестала —
Нападала грусть-тоска.
Я сы той тоски, сы досады
Я погибель запою.
Ты погибель, мальчик, строил,
Чем доволен, мальчик, был?
Л(е)ишил девушку покою,
Совершил свой злой обман.

Он клялся, вор, божился,
Бажатой, вор, смущал,
А теперь злодей, варвар
Насмеялся надо мной.

Оставляет, спокидает
В чужедальней стороне,
На проклятой на сторонке,
При дорожке при большой.

255

Старики наши старые!
У вас бороды седые,
Усы стриженые!
Вы не дергайте усами,
Шавелите бородами,
[Бородами шавелите],
Господина веселите!

Господа наши такие
Нерассудливые,
Не рассудят того дела,
Чаво Маша захотела.
Захотела наша Маша
На улицу погулять,
С ребятами поиграть.

256

Не студен, холоден ветерок поносит,
За ветром-та мне, младцу, ничаво не слышно,
За туманом мне, младцу, ничаво не видно.
Только слышна-то, видна милой голосочик.
Ни донской-то казачек по роще гуляет,
Ни донской ли казачек в гусельки играет?
Ни душу-то он душу, девку забавляет.
— Ты не плачь-ка, не плачь, раскрасавушка, не плачь, не печалься!
Что не быть, вить, не быть твому разлюбезному, не быть во солдатах!
Только быть не быть твому разлюбезному во донских казаках!
Как чесал, вот чесал казак кудерки, чесал казак русы.

257

Теща моя была Юрьевна,
Дочка у ней была умная,
Ай, ляли, али-али!
Три года красна пряла,
На четвертый основала,
Ай, ляли, али-али.
В ней уточку недостало,
В ней уточку ни лакоточку,
Основочки ни пядочки.

258

Рожок ты мой, рожок, миленький дружок,
Бить тебя, не бить?
— За что ж меня бить?
Я три года компан водил, и то цел бывал!
Выскочил такой скоморох, узялся за нас —
И потекли зеленые возгри, и посыпался табак,
И пошел мужик у кабак.
Выпил рюмку, выпил две и на народ вышел, поотважился.
— Ох ты, дядюшка Лапухин,
Кто тебе носик облупил?
— Я и здесь мороза прогневил,
Я такую печаль получил,
Гусиным сальцем носик излечил.

Санчурка да Нестерка
Поехали у Орел на семером,
Туды с возами, а оттоль со слезами.
Возы-то повалились, а падры * постановились.
Оборки порвались, а лапти порастрепались.
Бежит, бежит Лакала, стычные ребра,
Лозовые кишки, сосновая требуха,
Еловая шкура, семь пудов голова!
— Мужик, ты мужик,
Ты бы 7-ею (?) дал,
Возы-то бы поднял,
Падров-то накормил,
Лапотки б сплел, оборочки свил!
— Ох ты, холопе Лакало, ни до тебе дело!
Ох ты, ворона, ворона,
Широкое твое горло,
Ты наше богатство пропила-проела!
Как у нашего купца
Много было богачества:
Полтораста коров, девяносто быков.
В поле идут — насилу ноги несут,
С поля идут — насилу шкуру несут.
Создай, господи, нашему голому голячку, табашничку
Полтораста коров, девяносто быков.
В поле идут — помыкивают
С поля идут — побрыкивают.
Наш голый голячок-табашничик
Пошел в масляную избу,
Сел на коржачку и рожечком постукивает,
Табачок понюхивает,
Христа бога восхваливает.
Да при мне это дело было,
Снег горел, соломой тушили,
Много народу покрушили,
Однако дело порешили.
Как волки озорничали, себя величали.
Сходила свинья со двора,
За собой сводила махыньких и белиньких.
Он — у колос, у овес.
У ней были зубки ловки,
Усе схватывала головки.
Подходила к волку близко
И поклонилась ему низко.
— Здраствуй, волк-волчок,
Не будет ли с тебя махыньких и белиньких?
— Эх ты, свинушка, я глазами окину
И тебя не покину.
Взял за щетину, и повалил на спину,
И стал косточки объедать,
А мясушко у кучку собирать.
Бежала непорочная лисица:
— Ох ты, кум-куманек,
Некупленное у тебя, дешевое,
Не поделишься ли мясца?
— Эх ты, кумушка, ведаешь, Ермак
Запердел натощак,
И тебе того не миновать!
Лисица видит — нерадостныя речи!

* Клячи, лошади.

Назад, назад да и бежать!
Прибежала во город во Козельск.
Во городе во Козельске
Сидит красный чадо-петух на дубу.
— Ох ты, петух-петушок,
Спущайся ты на низящее,
С низящего на землящее,
Я твою душу на небеси взнесу.
Петух сдуру лисицу послухал,
Слезал на низящее,
С низящего на землящее.
Лисица стала петушка вертеть,
Петушку невмочь стало терпеть,
Петушок начал пердеть.
— Ох ты, лисица, желтая княгиня,
Как у нашего вы батюшки
Маслицем блинки поливают,
Тебя в гости поджидают.
Там-то не по-нашему — пироги с кашею.
Помяни, господи, Сидора да Макара,
Третьего Захара,
Трех Матрен да Луку с Петром,
Деда-мироеда, бабку-бельматку,
Тюшу да Катюшу, Бабушку Матрюшу.

259

1 февраля.

Вечер. Пишу при свете светца — верно, вы знаете, что так лучина светит.

Нонче, кажется, я довольно записал, только остался я недоволен. Хочется очень уйти отсюда, но одному страшно. Мои собеседники — портные (мужики-ходебщики). Они здесь поработают дня два, а после пойдут в Гремучий Колодезь...

260

Дует, дует ветерок
Из трактира в погребок.
Все девчонки веселятся,
На улице корогод.
Бедна Катинька томится,
Гулять хочет, да нельзя:
Ея маменька бранится,
Словно лютая змея.
Уж я вутренней порой,
Я вечерней зарей,
Несчастливою судьбой,
Переулочком, пешком.
Кот забрался к Кате в дом,
Прикарапал ее вдоль,
Повалял усе горшки,
Застучали черепки...
Стара бабинька на печке
Стала Катиньку будить:
— Ты устань, Катя, проснися,
Ты молитву сотвори!
С нами божецкая сила,
Отвалися, сатана!

261

Вот сел я, задремал я,
Стал я засыпати,
Печаль забывати,
Вышел на крылечко,
Звякнул во колечко,
Йок мое сердечко!
Знать, моя мила́я,
Радость дорогая,
Шашенька мила́я.
Идет моя милая,
Радость дорогая,
Шашенька милая.
Узшел на крылечко,
Звякнул во колечко,
Йок мое сердечко!
Она меня носит,
Только что не сбросит,

А я догадался,
За белы груди хватался,
Тпру, стой — не брыкайся!
Пошло целованье,
Пошли разговоры,
Поднявши подолы.
Пошло целованье,
Между ног сованье.

Она меня носит,
Чуть ли что не сбросит.
А я сдогадался,
За белы груди хватался.
Тпру, стой — не брыкайся,
На тебя ли, молодую,
Куплю плетку шелковую,
Почну погоняти!

262

— Вспомни, Донюшка, вспомни, душечка,
Про свово дружка — про Иванушку:
Да как наш Иван по ночам гулял,
По ночам гулял, по полуночам.
Йон не один гулял — с красными с девками,
С красными с девками, са елецкими.
— Сударь-батюшка, сударь родненький!
Усех девушек замуж вотдали;
Одна Дунюшка оставалася.
— Посиди, Доня, потерпи горя!
— Сударь-батюшка, мне не терпится!
Мне не терпится, замуж хочется,
Замуж хочется — за Иванушку.
Из-под камушка, камня белого,
Из-под кустика, с-под ракитова,
Там бежит речка, речка быстрая,
Речка быстрая, вода чистая.
На той речушки девка мылася,
Девка мылася, (о)на белилася.
(О)на, умывшись, набелившись, на гору взошла,
На гору взошла, диво видела,
Диво видела, дивовалася:
Добрый молодец — он коня поил,
Он коня поил, коня сивова,
Коня сивова-сивогривова,
Сивогривого, белкопытаго,
Белкопытого, кругом кована.
Конь воды не пьет, он копытом в землю бьет.
Он копытом в землю бьет,
Из копыта руда йдеть.
Как и мой-то милой думу думаеть,
Думу думаеть, думу крепкаю.
Да и как же вить мне быть,
Как жену губить?
Загублю жа я жену рано с вечера —
Малы детушки спать уляжутца.
Ко белу свету детки проснутца,
Ны про матушку ны успросются:
— Родный батюшка, игде матушка?
— Уж вы, детушки, ваша матушка,
Ваша матушка в новой горнице,
В новой горнице богу молится.
— Уж ты, батюшка, тама нетути!
— Уж вы, детушки, вы, сиротушки,
Ваша матушка убита лежит.

263

Вспомни, Дунюшка, вспомни, Дунюшка, вспомни, душечка,
Про свово дружка, про свово дружка, про Иванушку.
Как и наш-то Ваня по ночам гулял,
По ночам гулял с красными девками,
С красными девками, со елецкими.
Как и мой-то милый, он коня поить,
Он коня поить, коня ворана.
Коня ворона, кругом кованава.
Конь воды не пьеть, он копытом в землю бьеть.
Он коп‹ытом› в зем‹лю› бьеть, из копыта руда йдеть.
Как и мой-то милой думу думаеть,
Думу думаеть, думу крепкаю.
Да и как же ведь мне быть, как жену губить?
Загублю жа я жену * рано с вечера —
Малы детушки разголосютца.
Загублю жа я жену * в новой горнице —
Малы детушки спать уляжутца.
Ко белу свету детки проснутся,
(О)ны про матушку (о)ны успросются:
— Родный батюшка! Игде матушка?
— Уж вы, детушки, ваша матушка,
Ваша матушка в новой горнице,
В новой горнице богу молится.
— Уж ты, батюшка! Тама нетутя.
— Уж вы, детушки, вы, сиротушки,
Ваша матушка убита лежит.

264

Что ж это в каменной Москве за тревога?
Во при‹зы›вный новый большой колокол прозвонили,
Во печальны славны барабанчики указы били?
Переставился наш родный батюшка Павел-император.
По всей матушке каменной Москве ладон спошибает.
Из палат несут его гробницу, несут золотуя.
Во перед-то идут самой гробницы попы, патриархи,
Позади идут самой гробницы все князья, бояре.
По правую руку идеть гробницы сам сын цареев.
Он ни так плачет, младый сын цареев, только что река льется,
Он ни так плачет, младый сын цареев, только что быстра льется.
— Ты не плачь-ка, младой сын цареев, не плачь, не печалься!
— Да и как жа мне не плакать, да как не тужити?
Подошли-то года плохия, господа лихия:
Изведут-то меня, млада цареича, за младые лета,
Не дадут мне, младому цареичу, да мне спомужати.

265

Ты почем, Ярослав-город, построился?
Во три ряда стены каменныя,
По четвертый ряд усё купечество,
Всё купечество, братцы, усе молодечество.
Позади стоят всё три лавочки,
Во этих лавочках усё дорогой товар,

---

* Он выгорив‹ает› -жа, ся—ца (собир.).

Дорогой товар — усе молодой купец.
Во этой лавочки да три ленточки.
Первая лентычка, братцы, только сто рублев,
Другая лентычка — ровно тысяча,
Третья лентычка усе сметы нет,
На мое зазрынку смерти нет.

266

Вы камарики вы маи,
Вы за што, пошто вы кусаете мине?
У мине грудь, головушка болит,
От головушки бело личунько горит,
От бела лица я уся, млада, больна.
Я больна, больна, во постелю солегла,
Во постели три недели ляжала,
На четвертаю выздоравливать стала,
Я на пятую во зеленый сад пошла.
Мимо садику тут дорожунька торна,
(О)на торна, торна, (о)на пробита до песка,
Да того песка да до желтенькова,
До того камня, камня белинькова.
Ну и кто ж эту кто дорожуньку тарил?
Холостой парень, он кы девушкам ходил,
Много злата, много серебра носил,
Без росчету красных девушек дарил!

267

Я вечор дружка милого уйвмала ночевать:
— Ты ночуй, ночуй, разлюбезный, ночуй ночку у мине!
— Я бы рад бы ночевал бы, боюсь до свету просплю.
— Ты не бось-ка, разлюбезный, я в бесчестья не уведу.
Я в бесчестья не уведу, я пораньше узбужу,
Я пораньше узбужу, я подальше провожу.
Я до тех пор провожала, до зеленых до лугов,
До зеленых до лугов, где скончалася любовь.
Где скончалась, разлучалась, слезно плакала по нем,
Слезно плакала, рыдала, со слез речка протекла.
Течет речушка Фонталка, ни широка — глубока,
Ни широка, ни глубока, (о)на волною струги бьеть.
Как на этом на стружечке мыла девка полотно.
Она мыла, размывала, сдумала худо над собой.
Размахнула белы руки, пала грудью на воду,
Пала грудью на воду: «По тебе, мой друг, тону,
По тебе ли, по себе ли, по любови по твоей!»
— Ты скажи, скажи, милая, чем прогневал я тибе?
— Чем прогневал — разобидил — вечор долго не бывал!
Вечор долго не бывал-ста, знать, иную полюбил.

268

Что твели, что твели в саду ‹тветики›, твели да померкли,
Что любил, любил парень девушку, любил да покинул,
Что спокинумши, вор-разбойничик, в глаза насмеялса.
Ты не смейся жа, ты, вор-разбойничик, ты сам неженатой?
Когда женишься ты, вор-разбойничик, тогда насмеешьси!

Если лучше возьмешь, вор-разбойничик, про меня забудишь!
Если хуже возмешь, вор-разбойничик, про меня ‹вспомянишь›.
Что по городу по Саратову девушка гуляла.
Дорогия она, (о)на закупочки, девка, закупала.
Закупила она закупочку — гербовой бумаги,
Что другую она закупочку — перо со чернилом,
Что и третью она закупочку — писарь нанимала,
(О)на нанямши, красная девушка, просьбу написала,
Написамши, раскрасавица просьбу подавала,
Подавши, красная девушка по городу гуляла.
— Уж ты батюшка, Астраханский князь, новый губернатор,
Что суди-ка, суди, Астраханский князь, суди по закону!
— Не напрасно ли ты, красная девушка, на молодца просишь?

269

Ой, девушка Арина
По бережку ходила,
Ну, что-ж кому нужды — ходила!
По бережку ходила,
Офицера любила.
— Офицер мой молодой,
Проводи меня домой,
Проводи меня домой,
До горенки до новой,
До кровати тесовой,
До перины пуховой!

270

Я бессчастная девка, я на свете рождена,
Я счастливая — все любови привзошла.
Полюбила ж я такова молодца
Расхорошава, солдатика бравава.
Как, солдат, вор, злодей, ты измучил ли миня!
Он, размучивши, чужу сторону, вор, спознал,
На чужой стороне, вор, иную полюбил,
Мине горькую, вор, навеки спагубил,
Призаставил, злодей, век у девушках сидеть,
Приневолил, вор, худу славушку терпеть.
Худа славушка пройдеть — нихто замуж ни возметь,
Ни боярин, ни купец, ни завдалый молодец.
— Да вы ‹будьте› вы, люди, вы свидетели мои,
Вы скажите-тка мому дружку обо мне,
Чтобы мой молодец не печалился обо мне.

271

Не велят Маше на улицу ходить,
Не указывают вот молодчика любить,
Размолодчика молодинькова,
Не женатыва, вот холостинькыва.
— Ты любитель мой, любитель дорогой,
Не почувствуешь любови никакой,
Какова любовь на свете гарюча,
Гарюча любовь, слезами улита!
Сы чего у Маши заплаканы глаза?

Кык вечер Машу побили за тебя,
За тебя ли за вдалова молодца,
За такова за калужского купца.
Я со тех пор во постелюшку слегла,
Во постели три недели лежала,
На четвертую выздоравливала,
Я на пятую во зеленый сад гулять пошла.
Мимо садику дороженька торна,
Что торна, торна, пробита до песка,
До того песка да до желтенькова,
До того камня, камня белинькова.
Ну и кто же эту, кто дороженьку торил?
Холостой парень, он кы девушкам ходил,
Много злата, много серебра носил,
Без расчету красных девушек дарил.

272

Вы бродяги, вы бродяги, беспачпортны мужики!
Да вы полноте, бродяги, полно горе горевать,
Настает зима, морозы, мы лиша<им>ся гулять.
Только нам, братцы, страшненько скрозь зеленую пройтить,
Батальён солдат стоит порядком, барабаны по концам,
Барабанушки все забили, под приклад нас повели,
Белы рученьки подвяжут, за прикладом поведут,
Спереди стоят и грозятся, без пощады сзади бьют.
Спины, плечи, братцы, настегали, в гошпитали нас ведут,
Разувают, братцы, раздевают, спать на коичики кладут,
Травкой мятой прикладают, видно, вылечить хотят.
Мы со коичик слезали, выходили на лужок,
Во лужку, братцы, гуляли, стали службу разбирать,
Который прусской, который турский, а мы белаго царя,
Которых били, да били, а мы песенки поем,
А мы песенки, братцы, поем, господам честь воздаем.

273

Кулик куликает,
Ни молоденький князь Голицын по лужку гуляет,
Йон ни один князь гуляет, с своими полками,
Со любезными сы полками, больше с козаками.
Да он думает, князь, гадает, про все размышляет:
Вот и где кн<язю> Гол<ицыну> во Москву проехать?
Вот и полем кн<язю> ехать — полем было пыльно,
Вот и лесом князю ехать — ему было страшно,
Вот и полем ехать князю, полем — да все былья,
Вот Москвою ехать князю, ему было стыдно.
Отчего же князю стыдно? Что первый изменщик!
Вот и ехал князь Голицын улицей Тверскою,
Да все улицей Тверскою, слободой Ямскою,
Слободою все Ямскою к новому собору.
Йон скидает, кн<язь> Г<олицын>, шапочку соболью,
Шапочку соболью несет он с собою.
Йон снял, к<нязь> Г<олицын>, стал богу молиться,
Вот и богу князь помолился да всем поклонился:
— Уж ты здравствуй, царь-государь, со своей царицей!
Уж ты жалуй, царь, господ разными чинами,
А меня, кн<язя> Гол<ицына>, малым городочком,
Да вот малым городочком, славным Ярославлем.

274

В нас под лесом, под лесочком,
В нас под лесом, под зеленым
Долинка была.
В нас на этой на долинке,
В нас на этой на широкой
Осоток растет.
В нас на этой на осотке,
В нас на этой на зеленой
Пастушок пасет.
Идет девка из лесочка,
Идет красна...

275

Никогда так, братцы, не бывало, только нонче случило́сь,
Тяжелехонько вздохнула, сердце кровью облилось,
Да болит сердце, томится по любезной по своёй.
Куда же с сердцем, чем я закрою грусть-тоску?
Взвейся, взвейся, мой голубчик, прилети ко мне, мой друг!
Увойми мое страданье, привнуши мой томный вздох!
Слезныя очи ясны, спокой милую свою,
Чтобы я была довольна, ни узнала страсть твою.
Вспомни, вспомни, мой голубчик, совыкались мы с тобой,
Совыкались, мой голубчик, всё во темных во лесах,
Расставалися, мой голубчик, на крутиньким бережку.

276

Завродился-то вор Засорушка, Засорин в городе Ростове,
А теперича Засорушка, Засорин за Доном кочует.
Он не (о)дин-то вор Засорушка кочует — с братом Ковалевым.
Вечеру поздно-позднешунько Засорин Яшка спать ложился,
По ютру рано Засорин Яшка подымался.
Он сы травки, сы муравушки Засорин росой умывался,
Он на восход красного солнушка, Засорин, он богу молился,
Что на все четыре сторонушки Засорин Яшка поклонился,
Со Ростовом городочиком З<асорин> Я<шка> распростился:
— Ты прощай, прощай, Ростов, славный городочек, с частыми кобаками,
Оставайса кочевать, подлый городочик, с красными рядами.
Как по этим по рядочкам Засорин да Яшка гуляет.
Он ко всякому замочику Засорин ключик подбирает,
Он и красныи товары, Засорин Яшка, выбирает.
Он своему брату Ковалеву, Засорушка, товар отдавает,
Он про то, вор Засорушка Засорин, он думу гадает,
Он думушку все гадает, З<асорушка>, что никто не знает.
Вор Засорушка, З<асорин>. Вдруг его поймали,
Вдруг его поймали, Засорина, кнутом наказали,
Да кнутом наказали Засорушку, да в Сибирь сослали.

277

На горке калина, под горою малина,
Молодая девченочка молодчика любила.
Взяла его за ручушку, всиё ночку водила,
Всиё ночку до светочку, на дворе белый день, заря,

На дворе белый день, заря, мне, девчонке, спать пора,
Оглянулася в окошко, стоит милый у ворот,
Стоит милый у ворот, зовет девку на совет:
— Выди, выди, девчоночка, поговорим мы с тобой!
Девчоночка выходила, с молодчиком говорила:
— Устань, парень, одну ночку, постой, парень, другую!
Подожду свою матусеньку, вечереньку сготовлю!
— А <хорошо> там тебе, девчоночка, по горенке ходить,
Каково-то да мне, молодчику, на морозе стояти!

278

Наша Хима, вот и Хима,
Она по полю ходила,
Да все пшеничку полола.
(О)на полола, запатела,
(О)на купаться захат<ела>.
(О)на рубашку скидавала
Тонкую, алляную.
Рассукин сын Ивашка
Подхватил ту рубашку.
Наша Хима не стыдлива,
Из воды вон выходила:
— А, рассукин вор Ивашка
А, поднял мою рубашку!
А Ивашка божился,
На Миколу крестился:
— Подними меня, Микола,
Выше города Белева!
А ударь меня, Микола,
Об омет, об солому,
Об гречишную оторю! *
Обстрели меня, Микола,
Пшеничными пирогами!
Обожги меня, Микола,
Ты гречишными блинами!
Утопи меня, Микола,
У творог, у сметану,
У кислое молочище!

279

Ты ёлушка, сосёнушка, ты сосёнушка!
Из-под той ли елушки соколик вылетывал,
У этого соколика крылья примахалися,
Сы мокрой погодушки перья осыпалися,
Во доброго молодца кудри завивалися,
На доброго молодца девки вздивовалися.
Молодым молодушкам парни полюбилися:
— Распроклятая наша жизнь замужния!
— Разлюбезная наша жизнь девичья!
Ты воспой, воспой, младой жавороночик!
Ты воспой, сидя весной на проталинке,
Вить еще воспой на зеленой травушке!
(Е)ще подай голос, младой жавороночек,
Ты подай голос, голос через темной лес,
(Е)ще подай голос, младой жавороночек, через синий бор,
(Е)ще подай голос, младой жавороночек, в каменну Москву,
В каменну Москву, к мому милому дружку.
Как и мой-то милой сидит во неволюшке,
Во такой во неволюшке — в темном остроге!

280

Вы солдатушки манерны.
Мы под Питером стояли,
Под Можаем воевали,
У Россию пришли,

* Оторя — отряхать (собир.).

Всю веселость принесли.
Во Белев город вступили,
По квар<тирам> станов<ились>.
Нас хоз<яева> люб<или>,
На базар часто водили,
Чаем, кофеем поили.
Што мещане, что купцы —
Сказать правду, что глупцы!
Дочер<ей> св<оих> скрыв<али>,
Во чуланы запирали.
Девки пл<ачут>, говор<ят>,
Отца с мат<ерью> бран<ят>.
Дур<аки> их отцы.
Солдаты — мол<одцы>.
Волос долог — лицо белей,
На постели всех милей!
Он киват, морг<ат> усами:
— Вы пойд<емте>, дев<ки>, с нами,
Да вы с нами, молодцами,
Все с солдатушками.

281

Из-за гор погодушку ветер дуеть, подуваеть,
У нас на синем море весь ледочек узломало.
Посередь моря студенушки усплывали,
Вастраханские бурлаченьки взрадовались,
Во легкие студенушки побрасались,
Во легиньки студенушки разъездные.
Во красной девке живот, сердце замирало
По своем горюшку, по миленьком по дружочку.
Выходила девушка на крутинькой бережочик,
Становилась красная на желтенький на песочик,
(О)на журила, она прикащичка суднавова:
— Ты, вор, злодей, судновой, подлец прикащик!
Ты на што, почему суденушко занимаешь!
Ты на што, почему красных девок сажаешь?
Ты на што, почему в ины земли отсылаешь?

282

Слала, слала девчоночка постелюшку мягку,
Клала, клала девчоночка взголовья крутые,
Ждала, ждала девчоночка полковничка в гости,
Не дождамши, девчоночка ложилася спати.
По вутру рано-раненько вести услыхала:
Помер, помер полковничик своей скорой смертью,
Остается полковница — вдова молодая,
Остаются малы дети — горькие сироты,
Остается конь вороной сы парадной сбруей.
Маладые агаречки могилушку роют,
Они роют, и копают, и стенушки тешут,
Молодому полковничку домовище строют.
Тело несут, коня ведут, конь головку клонит,
Молодая полковница сама слезы ронить.

283

2 февраля, Андроновское.

Вчера я совершенно измучился. Пришел к моему хозяину в гости столяр с барского двора. Я еще днем купил <на> один целковый пять <...> водки — и дым пошел коромыслом по всей избе. Столяр присел к нам, пел песни, и все просили меня прочесть ту песню, которую он спел. В заключение величал меня «сударь», «Ваше благородие».

Надо заметить, что я выдал себя за лакея, отпущенного на оброк за 80 <рублей>; рассказываю, что мне один купец дает целковый за сто песен и сказок; сперва показалось им, что цена очень хороша; но, как увидели, что я целый день почти писал и не записал сорока песен — обещались еще нонче петь даром, и дядя Викентий отправился за одним слепым, который много знает стихов про Голубиную книгу.

Пошел вчера я из своей избы в другую — ужинать; провалился в погреб и ужасно разбился — минут десять без памяти лежал; но нонче я с новыми силами принимаюсь за работу: перепишу сказку про козла и барана.

284

Жил мужик богатый, у него было много скотины, а всей скотине была скотина — козел. А козел тот был бедовый: погонит пастух стадо — козел бежит вперед да прямо в лес. Пастух к нему, а тот назад, да не так, а в хлеб! В бок тоже! Бился, бился пастух да и нанял себе в работники солдата, а тот свил кнут аршин в тридцать. Козел в хлеб, а солдат кнутом по ляжкам. Пригнали стадо домой. Козел кликнул барана и давай думать, как быть. Думали, думали да и придумали бежать. Схватили мешок, горшок да и в лес. Шли дня три, захотели есть.

— Давай вариво варить?

— Давай.

Нашли сено, поклали в горшок, а ни огня, ни мяса нет! Пошли дальше, нашли кобылью голову, положили и ту в горшок. Еще пошли ребята в ночное, развели огонь. Козел и послал барана за огнем, тот принес. А волк увидал козла и крадется к нему. Козел и сам не прост. «Вынь, брат баран, — кричит козел, — из мешка другую волчью голову!». Как услыхал это волк, побежал в лес, созвал 10 волков и медведя и рассказал им про все. «Не слажу, — говорит, — один, пойдемте вместе!». Медведь выпросился с ними за ворожейку. Как увидел это козел, кричит барану: «Вскинь на рог горшок, бери мешок да побежали!». Бежали, бежали — а волки за ними. «Лезь на дуб!» — кричит козел барану. Козел влез на самую макушку, а баран только что успел взлезть на сук, как волки тут.

Кричат волки: «Обманул ты нас, медведь! Барана с козлом здесь нет!». Медведь — гадать на желудях, как бабы на бобах. Гадал, гадал: «Здесь!». Не успел сказать, как баран бух к ним в середку! Козел видит беду неминучую, кричит барану: «Клади всех в мешок!». Волки — кто куда! Который добежал до лесу — жив остался, а который не добежал, тот здесь издох. Козел видит, что здесь еще хуже домашнего, и пошел домой.

285

Жили-были два брата родные да два Лазаря:
Едный-то брат был Лазарь, богат человек,
А другой-то брат Лазарь был убог человек.
Приходит убогой к брату своему:
— А братия, братия, богат человек,
Создай ты мне, брат, три милостыньки,

Три милостыньки, три милостливы:
Первую ты мне милостыньку — попой, накорми,
Другую ты мне милостыньку — обуй и одень,
А третью ты мне милостыньку — с двора проводи.
— Ох ты, нищий, убогий, какой ты мне брат!
У меня есть братия, такой-то, что я.
Еще лучше мене, богатый живет.
Богатый живет, в золотых петлях.
А вот твои братия — два лютые пса,
Два лютые пса, два гнездинника,
По подлавичьям лазиют, крошки собиривают,
Они тем твою душичку воспитывают,
Гнающие раночки зализывают!
Возьмите, телятники, гоните его с двора,
Гоните его с двора, гоните за ворота!
Пошел убогий брат с братняго двора,
Пошел убогий брат, слезно заплакал.
И узшел убогий на крутую гору,
И воскрикнул убогий громким голосом:
— О господи, господи, Спас милостивый!
Услышь ты, господи, молитву мою,
Молитву мою неправедную.
Сошли ты мне, господи, двух ангел с небес,
Нетихих, и немирных, и немилостивых.
Они бы вынули душу скрозь ребры мои,
Сквозь ребры мои железным жезлом.
Они б ударили душу мою об сыру землю,
Посадили б душу мою да на сковороду,
Понесли бы душу мою да на небесу,
Посадили б душу мою да в тьму крамёчную,
Во тьму крамёчную, в смолу кипучую,
Где смола кипит, аки гром гремит,
Где огни горят неугасимые.
Услыхал-то господи молитву яво,
Услыхал-то молитву всю праведную,
И пыслал ему господи тихих ангелей,
И тихих, и смирных, и милостивых по душу его.
И вынули б душу его честно, хорошо,
Честно, хорошо, и милостиво, и скрозь темя его.
Посадили ба душу его да на пелену,
Понесли ба душу его к Абрамию в рай.
Вот и скучилось богатому Лазарю во своем доме,
Выходил богатый Лазарь во зелены сады,
И сговорил богатый Лазарь такие словеса:
— Теперь я никово не боюсь: ни огня, ни пламя,
Ни огня, ни пламя, и ни лихова человека,
И ни лихого человека, и ни лютого зверя!
От огня, от пламя водой отольюсь,
От лихова человека казной отплачусь,
От лютова зверя мечью отобьюсь.
Приключилась к богатому лютая хвороба
И подымала богатого вельми высоко.
Вот ударила богатого об сыру землю —
То не успомнил богатый ни жены, ни детей,
Жены, ни детей, ни дому свово,
Ни дому свово, ни богачества.
И узшел богатый на круту гору,
И воскрикнул богатый громким голосом:
— О господи, господи, Спас милосливый,
Услышь ты, господи, молитву мою,

Молитву мою, всю праведную.
Сошли ты мне, господи, тихих ангелей,
Тихих ангелей — по душу мою.
И вынули б они мою душу честно, хорошо,
Честно, хорошо и милосливо.
Они вынули б душу скрозь теме мое,
Скрозь темя мое честно, хорошо.
Посадили б душу мою на пелену,
Понесли бы душу мою на небесу,
Посадили б душу к Абрамию в рай.
Вослышал господи молитву его,
Молитву его неправедную.
Ссылает господи грозных ангелей,
Не тихих, не мирных, не милосливых:
Они бы вынули душу скрозь ребра его,
Они вдарили б душу об сыру землю,
Посадили бы душу его на сковроду,
Понесли бы душу да на небесу,
Посадили б душу в тьму крамёчную,
Во тьму крамёчную, в смолу кипучую,
Где смола кипит, аки гром гремит,
Где огни горят неугасимые.
Увидал богатый брата своего.
— О братия, братия, убогий Лазарь,
Сходи-ка ты, братия, на сине море.
Обмочи-ка, братия, хоть единый пёрст,
Промочи-ка, братия, мои уста.
Мои уста запятналися,
Огнем они, пламенем загоралися!
— О братия, братия, богатый Лазарь,
Не (у)мели мы с тобой, братия, на белом свете жить.
А тут, братия, воля не наша с тобой,
Не моя, не твоя, а всё божецкая.

286

Вы туманы, вы туманы, часты-дробны вы дожди!
Не пора ли вам, туманы, сы синя моря долой?
Вы ребята, вы ребята, завдалые молодцы!
Не пора ли вам, ребята, сы гуляньица домой?
Прошло время дорогое, прошло лето и весна,
Прошло лето и весна, не видала я дружка.
Посулилса, обещался ко мне милой в гостях быть,
Знать что, знать что рассердился, ко иной в гости зашел,
Ко иной в гости он зашел, вон (он) иную полюбил.

287

Всяка штука к штуке, а мох к избе (пословица).

288

Надо заметить, что я пишу римские цифры для того, чтобы не знали, сколько написал. Посмотрят — не узнают, а считать не дам.

289

Ты Ванька, да ты Ванька-замотайкя!
Замотай свою головку
На чужу-дальню сторонку.
Тошно, грустно жить Ванюши,
Что тошней того не будет,
Что жена мужа не любит,
Что не любит, не жалеет.
Недоносок, недоросток,
Шелудивый поросенок!
Он с вечера гулять ходит,
Ко белу свету приходить,
Стучить, грючить у вороты:
— Отпирай, жена, вороты,
Сустречай мужа с охоты,
Сы легкой сы работы!
Вот и дуй, жена, лучину,
Погляди мою кручину.

290

Сильно, сильно черемушка, сильно расцвела,
Низрелую черемушку нельзя заломать,
Да не выбравши красной девки, нельзя замуж взять.
Да я высмотрю, да я выгляжу красну девку, возьму за себя.
Кормил, поил — да я прочил за себя,
Досталась любезная иному, не мне,
Иному, другому ли злодею мому,
Ты злодей лих-лиходею, нинавистнику!
Да с того дворца, да с того крыльца ведут девушку,
Жених ведет за ручушку, дружка за рукав.
Один глядит — живот болит, любил да не взял.
— Красавицу, забавницу! Аглянись назад!
— Радешенька оглянулась бы — покрыты глаза.
— Красавицу, забавницу! Махни х(у)очь рукой!
— Радешенька махнула бы — в руках платка нет!
— Красавицу, забавницу! Х(у)очь простись со мной!
— Радешенька простилась бы — конь не встает:
Повозник малешенек, не может держать.

291

Жил лукавый Юда,
Запродал Христа на распятье
Да на ложное древо купарес.
Расплачется мать божия Марея:
— О чадо, мое чадо, царь небесный,
Ты напрасно эту муку принимаешь,
Святую ты кровь проливаешь!
Рече господи: «Мати пресвятая,
Эта моя мука — живот вечный».
О, аминь, аминь, слава тебе, Христе боже наш!

292

Придеть последнее время:
Земля и небо спотресется,
Солнце и месяц померкнеть,

Звезды на землю сойдуть,
Все престолы разрушатся,
Все каменья распадутся,
Пройдеть река огненная
И пожреть всю тварь земную.
И Михаил-архангел в трубы ваструбить,
Он умерших из гроба разбудить.
А мертвы из гроба восстануть,
К единому лицу они будуть,
К единому лицу, к самому кы богу,
К самому кы богу, к богу Саваофу,
К самой матери пресвятой богородице,
К единой троице нераздельной.
Господи грешникам глаголить:
— Подите вы прочь, проклятые,
Вон вам, вон пропасти земные,
Вон вам реки огненные!
Господи праведникам глаголеть:
— Подите ко мне, мои Христа любимцы:
Вон вам рай растворенный,
Вон вам царство небесное
От самого бога Саваофа,
От самой матери богородицы!
А грешные зарыдають,
Они господа гласом ни спущають:
— Овы, овы, царь небесный!
Вы на что вы нас от раю отсылаете?
Или мы на белом на свете проживали,
За хрёст, за молитву не стояли,
Святой милостыньки не сдавали?
Аминь!

293

Во пустыне святой труженик трудился,
Не владал он ни рукою, ни ногою.
Во сне ему пятница являлась,
Хрестом ана его ахрещала,
Свечой ана его асветила,
Гласом она его оглашала:
— Ты встань, раби божай, подымися,
Ты встань, раби, богу помолися.
Поди, рабе, по всему свету,
Прославь, раби, всему миру,
Чтобы у недели по три дня поминали,
А пятницу, среду почитали,
В воскрёсный бы день ни работали,
Во пятницу пыли не пылили,
А у середу золы б не золили,
К обедни, к заутрени ходили,
Усердно бы богу помолились.
По божьем закону поживите:
Друг друга почтите,
Брат брата не браните.
По божьему закону поживите:
Мать детей не проклинайте,
Мать детей жидами не взывайте.
Жиды во Христа бога прокляты,
Жиды за Христом богом гоняли,

Жиды Христа бога распинали,
На лютые муки предавали
На том на древе купаресе.
Да три души грешные согрешили:
Первая душа согрешила —
Спорину из хлеба вон вынимала;
Другая душа согрешила —
Золот венец (о)на разлучила;
Третия душа согрешила —
Младенца во чреве проклинала.
Не будет тем душам прощенья
От века и до веку. Аминь.

294

Во славном во городе во в Рыме
При том царю Онории
Молился, трудился Орхимиан-князь.
Он и так-то молился со слезами,
Умолял он у господа бога:
— О господи боже, Спас милосливый,
Создай ты нам единую чаду:
При молодости лет — на погляденье,
При старости лет — на призренье,
При последнем конце — на помин души.
Да ни от их то было подумления,
Ни от их то было помышления.
Молодая княгиня покосы покосила,
Покосы покосила, чаду породила.
Орхимиан-князь взрадовался,
Собирал попов, дьяков, патриархов
И всех князьев и боярев.
Нарекали ему имя — Еменуилы
Алексея, божья человека.
Да и хто ростет три годочка —
Алексей-свет три недельки —
Да ихто ростет три недельки —
Алексей-свет три денечка.
Да и хто ростет три денечка —
Алексей-свет ростет три часочка.
Да сровнялось Алексею ровно 8 лет —
Отдает его батюшка в школу
Грамоте божьей поучаться.
Он так-то грамоте изучался,
Что и ухаря того не знают,
Что Алексей, вить, свет знает.
Сровнялось Алексею двенадцать лет —
Хочет его батюшка женити.
Он своему батюшке говорит:
— Батюшка, Архимиан-князь,
На что мне так рано жениться?
Я пойду во ины земли турецкия,
Буду я богу молиться и трудиться.
А батюшка Архимиан-князь,
Он на это не удивляет,
А свое дело справляет.
Он засватал за него обрученную невесту.
Во первом часу было ночи
Стали Алексея собирати.

Во другом часу было ночи
Стали Алексея бласловляти.
В третьем часу было ночи
Стали Алексея за дубовый стол сажати.
Во четвертом часу было ночи
Стали Алексея на добрых коней сажати.
Во пятом часу было ночи
Стал Алексей со двора съезжати.
Во шестом часу было ночи
Стал Алексей к божьей церкви подъезжати.
Во семом часу было ночи
Стал Алексей в божью церковь входити.
Во осьмом часу было ночи
Стали на Алексея венцы надевати.
Во девятом часу было ночи
Стал Алексей к своему дому подъезжати.
Сустречает Алексея, божьяго человека,
Батюшка, Орхимиан-князь
И с хлебом, солью, с милостию господней.
И повел он Алексея в свои каменны палаты,
И сажал Алексея за дубовые столы.
И сидел он много ли, мало ли за дубовым столом —
И повели Алексея, божья человека, спать-почивать.
И говорит Алексей, божий человек,
Своей молодой княгине:
— Ох ты, молодая княгиня,
На тебе мой золот перстень и шелковый пояс.
Я пойду во те земли турецкие
Богу молиться и трудиться!
Вот приходит молодая княгиня
К своему батюшке Орхимиану-князю.
— Батюшка Орхимиан-князь,
Ушел твой сын, мой обрученный муж,
Во те земли во турецкие
Богу молиться и трудиться!
Вот он заплакал:
— Ох ты, мое чадо, мое чадо,
Алексей, человек божий!
Через десять лет приходит Алексей из иных земель,
И приходит в божью церковь,
И говорит Орхимиану-князю:
— О, Орхимиан-князь, был ли у тебя сын
Алексей, божий человек?
Он и говорит, Алексей, божий человек:
— Поставь ты келью позади каменных палат
Ни для ты меня, для свово сына
Алексея, божья человека.
Он послухал и справил ему келью
Позади каменных палат своих.
Он много ль, мало время жил —
Помирает Алексей, божий человек.
И по всём городу, по в Рыму
Росным ладаном запахло.
Стали люди-то догадываться:
— Чтой-то у нас во городе во в Рыме
Росным ладаном запахло?
Надо разослать по церквам, по кельям:
Нет ли у нас святого человека?
Вот и нашли ево в этой келье,
Позади каменных палат ли тех,

А в руках рукописанье.
То и глянул батюшка Орхимиан-князь,
Посмотрел князь на рукописанье,
Сам слезно заплакал.
— Ох ты, чадо мое, Алексей, божий человек,
Когда бы ты мне сказал про то,
Построил бы тебе келью
Впереди и повыше своих каменных палат.

295

Нынче решился идти на свадьбу! Заодно дневник пропадает. Вчера вечером мои товарищи, ложась спать, рассказывали, что их барышня (50 лет) взяла к себе в горницу девочку-колдунью, которой не больше тринадцати лет. Каково-то ей будет, бедной, жить на белом свете, когда так рано взяла клевета ее в свои объятия. Говорят, что мать ее передала ей колдовскую науку на венике. Скажите пожалусто: чем она виновата, когда также невольно она сделалась колдуньей. Мать, умирая, велела ей подать веник. Девочка подала. Старуха пошептала что-то на веник да и отдала дочери, чтобы она положила его на место. Та положила да и сделалась колдуньей!

296

Богородице, ты же еси лоза истинная.
Не возрастиша (о)на плоть живота.
Тебе молимся молитвою своею, богородице,
Тебе со всеми святыми апостолами:
Сохрани нас и помилуй.
Всем нашим душам аминь.

297

Во том во граде во Хлееме
Жила-была Софья Премудрая.
Родила она себе три дочери,
Четвертого сына — Егория-христотерпца.
А дознался царевища Демьянища-бусурманища,
Что родила она три дочери,
Четвертого сына, Егория-христотерпца.
То дознался царевища Демьянища-бусурманища:
— Кому же ты, Егорий, будешь веру веровать?
— Я буду веру веровать самому Христу,
Самому Христу и матери пресвятой богородице,
Единой троице нераздельной.
К Демьянищу, к басурманищу
Хлеб-соль отплатить,
Кровь горячую отлить!
Возглашает ему родна матушка:
— И где тебе, царю Демьянищу,
Хлеб-соль отплатить,
Кровь горячую отлить?
— Ни тужи ты, родная матушка,
Что я хлеб-соль не (о)тплачу,
Кровь горячую не (о)толью —
А я ему хлеб-соль отплачу,
Кровь горячую отолью!
Он садился на добра коня,

Приезжал Егорий во чисты поля,
Наезжал Егорий на стадо воловое.
Пасют то стадо воловое
Три девицы, все родные сестрицы.
Он возговорит, храбрый Егорий:
— Ох вы девицы, вы родныя сестрицы,
Вы сходите на Ёрдань-реку,
Вы умойтеся водою ёрданскою,
Вы набралися духу бусурманскова!
Эта застава Егорью миновалася.
Содился Егорий на добра коня,
Поезжал Егорий во чисты поля,
Нападал Егорий на стадо зверьиное.
— Ох вы волки, зверья лютыя,
Разойдитесь вы по диким степям,
Разойдитесь един по единому,
Ешьте вы, пейте повелёное,
От господа бога бласловленное.
Разошлись зверья лютые по диким степям,
Они пили, ели повеленное,
От господа бога бласловленное.
Вот и зачал Егорья во пилы пилить, в топоры рубить.
В пилах зубья поломалися,
В мастерах руки по(о)тымалися,
У топорах лезвья заворочáлися,
Эта застава Егорью миновалася!
Стал Егорья царища Демьянища-басурманища
Во смоле варить.
Ничего Егорью не сдевлялося: а смола кипит,
А Егорий посверх смолы плыветь.
Эта ведь застава-то Егорью миновалася!
Эта застава Егорью обращалася.
Роить царища Демьянища погреба глубокия,
Глубины сажень двадцати пяти,
Десяти сажень ширины.
Сажал Егорья в погреба глубокие,
Закутал Егорья досками чугунными,
Забивал Егорья гвоздями полужоными,
Засыпал Егорья песками рудожелтыми.
Ничего-то Егорью ни сдевлялося:
Со восточной со сторонушки
Поднимался буён ветер,
Разносил пески рудожелтыя,
Отрывал гвозди полуженыя,
Откутал доски чугунныи.
Выходил Егорий на белы Руси.
Приходил Егорий к своей матушке,
К Софии премудрыя.
— Ох ты, матушка, Сыфея премудрая!
Ты дай мне от своей руки благословеньице,
Ты дай мне свово добра коня.
Я возьму меч булатный, сбрую латную,
Я поеду во Хлиемий-град
Ко тому царю, ко Демьянищу,
Эта вить застава Егорию миновалася!
Садился Егорий на добра коня,
Поезжал Егорий во чисты поля.
Наезжал Егорий на темны леса,
На темны леса, на дремучие.
Ни пройти Егорию, ни проехати!

Воскричал Егорий громким голосом:
— Вы леса, леса вы темные,
Вы леса, леса дремучие!
Уж вы, леса, расшатитеся на обои бока.
Я из вас, леса, порублю церкви
Соборныи, богомольныи!
И та застава Егорью миновалася!
Садился Егорий на добра коня,
Поезжал Егорий во чисто полё,
Подъезжал Егорий ко крутым горам.
Как гора-то с горой сойдется — ни разойдется.

298

Не во времечко белы снежки выпали,
Не во времечко — средь теплого летичка,
На самый Петров денек!
Белыя снежки выпали в самое время сенокосное.
Маша сено косила, под куст косу бросила,
Сама за гульбой пошла,
За гульбой-то за (о)хотою, за легкой за работою.
Как журил, вить, бранил Машу родный батюшка,
Он ни один журил — с родимою с матушкой.
Не велел ходить за охотою,
Не велел ходить за речушку,
Не велел любить размолодчика,
Да молодца, молодца бравого,
Белого, румяного, Ваню (е)ще кудрявого.
Своей родной матушке клялась я, божилась я:
— Не хочу верно любить, хочу с дружком так пожить,
Без худой без славушки, без крепкой державушки.
Дружку это словичко, дружку это не побытчилось,
Ему потелятилось.
Что зашел милой сы правой сторонушки,
Он занес свою руку правую на девушку бравую:
Он ударил же Машу по белу лицу.
Из бела лица кровь-руда бросаласа,
Из ясных очей горючи слезы покатилися,
Слезы ни по батюшке, слезы ни по матушке,
Слезы по своем дружку, по милому.

299

Не во времечко белы снежки выпали,
Они выпали межень лета теплого,
Времечка рабочего, поры сенокосные.
Маша траву косила, косу в траву бросила,
Сама Машенька за гульбой пошла,
За гульбой пошла, за охотою
Да за легкою за работою.
Повстречалася Марьюшка Иванушке
Середи леса темного.
Стал Ванюшенька Машеньку спрашивать:
— Откуль, Машенька, вечор поздно шла?
Маша Ванюшке не корилася,
После Машенька повинилася:
— Хочу, Ванюшка, нонче так пожить,
Нонче так пожить, без гуляньица,

Без гуляньица, без худой без славушки.
Ване словечко не попадалося.
Он ударил Машу по белу лицу,
По белу лицу, по щеке румяной,
По щеке румяной, по серьге жемчужной.
Из бела лица у Машеньки
Руда-кровь и брызнула,
Жемчужная сережка рассыпалася,
Из ясных очей слезы покатилися.

300

Удивляются православные, что мне не надо модных песен, а что лучше всего для меня самые гадкие забытые. Я уверяю, что новые из Москвы идут, а старые надо в Москву привезти. Правду мне сказала моя молодая хозяйка: «Молодые, батюшка, и песен хороших не знают».

301

Поднизовские братцы-бурлаченьки, они вниз по Волге,
Они плыли-приплывали, к краю despite<ли>лись.
В астраханского, было, прикащичка была дочь хорошая,
(О)на просилася свово отца с матерью ночку погуляти,
(О)на просилася родного отца с матерью бурлак повидать.
Как зазвали ее к себе бурлаченьки, к себе во гребной стружок,
Напоили душу красную девку, напоили пьяную,
Напоёмши душу красную девку, положили спати.
Она спала, почивала, скоро просыпалася.

302

Собирался-то большой барин
Он со тем ли войском со Российским,
Что на Шведску на границу.
Не дошедши он гран<ицы>, становился,
Становился в чистом поле при долине.
Российским войском поле изуставил,
Российскими знаменами поле изукрасил.
Как увидел шведский коро(у)ль:
Чтой-то в поле все за люди.
Ни торгом приехали они торговати
Или нашего городу глядети.
Что приходили только и силы:
Что ни люты звери проревели,
Что чугунныя ядры про<гремели>.
Сходилися туто и двои силы:
Что шибкие громы гремели,
Что не люты звери проревели,
Прогремели чугунныя ядры.
Что между их протекали реки:
Протекали реки, реки кровяные,
Что и силы полягло, что и сметы нету.

303

Воспоил, воскормил отец сына,
Воспоя, воскормя, ни взлюбил сыну,
Невзлюбя сына, со двора сослал:
— Ты поди-ка, сын, со двора долой!

Ты спознай-ка, сын, чужую сторону,
Чужу сторону, незнакомую!
Как у молодца в него три сестры,
Три сестры, три родимыя.
Как большая сестра коня вывела,
Как середняя — седло вынесла,
Как меньшая сестра плетку подала.
(О)на, подамши плетку, все заплакала,
Во слезах братцу слово молвила:
— Ты када ж, братец, к нам назад будешь?
— Уж вы сестры мои, вы родимыя!
Вы подите-ка на сине море,
Вы возмите-ка песку желтого,
Вы посейте-ко в саду батюшки.
Да када песок взойдет, выростет,
Я тогда ж, сестры, к вам назад буду.
Как прошло братцу ровно девять лет,
На десятой год сестры искать пошли:
Как большая сестра — в море щукою,
Как середня сестра — в поле соколом,
Как меньшая сестра — в нёбо звёздою.
Как большая сестра про братца не слышала,
Как середняя сестра про братца слышала,
Как меньшая сестра братца видела:
Что лежит убит добрый молодец
На дикой степи, на Саратовской.
Его добрый конь в головах стоит,
Он копытом об сыру землю бьет:
— Ты устань, проснись, добрый молодец!
Тебя сестры все искать пошли!
Не сыскавши брата, все летать стали
По степям, степям, по Саратовским.
Налетали на свово братца, на родимого:
— Ты устань, проснись, добрый молодец!
Как и добрый молодец не просыпается.
Тут девушки слезно плакали.
Похоронили (о)ны братца родимаго,
Похоронёмши, (о)ни слезно плакали.
(О)ны ковыль-травами прикрывали,
(О)ны горюч-камень прикладали,
Приложивши камень, полетели на свою сторонушку.

304

Было во городе, было на Митровке,
Тут жил-проживал тут Волхонский князь.
Как во князя Волхонского был Ваня-клюшничик,
Молодой его княгини полюбовничик.
Он и год живет, Ванюша, он и два года.
Как на третий годочик князь доведался
Через ту ли девку, девку сенную,
Через самую подлячку, черз последнюю.
Закричал князь Волх‹онский› громким голосом:
— Уж вы слуги мои, слуги верные!
Вы подите, приведите Ваню-клюшничка,
Молодой моей княгини полюбовничка!
Все ведут, ведут Ванюшу к самому князю.
У него шубенка вся изорвана,
Его буйная головка распроломана,

А миткалева рубашка вся с кровью помешана.
Приведут все Ванюшу к самому князю:
— Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи, Ванюшка!
С которых пор живешь со княгиньею?
— Уж я знать того не знаю, сударь, я не ведаю!
Как простил все Ванюше князь Волхонский.
Как пошел Ванюша прочь от князя ли,
Он пошел ли Ванюша вдоль и по двору,
Все запел Ванюша песню новую.
Как услышала княгиня Ванюшин голосок,
Выходила княгиня, выходила на балкон:
— Ты не вешай-ко, Ванюша, своей буйной голове!
Услышал ли князь Волх‹онский› голосок княгиньи той,
Закричал ли к‹нязь› В‹олхонский› громким голосом:
— Уж вы слуги, слуги мои верные!
Вы берите-ка лопаты железные!
Уж вы ройте-ка, копайте ямы все глубокие!
Становите-ка столбы все дубовые!
Перекладину кладите все кленовыя!
Уж вы вешайте рели все шелковыя!
Уж вы вешайте Ванюшу, вора-клюшничка!
Все ведут Ванюшу, Ваню вешати —
Как и всем-то Ванюша, Ваня кланяется,
Он со всеми, Ваня, распрощается.
Распрощомшись, Ваня слово вымолвил:
— Вы позвольте ли, братцы, песню нову спеть!
То-то, братцы, было по́пито,
Было попито, поедено,
На тесовой на кроватке было полежано,
У сахарныя усточки было поцеловано!
Как повесили Ванюшу, удавить хотять.
Все висит Ванюша, висит, все мотается,
Молодая королевна все кончается!
Молодой ли Ванюша удовляется,
Молодая королевна по нем перставляется.
Все Ванюша удавился,
Молодая княгиня все перставилась...
Как и к‹нязь› В‹олхонский› по ней сумлеваится:
— Скверная девчонка! Начто ты донашивала?
Что и лучше бы того сам князь перенес бы я.

305

Девчоночка лесом шла, красавица темным шла,
Себе дружка не нашла, заплакала, в лес пошла.
Почудилось девушки: в лесу листики шумять.
Зеленая древушка — веселешунька стоить.
Белая березушка низко к земле клонится,
Кы этой березушки слеталися пташечки,
‹Слеталися пташечки›, горькия кукашечки.
Кукуеть кукашечка по своему теплу гнезду,
Горюеть горюшечка об своем худом житью.
Калина с малиною ранешунько расцвели,
Родимая матушка себе сына родила,
Не собрамшись с разумом, у солдаты отдала.
— Служи, служи, дитятко, двадцати пяти годов,
Отслужимши службушку, приди к дяде под окно:
— Родимой мой дядюшка, пусти ночку ночевать!

306

Только я выйду за вороты,
Все луга, болоты.
Как вы этих вы лужочках
Ковыль-травка вьется.
В молодца, у парничка
Живот-сердце бьетца,
На единой на часочик,
На час не воймется.
Про нас с тобою, хорошая,
Лихие люди судють.
Пущай судють, пущай рядють,
Что я тебя люблю.
Люблю, люблю хорошую,
Любить долго буду.
Тебя любить буду
Поколь не забуду,
Поколь сам отстану,
Любить перестану.
В чистом поле при вдолине
Стояла там древа,
Тонкая, высокая,
Листом широкая.
Кык на этом на древе
Сидел сиз голубчик.
Сизинькой-то голубчик,
Завдалой молодчик.
Перед голубем голубка
Жалобно гуркуеть.
Перед молодцом красная девка
Сама слезно плачеть.
Девка плачеть и рыдаеть,
Все Ваню ругаеть:
— Рассукин сын ты, Ваня,
На што ж ты женился?
На што, Ванюшка, женился?
На что скабалился?
Кабы знала я худую долю,
Замуж не ходила,
Я бы в девушках век сидела,
Косаньку ростила,
[Я бы косаньку растила],
Батюшке служила.

307

Головка болить, сударыня-матушка, ни знаю, как быть:
Про свово про любезнаго ни могу забыть.
Куды ни пойду с горя — везде тошно мне,
Кому ни скажу печаль — все плакать велять:
Поплачь, поплачь, девушка, погорюй по нем,
По своем по любезниньком, по милом дружку!
К дружку применилася, мил стал ни такой,
Словечушко молвила, мил отстать готов.
— Отстань, отстань, бестия, отстань, сукин сын!
А я тебе, бестия, опостылела.
На разлучном местечку садок выростал,
Во том ли во садику цветы расцвели,
Да во том ли во зéленом соловей поеть,
Да мне, красной девушке, надзолу даеть.

308

Не весел, грустён голубчик — голубушки нет.
Был я у голубушки ноня ввечеру,
Лежал я в голубушки на левом крылу,
На левом крылушке, правым обняла,
Правым девка обняла, дружком назвала:
— Дружочек ты мой миленький, голубь сизинький!
Голубчик ты мой сизенький, не проспи зари.
Проснулся голубчик мой — заря, белый день,
Заря, белый день — голубушки нет!
Кидался йон, бросался йон по всем сторонам,
По всем сторонам, по темным лесам.
Нашел я голубушку в зеленом саду,
В зеленом садику — подстреленую.
Подстрелил-то голубушку Ванька-ястребок,
Ванька-ястребок из нова ружья,
Из нова ружья — вить под крылушко.

ЗАГАДКИ

309

1. Рожь

Загадаю я загадку, закину ноги за грядку;
Пошла моя загадка на весь век годовати.

2. Серьги

Один пармян, а двое мотаются.

3. . . .

Вор у клетки, а сумка на порожке.

4. Соха

Девушка красна, промеж ног ясна.

5. Грудь

Лебедь белый на столе не был,
Ножом не рушан, а всяк его кушал.

6. Репа

Под дубком, под карандушком
Не то клубком, не то камушком.

7. Кочан

Стоит поп низок, на нем сотня ризок.

8. Овин

Старый старичище кусками серет.

9. Гречиха

Черна-расколана, берет оскомина.

10. Рябина

Я стою толста, высока и красна.
Залезь на меня да натяпкайся.

11. Стол

Четыре попа под одной ризой стоят.

12. Окно ‹волоковое›

Двину-подвину по живом Трохвиму,
Трохвим зубки оскалил.

13. Отец с дочерью прижили сына

Ты же мне мать, и я табе сын,
Я табе брат. Ты же мне отец,
И я табе сын, и ты же мне дед.

14. Арифметическая задача

Летели гуси, садилися на дубы.
По одном сядут — гусь остался,
По два сядут — дуб остался.
Сколько дубов — да сколько гусей?
(Гусей 4, дубов 3).

15. Сковорода

Сальная мануля по подлавичью валяется.

16. Пенька-кострика

Около шулят рублевички шумят.

17. Вошь

Поймал я вола у Волосова, и вел я вола через Глодово, и убили мы вола у Ногтове.

18. Конопли, кострика, зерно

Убьет мужичок вола у осень,
Кости бросит, а шкуру продаст, а мясо сам поест!

19. Человек, ноги, рот, глаза, волосы, воши и гниды

Стоят вилы, а на вилах короб, на коробе глотало,
На глотале моргало, на моргале ельничек-межиельничек,
А у ельничку-межиельничку свинки с поросятками ходят.

20. Лапти с оборками

Два волка — четыре хвоста.

21. Порог

Маленький захарчик усем ж... подглядчик.
Маленький Захарец усем ж... подглядец.

22. Поговорка

Хоть и крив да милой так.

23. Свечка

Тело грешное, душа хлопяная. Тело белое, душа хлопяная.

310

Афенский язык, который мне выдается за портновский.

Баба — кубася
Мужик — лох
Малый — котерь
Девка — шихтяк,
кривона — шихта
Старуха — хрипня
Старик — хрипик

Свинья — скирша
Овца — бахнырка
Собака — скиляга
Корова — лыба, бык — тож
Лошадь — грая
Курица — корапотка
Кошка — излазка

Кот — пиж
Стол — накрой
Ложка — шавырка
Ножик — махарь
Постоять — постекляить
Нога — ходуля
Отсохнуть — отцыхорить
Отец — башкан
Брат — избран
Мать — матузня
Сестра — избранница
Сын — сынемшей
Чорт — иос
Дурак — шмурак, шмурь
Двор — хас
Изба — парка
Вино — гамыра
Пиво — алава
Пить — выбусать
Вечер — меркат
Спать — ухамить, похламить
Платок — здикленок
Шуба — бурмиха
Шить — бутать
Игла — швейка
Наперсток — накульник
Торговать — пуливать
Печь — тепак
Горшок — черногол
Рука — грабуля
Рукав — михтор
Кроить — чурить
Строчить — мастюжить
Дом, двор — ход
Ходить — енодить
Табак — шам, шамтус
Палати — хоры
Пол — подхадорник
Сказать — скандить
Знать — унахтырить
Лучше — поклевше
Кнут — тягус
Бабий зипун — халик
Мужичий зипун — чугуй
Рубаха — зиклина
Церковь — каня
Крест — стода
Молиться — очуняться
Бог — стодом
Поп — касей
Дьякон — жеребец
Дьячок — жеребенок
Лихорадка — титюха *
Прясть — миндрякты дергать
Веретено — оптяк
Ножницы — журмаки
Пуговица — сузылка
Рубль — хруст
Целковый — шухлач
Полтинник — латник
Гривенник — марушник
Пятак серебра — лемях
Снег — савон, снигурка
Дождь — брындик, трухляк
Обедать, ужинать, есть — троить
. . . ть — похалерить
я — мас
дать — декнуть
Толкушки (у портных) — пойцы, льнички
Яйца — ягуры
Аршин — мерник
Нитка — тягла
Окно — яралак
Дверь — походуля
Вода — шулыга
Водяной — шульженой
Задавить — задавёхрить
Короста — пакета, пакетка
Жопа — варзиха
Спина — спинитра
Голова — кочева
Нос — курсак
. . . — сутряк
Глаза — рербухи
Высечь — просперить
Целый — целиферный
Жена — гожуха
Муж — хазет
Волк, медведь — лыкус
Сундук — присперник
Глядеть — вершать
Сечь — чихать
Сани — санюрки
Договор — судетка
Поясок — подбатурник
Вор — шур
В тачку — кумлевать
Рот — трояк
Деревня — курёха
Один — иёный
Два — дюрнах, дюрь
Три — тримернвих
Четыре — якорник
Пять — пейда
Шесть — шенда
Семь — сендель
Восемь — волидель
Девять — дивондель
Десять — декон, бака
Двадцать — дюль декон
Сто — стиклё
Нет — нескать

* Симеона-богоприимца и Анны-пророчицы — от титюхи. Куриная слепота нападает на брюхатых баб. Когда родят — слепота проходит (собир.).

«Черт-мужик! Я тебя, черта-мужика, обшиваю, часто обшиваю хорошо, в тачку я те, черт-мужик, пуговку пришил».

«Йос лох, я тебе, ясалоха, обутываю, кунавать лолмавато кумлевата, я тебе, йос лох, сутлачку прибутал».

Мой учитель говорит, что ежели цыганы станут говорить не так часто, то они их понимают, не всё, а другие слова понимают. Этот язык называется офенским, но он, как говорят, разнится от офенского владимирского: те цыган понимать не могут.

311

Размальчишка молодой
Прочь от кралички отстал,
Негодяйку любить стал.
Показалась молодцу
Негодяйка хороша:
Лицом бела, словно снег,
Черны брови хороши,
Щечки алые — ялый твет,
Походка павлиная,
А речь лебединая!

312

У нас по морю
Там кораблик бежит,
Он бежит, бежит, бежит,
К свому городу спешит.
А Васильюшка, сын гостиный,
По корабличку гулял,
Он гулял, гулял, гулял,
Во звончаты гусли грал.
Заиграйте, гусли-мысли,
Вы таперича при мне,
Вы при мне, при мне, при мне,
При Василью молодцу!
Как у Васи мать Арина
Васе речи говорила:
— Полно, Васа, перестань,
Прочь от девушек отстань!
— Родимая моя мать,
Тебе меня не унять.
Ты тогда б меня внимала,
Как маленечек я был.
Стал кораблик потопать,
Мать по Васе потакать:
— Поди, Вася, погуляй,
У девушек побывай!
Как во девушек во светлице
Играл мастер на скрыпице,
Он ни так в нее играл,
Душу-девку забавлял.
Он за то ее забавил,
Что одна дочь у отца,
Полюбила молодца.

313

Не мила-то мому разлюбезному
Здешняя сторонка,
Что мила-то мому разлюбезному
Питерска дорожка.
Я по этой по дорожуньке
Ходила, гуляла,
Я ходила, девушка, гуляла,
Дружка провожала.
Я про все-то свому
разлюбезному,
Про все рассказала,
Что про одно словечушко
Сказать позабыла.
Я забыть-то не забыла,
Сказать не посмела.
Я с догон бежала за любезным —
С догон не сдогонишь!
Голосом кричала ко любезному —
Голосу не слышно.
Я платком махала ко
любезному —
Платочка не видно!

314

— Ты дорога ль моя, дорожунькя, торна — широкая!
С чего ты, моя дорожунькя, с чего пыльна стала?
— Уж как же мне, дорожуньке, как пыльной не быти?
Что и день и ночь по мне, дорожуньке, и ходют, и ездют.

Что вели по мне, по дорожуньке, коней под коврами,
Что и шел ли-то один конь не весел,
Йон не весел, голову повесил,
Йон за што, за што жа он повесил?

315

Долина, долинушка, раздолье широкое!
На этой долинушке ничаго не родилась,
Только юродилася зеленая рощица,
(О)на тонкáя, высокая...
Из-за этой рощицы заря занималася,
Из-за этой зорюшки сонце выкаталася.
Греет, греет солнушко зимой не по-летнему,
Любил парень девушку, любил не по-прежнему.
Любил все ябманывал, замуж подговаривал:
— Поди, поди, деушка, поди за меня замуж,
Поди за меня замуж, за добраго молодца,
За добраго молодца, за горькию пьяницу!

316

Леса ли мои леса, леса дремучия!
Во лесах-то брала Маша ягодки,
Брамши ягодки, Маша заблудилася,
Заблудимшись, Маша-Машенька аукалась:
— Ты ау, ау, ау, ты, милый друг!
За ней-то ходят, ходят да три сторожа:
Первай сторож, сторож — свекор-батюшка,
Другой сторож, сторож — свекры-матушка,
Третяй сторож, сторож — распостылай муж.
Тут Машенька узмолилася:
— Ты взойди-ка, взойди, туча грозная,
Туча грозная, туча непогожая,
Узойди, туча, со морозами,
Ты убей-ка, расшиби, убей свекра-батюшку,
(Е)ще ты убей свекры-матушку,
Как ище ты, мороз, да мово распастылаго!
Что взошла, взошла туча грозная,
Что юбила она ее друга милаго.

317

Молодушка молодая, черноброва, хороша,
Вдоль по улице (о)на прошла, к корогоду подошла,
Низкой поклон отдала, черным глазом повела...
— На проходе белый день, наставаить темна ночь,
А мне, младой, горевать — не с кем ночку начевать.
Одна ляжу — боюся, сам друг ляжу — стыжуся,
Сам друг ляжу — стыжуся — усё горюшко, горе-беда!
Ю подруг все хорошие мужья.
Как и мой-то негодяй, никуда он ни годён.

318

Уж ты белая моя, белотелая моя!
Уж и некому тебе прилюлюкати без меня!
Прилюлюкаю, убаюкаю сударушку свою.
Уж не люди — сапожнички, безлюдья — кузнецы,

Разудалые молодчики да все плотнички.
Они день работали, ночь по улице гуляли.
К широку двору подходят — посвистывают,
За колечко берутся — выговаривают:
— Дома ль Варя и Варвара, дома ль душечка моя?
Сидит Варя у чулане, заперта тремя ключами,
Заперта тремя ключами, запечатована.
Светы выставили, Варю высадили.
Пошла Варя на задор, раззаборила забор.
[Раззаборила забор]: «Ступай, милой друг, на двор!
Ходи хорошо ю(у)бран, носи зеленый кафтан,
Рукавички с серебром, перчаточки с золотцом,
[Перчаточки с золотцом], черну шляпу со пером.

319

Меня здесь подозревают. Здешняя помещица присылала узнать обиняком, зачем мне песни. Угостил приличным образом посланного. Хотелось мне пробыть воскресенье — опасно. Думаю завтра ехать в Калугу. В это время, когда я пишу, рассказывают анекдот, как поймали одного вьюношу, который выдавал себя за правую руку царя. Правда, я не заношусь так высоко. Что будет — до завтра!

320

Соловьюшка маленький,
Голосок твой тоненький,
Ни пой тонко, ни пой звонко
В своем зеленом саду,
Во зеленом во садочку —
Сам не знаю отчего.
Уж я знаю, понимаю —
Жаль сударушки своей,
Жаль сударки-понимавки —
Отдалилась, прочь пошла.
Отдалилась, прочь пошла
За четыре ровно ста,
За четыре, за пятьсот,
За двенадцать городов,
За двенадцать, за тринадцать,
В славный город во Москву.
По Москве мальчик гулял,
Сам во скрыпочку играл,
[Сам во скрыпочку играл],
Извощичков нанимал.
Извощичков не на‹шел›,
Сам заплакал, прочь пошел,
[Сам заплакал, прочь пошел],
Кы таварищу зашел.
Ты, таварищ, братяц мой,
Сядь, подумай-ка со мной,
Сядь, подумай, погадай:
Кого к любушке послать?
А мне мальчика послать —
Мал не знает, что сказать!
А мне старого послать —
Стар не дойдет до двора,
Йон не (о)творит ворота!
А мне ровнюшку послать —
Ровня знает, что сказать!

321

— Ты о чем, ты о чем, ты, моя кукушечка, о чем ты кукуешь?
— Да ведь как же мне, кукушечке, как мне ни куковати?
Что один-то был зеленый сад — и тот стал засыхать,
Что одно у меня тепло гнездышко — и то разорили,
Что один-то был соловушко, да и тот вылетает,
Что один в меня мил сердечный друг — и тот отъезжает,
Что одноё красную девушку мене спокидает.
А я одна, красная девушка, дома остаюся,
Много горя-горюшка наберуся.

322

Уж ты батюшка, светел месяц,
Что же ходишь понизёшуньку?
Что жа ты светишь помалёхоньку?
Не по-старому, не по-прежнему?
В новом городе во Смоленскому
Стоять вереи точеныи,
Все точеныи, раскрашенныи.
Дли верей стоит молодой солдат,
Молодой солдат, полковой серьжант.
Он не так стоит, слезно плачетца,
Он ни так плачет, что река льетца:
— Подымитесь, ветры буйные,
Разнесите все желты пески.
Распахнися, шелкова парча,
Разломися, гробова доска,
Подымися, наша матушка,
Милосердная государыня,
Катерина Алексеевна!
Без тебя нам жить похужело,
Всему царству почежелело
При твоем сыну любезному,
Что при Павлу при Петровичу:
Он загнал силу во Туретчину,
Поморил смертью голодною,
Познобил зимой холодною.

323

Эх, выходила желтая баба
За новыя ворота,
Становилась желтая баба
Дли тачонаго столба,
Опущала желтая баба
Белы руки во карман,
Из кармана вынимала
Бел-лазоревый платок,
Утирала горькия слезы
Любезному сваему.
(О)на, утёрши горькия слезы,
(О)на на те горы пошла,
(О)на на те горы, на те круты,
Где разлука чежала.
Разлучила нас неволька —
Чужа дальня сторона.
На чужой дальней сторонке
Там девчонка хороша,
Взял девчонку за ручонку:
— Пращай, милая моя!
Зарастай, мои следочки,
Все травою-муравой,
Все травою-муравой,
Все зеленым лапушком!

324

Юж ты степь моя, степь Моздовская!
Атчего ж ты далеко ты, степь, протянулася?
Протянулася степь до сама(го) Царицына.
До Царицына, степь, ты до князя Голицына.
Чем же ты, степь, степь, изукрашена?
Изукрашена ж ты, степь, большима дорогами, все широками.
Как по этим дорожунькам, по этим широкиньким
Там ишол, там прошол там обоз извощичков,
Все извощичков обоз — ребята коломенцы.
Кык изделалась у них в обозе несчастьица все нималое,
Захворал-то, занемог молодой извощучик,
Заболела ю него буйная головушка.

— Ох вы, братцы мои, вы, братцы, вы, товарищи,
Не попомните моей прежней грубости!
Вы подите-ка на круту гору,
Соведите-ка коней, коней со крутой горе.
Поклонитеся там: матушки низкай поклон,
А жене-то скажи, скажи на две волюшки:
Хочет — замуж, шельма, йдет, хочет — во вдовах живеть.
Застуюся, молодец, на большой степи,
На большой я степи, степи на Саратовской...
А (йа) постель у меня — сама ковыль-травушка,
Да в главах-то в мине — самой бел-горюч камень!

325

Вы заводы ли мои, заводы,
Вы хвабришные, горемышныи!
Что завел-то заводы добрый молодец,
Разорила заводы красная девушка,
Красная девушка Палагеюшка.
Разорёмши, она сама в лес пошла,
Сама в лес-то пошла, в лес по ягодки,
В лес по ягодки, в лес по красные.
На рибинушку девка загляделася:
— Ты рибина ль моя, ты рябинушка,
Ты рибина моя, ты кудрявая!
Ты не стой, ты, рибина, близко к речушки,
Близко к речушки, рибина, близко к бережку:
Что вясна-то придет, с гор вода польеть,
Все подмоет твои злы корешики!

326

Что ж ты, Ванюшка, невесел,
Буйну голову повесял,
Черной шляпой принакрылся,
Черной шляпой пуховою,
Своей правою рукою?
Юж ты матушка Росея!
Ни (о)тсылай нас прочь отселя,
Прочь отселя ни таперя!
Мы дождемся поры-время,
Поры-время, тепла лета,
Тепла лета, вясны красной.
Юж ты, матушка родима!
Нашто на горя родила,
Малолетного женила?
Жена, шельма, не взлюбила,
Высоко кровать смостила,
С короватушки свалила,
С короватушки свалила,
Ручку-ножунькю сломила.
Стала ножунькя болети,
Стала милая тужити.
Не тужи, моя милая!
Заживет нога больная.

327

Что сы вечера, сы полуночи
Сыкаталаси с неба звездычка,
Перпадала к молодцу вестычка,
Что ни радостна, нивеселая:
Померла его сударушка,
Сударушка, красная девушка.
Я пойду, младец, во конюшенку,
Заседлаю свово ворана коня,
Я поеду к ней на могилачку,
Отслужу по ней панахидочку.

Ты, сударушка, красная девушка,
Ты устань, устань, раскрасавушка!
Ты возьми свой ты падарочек,
Ты падарочек — шелковый пояс,
Ты подай мой золотой перстень
На правой руке, на мизинчику.

328

Уся зима, зима во думах прошла,
Думать нечего, любить девке нековò.
Холостых любить — они скоро женютца.
Женатых любить — жены, шельмы, бронютца,
Они бронютца, они, шельмы, сердютца.
Ночи мои, ночи мои темныя!
Надоели вы мне, ночи, надокучили!
Да красной девке в гости хочетца.
— Ты чего, девка, чево у ворот стоишь?
Чево у ворот стоишь, чево пожимаешьса?
— Не идет ли да мой разлюбезный друг,
Он не скажет ли, милый друг, словечушка?

329

Растет травка с повиликою,
Она ростет, ростет — скоро вянет,
С коренёчка травка засыхаеть.
В младца сердце замираеть
По душечке, по красной девичке.
— Ты душечка, красная девичка,
За што парня, девка, полюбила?
— Я за то я, девка, полюбила,
Што всегда в куражу ходил ко мне,
Сладки прянцы мальчонка носил мне.

330

Разбессчастная наша Груняша
Кляла свое серца:
Распроклятое мое такое
Сердечушка злое!
Сердце злое, сердце ретивое,
На час сердце не втолимо,
Все во мне, девушке, изныло!
Сердце ноет мое ретивое,
Ничаво не скажеть.
Только скажеть мое ретивое,
Каво я в девушках любила.
Я котораго дружка любила,
По том плакала, тужила.
Плакала, тужила, горевала,
Только плакала я, горевала,
Мало ночи спала,
Темной ночи до самой полночи.
Вот и два часа ночи вот пробило,
Сижу млада, запривныла.
Я б сидела за тветами,

Залилась бы горькими слезами.
Во слезах дружка свово я не вижу,
У глаза подлаво ругала:
— Ты разсукин сын Ванюша!
Что ж ты редко ко мне ходишь?
Ты ходи-ко, Ванюшка, почаще,
Носи пряничков послаще.
Ты ходи-ко, Ванюшка, порою,
Вечерний зарею.

331

Уж вы ночи ль вы мои, ночи мои темнаи,
Ночи мои темнаи!
Усе-то я ночи, ночушки просиживала,
Как юсе-то я юсе думушки придумала.
Как одна-то мне дума-думушка с ума нейдеть,
Как с ума-то нейдеть, с крепкаго разума.
Кабы были у меня, молодца, крылушка,
Я взвился, полетел на свою сторонушку,
А еще б я поглядел на свой на высок терём...
Как во тереме сидит молода жена.
Что ни одна она сидит — сы малыми детками.
— Уж вы дети ль мои, дети мои малаи,
Уж и кто ж вас, дети, да вас вспоил-вскормил?
— Воскормил, воскормил да нас православный мир,
Воспоила да нас Волга-матушка.

332

Уж ты ночь, моя ночь, ночка темная,
Ночка осеннёя, ночка долгая.
Да и с кем ‹мне ночь› ночевать будет,
С кем тебя, осеннюю, коротать будет?
Без милого дружка, без сердешнаго,
Без сердешнаго стюденешенькя,
Без надежуньки жить тошнехунькя.
Короватушка все пустешунькя
Да постелюшка холоднешунькя.

333

Выду я во горенку, сяду на лавку,
Сяду я на лавочку, погляжу в окно.
Гляжу я в окошечко — на улице дож‹дь›,
На улице сильный дож‹дь›, во поле туман,
Во поле большой туман растуманился.
Вот мой-то любезный друг распечалился.
Печальна была вестушка, весть не радостна,
Нерадошная весточка, невеселая,
Невеселая вестушка про мила дружка:
Да что мил убит лежит, во девушек был,
Во девушек милый был на беседушке.
Вспомни, вспомни, милый мой, прежнию любовь,
Где мы с тобой, милый друг, совыкалеса,
Свыкалеса, милый друг, в чистом полю,
Во чистом-то во полюшку под березою.

Да на этом местечку трава не ростет,
Трава не ростет, тама ракитывый куст,
Да на этом на кустику кукушка сидить.

334

— Матушка моя, головка болит,
Родная моя, головка болит.
— Дитятко мое, платочком свяжи,
Милое мое, платочком свяжи.
— Матушка моя, платок короток,
Родная моя, платок короток.
— Дитятко мое, возьми весь холсток,
Родное мое, возьми весь холсток.
— Матушка моя, животик болит,
Родная моя, животик болит!
— Дитятко мое, поди на печь ляжь,
Милое мое, поди на печь ляжь.
— Матушка моя, на печи батрак,
Родная моя, на печи батрак.
— Дитятко мое, батрак не чужой,
Милое мое, батрак не чужой.
— Матушка моя, ребенок кричит,
Родная моя, ребенок кричит.
— Курва, б..., на кого сказать?!
Подлюга, на кого сказать?
— Матушка моя, скажи на себя,
Родная моя, скажи на себя!
— Курва, б..., да я-то стара,
Подлюга, да я-то стара!
— Матушка моя, скажи на сноху,
Родная, скажи на сноху!
— Курва, б..., сноха молода,
Подлячка, сноха молода!
— Матушка моя, иди за попом,
Родная моя, иди за попом!
Матушка моя, возьми пять рублей,
Родная моя, возьми пять рублей!
— Курва, б..., иде их узять?
Подлюга, иде их узять?
— Матушка моя, в чулке под лавкой,
Родная моя, в чулке под лавкой!

335

В нас на горке калина, любо калина! *
Под горою малина.
Там девушки гуляли,
Калинушку ломали,
Во пучки вязали,
На кроватку бросали.
Казачунькю манули:
Казачунькя молодой!
Ты возьми меня с собой.
Я табе, казак, угожу,
Коня твоего накормлю,
Овса, сена подложу.

* Припев, видимо, поется после каждой строки с добавлением последнего в ней слова.

336

В нас по морю,
В нас по морю, по синю морю
[Плыло стадо],
Плыло стадо лебединое.
Отколь ни взялся
Млад сизой орел,
Убил, расшиб
Лебедушку белую.
Под правое,
Под правое под крылушко
Пустил руду,
[Пустил руду] по синю морю,
А перушки,
[А перушки] — по дубровушке,
А мелкай пух,
А мелкай пух по поднебесью.
Пила руду,
[Пила руду] бела рыбушка.
Брала перья,
[Брала перья] красна девушка
Свому дружку,
[Свому дружку] на подушечку,
Сердешному,
[Сердешному] на сголовьица.
Отколь ни взялся,
[Отколь ни взялся] добрый молодец-душа:
— Здравствуй, девушка!
Здравствуй, девушка красная, душа!
Она ему ж,
[Она ему ж] не споклонится.
Грозил парень,
[Грозил парень] красной девке:
— Помни, девка,
[Помни, девка,] это словечко себе!
Будешь, девка,
[Будешь, девка,] во моих белых руках!
Будешь, девка,
[Будешь, девка,] во краватушки стоять.
Будешь, девка,
[Будешь, девка,] горючи слезы ронять!
Удруг девка,
[Удруг девка] схомянулася,
Назад девка,
[Назад девка] повернулася:
— Прости, мой друг,
[Прости, мой друг,] виновата пред тобой!
Я-то думала,
[Я думала,] что не ты, мой друг, идешь,
Не ты идешь,
[Не ты идешь], низко кланяешься.

337

Уж ты воля, моя воля, воля дарагая!
Эта воля дорогая, девка молодая!
Девчоночка молодая, разумом глупая.

Девка, разумом глупая, по саду гуляла,
По саду девка гуляла, красоту теряла,
Красоту девка теряла, в острог жить попала.
Мимо этого острожка лежала дорожка.
В нас по этой по дорожке много ходють-ездють,
Ни купцы ли, ни бояре — московски дворяне.
А маво дружка Ванюши — ево здеся нету.
За рякой Ваня гуляет, за быстрой шатает,
Он с иною са милою сы краснаю девчонкой,
С красною девчонкой, с купеческой дочкой.
[На купеческой на дочке сарафан кумашный,
Сарафан кумашный — работы домашной].

338

Во прошлом во году
Завродилась сильно ягода в бору,
Облудилась красная девка в зеленом саду.
Облудёмши, выходила на Дунай-реку,
Присадилася на крутеньком девка бережку,
Расстила<ла> полушелковый алый платок,
Выставляла сладкой водки полуштоф,
На закуску бел крупичатый девка пирог.
Она кликала перевощичка парня к себе.
— Перевощик, перевощик, парень молодой,
Первези меня на ту сторону, девку, домой.
За работу ты что хочешь ты с меня возьми!
— Ничего я, красная девка, с тебе не хочу.
Поди, девка, поди, красная, замуж за меня!
— В этом воля, перевощик, воля ни моя.
Это воля, перевощик, воля батюшкина,
А еще ли еще — родной матушки.

339

Из-под камушка течет речка, не шумит,
Зеленой садик стоит.
Во том ли во садику там девчоночка сидить.
Сидела бы тут девчоночка под грушею зеленой,
Под грушею зеленой заливалася слезой.
Неродная свекры-матушка рано будит поутру,
Посылает меня, молоду, полночь по воду с вядром,
Полночь по воду с вядром, по морозу босиком.
Признобила свои ноженьки, по морозу ходимчи,
По морозу ходимчи, свежу воду черпамши.
Почерпнувши свои ведерки, на плечушка подняла,
На плечушка подняла, на круту гору взошла,
На круту гору взошла, к родной матушке зашла.
— Родимая матушка, зачем замуж отдала?
Зачем замуж отдала за стараго старика,
За стараго старика, за сядую бороду,
За сядую бороду, за табачную ноздрю!

340

Я во банюшки сидела,
Я сидела, югорела —
Сладких прянцев захотела,

Сладких прянцев со изюмом,
(О)на с изюмом на раздумы —
С виноградом-ненаглядом.
Уж ты черной, подлец, чернобровый,
Молодец хороший,
Сложил мысли, зажег мое сердце —
Не могу забыти.
Не могу ж я про дружка забыти,
В печали ходити!
А шел Ваня-Ванюшка,
Искал (?) йон следочку.
Не нашел жа Ванюшя следочку,
Он стал ко тыночку.
Злы собаки Ваню забрехали,
Он прочь отшатнулси.
Услышала его любезная,
На кроватке лежа.
Не стерпела моя любезная,
Вышла на крылечко,
Она вышла на крылечко,
Брякнула во колечко,
[Она брякнула в колечко],
Кликнула дружечка:
— Уж ты, мой милый, хороший!
Что в гости не ходишь?
Ты ходи-ка, миляныкай, почаще,
Носи, что послаще.

341

Ох ты Ванюшка-Ванюша,
Ваня, миленький дружок,
Размалиновой душок!
Проторил Ваня дорожку
Через речушку на горку,
К Татьянину окошку.
— Уж ты Танюшка-Татьяна,
Таня, белая, румяна,
Ты ускрой, Таня, окошко
У середняго немножко!
— Я бы рада б, я б открыла.
Я боюсь, боюсь батюшки,
Опасаюсь я матушки.
В мово батюшки беседа,
В моей матушки весела,
У ворот-то ворот холопи,
Все Иванушкины злодеи.
(О)ни хотят Ванькю поймати,
Ручки, ноженьки Вани сковати,
Во солдаты Ванюшу отдати!

342

Отъезжает душечка, мой любезный, в чужи дальние города,
Оставляет душечка-молодчик меня одныё.
— Ох ты, душечка, мой молодчик, хошь немножко поживи.
— Не, нельзя, что никак не можно с тобой, душечка, пожить,
Я с такими людьми спознался — любить тебя не велят.
— Любить дружка не велят, велят навечно позабыть.
Не забуду я дружка милова, когда ‹не› скроются глаза,
Закроют мои ясны очи тонким белым полотном.
Позасыплют мои ясны очи с гор крутых желтым песком.
Нарисую ‹я› свово милова на бум‹аге› гербов‹ой›.
Я скажу сваим подружкам: не любите никого,
Как и все только с любови зарождается болезнь,
Вот и я-ат ей, только с болезни, получается скора смерть.

343

Вы брадяги, вы брадяги,
Беспачпортные молодцы!
Уж не полно ль вам будет, брадягам,
Свае горе гаревать?
Трудно вам, трудно вам будет, брадягам,
Вам под лесом пастаять.
Идут зима, и<дут> марозы,
Мы лишаемся своей гульбы,
Хоть ище того трудея
Скрозь зеленый луг пройти.
Батальён солдат порядком,
Барабаны по концам.
Барабанщики прабили,
Под приклад нас провели.
На нас спереду гразятся,
Без пощады сзади бьют.
Спину, плечи простегали,
В гошпиталь нас повяли.
Разувают они, раздевают,
Спать на коички кладут,
Травкой-мятой их окладают,
Знать, что вылечить хотят.
Поутру в нас застановили,
Выводили на лужок.
Во лужку долго стояли,
Стали службу разбирать.
Которой турский, которой прусский,
А мы — белого царя.

344

Жил парень молодой с дуркою, через неделю поехал к теще. Говорит жена: «Посадят нас за стол у моей матушки, не часто стебай ложкой: часто будешь — толкну».

Посадили за стол их, в переднем углу. Стал часто стебать — свинья его толкнула, он не стал вечерять. Легли спать, он говорит жене, что не поел. Жена проснулась, послала его к лавке: «Там есть тесто». Жена тем временем легла на печь, а теща на лавку. Он подходит к теще: «На-ка, жена, теста!». Та забздит. «Не дуй, тесто простыло, вчерашнее». Та заперднт: тпру-тпру! «Ишь как, молока просит». Рассердился, ткнул ей тесто в ж... да и пошел руки мыть. Воды нет. Нагнул кушин — нет, всунул туда руки — вылилося, а рук-то не вынет. Пошел на двор разбить кушин. Теща проснулась, хвать за ж... — ус. .лась! Побежала на двор. Зять не разглядел тещу, думал, что столб. Как хватит кушином об тещину ж...!
— Батюшка, батюшка, не дерись, впервой в жизни случилося!

ЗАРАЙСКИЙ ДНЕВНИК 1846 г.

ТЕТРАДЬ 3

345

1846, июля 31. Семь верст от Москвы по Колом<енской>.

Прощай! Итак, прощай, моя матушка, Москва белокаменная! Много горя перенес, много и радостей было в тебе. Неужто Орел — мой родной город? Нет, Москва! В Москве я начал жить жизнью человека, в Москве я начал понимать назначение человека. В Орле я родился, но в Москве я ожил. В Москве я нашел приятелей и друга... Правда, нашел и врагов, но в эту минуту хочу забыть все горькие московские минуты, помню одно счастье. Помню, узнал я в Москве, что могу любить, могу иметь и друзей! Не знаю, скоро ли буду в Москве, но какое-то страшно сладкое предчувствие уверяет меня, что скоро. Опять увидать эти золотые маковки сорока сороков церквей московских, которые сияют теперь предо мною, будто красное солнце. Я полнее чувствую обязательства П<етру> В<асильевичу>; без него бы я не с такими чувствами расстался бы с Москвой, имея в кармане четвертак и впереди 360 верст пути — не думаю, чтобы кто-нибудь мог быть так долго счастливо весел, как я теперь, хотя одна тяжелая мысль об моей бедной матери тревожит меня...

Простясь с Мацневым, я вышел на Коломенку, просил проезжего подвезти меня. Тот хотел за четвертак посадить меня и довезти за десять верст до Брон<н>иц, да побоялся, что недобрый я человек. По пути нашел попутчика, он говорит, что он человек из с. Григорьевского. Бог его знает! Он мне сказал, что в последний раз видел Москву. Я сел под белою березою и записал это.

Люберцы. 15 верст от Москвы. Трактир.

Последний раз слышал звон московский в Подосиновках, пройдя 13 верст от Москвы. Надолго простился с Москвой, но не прощально отозвался в душе моей этот звон, а радушно призывая скорей вернуться в город, который я так люблю. Прощай, до свидания, моя белокаменная! Выпил здесь рюмку водки, поднес товарищу, и съел с ним в четвертак ячницу. Все стало недорого — всего 1 р. 20 копеек.

Август 2, пятница. Село Городня Зарайского уезда.

Третьяго дня мы с товарищем прошли Островцы и в версте от них <за>ночевали в поле. Владимир (так звали товарища) развязал снопа три ржаных, которые вытащил из копны, постлал их под тою же копною, и мы, накрывшись моим пальто, выспались чудесно — до самого света. Хорошо, что вчера был праздник (Спас первый), а то пришли бы мужики за снопами и, верно, нас выпроводили бы не честью. Я хоть уговаривал Владимира не трепать снопов, но он их все-таки растрепал донельзя, уверяя, что мужики непременно их свяжут опять, когда приедут за ними.

Прошедши Москву-реку и гору (всего версты полторы от ночлега), мы сели по гривеннику до Бро<н>ниц. В Бро<н>ницах не останавливались, а я послал только купить чаю и сахару на 15 к<опеек> сер<ебром> и остался ехать до Зарайска.

С нами же ехал до Коломны петербургский приказчик, крепостной человек кн<язя> Черкасского из дер. Чернецовки. Я с ним познакомился следующим образом. Я сказал, что сел за гривенник до Бро<н>ниц, но забыл сказать, куда сел: я сел на курятник, т. е. на телегу, в которой везли кур в Москву, телегу, разделенную на три этажа. Разумеется, мой извощик оставил в третьем этаже место для себя, но как мы дали ему по гривеннику, то он с нами и разделил свое место.

Итак, мы сидим на курятнике, дорога идет в гору. Правда, мы и под гору не скачем... Рядом с нами идет молодец лет за двадцать. Я сказал — молодец, и, правду сказать, был молодец: вершков девять ростом, при<гожий>, брюха совершенно нет, лицо круглое, брови дугой, густые;

глаза карие, веселые; кудри лежат, словно на картине, в плечах сажень...

— Куда-й-то едите, барин? — спросил он меня.

— В Зарайск, почтеннейший, а вас куда бог несет?

— В Коломну.

— Откуда? — спросил я машинально, потому что в полном значении этого слова засмотрелся на него.

— Из Питера. Я там жил около Смольного...

Ну, просто сказать, он там сортировал лес; кажется, был прикащиком у какого-то лесного торговца.

Завязался разговор. Не знаю как, он перешел к кулачным боям. «Жил я еще в Коломне, — начал рассказывать мой новый знакомец, — вот и пронесся слух, что есть какой-то извощик — молодец на кулачки биться, так что супротивника себе не находил. Как быть? Коломенские бойцы исстари славятся бойцами, а тут, как нарочно, из мещовских какой-то боец. Самих себя стыдно! Э! была не была, пойду на него! Сказано — сделано: вышли с ним. Я на одну штуку молодец. Он размахнулся, а я как сунусь на него — да грудью в грудь. Он и попал меня в скуло-то вот этим местом (он показал на плечи) по заушью — ну, разумеется, ничего эдак не сделаешь. Я стал опять как ни в чем не бывал, а тот побледнел... Вот я изловчился да как хвачу его по заушью — тот с ног долой... Правда, и мне тут досталось в зубы — две недели ничего не мог есть».

— Да когда же он тебя ударил?

— Сам не знаю: вошел в азарт — ничего не помню. А, верно, когда-нибудь да ударил: ни прежде, ни после зубы не болели.

— Ну, а тот встал?

— Встать-то встал, да только часа два лежал на земи.

— Это что за бой! — сказал мой Владимир. — Вот как был бой в Коломне об нонешнем зоговенье на маслянице — так бой! Человек 1000 билось. Городских стали одолевать, а калашник (имени его я не помню, положим, NN) и выслал своих работников человек пятнадцать; семеро было сначала и забились далеко — народ свежий! Да после-то те как попятили: вогнали опять в город, да и давай крошить полки NN-а. Насилу их унял NN второй; он, вишь, ихний, а NN второго и упросил NN. Да я не умею биться на кулачики, а бороться — с кем хочешь, — прибавил Владимир, — особливо, по-цыгански — с кем хочешь!

— Как это по-цыгански?

— А видите: один лежит головой сюда, а другой туда, а бока вместе. Вот и начнут, сперва заплетя рука за руку, болтать ногой. Вот и надо задеть ногой за ногу да и притянуть его к себе. А как притянешь — то все, кто тут ни есть, и давай его кулаками колотить в ж..у — оно в навык-те ловко!

Тут он начал рассказывать свои подвиги, но как в них видна была одна только ложь, то они и неинтересны...

С извозчиком своим я поехал до Зарайска. Ночевали в Сторнилах, проехали Коломну, в которой я напился только чаю, напоил извозчика и приехал сюда, т. е. в Городню.

3 августа. Сельцо Гололобово Зарайского уезда.

Вчера при закате солнечном я пришел в Зарайск, простившись еще у заставы со своими спутниками. Я пошел отыскивать Акулова, спрашивал человек у пяти, где он живет, но как он недавно приехал из Москвы, то насилу мог узнать, что он живет в двух верстах от города, в Гололобове. Здесь принят я довольно радушно, что дальше будет, я не знаю, но, наверное, можно положить, что путного сделать здесь нельзя; мой хозяин живет здесь отшельником, и, ежели я пойду странствовать по окружным деревням, никто их не уверит, что я хожу не для баб, а для песен. Вчера вечером написал записку Мацневу и отправил ноня.

Просил у хозяина мальчика Васю, не расскажет ли он мне чего? Пришел и Вася. Он выбирает песню, которая получше.

346

Ах, и чей это садок зиле<не>шуник стоит?
Как во садушке кроватушка тесовинькая,
На кроватушке перинушка пуховинькая.
На перине Катерина хороша, пригожа,
Хороша, пригожа раскрасавица моя!
Раскрасавица моя, ах, и взял бы для себя,
Взял ба, взял ба за сибе, изукрашу для себя.
Изукрашу сударушку получши я всех,
Я получши, покраши, я повежливяе.
Я сострою сударушке червончатый корабль,
Я найму своей сударушке гребцов-молодцов,
Я гребцов-молодцов, славных песенничков.
Как один из них, он и гресть не гребет,
Он и гресть не гребет, он и песен не поет.
Только с ножки на ножку поскакивает,
Сапог об сапог поколачивает.
Уж и эти сапожки издалеча визены,
Издалеча визены, из-за матушки Москвы!
Их и шили-пошивали, в Новом городе тачали.

347

Я по травке шла, по муравке шла,
По муравке я тяжело несла:
Коромысла да и валек, еще милого платок.
Наступила на бел камень, проломила туфеля,
Замарала чулок белый...
Мне не жаль туфля, а жаль белаво чулка.
Туфель батюшка купил, чулок милый подарил,
Чулок белинькой, дружок миленькой.
— Душа я, душа я, душа — ягода моя,
Душа, ягода моя, не садись против мине,
Не садись против мине, не гляди на меня.
— Я бы рад не глядел, да глаза мои глядят,
Да глаза мои глядят, говорить с тобой хотят.
— Мой друг не такой, при убране при новой:
Черна шляпы сы пером, перчаточки с сиребром.

348

— Винной мой колодезь,
Винной мой глубокой,
А что ж ты стоишь без воды?
Конь воду выпивал,
[Конь воду выпивал],
Копытцами выливал.
Нашива хозяина,
Нашива боярина
Дома не случилася.
Уехал наш хозяин,
Уехал наш боярин
Во Казань-город погулять.
Привезет наш хозяин,
Привезет наш боярин
Казанскую умницу.
— Казанская умница,
Люби меня, молодца,
Целуй меня, золотца.
Казанская умница,
Ай, стели мне постелюшку.
Казанская умница,
Люби меня, молодца.*

* Поется дважды; при повторении поется «в Москву», «московская умница» (собир.).

349

Там же, 4 августа.

Вот повел я жизнь самую оригинальную: нонче встал я в три часа пополудни; но прошу не думать, что я лег поздно: лег я часа в два, следовательно, проспал я часов тринадцать или около того. Вчера я сходил с своим хозяином в поле смотреть, как жнут. После зашли в ригу — там молотили. Акулов спросил, нет ли у кого нового хлеба. Один из них отвечал, что у него посажен в печь, но еще не готов. Староста, который тут был, прибавил, что мука теперь очень бела, потому что хлеб не брошен в землю (т. е. еще не посеян), а как бросят, то и мука почернеет.

Ввечеру хозяин мой производил суд и расправу над одним из своих людей, и как ему ни хотелось, кажется, быть одному судьею, он созвал нечто вроде сходки, которые здесь называются сходами. Все единодушно обвиняли подсудимого. Он не находил слов к оправданию. Теща его сказала только: «На кого Спас, на того и спасская сторона».

350

Вдоль по улицы мителица митеть,
За мителицай мой миленькой идеть,
За сабою ворона коня видеть.
А навстречу красна девушка идеть.
— Ах ты девица, девица,
Перведи ты мово ворона коня,
Сиделица нова кованое,
Струмена-то позалоченое.
— Без тебя постелюшка холодна,
Адеялушка заиндевело,
Подушечка потонула ва слезах,
Тебя, мой друг, дожидаючи,
Свое горя проклинаючи.
Нисчастливая моя доля раждена,
И в какова я тирзана влюблина.

Вот вам, почтенный мой Петр Васильевич, пишу песню, в которой и «тирзан» играет важную роль. Мне ее пел мальчик лет десяти; что же споют большие? Верно, песни еще моднее. Сижу в липовой роще и жду главного песельника сельца Гололобова; он говорит, что знает много старинных песен, — дай-то бог!

351

Нидалеча, нидалеча, близко каменной Москвы,
Как на славной улици, улици на Дмитровки,
Здесь живеть-поживаить, живеть Волхонский князь.
У Волхонского у князя был Ваня-ключни<чик>,
Ваня-ключничик...
Молодой моей княгини верный полюбовничек.
Он ни год живеть, и другой Ваня год живеть,
Как на третий годочик, верно, князь доведался
Через этаку девчоночку, девку сенную.
Закричал же князь Волхон<ский> сваим громким голосом:
— Уж вы слуги, слуги, слуги мои верные!
Вы подите — приведите вора Ваню-клюшничка,
Молодой моей княгини верного любовничка!
Што ведуть, што ведуть Ванюшу — Ваня спатыкаица,
Над Ванюшиной галовкай, галовкай надругаюца.

Што Ванюшина головка вся проломана,
Калинкорова рубашка вся на нем изорвана,
Што сафьяновы сапожки кровью понаполнились.
Закричал жа к<нязь> В<олхонский> своим громким голасом:
— Уж вы слуги, слуги, слуги маи верныи!
Вы падит-ка, возьмите лапаты жалезныи,
Вот вы ройтя, вы капайтя две ямы глубокия,
Вы ставьтя, постановьтя два столба, два дубовыя,
Уж вы вейтя, повивайтя две петли шелковыя,
Уж весьтя-ка, повесьтя вора-ключника,
Молодой моей княгини вернаво любовничка!
Вот пущай, пущай Ванюша-Ваня покачаица,
Молодая-то княгиня пущай попичалица!
Вот Ванюша-то качаица, княгиня кончаица.

352

Ты Росея, ты Росея,
Ты Российская земля!
Про тибе, наша Росея,
Далеко слава прашла:
Про Платова казака,
Росейскава воина.
Вот как Платов-ат казак,
Он во Франции гулял,
Со французом воевал,
Француз ево не узнал.
Сам к парату подъизжал,
Ко паратному крыльцу,
Ен биз спросу, биз докладу
Сам к палатушке пошел,
Черный кивер скидавал,
Француз ево не узнал.
За купчика пачитал,
За белыя руки брал,
За дубовый стол сажал,
Рюмку водки наливал,
На подноси подавал.
Выпил рюмку наш казак,
В разговор он с ним вхадил:
— Я в Москве сколько бывал,
Всех судей ваших знавал.
Одново только не знал
Я Платова казака,
Росейскова воина.
Я бы сколько казны дал,
Кто бы мне яво показал!
— Вам нашто казны терять —
Еве так можно узнать.
Посмотритя-тка на мине:
Точно таков, Платов я!
Эполеты с золотом,
Черный кивер са пером,
Перчатачки с серебром!

353

За Кистринскими воротами
Тут стояла нова горница,
По-российски темна темница.
Как во этой темной темницы
Посажен тут был нивольничик,
Что нивольничик росейской граф,
Чернышов Захар Григорьевич.
Он ни год сидел, ни два года,
А сидел ровно тридцать три года.
Отростил он себе рыжу бороду
До шелковаво до поясу,
Русыя кудри до могучих плеч.
Он сидел, бедный, посиживал,
Головой буйной покачивал.
— Голова ль моя, головушка,
Голова ль моя победная,
Што победна, безотецкая,
Безотецкая, молодецкая!
Ох, талан ли мой, талан такой:

Ни в роду ли мне написано,
Ни к смерти ли приговорен я!
Как случилось прусу ехати:
— Ох ты, гой еси, прусской король,
Прикажи, сударь, поить-кормить,
Прикажи, сударь, на волю выпустить!

354

Эх, да ни кулик-ат, братцы, во чистом поле куликаить;
Ох, ажна молодой князь Голицын по лужкам гулянть,
Ён гулянть-разъизжанть на вороном кони.
Ни один князь гулянть — с своими с полками,
Што с сваими са полками — с донским казака<ми>.
Вот он думанть-гаданть, где жа пройтить-проехать:
Естьли лугом князю ехать — лугом очень мокро,
Естьли лесом князю ехать — лесом очень темно,
Вот и полям князю ехать — полем чернапыльно,
Что Москвою князю ехать — Москвой очень стыдно.
Вот он крался, князь, пробирался улицай Тверскою,
Што и улицай Тверскою, Охотнаим рядом.
Подъезжанть князь Галицын близка ка сабору,
Скидаваить к<нязь> Г<олицын> шапочку соболью.
Вот он богу-то молился на все три сторонки,
На четвертую сторонку царю пакланился:
— Здравствуй, царь-государь, с своими с полками!

355

Вы леса мои, леса, братцы-лесочики, леса темныя,
Вы кусты ли мои, братцы мои кусточки, кусты частыя!
Вы станы ли мои, вы мои братцы-станочки, все вы(о)разореныи,
Как и все мои братцы-лесочки все порублены,
Как и все-та мои братцы-кусточки все повыжгены,
Как и все-та мои братцы-товарищи все половлены.
Как один из нас, братцы, товарищей не пойманный,
Не пойман из нас, братцы, товарищ наш Стенька Разин сын.
Выходил же тут Стенька Разин сын на Дунай-реку,
Закричал жа тут Стенька Разин сын своим громким голасом:
— Как и все-то вы, мои братцы-товарищи, все половлены!
Вы возьмите-тка, мои братцы-товарищи, свой тугой лук,
Натянитя-тка, братцы мои товарищи, калену стрилу,
Прострелитя-тка, братцы-товарищи, грудь мою бе. . .белую!

356

Што это за сердце во мне все изныло?
Што это за милый — не дает покою,
Ни дает покою ношною порою,
Летния вичирочки — гулять вы садочки.
Видишь, я страдаю, а ты лицемеришь,
А ты лицемеришь, сушишь, не жалеишь.
Ни можно ли, радость, на вздохи помириться,
На вздохи помириться, людям покориться?
Ах, вы забыли, как прежде вы меня любили,
А нынече, радость, любовь изменили,
Любовь изменили, сердце мое повредили,

Сердце повредили, иную полюбили.
Иная милая чем же меня лучше?
Только тем она и лучше, что живет поближе,
Живет поближе да ходит почаще,
Ходит почаще, целует послаще.

Павел Лаврентьевич Филиппов, который тоже гостит у моего приятеля Акулова, собрал маленьких девочек, которые хотят мне петь. Начинают.

357

На заре-то было, ей, на зорюшки,
На заре-то была на утринай,
На выкати светлава месица,
На высходи краснава солнушка
Йю нас сделалась, братцы, несчастьица,
Што большая-та безвременьица,
Што жина мужа потерила,
Вострым ножичкам зарезала,
Вы холодный погриб бросила,
Дубавой даской прихлопнула,
Што желтым пяском засыпала,
Правой ноженькой притопнула.
А сама пошла в нову горенку,
Яна села под окошечка,
Под красная под стяколушка.
Из-под лесу, лесу темнава,
Вылетали тут два сокола,
Што два сокола, два лебидя,
Что два лебидя, два деверя.
— Ты сноха, наша невестушка,
Да и где же наш большой-ат брат?
— На Дунай-реку коней повел.
— Да ни правда тваё, невестушка,
Што ни правда да ни истина.
Да с чего эта крыльцо в крови?
— Я зарезала сизава голубя,
Вы халодный погреб бросила.

358

Из-пад бережку из-пад кру́тава
Тут тичеть ручей да бел-сиребрянай.
Пы таму ручью силизень плыветь,
Силизень плыветь — девкам весть нисеть.
Выбирай девок ва Казань-горад,
Ва Казань-горад за солдат замуж.
Красные девушки испужалися,
За рибят замуж навязалися:
Хто за старава, хто за малава,
Хто за ровнюшку, за горькию пьяницу,
Ой, люли-люли, за горькию пьяницу.

359

Свет мои ластушки,
Гололобовски сударушки,
Беспятовски клешницы,
Воронежски чулошницы,

Мишински сводницы!
А свет город, светом свет,
Душа-радость, дорогой снаряд.
Пирмутилася вода с пяском,
Подралася Булдариха с Болдырем,
Побился баран с козлом,
Подралася кочерга с помялом.
Кочерга-та разгнездилась,
Помяло-то раскудахталась.
А и курычка-та бычка радила,
Парасеначик яичка снес,
Безрукай клеть окрал,
Голопузаму в пазуху паклал,
А глухой падслухивал,
А слепой падглядывал,
Безъязыкай караул закричал,
Безногий за сотским пыбижал.

360

Завьюсь, завьюсь, девушка, сам я знаю дли кого.
Я ради таво завьюсь, кого верно я люблю.
Любовь разлучаит са милай далико,
За маря глубокии, меж гор высако.
Тама она, несчастная девушка, живеть.
Мог бы, мог бы к ней сходить,
Про любовь девки спросить.
— Скажи, скажи, девушка, верно любишь ты миня?
Если ты не любишь, убью я, мальчик, сам сибе!
Убью, застрилюсь, сам в сыру землю пойду.
Ежель ты полюбишь, возьму замуж за сибе.

361

Лител воран чирез поля,
Кричал ворон: «Сею-вею,
Сею-вею бел ляночек!».
Уродился бел ляночик,
Тонок, долог, волокнистай,
Волокнистай, лен прядистай!
Стал мой лен поспявати,
А я, млада, горявати:
С кем мне будя лен-ат брати?
Свекор молвил: «Я с табою,
Со снохою с маладою».*
— Эка горя-горяванье,
Чорт — ни бранья,
Все ворчанье!

362

Похожу ль я по горнке, я по новинькяй,
Сяду я на лавочку под окошичком,
Погляжу ль я в окошичко: на улице дож<д>ь,
На улице сильной дож<д>ь, во поли туман,
Во поле большой туман притуманилса,
То мой разлюбезный друг припичалилса.
— А, матушка, тошно мне, головка болит,
Болит больно головушка, сердечко щимит,
Щимит да сердечинько па милым дружку,
Па сваем по любезному па Иванушке.

---

* При исполнении песни второй и третий раз вместо слова «свекор» поется «свёкра», потом «муж» и в конце:

Я с табою
Са жаною с маладою (собир.).

363

Я вечор свово милова йюнимала начевать:
— Ты начуй, начуй, любезнай, <начуй> ночку у мине!
— Я бы рад ба начевати, боюсь до свету npacплю!
— Нибось, нибось, разлюбезный, я сама рано встаю,
Я сама рано вставаю, тибе, мой друг, разбужу!
Тибе, мой друг, разбужу, за воротца праважу!
Я до тех пор провожала, до зеленыих лугов,
До зеленыих лугов, где скончалася любовь.
Где скончалась, разлучалась, по ним речка протекла.
Течет речка да Казанка, по ней мелкая струя.
Узмахнула белой рукой, пала грудью на воду.

364

По горенки похожу,
Платком голову свижу,
По милиньким патужу,
В акошичка поглижу.
Тужить, плачить девушка,
Заливаица слизьми,
Заливала-та девушка
Все дорожки и лужки,
Круты славны биряжки.
С бережка на камушки
Тичеть речка, не шумить,
[Тичеть речка, не шумить],
Лишь по камушкам стучит.
Возле этой речушки
Зилён садик вырастал.
Во этом во садике
Салавей громко поеть.
— Ты не пой, соловушек,
Ты не пой рано весной,
Не давай назолушкю
Сердеченькю моему.
Мое-то сердечунько
Надорвалось плакучи,
В чужих людях живучи.

Несмотря на все мое желание удержать выговор при записывании песен, я здесь скоро решусь писать просто. Здесь выговор первоначальный ужасно теряется. Недалеко от Зарайска — следовательно, народ модный... Один житель произносит *лидок*, другой — *лядок*, *ледок*.

365

6 августа, там же.

Опять мои добрые хозяева собирают мальчиков и девочек — для моего утешения. Сейчас они придут, и я начинаю списывать — что будут петь — сряду!

Пришли на балкон, уселись вокруг меня и начинают...

366

Девчоначка лесом шла,
Красавица темным шла,
Сибе дружка ни нашла,
Запла<ка>ла дый пышла.
С горя ноженьки нийдуть,
Са слез глазки ни глядять.
Яглянулася назад —
Вы лясу листья шумять,
Пра бирезу гаварять.
— Биреза, бирезунькя,
Приклаēя к земле, стаишь.
Йю этай бирезушки
Салетались пташички,
Все горьки кукушички.
Кукуить кукушичка
Ва сваем теплом гнезде.
— А свет-мое гнездушка
Разарёно, теплая.
Йу этай бирезушки
Стоять три малодушки:
У первай малодушки
Четыря заботушки;
У другой малодушки
Свякор ды свякровушка;
Йю третьей малодушки
Муж — удала галава,
Чешеть кудри завсегда.
Вичор добрый моладец
Ходить рано на заре
Ка вдовушки, ка вдаве.
Ка салдатскай ка жине.

367

Любила Танюша
Покровского попа.
А покровский поп —
Он да девак прост,
Он да девок, он да баб,
Он да малаих да рабят.
Он ни часта к Тани ходить,
Ни памалу денег носить:
Кагды рубъ, кагды два,
Кагды три-чатыря.

См‹отри› ниже. Пригнали скотину, и пение прекратилось. Все певуньи отправились к ней. Впрочем, они обещали сейчас же воротиться. Не прошло и часу, а уж все мои песельницы собрались.

Вот дабился этат поп —
Нету денег ни гроша,
На нем риза хороша.
Поп ризу скидаеть,
Он Танюши йатдаеть,
А Танюша ни биреть,
За собой попа видеть.
Уж ты батюшка-попок,
Пойдем со мной в тирямок!
Йювидали два лакея,
Йювидали из окна.
Они хлопнули йякном,
Пабижали за попом.
Подходят ко двору —
Ходит Таня по двору.
— Вы лакеи, вы злодеи,
Вы зачем ко мне пришли?
Я адна в тиряму,
Я папа стирягу.
Увидал поп, что бяда,
Ён кидался из окна,
Пробяжал мимо сяла.
Он деревняй бежал,
Никто яво ни йюдержал.
Поп к будки падбежал,
Солдат ружьем удержал.
Вот ткачи-рыбачи,
Они сукны ткут
На двенадцать штук.
Они сукны вытыкали,
Кафтаны вышивали.
Не дороги нам кафтаны,
Дороги деньги в кармани.

368

Вичор на вечеру
Сидел Денис вы терему,
Чесал русы кудри,
Чесал, приговаривал:
— Пора, пора ехать!
Я сам ни поеду,
Девить послов пошлю,
Десятава батюшку.
Вичор са вечиру
Сидел Денис во терему,
Часал русы кудри,
Часал, пригаваривал:
— Пара, пара ехать!
Я сам ни паеду,
Девить паслов пашлю,
Десятую матушку.
— Пойдем, пойдем, Палагеюшка!
— Нийду я, ни думаю!
Вичор са вечиру
Сидел Денис в терему,
Часал русы кудри,
Часал, приговаривал:
— Пара, пара ехать!
Я сам ни паеду,
Девять паслов пашлю,
Десятай сам пайду.
— Пойдем, пойдем, Палагеюшка!
Пойдем, послушаем,
Что люди говорят.
Говорят люди:
— Пропойница, пьяница
Палагеин батюшка!
Пропил свою дитятку,
Он пропил свою милую
За виннаю чарочку,
За пивную чашичку.

369

Не стякай, вода,
Не стякай, вода, с гор по камушкам.
Протеки, вода,
Протеки, вода, по новым сеням,
По новым сеням, по частым ступенюшкам.

Кто и хошь гулять, передайси к нам,
Передайси к нам и в Гололобово.
В Гололобово ребята хорошаи,
Есть-были хорошаи:
Хорош моладец есть Иванушка,
Иванушка, сын Иванович.
Хороша девушка есть и Дарьюшка,
Есть Дарьюшка, дочь Филипповна.
Ищо лучше у нас есть Матвеюшка,
Матвеюшка есть Иванович.
Всем головушка есть Кузьма у нас,
Кузьма у нас, сын Сименович.
А Иванушка, ён писать горазд.
А Филиппушка разбирать горазд.
А Кузьма ю нас отсылать горазд.
Он послал письмо ко Федосьюшки.
Еще и лучше есть, есть Авдотьюшка,
Авдотьюшка, дочь Ивановна.
Всем головушка есть Авдотьюшка,
Есть Авдотьюшка, дочь Кудимовна.
Да и Дарьюшка частопряльница,
А Федосьюшка — тонкопрядница,
А Марьюшка — шелкошвейница.

370

Растописи, банюшка,
Растописи, каменка.
Ты рассыпьси, крупен земчуг,
Ни п' атласу, ни па бархату,
По сиребрину блюдичку.
Ты расплачьса, Авдотья,
Ты расплачьса, Ивановна,
Перед своим родным батюшкой.
— Государь ты мой батюшка,
Государыня-матушка,
Ты, Иван Степанович,
Ты на што пива варишь,
Ты на што зелено вино куришь?
— Ты дитя ль мое, дитятко,
Ты дитя ль мое милое,
Я хочу тибе замуж отдать
Ни за князя, за барина,
За такова за хрестьянина,
За Данила Ивановича.
Растописи, банюшка,
Растопися, каменка...*
— Ты на што холст белишь?
Ты на што дары красишь?
— Ты, дитя ли мое, дитятко,
Ты, дитя ли мое милое,
Я хочу тибе замуж отдать
Ни за князя, ни за барина,
За такого за крестьянина,
За Данила Ивановича.

371

Ай, пó лугу-лугу
Расстилалася трава,
Ай ли, ай ли да люли,
Расстилалася трава! **
[Расстилалася трава],
Разливалася вода.
Саизжались гаспада,
Становились ва кругу
Красны девки хороши,
[Красны девки хороши],
Разлапушки пригожи.
Одна девка лучше всех,
В косе лента алая,
[В косе лента алая],
Сама девка бравая.
— Чьяго роду, чьяго дому?
Как поимянно завут?
— Иё завут Аннушка
Васильевна, купца дочь
[Васильевна, купца дочь].
Отайдитя все вы прочь!
Я стоял бы у тибе,
Я глидел бы на тибе.

* Повторяется начало песни.
** Припев повторяется после каждого двустишия.

372

Из боярских ворот
Выезжаеть тут холоп.
Ай, навстречу холую
Сама барыня идеть,
Сама спрашиваить:
— Уж ты где, холуй, был,
И где был-пабывал,
[И где был-пабывал],
И где ночку начевал?
— Сударыня-боярыня,
Я у вас ва дому,
Ва высоком тиряму,
[Ва высоком тиряму]
С твоей дочерью.
— Уж рассукин сын холоп,
На што сказываишь?
— Сударыня-боярыня,
На што спрашиваишь?
Кабы ты ни спрасила,
Я бы повик ни сказал.

373

— Живароночик мой молодинькяй,
Мой малодинькяй, расхорошинькяй,
Ты зачем, зачем рано вылятал,
Рано вылятал сы тяпла гнязда,
Сы тяпла гнязда на пратаинку,
На пратаинку, на пригрев солнца,
На пригрев солнца, на жалты пяски?
Как йю нас, братцы, вы святлой Руси,
Вы святлой Руси, в камянной Маскве,
Там стоить, стоить башня славная,
Башня славная, семиглавная.
На восьмой главе крест серебринай,
[На кресте сидить живароначик],
Высако сидить, даляко глядить,
Даляко глядить на синё моря.
На синем мори девки мылися,
Девки мылися и белилися,
И белилися, и румянились.

374

Виселая биседушка, где батюшка пьет.
Он пить ни пьет, родимый мой, за мной, младой, шлет.
А я, млада-младешинька, замешкалася
За утками, за гусями, за лебидями,
За мелкаю за пташкаю за журушкаю.
Как журушка по бережку похаживает,
Шилковую ковыль-травку защипывает,
Стюденаю водицаю захлебывает,
[За реченьку быструю поглядывает].
За речкаю за быстраю селенье мало,
Мало (о)но, малешинька — чатыря двора,
Во этих во дворики чатыря кумы.
— Вы, кумушки, голубушки, подружки мои,
Кумитися, любитися, любитя мине,
Ступайте в зеленый сад, возьмите мине.
Вы станите цветочки брать, сорвитя вы мне,
Вы станите вяночки плесть, сплятите вы мне.
Вы станите вянки пускать, пуститя вы мой.
А все вянки посверх воды, а мой потонул,
А все мужья с Москвы пришли, а мой ни пришел.
Он сам нийдеть, письма ни шлеть, знать, сам пропал.

375

У нас у̇ свата
Росла в саду мята,
А вся поломата,
В пучки повязата,
В терим побросата.
А кто у нас любчик,
Сизенький голубчик?
Павел-то любчик,
Лавр‹ентьевич› голубчик.
Он по двору ходит,
Манежно ступаить,
Сапог не ломаить,
Чулок не мараить.
На коня садится —
Конь под ним гордится.
Он плеточкой машет,
А конь под ним запляшет.
Со двора съизжаить —
Конь под ним играить.
К саду подъизжаить —
А сад расцветаить.
К лугам подъизжаить —
Луга зеленеют.
К морю подъизжаить —
Моря разливають.
Ко двору подъизжаить —
Матушка стричаить:
— Поди, поди, любчик,
Сизинькай голубчик,
Без тибе, голубчик,
Жить вот тут тоши‹еньк›о,
Спать-то холодненько.

376

Эй, на ком, на ком
Кудри русыя?
Эй, люли-люли,
Кудри русыя!
По плечам лежат,
По бровям висят,
По бровям висят —
Словно жар горят!
Сыезжалиса
Сы Москвы гости,
Уж и тем кудрям
Дивовалиса:
Хорошо кудри
Завивалиса!
Испалать-спалать
Отцу с матерью,
Роду-племеню,
Братцу имянно!
Да и хто ж у нас
Холостой ходит?
Да и Павел у нас
Неженат ходит.
Ай, люли-люли,
Неженат ходит.

377

Все дамой, все дамой
А я дамой не хачу,
С кем гуляю — ни скажу,
Кого люблю — ни укажу.
Пишу, ‹пишу› грамату
По беламу бархату,
Пошлю, пошлю грамату
К матери, кы йатцу.
— Родимай мой батюшка,
Изволь прочитать,
Позволь, позволь погулять.
— Гуляй, гуляй, дитятка,
Поколь волюшка твоя,
Не покрыта головушка.
Повяжут головушку —
Навяжут заботушку.
Ай, люли, ай, люли,
Навяжут заботушку.

378

Пы рике, рике
Разливалася вода,
По́ лугу, лугу
Расстила‹ла›ся трава.
Вьюн над водой увиваеца,
Данил у ворот убиваица.
Он просит свою,
Свою ряженую,
Свою саженую.
— Подайте мою,
Мою саженую,
Мою ряженую.
Шурин идет,
Он коня в сидле видет.
— Эта ни маё!
Эта ни сажиная,
Эта ни ряженая!
Тесть-та идеть,

Кунью шубушку нисеть.
— Эта ни маё!
Падайте маё,
Маю саженаю,
Маю ряженаю!
Сватьюшка идеть,
Авдотьюшку видеть.
— Эта маё,
Это саженая,
Это ряженая!

379

Под новый год авсени кличут.

Наряженые бабы, мужики, девки наряженые ходят по дворам и поют или, как здесь говорят, грают.

Мы хадили, мы гуляли
Па святым вячерам.
Ей, авсень, ей, авсень!*
Мы искали, мы искали
Мы Ульянова двора.
Сиреди яво двора
Стоить горинка нова,
А у этай ва горенке,
Ай, три окна!
А и первое акно —
Светел месяц в окне.
А другое акно —
Красна солнушка.
А й третье акно —
Часты звездушки.
Как светёл-то месяц —
То и сам-ат Ульян.
Што и красно солнушка —
Што Авдотьюшка.
Часты звездушки —
Яго детушки.
Дайте нам ножку
На краснаю ложку!
Ни дадите пирога —
Мы корову за рага!
Ни дадите пышки —
Хозяйку за сиськи!
Кишки да желудки
В печи-та сидели,
На нас-та глядели.
Авсень каледу
Павалял па льду,
Валачил, валачил,
Сарафан намачил.
Ей, авсень, эй, авсень!

380

На Троицын день девки и бабы в рощу идут, поют.

Девки по лагу гуляли,
Цветы алы сарывали,
Вяночки завивали,
На галовку надявали,
Дамой идтить апаздали,
Под кустиком начивали.
Злы собаки набижали,
Мине, младу, испужали.
На ту пору, на тот час
Сам охотник наезжал,
Са дабра коня слезал,
Хорошо девке сказал:
— Иди ко мне, девка, смело,
Смотри мое тело бело,
Мое тело распотело,
Разгуляться захотело.
Пойду я ва горенку,
Сяду я на лавочку,
Возьму балалаичку,
Стану я играть,
Бровими моргать.
Гололобовским ребятам
В Москве пóжилося,
Прибагатиласи!
Вичор па тыргу гуляли,
Сирябро на медь миняли,
Муку, солыд закупали,
Бражку пьяную варили,
Мине, младу, напаили.

381

Вдоль улицы, мима кузницы
Куют, дуют, все навариваюгь,
Мине, Дуню, приговариваюгь:
— Ночуй, Дуня, начуй ночку у миня,

* Поется после каждого двустишия.

Пойдем, Дуня, вы садок, <вы садок>,
Сарвем с тобой лапушок, <лапушок>,
Сашьем Дуни сарафан, <сарафан>.
Наси, Дуня, сбирягай, <сбирягай>,
По праздничкам надявай, <надявай>,
А в пир пойдешь — ни марай, ни марай!

382

Ты не пой, не пой, душа-соловей,
Ни буди-каси маяво дружка.
Я сама дойду, дружка разбужу,
Про все тайности дружку расскажу.
— Ты восстань, мой друг, прабудись, душа!
— Ни магу я встать, галавы паднять.
Да болит больно буйна голова
Са вчарашнява с горькява с вина,
Са надышнява са пахмельица.
А и все полки вы паход пошли,
Ай один-от полк убирается,
Маяво дружка дажидаица.
Новы ружьицы на возу вязут,
Самаво дружка под ручки вядут.

383

А хто ж у нас лебедин?
А хто ж у нас соколин?
Лебедин мой либядин,
Либедушка белая.
А Иван-ат либедин,
Иванавич сакалин,
Лебедин мой лебедин,
Лебедушка белая.*
Лебедин мой лебедин
По новым сеням ходил,
Соловьем свистал,
Либединушку искал.
[Либединушку искал],
Ён Авдотьюшку искал.
Ён найти ни нашел.
Заплакал да пашел.
Пойду я вы садок,
Ни паспел ли винаград?
[Ни паспел ли винаград]?
Ни пара ли яво рвать?
Сахар с медом варить,
Все Иванушку кармить.

384

Пайду по силу́
Набяру овса.
Кисель мой кисель,
Авсяный кисель!
Набяру овса
Полтора зерна!
Кисель мой кисель,
Овсяный кисель!
Намачу я яво
Ва вчерашняй ваде,
А вчирашния вада
Сукамышная.
Таракан налакал,
Просук жопу напласкал.
Посылала Прасковья
Прокофья за дровами.
(О)на дала ему кабылу
Ниезженную,
(О)на дала ему секиру
Нисеченую,
(О)на дала ему сермяжку
Разнополинькяю,
(О)на дала ему шляпеночку
Глубокинькию.
А кабыла ни визеть,
А сикира ни сичеть.
Разнопольная сирмяжка,
(О)на ступить ни даеть.
А глубокинькя шляпеночка,
(О)на взглянуть ни даеть.
Вынасила Прасковья
Блинов горячих.
Ты и сшь — ни краши,
Да и завтра ни праси.

* Припев повторяется после каждого двустишия.

385

От умной матушки
Разумная дитятка —
Што Павел Иванович!
На нем ряд полажен,
Ему игриц дарить
Ни рублем, полтиною,
Золотою гривною.*
Павел-сударь, догадайся,
Иванович, домекнися,
Што в кармане шивилитца,
Рублем, гривною становитца?
Отдай бабам на белилы,
Красным девкам на румяны,
А старушкам на сурмяны!
Пущай девки нарумянятся,
А бабы-ти набелятся,
А старухи насурмятся.

(Тут подарят).

Ай, спасибо, Павел,
Ай, спасибо, Иванович,
На тваем большом дару!
Мы дар твой приняли,
Мы мед твой выпили!

386

Сокол Соколович,
Павел Иванович
Гулял по садику,
По красному вишенью.
Манул либедушку,
Либедку белую,
Авдотью-девушку.
Приманул к свому батюшке,
Приманул к своей матушке:
— Государь ты мой батюшка,
Иван сударь Федорович,
Люба ль тебе сноха?
— Дитя ль мое дитятко,
Есть ба тибе люба,
По тибе и мне люба.**

387

На Денису шапочка
На Федоровичу-свету,
Что на лебедю белому.
На семьсот — золотинька,
На пятьсот-та бархату,
С периду очей ни знать,
А с заду — затылачка!
Яму люди дивуютца:

* Переменяется голос, поется весело; прежние и последние — протяжно (собир.).
** Два раза повторяют то же, только вместо батюшки — матушка. Матушка — Марья Ивановна (собир.).

— Ай, где, Денис, шапочку взял?
Он и сам у Маскву ходил,
Он и сам царю служил.
Яму сам царь пожалывал
За яво за выслугу,
За молодецку за выступку,
За паходы скораи,
За паклоны низкии.

388

У голубя, у голубя
Золотая голова,
Ю голубки у яво
Позолоченая,
Черным шелком,
[Черным шелком]
[Перестроченная].
У Григория у света
Хороша была жена,
Свет-Авдотья душа!
Саезжалися к нему
Все товарищи яво,
Позавидовали ему:

— Как бы мне, молодцу,
Да такую жану!
Я бы летом, я бы летом
Во колясочки вазил,
А зимой, а зимой
Во питерских во санях!
Вот те кони вороныя,
Извощички молодыя,
Ай вы, братцы-кучера,
Приударьте по коням,
Чтобы резче шли,
Молоду жену везли!

389

То Григорью песенка,
То Ивановичу-свету,
Што лебедю белому,
Да што соколу ясному!

Ты, Григорий-сударь, слышишь ли?
Иванович, чуешь ли?
Мы табе величаим,
Тваему вотче вознашаим,
А игрицам ни беда заплатить:
Ни карову свесть, ни кабылу сдать!

390

В заключение нынешнего, довольно удачного для меня дня вечером хозяин угощал меня...

7 августа. Там же.

Говорят, двенадцать часов, а я только сейчас встал и отправил Васю за девочками — опять примусь за песни. Вчера мне не удалось дописать начатой фразы, окончу теперь. Вчера я был угощен фейверком. Акулов, П‹олина› и я сидели на балконе, перед нами горели потешные огни, а в двух шагах от нас эти же самые девочки кричали усердно: «Нашего хозяина дома не случилося» (т. е. пели хороводную песню, — *З. В.*) с продолжением.

Я, было, забыл сказать, кто был славным фейверк-мастером: Прокофий, который как-то и когда-то видел, как делал фейверки один знакомый Акулова. Этот же Прокофий славно режет и хороший кучер, он же сработал и потешные огни, да еще какие!

Для Вас, Дмитрий Павлович, я отмечу красными чернилами свой дневник: ежели хотите — читайте, не хотите — передайте Киреевскому, не читая; он теперь от Орла в семи верстах, в своей дер‹евеньке› Слободке Киреевской.

391

По лугу-лужечку, лугу зеляному
Ходить, гуляить удалой малодчик.
Кличить, выкликаить краснаю девицу:
— Выди, выди, девица, выди за варотцы,
Выди за воротца са мной пабаротца!
Девка выхадила, парню гаварила:
— Уж ты, парень-паренек, я ти абесчещу
При всем-та при миру, при всием при народе,
При всием при народе, в большом карагоди.
Девка парня, девка парня пабарола.
Нанкавый кафтанчик весь-ат изорвала,
Казловы сапожки да все изламала,
Пуховую шляпушку с галовушки сбила.
— Красная девица, как тибе ни стыдна —
При всием мире парня абесчестить!
— Казловы сапожки я магу надети,
А русыя кудри магу расчесати,
А горькие слезы платком утерети.

392

Йя, вдоль-та па речке, йя, вдоль-та па Казанке
Серый силезень плыветь.
Йя, вдоль-та па бережку, йя, вдоль-та по крутому
Добрый моладец идеть.
Сам са кудрями сам со русыми
Разгавариваить:
— Кому ж маи кудри, каму ж маи русы
Дастанутся расчесать?
Доставались кудри, доставались русы
Старой бабе разобрать.
А сколько ни чешить, сколько ни гладить,
Лишь пуще спукловаить.

Или:

Красной девке расчесать.
Сколько ни чешить, сколько ни гладить,
Волос к волосу кладеть.
То-то младцу радость, то-то и веселья
Удалому молодцу!

393

— Уж ты Катя-Катюшка, Катя — лёгинькой твой умок!
Было в руках счастьице — не могла счастьицем владеть.
Любила любезного — не могла любовь признать.
— Стала я любовь признавать — стал мой милый дружок отставать,
Стал мой милый дружок отставать, со иной Сашой гулять.
Гулянье, гуляньице, гулянью воля дана,
Гулянью воля дана — развеселая жизнь моя.
Просвети, светел месяц, куды мой милой прошел,
Пошел разлюбезный мой вдоль улицы во конец.
Вдоль улицы во конец да во крайний во дворок.
Во крайнем во дворику была девка хороша,
Была девка хороша, раскрасавица-душа.

394

— Силизень мой сиз-касатый,
Сиз-касатый, валасатый,
Паплыви-ка вдоль по Дунаю!
— Вдоль Дунаю пагуляю,
Погуляю, полетаю!
— В зелен садик сядь под грушей,
Сядь под грушей, все послушай:
Как там пляшут стары бабы?
— Они пляшут, поджав ручки,
Поджав ручки под сердечко.

395

Ходила-искала Святая Дева,
Ходила-искала Исуса Христа.
Навстречу ко Деви встрелись два жида:
— Не вы ли, жидовья, жидовья прокляты,
Не вы ли, не вы ли Христа ро́спяли?
— Не мы, Дева, ни наши отцы.
Распинали Христа наши дидовья.
На Сиён-горе три древа стоять,
Три древа стоять Купорисовы.
Натясали с древов брусья тёсаны,
Сделали из брусьяв церковь сабора;
У этим сабори три гроба стоять:
Ва первом ва гроби сам Исус Христос,
Ва другом ва гроби Иван Патрикеч,
Ва третьям ва гроби Святая Дева.
Над Исусом Христом свечи теплются,
Над Иван Придтечом лампаты горять,
Над Святой над Девой лоза выросла.
На этой на ло́зи три пташки сидять,
Три пташки сидять, жалостно поють,
Жалостно поють, разлуку дають.

396

Жили-были два братца родимых:
Первый-та братиц — Лазари багатай,
А другой братиц — Лазарь скуднай.
Пашел брат скудный к багатому брату,
К багатому брату милостыни папрасити.
— Братец ты мой братиц, Лазари багатый,
Пажалуй ты мне, братиц, милостиньку христову.
— Што ты мне за братец, што за радимый!
Маи-то братья — купцы ды баяры,
Купцы ды бояры, почестныи люди!
Твои-та братья — псы да кабелья,
Псы да кабелья они подстольныя,
Под столом крошки сабирают.
Пашел скудный Лазарь, пашел и заплакал,
Пошел и заплакал, вышел в чистое поле,
Юдарился об мать-сыру землю.
— Госпади, госпади, Спас милосливый,

Услыши, госпади, молитву неправидпаю,
Сошли ты мне, госпади, злых ангелей.
Выньте мне душу скрозь моих ребер,
Вознесите душу ка господу,
Апуститя душу к Абрамию в ад.
Юслышал господи правидну малитву,
Сыслал ему госпади тихих ангелей,
Тихих ангелей, все миласливых.
Вынули ево душу честно, хорошо,
Вазнесли его душу висьма высако,
Понесли его душу ка господу-богу,
Апустили его душу к Абрамию в рай.
Услышал яво братиц, Лазари багатый,
Лазари багатый вышел в чисто поле,
Ён вдарился об сыру землю:
— Господи, господи, Спас милосливый,
Сашли ты мне, госпади, тихих ангелей,
Тихих ангелей, ишо миласливых.
Выньте маю душу чесна, харашо,
Вазнесите душу висьма высако,
Принясите душу к Абрамию в рай.
Услышал ево господи молитву ниправедную,
Сослал ему госпади злых ангелей,
Злых ангелей, немиласливых.
Вынули его душу да скрозь его ребер,
Да скрозь его ребер крючьями железными,
Вознесли его душу ко госпаду,
Апустили его душу к Абрамию в ад.
Посадили скудного к Абрамию на коленычки,
Багатого Лазаря в смалу кипучую.
Увидал богатый скуднаго в Абрамия в раю.
— Братец, ты мой братец, подойди ты к яме огненной,
Окуни-кась свой мизинчик хыть,
Протри ты мне кровавы уста.
— Братец ты мой братец, Лазарь ты багатый,
Теперча ты, братец, на этим ты свети,
На этим ты свети братцем нарикаешь,
На тим-та свети кы псам приминяешь.
Братиц, ты мой братиц, воля ни мая, воля божия.

397

Скажите, пожалусто, как поверить сказавшему, что с русским без палки не сладишь. И эта вера так сильна, что и те, на которых это говорили, верят: мужик палку любит! Я здесь живу довольно долго, мог бы, кажется, заметить палку, но по сию пору не замечал, да и не надеюсь скоро заметить, а все идет хорошо и без палки. Помещик здесь, в Голалобове, с своими крестьянами обращается совершенно запросто. Даже дети лет пяти-шести не боятся подходить, толкать его, а все к нему почтительны и не забываются! Надо заметить, что он был студентом Московского университета и понимает, что крестьянин тоже человек, который хоть и стоит на меньшей степени развития, а все-таки человек. Точно так, как и Акакий Акакиевич Гоголя брат нам, меньший, правда, но все брат.

Но откуда же это убеждение, что палка нужна для мужика, откуда произошло? Вспомните жизнь ‹крепостного›, вспомните, как его, несчастного, драли и, верно, считали это необходимым.

Но вот опять пришли певуны.

398

На улице дождь, дождь,
На улице сильный.
Вот долина, долина,
Вот широкая моя! *
Не ситицем сеить,
Вядром поливаить.
На гори дива —
Варил чирнец пива.
Чирнецкае пива
Разымчиста была!
В голову вступила —
Всиё разламила.
Нильзя тарахнутца,
Нильзя варахнутца.
Сём-кась, тарахнуси,
Сём-кась, варахнуси!
Как братиц систрицу
На ручках лилеить.
— Родима сестрица,
Расти паскарея!
Атдам тибе замуж
В большуя деревню,
В большуя деревню,
В согласнаю семью.

399

Жил я в Мелинки; у нашива пана
Три дочири была: первая Анна,
Другая Наталья, третья нивиличка,
Третья нивиличка, ходить в чибиричках.
Трай-рай, рюм-рюм, трай-рай, рюм-рюм,
Раз-таки, раз-таки, раз!
— Радости, веселости маи,
Нет, нет, ни хачу я таво,
Штоб была я ево подглавной, нет!
Первую дочь отдал за хлебничка, за пекарничка.
Сам-та усастый, сам барадастый.**
Другую дочь отдал за книжничка, за читальничка.
Сам-та усастый, сам бырадастый.
Третью дочь отдал за дудышника, за сапелышника.
Сам-та усастый, сам бырадастый.
Первый зять едить — воз хлеба визеть:
И батюшки хлебиц, и матушке хлебиц,
Сваячини хлебец, систрице пиражок,
Систрице — пиражок, чтобы серца обожог.
Другой зять едить — воз книжек визеть:
И батюшке книжку, и матушки книжку,
[Систрице книжку, сваячини книжку],
Своячины книжку — промеж ног задвижку.
Третий зять едить — воз дудок визеть,
Воз сапелок визеть:
И батюшки дудку, и матушки дудку,
[Сестрице дудку, сваячины дудку],
Своячины дудку — в нижнюю губку.
Трай-рай, рюм-рюм, трай-рай, рюм-рюм,
Раз-таки, раз-таки, раз!
— Радасти, веселасти маи,
Нет, нет, ни хачу я таво,
Штоб была я ево подглавной, нет!

400

Пойду, выйду за воротцы — все луга, болоты.
Пойду, выйду за новыя — луга зеленыя.
Теща <зятя> праважала, все правоспрошала.

* Припев повторяется после каждого двустишия.
** Дальше припев повторяется через каждое двустишие, затем — через четыре строки.

— Скажи, скажи, мой зятик, каво верно любишь?
— Люблю тещу па савету, жину — па привету.
Ишо што каму за дела — подле дружка села,
[Подле дружка села], песенку запела.
Уж я песенку запела про рощу зеленуя.
Ва той рощи. . .

401

Я па жердачки шла, я па тонинькяй, пы яловинькяй.
Тонка жердачка гнетца, а ни ломитца,
Сы милым дружком вадитца — ни стошнитца,
Хоть и стошнитца — разгуляитца!
Пойду-выду малада за навы́я варата,
За навы́я клинавы́я, за ришетчатая!
Гляну, гляну малада вдоль па улицы в конец.
У имшицкава двара стаяли рибяты,
Стаяли рибяты, белы, кудреваты,
Захочи гуляти, круги вывадити,
Круги вывадити, девык целавати:
Харошаю дважды, пригожую трожды,
А худую худырьбу — вакруг иё абайду,
Черным глазом моргану.

402

Размалодинькай, шельма, салдатик
Капитана просить:
— Пазволь, пазволь, пане капитане,
Дамой пабывати!
С тово горя, с великой досады
Заболел салдатик.
Некому тому салдату
Водицы падати.
Приходила к нему Марусенька,
Жана маладая.
Принасила ему Марусенька
Водицы испити.

403

Ай, звали папа́, пазывали папа́,
Ай, юрзы, ай, мюрзы,*
Ва новаю деревню молоденца кристить.
А ва новай ва диревни ни кала нет, ни двара,
Ни кола нет, ни двора — стаить банюшка нова!
Во этой ва банюшке каровать тисава.
А на этай караватки тут радильница лижить.
Тут родильница лежить, все пра то жа гаварить:
— А и хто ж ево знаить, как и имя ему дать!
Я и дам яму имя — брат Иванушка, Иван.
Ай, юрзы, ай, мурзы!

404

Ай, по морю, морю синему,
Па синему, па Хвалынскаму
Плыветь лебедь с лебедятами,
Со малами со дитятами.

---

* Припев поется после каждого стиха.

Не трохнитца, ни варохнитца,
Пад ней вада ни калыхнитца.
Тряхнуласа, варахнуласа,
Пад ней вада калыхнуласа.
Где ни взялса млад сизой орел —
Ушиб, убил лебедушку белую.
Он кровь пустил по синю морю,
А перушки — па чисту полю,
А мелкый пух — па паднебесью.
Пила руду бела рыбица,
Брала перья красна девушка,
Брала перья, пригаваривала:
— Милу дружку на падушичку,
Сирдешнаму на сгаловьица.
Тут шел-прашел добрай молодец.
— Бог помочь, красна девица!
Она ему ни склонилась.
Грозил парень красной девушки:
— Добро, девка, девка красная.
Будишь, девка, в моих руках,
В моих руках, в моей волюшке.
Будишь стоять у краватушки моей,
Будишь держать шилкавую плеть в руках.
Подломятца резвы ноженьки,
Апуститца руки белыи тваи,
Пакотютца горючи слезы из глаз!
— Прасти, паринь, винавата прид табой.
Я думала, што не ты идешь,
Не ты идешь — низко кланилса.

405

Уж и я ли, молода,
Из гостей я поздна шла,
Дунай, мой Дунай,
Из гостей я поздна шла! *
А навстречу мне, молодки,
Афицер шел маладой,
Низка кланилса са мной,
На хватеру звал с собой:
— На хватери, на хватери
Дома нету никаво.
Первой писарь, другой я,
Третий — верная слуга.
Я писаря, каналью,
В канцелярью йаташлю,
А верныю слугу
За пивцом, винцом пошлю,
А тибе, моя любезна,
На краватку пылажу,
Што хачу я — сгаворю
И дапьяна ныпаю,
Рубь цылковый падарю.
— Уж как жи мне, малодки,
Дамой будит идтить,
Рубь цылковый обманить?
— Где жа, где она была?
Где цылковый дабыла?
— Грыбки, ягадки брала —
На целковый прадала!
В чистом поли, в чистам поли,
В гасударывай кантори
Сидел моладиц в прибори.
Он и пишит в три пира
Гасударивы дила.
— Мне работа ни мила,
Давно Саша ни была.
Вечор позднешинькя
Конторушка растворялась,
Ко мне Саша подымалась.

406

А и сдумала Параня яравоя убирать.
Она сноп-та нажала, алой лентой первязала,
А друго-ат сноп нажала, к ритиву сердцу прижала.

* Припев поется через каждое двустишие с повторением его последней строки.

Пошла наша Параня с гары на гыру гулять,
Ка суседу ва двор карамысил пыпрасить,
Карамысил папрасить — Парани по выду схадить.
А рассукин сын Алешкя — он догадлив был.
Уж и взял этот Алешка пыд гарою лег.
Пыд гарою пролижал, все Параню пыджидал.
Ухватил Параню пыпирек живота,
Ударил ён Параню об сыру зимлю!
А навстречу Парани родный батюшко идеть.
— Ай, что же ты, Параня, али встреча ни хараша?
Што заплаканы глаза? А затерты рукава?
А затерты рукава? А растрепана коса?
Во Пенкинском сабори в большой колокол звонять,
Знать, Параню хоронять.

407

8 августа, там же.

Из записок моих хоть немного можно видеть первоначальное наречие здешних жителей: оно принадлежит к наречию окскому. Самый образ жизни жителей один и тот же: тут не дробятся семьи, как в Ярославской, Владимирской, Московской губерниях; там всегда родные братья живут отдельно, здесь двоюродные вместе. Там всякий сам хозяин, и <правда> всякому хочется быть хозяином, и это желание одолевает все неудобства дележа семейств, как-то: при отдаче в рекруты в малом семействе часто малолетние, не работники, остаются совершенно без всякого пропитания. Правительство не знает об этом; в одной сказке братья записаны, а они после разделились — по бумагам и большая семья! Да, кроме того, и самая жизнь стоит гораздо дешевле, живши одною семьею: нужна одна изба; домоседа легче оставить в большой семье, чем в раздробленной, а как дорог человек в рабочее время мужику, верно, всякий знает. Да еще, избави бог, когда вздумают дороги чинить, мосты поправлять, подводы высылать — хозяин на общей работе, а поле стой да стой... Но вот опять привели ко мне певунью. Я велел ей идти в ветловую (ракитовую) рощу и сам иду туда же.

Я пришел в назначенное место и жду Парашу, девочку лет двенадцати. От нечего делать стал писать, что напишется.

Земля здесь довольно хороша (хоть тоже требует навоза). В Гололобове чрез десять лет унавaживают каждую ниву (десятину), а потому все здесь занимаются исключительно хлебопашеством. Чтобы судить о плодородии земли, я приведу в пример: нонешний урожай уже в круглом щету на тридцатной десятине обошлось по 12 с половиной копен — 52 снопных (они кладут в четыре крестца по тринадцать снопов каждый, как и везде по Оке). В 42 году на такой же десятине тоже по 12 с половиной, в 43 году по 10 с половиной — умолотом была, впрочем, хороша, с лишком по четверти. Надо заметить, что нонешной год не из лучших; следовательно, здешним жителям не для чего заниматься другим чем кроме хлебопашества. Впрочем, нонче урожай здесь в окружности, говорят, ужасный: на ниве копны по две, умолотом выходит даже до 2-х мер, а магазины пусты...

408

Весил-то я весил таперишний час,
Видел я-то видел сударку сейчас!
Ходить и гуляить в зеленоем вы саду,
Щипить и ломаить зелен виноград,
Веточки бросаить к Ване на крывать.
— Што жа, спишь ли ты, Ванюшка, или так лижишь?

Задумал жениться — не забудь мине,
Вазьмешь чужидальнию — ни лучши мине,
Ни лучши, ни краши, лицом ни билей,
Талстая, прыстая, нидагадливая!
А я, красна девица, тонка, высока,
Тониnька, высокинька, дагадливая.

409

Сруби, сруби, батюшка,
Сруби новаю горинку,
Оли-оли-оли да люли,
Сруби новую горинку.
Сруби новаю горинку *
Акошкам на улицу,
Как другоя праруби
Ва мой ва зиленай сад.
Как и третьё праруби
На синию на моря.
Как на синему на мори
Три караблика плавали.
Юж как первай караб плаваить
С разнами с таварами,
Йя другой караб плаваить
С купцами, с баярами,
Да и третий караб плаваить
С гаспадами-дварянами.
Как Иван-ат выхадил,
Ён Авдотью вывадил.
— Юж, Авдотьюшка, дружок,
Пайдем са мною вы кружок.
Вот Филипп-ат выхадил,
Ён и Дарью вывадил.
— Юж и Дарьюшка, дружок,
Пайдем са мною вы кружок.
Вот и Николай... и пр.

Все собираются и ходят, взявшись за руки, кругом, в кругу ходят три парня: Иван, Филипп и Николай. Когда запоют: «Ён Авдотью выводил» — берет за руку Авдотью и вводит в круг, так же и прочие. Допевши песню, расходятся, даже не поцеловавшись.

410

Ехал пан, ехал пан,
Ехал пан са князем пьян.
Йювидал, йюсматрел —
Ходють девки вы кругу,
Ходють красны вы кругу.
Ён сранил, ен сранил,
Сранил шляпу чернаю,
Чернаю, чернаю,
Чернаю, пуховаю.
— Девушка красная,
Падай шляпу чернаю,
Чернаю, чернаю,
Чернаю, пуховаю.
— Панушкя, батюшкя,
Мы ваши ни служуньки,
Мы ваши ни служуньки,
Мы ваши ни вернаи.
Служуньки вернаи
Радимава батюшки.

* Припев с повторением второй строки, видимо, поется после каждого двустишия.

411

Я ю батюшки малинькяй радиласы,
Ай, люли, палюли, радилса.
Я ю батюшки малинькяй жанилса,
Ай, люли, палюли, жанилса.*
Юж я взял, взял жану маладуя,
Словно грушицу ее налитуя,
Словно кукалку ие павитуя.
Павила я нигадяя ка тещи в гости,
Завела я нигадяя в бирезову рощу,
Привязала нигадяя на белой бирези.
Йя сама пашла, млада, и загуляла,
Ровно девять динечкав к мужу ни бывала.
На дисятай на динечик пришла-пабывала.
Ни дашедши яво, а я станавилась,
Я низенька яму пакланилась.
— Харашо ли ти, нигодный, в пиру пиравати?
— Гасударыня-жана, а мне ни да пиру,
Мне саловушки галовушку а всю прakливали,
Мне камарики юшки пражужжали.
— Юж будишь ли, нигоднай, мине кармить хлебам?
— Гасударыня-жана, буду калачами!
— Юж будишь ли, нигоднай, мине паить квасам?
— Гасударыня-жана, я буду сытою.
Я сытою, я сытою сладкай, мядовай.
— Юж будишь ли, нигоднай, мине пущать в гости?
— Гасударыня-жана, ступай куда хочишь.

В продолжение этой песни все ходят кругом, взявшись за руки. В кругу ходят парень и девка. Когда запоют «Привязала негодяя ка белай бирези», девка, ходящая в кругу, привязывает парня к одному из играющих, которые все останавливаются, а сама выходит за круг. Когда же запоют «На десятый денечик пришла, пабывала», девка подходит опять к названному мужу и с окончанием песни развязывает его и опять не целует.

412

Шел мой миляньский лужечком,
А я, Маша, — биряжком.
Машет миляньский платочком,
А я — левою рукой.
— Варатись, милай, назад —
Пазабыл слово сказать!
Прашло лето дарагое,
Прашла теплая вясна.
Вдруг настанить время злое —
Мать, халодная зима.
Все речуньки закрылись,
Ручиечки ни тякуть,
В лужках травушка засохла,
В саду листики опали,
Мелки пташки ни пають.
Мелки пташки, канарейки
Разлетались па лясам,
Разлетались, распархались

* Припев поется после каждого двустишия с повторением последнего слова.

Пы сваим типлым гняздам.
Жалко с милиньким расстатца,
Сы любезныим сваим.

413

Ждала красавица палковничка в гости,
Ни даждавши, красавица лажилася спати,
Лажиласа девка спати йядна на кровати.
Па йютру рана вставала, вести йюслыхала:
Помир, помир наш палковник своей скорай смертью.
Тела несуть, каня ведуть, конь галовкой клоня.
Йю малодинькяй девчонки сердечушкя ноя.
Оно ноя, занывая, ничаво ни скажа;
Толькя скаже серца моя ноя, ритивоя.
Аставалась полковница, жана маладая,
Што жана-та маладая, горькая, вдовая.
Зарастай, мое могилка, травой-муравою.

414

Ой, молодость, молодость,
На чем тебя вспомянуть?
Вспомяну я молодость
Тоскою, кручиною,
Горькою печалию.
Пойду молода по выду,
С кушинами, с ведрами,
С дубовыми веслами.
Пущу ведры под гыру,
Сама стану на гыру,
Развернуся яблынью,
Сладкою, кудрявыю.

415

Не с кем ночку ночевать,
Осеннюю коротать.
Одна млада боюсь,
Товарища со мной нет.
Нету милого дружка,
Андреюшка-конюшка.
Я со той тоски-препону
Пойду-выйду на Дунай,
Пойду-выйду на Дунай —
На Дунае утоплюсь,
Во садочке удавлюсь.
Где ни взялся мой милой
Со горочки со крутой,
Машет правою рукой,
Перчаточкой зеленой.
— Постой, девка, не топись!
Красавица, не давись,
Подай рученьку суды!
Подай ручку через речку!
На крутенькой бережечик,
На крутенькой бережок,
На зелененькой лужок
Перлажу я жердочку,
Подведу я лотычку.
Первезу сударушку
На свою сторонушку
К родимому батюшке.

ЗАРАЙСКАЯ СВАДЬБА

Отец с матерью жениха идут в дом к невесте. Они приходят, помолятся, поглядят, вдарят по рукам, затеплят свечи, помолятся богу и начнут пить вино. Этот вечер называется пропой.

416

Кузьма и Демьяна,
Бласла‹ви›, божеї.
Михаил архангел,
Бласла‹ви›, божеї.
Да скуй ты нам свадьбу,
Бласла‹ви›, божей.
Дениса с Авдотьей,

Блас<лави>, божей,
До сядой бородки,
Бласлави, божей,
До белой головки,
Бласлави, божей,
До стару веку.

417

Темнаи облака на Дунай бегут.
Юмная дититка да Авдотьюшка,
Юмная дититка Палагеевна
На думах сидить, думу думаить,
Думаить думушку да великую.
Вздумамши думушку, пошла к батюшке.
— Батюшка родимый, ты придумай, пригадай,
Как мне быть, в чужи люди итить,
Как назвать ды чужого ётца?
— Дитятко милая, зови батюшкою.
Станешь звать батюшкою, ты мила будешь.
Не будешь звать батюшкой, больно бита будешь.*

418

Середи двара да Авдотьинава
Вырасло залатое тычьё,
Вазвился белай ярый хмель.
Возыгрался под Данилом конь,
Возыгрался под Федоровичем,
Паламал залатое тычьё,
Патаптал белай ярый хмель.
Вступилась, всплакаласа дый Авдотьюшка,
Вступилась, всплакаласа ды Палагевна.
— Свет ты мая, залатая тычьё,
Свет ты мой, белай ярой хмель!
Взг(у)оварил да Данил сударь Федорович:
— Не плачь, не тужи, дый Авдотьюшка,
Не плачь, не тужи, дый Палагевна,
Наживем мы с табой залатое тычьё,
Вазовьется белай ярый хмель.

419

На бугорчике ельничик,
Под бугорчиком свитёлочка,
Ва светелочки беседушка,
На беседи красна девушка,
Полагея Даниловна.
Она белитца, румянитца,
В цветная платья наряжаитца.
Приходил родной батюшко,
[Родной батюшко Константин-сударь]:
— Ты пойдем, пойдем, Полагеюшка,
Ты пойдем, пойдем, Даниловна!
— Я нейду, нейду, не слушаю:
Леса темны, караульщиков нет,
Реки быстры, перевозов нет.

* Эта песня повторяется с переделкою. Вместо: «как мне звать ды чужого ётца» — поют: «ды чужую мать» и потом: «зови матушкой» (собир.).

То же матери, потом жениху:

Я иду и слушаю:
Леса темны — караулы есть,
Реки быстры — перевозы есть.

420

Весёл, весёл ходить
И Федор Тиханавич.
Нашел золот перстень
С дорогим сы каменем.

Юныв, юныв ходить
Палагей Степаныч.
Потерял золот перстень
С дорогим сы каменем.

Накануне свадьбы жениховы отец и мать посаженные приходят к нему и пекут три каравая. Когда начнут валять каравай, то поют при каждом каравае:

421

Каравай, каравай, он валяется,
Каравай, каравай, он катается,
Каравай, каравай, он на блюдца глядить,
Каравай, каравай, он на блюдца сел,
Каравай, каравай, он на брусья глядить,
Каравай, каравай, он на брусик сел,
Каравай, каравай, на лопатку глядить,
Каравай, каравай, на лопатку сел.
Каравай, каравай, он и в печку глядить,
Каравай, каравай, как и в печку полез,
Каравай, каравай, в печке ножки обжег:
Ты пекись-дерись, каравай,
Толще печки кирпичной,
Выше столбика дубового.

Посадивши каравай и одних только посаженных отца с матерью посадят за стол, потчуют вином и начнут обыгрывать песню:

422

Из ларца ды из кованава,
Из плаща ды из золота‹ва›
Светится, яснится дарагой камень.
Будь над тобой, Антон, ды божия милость!
Будь над тобой, Федаравич, да божия милость!
На жене твоей да кунья шуба,
Пад сыном тваим виноходный конь,
На дочери на твоей залатой венок.

423

Ввечеру назначаются тысяцкий, дружки, полудружья, сваха и два боярина. Дружко назначает, кому быть повозником, кому готовить седло жениху, и расходятся.

На другой день дружко идет убирать жениха. Убравши, собирает всех поезжан на дворе, куда выводит и жениха за правую руку. Потом идут в избу жених с дружком, который говорит: «Батюшка с матушкой, благословите!» — и опять выходят вон. Потом все идут в избу, жених

с дружком напереди. Дружко опять просит благословения. Отец с матерью отвечают ему: «Бог вас благословит, в добрый час!» — и все садятся за стол. Опять начинают всех обыгрывать, после чего отец с матерью благословляют образом жениха и выходят из избы, жених с дружком опять впереди. Когда ведут жениха в избу и из избы, не позволяют переходить дорогу; в противном случае дружко не жалеет своей плети. Все выходят на двор и садятся в повозки. Впереди всех едут дружко с полудружьем верхами, потом жених с тысяцким на паре, а потом с повозником сваха.

Назначивши поезд, отец с матерью жениха идут к невесте и несут ей подарки от жениха: коты, чулки, шубу. Невеста отдаривает их платками и посылает с ними жениху рубашку, портки, кушак, и все садятся за стол. Родственники жениха ставят на стол пироги, убоину, вино; от вина этого отделяется часть для невесты, которая сидит в другой избе с девками. Потом начинается пир, после которого расходятся.

На другой день, т. е. в день свадьбы, невесту убирают, благословляют и сажают за стол, на котором стоит хлеб, соль, пироги и убоина. Невесту покрывают полотенцем. С левой руки садится прогонятка, т. е. сваха с невестиной стороны, а с правой — брат, который продает косу.

Жених с поездом выезжает с своего двора со следующими песнями:

424

Вичор са вечару
Сидел Денис в териму,
Сидел и Федарыч,
Часал русы кудри,
Часал, пригаваривал:
— Пара́, пара́ ехать,
Я сам ни паеду,
Девять паслов пашлю,
Десятава батюшку.
— Пойдем, пойдем, Авдотьюшка,
Пойдем, пойдем, Палагевна.
— Нейду, не думаю,
Нейду, не слухаю.

Второй раз поют: десятую матушку. Третий раз:

— Десятый я сам пойду:
— Пойдем, пойдем, ‹Авдотьюшка›,
Авдотья Палагевна.
— Иду, иду и думаю,
Иду, иду и слухаю.

425

По лагу трава расстилаица,
По рики вада разливаица,
Вьюн над вадою ювиваица.
Денис ю варот убиваица.
Ён просить свое суженое,
Свое ряженое:
Дайте мае сужаное,
Мое ряженоё!
Тесть-ат идеть,
Он коня в седле ведеть.
— Эта не мае сужаноё,
Да ни ряжаноё.*
Теща идеть,
Кунью шубу нисеть.
— Это не мае сужаное,
Да ни ряжаноё! *
Свашенька идеть,
Авдотьюшку видёть:
— Эта мае сужаноё,
Эта мае ряжаноё!

Поезд въезжает на двор. Дружко идет в избу, бьет по столу плетью, приговаривая: «Вон, лишний народ!». Продающий косу отвечает, что надо осеребрить место; ему подносит дружко стакан вина, в который кла-

* Повторяется начало песни — первые шесть строк.

дет несколько денег. Тот, выпивши, встает. Дружко идет за женихом (их встречает прогонятка в вывороченной шубе) и сажает за стол рядом с невестой закрытой. Бабы начинают обыгрывать жениха с невестой, причем поют только следующую песню, под которую сваха расплетает невестину косу:

426

Ни трубушка трубит рана по зари,
Авдотьюшка плачит па русой касе:
— Каса, мая косунька, русая каса!
Вечор тебя, косунькю, девушки плели,
Поутру, ранешенько, сваха расплела.
[Сваха расплела], на две заплела.
Не сколькя веночку на стенки висеть,
Недолга Авдотье в девушках сидеть,
Остталси Палагевне адин вечерок.

После обыгрывают всех поезжан. Дружко говорит: «Пора ехать» — и выходит из-за стола. Невестин отец вручает дочь жениху со словами:

427

Вот тебе жана,
От бога саждана.
Сей лен да канапли,
Спрашивай рубашки да партки.
Руби дрова,
Спрашивай щи.
Люби, как душу,
Тряси, как грушу.

Потом вместе с матерью благословляют их образом и выходят на двор: впереди дружко, за ним жених с невестой, а потом весь поезд, и подходят к лошадям. Дружко с полудружьем обходит три раза с образом кругом лошадей и всего поезда. Потом жених сажает невесту, с которой сядятся сваха женихова и прогонятка, и с сговорными песнями едут к венцу: впереди дружко с полудружьем, бояра, тысяцкий с женихом, невеста.

Когда едут к венцу, поезжане играют:

428

Летел сокол из Киева,
Другой летел из Новгорода.
Ён крылышком машет из-под облака,
Ён другим-то машет — растворяй ворота.
В те поры Авдотьюшка по новым сеням шла,
[В те поры Палагеевна по новым сеням шла],
Рукавчиком машет попереди себе:
— Станьте-ко, бояре, вы к одной стороне,
Слушайте, бояре, что я вам сговорю.
Сулили-то мне батюшка семь городов,
Таперича батюшка одного не даеть. . .
Сулила мне матушка семь сундуков,
Таперича родимая одного не даеть.

Поезд возвращается (из церкви) с простыми песнями. Их встречают у жениховых ворот бабы песнею:

429

— Сокалы, вы, сокалы!
Куда вы лётали?
— Мы летали, лётали
На синиё нá моря.
— Вы что тама видели?
— Мы серую утицу.
— Вы что её не взяли?
— Мы взяти её нé взяли,
Мы ей крылушки пóдшибли.

Отец с матерью посаженные при возвращении от венца разрежут хлеб пополам, возьмут по половине и встречают жениха с невестой у ворот. Когда они въедут на двор, посаженный отец возьмет у посаженной матери половину хлеба, сложит с своею и поцелуются. На дворе все слезают с коней, жених высаживает невесту и ведет ее к крыльцу, на котором стоят отец с образом, а мать — с хлебом-солью, которыми благословляют, идут в избу и садятся за стол. Бабы заигрывают:

430

Что свитёл месиц —
То Динис ю нас,
Красная солнушка —
То Авдотьюшка яво,
Белая зорюшка —
То и свашинькя,
Черныя воранья —
Паизжанья яво,
Частаи звездушки —
То игрицы и вы.
То Денису песенка *и проч.*

Тысяцкого величают, как от венца приедут:

431

— Тысяцкой, тысяцкой, воеводской сын,
Любишь ли, любишь ли пашеницы скирд?
— Как ни любить, кагды бог зырадил?
— Тысяцкой, ‹тысяцкой›, воеводский сын,
Любишь ли, ‹любишь ли› одонья ржи?
— Как ни любить, кагда бог зырадил?
— Тысяцкой, ‹тысяцкой›, воеводский сын,
Любишь ли да супругу свою?
— Как ни любить, кагды бог сычатал?

Дружку величают, как от венца приедут:

432

Друженькя хорошенькяй!
На дружуньке шапочка коломянковая,
На друженьке кушак шелковый,
На друженьке коты с искрами,
На друженьке чулки с напусками,
На друженьке кафтан (сир) немецкого сукна.

После этой песни начинают обыгрывать жениха, а после и все семейство его:

433

Дародная галовушка,
Широкая бародушка,
Григорий Петрович!

На нем ряд положён, —
Ему игриц дарить
Не рублем — палтиною —
Залатою гривнаю.

434

В ыгароди капустка — вилой качанок,
У Антона жану́шка — милой живаток,
У Антона Ермиловича милой живаток,
Ён цалуить, милуить, на ручку кладеть,
На ручку кладё, кы сердечку жмё:
— Уж и душка, жанушка Аграфенушка,
Пыживем мы с табой харашенечко,
Чтоба люди нам завидывали.

Ежели жених — сирота или невеста:

435

Ты ряка моя, речунькя,
Ты ряка ль моя быстрая!
Ты течешь — не шелохнешься,
Становишьси — не колыхнешьси.
Ты юмная дитятка,
Иван да Андреевич!
Ты сидишь ты смирнехунькя,
Гаваришь, не улыбнешься.
— Да чаму мне смеятиси,
Да чаму мне радоватьси?
Полон двор карет наехало,
Полна горница гостей нашло.
Ой, мово гостя нету, нет,
А и нету гостя милого,
Маво батюшки радимого.
Не прасить была у батюшки,
Не прасить была у радимава
Мне ни злата, ни серебра.
Папрасить бы у радимава
Мне божьева благословения:
— Благослови мине, радимай мой,
Ко суду мине ка божьему!

Эту песню поют, когда жениха хотят благословлять ехать за невестой пред венцом. Ежели и матери нет, то поют два раза, только вместо «батюшки» — «матушки».

Обыгравши всех родственников, посадят за стол, и начинается обед. Песни прекращаются. После обеда встают и опять заигрывают:

436

Звонкая дерива кипарисава,
Нету яво звончее да ва всем бору.
Юмная дитятка да Денис у нас,
Нету яво юмнея да ва всем роду.
Тучею пыдхадил ён ка гораду,
Громкоим громом ва широкий двор,
Соколом ва акошечкя да залетывал.

Захватывал Денис Авдотью в терему,
Захватывал Федорович Палагевну в терему:
— Что же ты, Авдотья, адна в терему?
— Право, сударь Денис, я адна в терему,
Поверь богу, Федорович, адинешинькя.
Батюшка с матушкой к абедне пошли,
Родимые братцы за (о)хотою,
Любимые сестрицы на гульбу пошли.

Эти песни не «положóныя», их поют без порядка, они называются «обыгрывыльными».

После каждой обыгрывательной песни:

437

Вот Антону песенка,
Вот Ермиловичу-свету,
Что лебедю беламу,
Что соколу яснаму.
На нем ряд палажен,
А яму игриц дарить
Не рублем — палтиною —
Зылатою гривнаю.

438

— Антон, сударь, дагадайся,
Ефимович, дамекнися:
Что в кармане шевелится,
Рублем, гривной станавúтся?
Атдай бабам на белила,
Красным девкам на румяны,
Старым бабам на сурмилы.
Пускай девки нарумятся,
Маладушки — набелятся,
Стары бабы — насурмятся (*Здесь одаривают игриц*).

439

— Спасибо, Антон, сударь,
Спасибо, Ефимович,
На тваем бальшом дару,
А мы дар твой приняли,
Мы мед твой выпили.

Когда кладут спать жениха с невестой:

440

Клен да береза чем ни драва?
Авдотья Данилу чем ни жана?
Пастелюшку стелить, в головы кладеть.
Шалкóвая нитка к стенки льнеть,
Данил-ат Авдотьюшку к сердцу жметь:
— Скажи, скажи, Авдотьюшка, кто мил вы раду?
— Мне мил-милешенек батюшка родной.
Мне мила-милешенька матушка родима.
— Ни правда твоя, ни истинная.
— Мне мил милешенек да и ты, Данил.
— Вот правда твоя, да истинная.

441

Все начинают пить и есть, кроме молодых. Когда обыгрывают всех, все вылезают из-за стола в левую сторону. Дружко с свахой ведут молодых спать на постель, на которой лежат посаженные — постелю греют. Клеть, в которой постель, заперта. Дружко и прочие подходят, стучатся, им отпирают. Посаженным подносят по стакану вина, покормят молодых и уложат спать. В это время поют: «Клен да береза». Снаружи запирают замком клеть и идут кончать пир, после которого расходятся.

Около вечера приезжают родственники с приданым невесты и с дарами. Их встречают родители жениха. Невестины родители говорят: «Вот мы товар привезли; нет ли у вас купца?». Дружко с свахой, поднявши молодых, в это время вводят их, говоря: «Не этих ли купцов вам надо?». — «Этих, этих!» — и отдают приданое, а дары берут с собой за стол. Тут начинают обыгрывать всех, кроме молодых. После обыгрывания дружко надрежет каравай, родственники невесты накроют каравай полотном или платком и дружко разломит его на голове полудружья (а полотно возьмет себе). Полудружье после нарежет его на части и передаст дружку, который станет подносить всем, начиная с отца и матери жениховых, приговаривая:

442

Просит вас князь со княгинею сыром с караваем:
Сыр, каравай принимайтя, зылату гривну вынимайтя.
Наши дела поправляйте; всяво много надыбно:
На донцы, . . . веретенцы, на тонкие полотенцы.
Надыбно вола купить — воду возить, баню топить.
Ножки наши с подходцем, ручки с подносцем,
Сердечушко укорно, головушка покорна.

Каравай подают закусывать вино, которое тут же подносит молодая, а наливает молодой. Гости по обыкновению говорят: «Горько, голуби насолили», и пр. Молодые целуются. Пир идет и кончится, и свадьбе конец.

ТЕТРАДЬ 4, ч. II. ГОЛОСОВЫЕ

443

Запропал-пропал добрай моладиц,
Запрапала яво буйная галовушка
На чужой дальный на старонушки.
Што по щём парня признавать будя?
Признавать парня па русам кудрям.
На русах кудрях шляпа черная,
То на шляпы лента йялая,
Лента йялая-то, трехаршинная,
Трехаршинная, трехпалтинная.

444

Йю варот-варот, йю новыех варот
Тут расла, расла шалковая трава.
Што ва той траве жила сипучая змия.
Хто ба, хто ба, хто эту трав(о)ушку касил?
Касил Ванюшка-Ваня, разудалай маладец.
Ён касил, касил, косу в сторану брасил.

— Прападай, мая, мая бизукладная каса,*
Ты йюмри, йюмри, пастылая шельма-жана!
Взял ба я, взял краснаю девку за сибе,
Изъюкрасил ба я, изъюкрасил дли сибе,
Штоб ни стыдна мне на юлицу пайти,
Не бисчестна бы вот к карагоду падайти.

445

Ты васпой, ты васпой, младой жавароночик,
Ты васпой жа ты вясной на праталинки,
Воспой на кроутой гаре,
На зиленый ты на травушке,
Воспой на бялой заре.
Ты падай жа ты голас чириз темнай лес,
Чириз лясок, чириз сырой бор,
Чириз барок в каминну Маскву,
В Маскву ка мил(о)у дружку.
Вот миленький сидить ва засадушки,
Ён в бальшой, миляанькай, вы бальшой дасадушки,
Ён прислал, миленькай, письмо к отцу с матерью,
Вот прислал письмо за черной печатию.
Вот как взяли йяни письмо, взрадавалися,
Распичатали письмо, письмо — испужалися:
— Вот как в нашаям роду праявляица.

446

Разлука ты мая разлука, чужадальния старана,
Не дала шельма мне разл(о)ука са милым дружком пажить,
Пожить са милым дружком, любовь с ним павадить.
— Йяб чем ты, Маша, плачишь, панапрасну слезы льешь?
— Йюж как жа мне ни плакать, юж как мне слез ни лить?
Йядин был сад зиленай, и тот стал засыхать.
Йядин был друг любезнай, и тот стал пакидать.
Пайду с горя я на башню, ва весь день там прасижу,
На все четыре старонки в йякошка праглижу.
Что па Питерскай па дарожке ни пыль в поли пылит,
Ни пыль в поли пылит, маладой курьер бижит.
Пайду, спрашу йю курьера: «Куды скора бижишь?
Ты куды скора бижишь, ты какую весть визешь?».
— Д(о)уша красная девица, не могу тибе сказать.
Тваяво дружка да милова давно в живых нету.
Вот дивятай день, как он ска<н>чался,
Десятая ночь прашла.

447

Сабирался добрый моладиц на добрава каня,
Садился жа добрый моладиц в черкасском сидле,
В черкасскаем ва сёдлышке, тисмённа йюзда,
Тисмённая йюздечка, шелков поводок.
Спала с добрава моладца галовушка с плеч,

* Укладывать косу — накладывать сталь на нее (собир.).

Гало(у)вушка с плеч, пирчаточки с рук.
Знать-то мне, доброму молодцу, йюбитому быть,
Маладой маей хазяюшке салдаткою жить.
Маем малым детушкам сиротами быть.

448

Ни как во чистом поли травушка шатаится,
Зашаталса, замоталса добрый молодец.
Пришатнулси, примотнулси ка синю морю:
— Йюж ес<т>ь ли йю синя моря пиривощички?
Перевощички, переносчички, добрыи моладцы?
Пиривизите жь мине, пириправьте на сваю сторану.
Повидитя вы миня, братцы, ка божняй церкви,
Причаститя вы миня, братцы, испаведайтя.
Причащомши мине, братцы, панавлёмши, — вы калясочку.
Повизите ж мине, братцы, ва чисто поля,
Вы заройте мине, закопайтя промеж трех дарог,
Прамежду Питерской, Масковской, славной Киевской.
В галавах мине, братцы, поставьтя животварящий крест,
Ва правую руку, братцы, дайтя саблю востраю.
Ва нагах мне, братцы, паставьтя каня добрава.
Хто нийдеть, хто ни едить — богу молится,
На маю на востраю саблю подивляюца,
На маво на добрава каня ужахтаюца.

449

Ты заря, ты моя заря бела йютрення,
Ты зачем жа ты, заря, рана занималася?
Ни дала жа мне, заря, ни дала повыспаться,
Ни дала жа мне, заря, ни дала панежиться!
Я вичор, я, малада, вичор глупа сделала:
Что милова я дружка, дружка распрагневала.
Йю чужих йю варот, варот йюбиваласа,
А ён, миленькяй, идеть, пьян шатаица,
Па черной ён грязи, миленькай, валяица,
За шалковаю миленькай травашку хватаица.
Вот я, дев(о)ушка, спака<я>лась, стужиласа.
Я в такова я в пьяницу влюбиласа.

450

Салавей мой, салавей, саловьюшик маладой,
Ни лятай жа, салавей, ва мой зиленай садок,
Ва мой зиленай садок, ва рикатавай кусток.
Кабы кустик мне ни мил, салавей гнязда ни вил.
Салавей гнязда ни вил — парень девку ни любил.
Кабы девка ни мила, ни любил ба я иё.
Ни любил ба я иё, калечушком ни дарил.
Сердечушка-калечушка, залатой мой перстинёк.
Залатой мой перстинёк — сушил девку паринёк.
Сушить сер<д>ца и живот — даляко милай живё<т>,
Далечунька-даляко, вы матушки ва Маскве,
Вы матушки ва Москве, вы Стрелецкай слабаде.
Сабиралися рабята в Ямскую йюлицу гулять,
В Ямскую йюлицу гулять, имских девак цалавать.

А все девки хараши, разлапушки пригажи.
Йадна девка лучши всех, на ней лента шири всех.
Йю другая — галубая, пра ниё слава худая.
Йю третьей лента са шитьми — идеть милый сы витьми.
Идеть милый сы витьми, сы харошами риньми,
Сы хорошими риньми, сы матушки са Масквы.
Йюж и я, малада, ни дрямала, ни спала,
Ни дрямала, ни спала, на речуньки прабыла.
На речуньки прабыла, цветна платья прамыла.
Йюж и я, малада, чажало с речки нясла;
Чажало с речки нясла — карамысла ды валёк,
Карамысла ды валёк, ища милава платок,
Ища милава платок — в дивяносто пять лакот.

451

Вот как нонишни худые врімяна,
Что жена мужа йябманула, правяла!
Йябманула, яво в салдаты йятдала,
Йятдамши мужа, биседу сабрала.
При биседушки стала плакать, гарявать;
— Хто ба, хто ба маму горюшку памог?
Хто ба, хто ба мае сер<д>ца соукратил?
Хто ба, хто ба маво дружка назад варатил?
Варатися, варатися, мой милой,
Биз тибе, мой друг, пастеля халадна,
Йядеялица пралижала вы нагах,
Вазгаловьецо патанула вы слязах.

ЗАГАДКИ

452

1. На батюшке еду, на матушке сижу, братцем правлю, сестрой погоняю *(Батюшка дал лошадь, мать — седло, сестра — плетку, брат — узду)*.

2. Биз рук, биз ног, на гыру до<бира>ется *(Ветер)*.

3. Литить птичка-важтиничка, сама сабе хваля, выхваляя: «Никто от мине не оуйдя: ни царь в Маскве, ни гасударь в гораде, толька йядна рыба в ваде» *(Ветер)*.

4. Иван-Селиван с дубу упал, сам ни йюшибся, воды не йюзмутил *(Лист)*.

5. Дыра мая дырушка, дыра зылатая! Я ни знаю, куды дыру деть — на живое мясо вздеть *(Кольцо)*.

6. Лител тень на Питров день, сел тень на пень, стал тень плакать. — «О чем ты, тень, плачешь?» — «Как же мне не плакать? Щука-рыба ныряить, весь лес пагубляить» *(Каса, траву косют)*.

7. Пытякушки тикуть, пырявушки рявуть, суху деривцу нисуть. Ни пышит, не дышит, ни души в нем нет *(Мертвеца несут)*.

8. Лител воран, ён ни бык; йяб шисти ног, биз копыт *(Жук)*.

9. Карова риветь, хвост до неба диреть *(Жирнава)*.

10. Заинька-палегаинька, палижи на мне, падиржись на мне. Тибе дурна, а мне харашо *(Рожь говорит снегу. Ржи под снегом хорошо, а снег-то мороз жмет)*.

11. Заиц стаить над кручью, заткнул ж... анучью *(Печная труба)*.

12. Пастелю рагожку, пасею гарошку, палажу хлеба краюшку *(Небо, звезды, месяц)*.

13. Зиму и лета на йядном пылазу ездють *(Волоковое окошко).*
14. Что в стенку ни ваткнешь? *(Яйцо).*
15. Два баравка́ дирутца, прамежду их пена бижить *(Жирнава).*
16. Поверху дарога, в п... ярманка *(Овин).*
17. Что в покромку не закати‹шь›? *(Дорога).*
18. Бочка стонить, ды баяре пьють *(Свинья охаить, парасята ие сануть).*
19. Прамежду ли́пынки висить кус гавядинки *(Цеп, которым молотят).*
20. В подпылом блаха́ тылкача́ радила *(Морковь).*
21. В по́дполью-подпо́лью пироги с морковью *(Рыба).*
22. Пымачу́ ды пыдрачу́ ды в кабылушку всучу *(Печку заметают помелом).*
23. Красный бес на девку влез, на девки запател — на бабу захател *(Нагрудники у женщин).*
24. Пришел баярин в зиленом кафтане. Я яму дала, кверху ноги задрала; и зудить, и балить, ищо хочица *(Париться).*
25. Пол чугунный, пасад гречишный *(Сковорода, блины).*
26. Стоить старчик, крошить сальца *(Свитéц).*
27. Молода была — всем дала; стара стала — нагинатца стала *(Бочка с молодой и старой брагой).*
28. Старая манденка пы подлавичью валяица *(Сковорода).*
29. Полно корыто м... намыто *(Огурцы).*
30. Без йякошек, без двирей полна церква людей *(Огурцы).*
31. В темной избушке все панёвы ткуть *(Пчелы).*
32. Литить птичка-звирок чириз божий домок, сама сабе гыварить: «Тут маё серца гарить» *(Пчела).*
33. Утка крякнить, бериг звякнить: сбирайтесь, детки, к йядной матки *(Колокол в церкви).*
34. Семеро м... привязались к одной м... *(Сукны ткут).*
35. Пичужка биз ‹го›ласа свила гнездышко с воласа, на гнездышко села — яйца наружу (...).
36. Прамежду двух дубков лежить девка вверх пупком *(Желуди падают с дуба).*
37. Тычу-патычу, ночью ни вижу, сем-ка, нивестка, днем пыпытаюсь *(Замок).*
38. Стоить баба на яру́, растапыривши дыру (*Овин*).
39. Лежить баба на таку́, полна ж... табаку *(Мешок с рожью).*
40. Йю табе ирбить, йю мине ирбить, пыирбимся с табой *(Ищут в голове).*
41. Сутул, гарбат все поле прискакал *(Серп).*
42. По́д лисом-лесом калёсы висять *(Серьги).*

453

12 августа, там же.

Хотел третьего дня отправить к Мацневу для передачи Киреевскому свой дневник, но человек, которого я, было, отправил, на почту опоздал — и дневник по сю пору у меня.

Вчера хозяин мой угощал своих крестьян по случаю отжинки ржи. Мы сели в саду около жиденькой решетки. Мужики и бабы собрались на двóре по другую сторону той же решетки. Спéрва подошли мужики, из которых один нес, поставив на голову, сноп ржи. Мужики все пели: «Я по травке шла, чижало несла». Подошедши, несший поставил перед нами сноп, приговаривая: «Вам, Константин Васильевич, честь воздаем. Народи бог на то, что больши таво!».

За ними подошли ба́бы, из которых одна тоже несла на голове сноп и тоже с пением «Ты не пой, соловей» и с тою же церемониею поставила перед нами. Мне здесь в первый раз случилось слышать, что мужики при таком торжественном случае пели плясовую песню. Во многих местах

мужики совестятся петь эти песни. «Бабьи песни!» — скажет он и запоет голосовую. Голос этой песни в полном смысле раскатистый.

Тут началось угощение, песни, пляски. Пели мужики, за ними бабы, потом опять мужики, потом опять бабы, потом мужики с бабами вместе одну песню, потом мужики с бабами вместе разные песни...

Стали круги водить, стали нас величать. Сколько я ни просил, чтобы меня покорили, но они не согласились. Пир шел заполночь, разошлись во втором часу, все веселы и все больше нежели навеселе. Много раз я бывал на подобных пирушках и всегда первую рюмку подносят хозяину, т. е. помещику, и даже помещице. Тот хоть не пей, только в руках подержи — все-таки честь воздадут. Здесь этого не было. Верно, староста — он был кравчим, — как человек образованный, не стал барина потчевать простою водкою.

Спрашивал я про здешние урожаи и получил довольно приятные ответы. Обыкновенно нажинают на тридцатной ниве копен 10, 12, 18 и даже 20. Здесь сеют ячмень или, как его здесь называют, житарь, пшеницу (мало), овес в большом клоичестве. Гречиху перестали сеять лет двенадцать — совсем не родится. Выше я говорил, что в окрестностях плох урожай; но я узнал верней, что очень не у многих дает по 4 копны — и то не везде и не у одного хозяина. Надо так близку быть с народом, как я, чтобы чувствовать мою радость при этом известии после того...

Народ здесь довольно «идрен», т. е. крупен и довольно свободен в обращении. Даже дети лет пяти-шести не боятся не только своего барина, но и ко мне, в первый раз увидев меня, подходили почти без всякой застенчивости. Про больших и говорить нечего: так «политично» рассыпится перед вами!

Архитектура домов обыкновенно окская. Одежда тоже. Завтра несут мой дневник на почту.

454

Нынче поутру встал в 12 часов и до четырех часов читал Эла-Вер, потом пообедал и пошел на гумно, где молотили.

В Малоархагельском, Ливенском, Новосильском, Мценском и вообще до Тулы и Калуги бабы и девки не косят и не пашут; от Серпухова и Калуги до Ярославля и Владимира бабы исправляют все работы: косят, жнут, молотят, часто пашут. Здесь же бабам рай: не косят, не пашут, даже не молотят; только жнут и вяжут за мужиками, когда те косят. Я спрашивал, что они зимой делают. «Как что? — отвечали мне. — Прядут лен, моченик (пеньку), посконь (замашки). Мало ли дела! Ткут». Но в других местах никак не меньше сеют льну и конопли, но все-таки бабы занимаются молотьбой.

Сколько мне помнится, я ни разу не говорил об одежде жителей или, лучше сказать, жительниц поокских и потому теперь приступлю к описанию наряда прекрасного пола сельца Гололобово.

Женщины надевают на голову сверх *повойника кичку*, довольно маленькую (как здесь говорят — «маненькую») и без кистей на висках; волосы, по обыкновению всеобщему, все подпрятаны. Передняя часть кички украшается блестками, позументами, ситцем, но сверх нее не повязывается ни полотенцем, ни лентой. На шею надевают *жерелья*; потом *рубашка*, сверху которой надевают *нагрудник*, закрывающий грудь и доходящий до колен; потом *понёва*. В праздничные дни бабы надевают на ноги *коты*, в простые — лапти. Замужние носят серьги, вдовы скидают их. Сверх всего надевают на себя *шушун* из белого рядного сукна, т. е. кафтан, доходящий до колен или немного ниже.

Девушки не носят понев, ни сарафана. Волосы на голове чешут в одну косу и повязывают вкруг головы *вязки*, т. е. повязки, тоже украшенные

блестками, позументом, ситцем или чем подобным. От вязки идут концы сзади до пояса, в косе лента — чем длиннее, тем лучше, обыкновенно до пояса и ниже. Остальной наряд совершенно одинаков с бабьим.

В тех уездах, которые лежат за Тулой и Калугой, к Воронежу и Курску, бабы и девки носят поневы. Я никогда не ходил из Тулы в Рязань и потому не знаю, где начинается этот переход.

Мужики ходят в рубашках и портках, очень часто затрапезных, что показывает, что бабам здешним стоит гораздо меньшего труда против баб, живущих в более степных местах, обелить своих мужей, обшить, разумеется, холстом и сукном своего изделия.

Но здешние женщины стоят тех льгот, какими они пользуются. Они могут перед многими похвалиться своей нравственностью, а девки даже все своей невинностью. Правда, городские жители и наезжающие могут попользоваться, по выражению Ноздрева, насчет клубнички, но по крайней мере между собой-то не грешат, и нет тех гадких домов, которые порождает необходимость в больших городах и разврат в деревнях и которые мне случалось встречать в Орловской и Калужской губерниях, которые все-таки выше стоят в нравственном отношении Ярославской, Владимирской и части Костромской, где, к несчастью, мне не случалось встретить ни одной честной девки, хотя там и нет публичных домов, там они излишни. Там в дом, где есть молодая женщина или взрослая девка, почти всякий может заманить их... Там брат сестру посылает к любовнику, отец — дочь; муж явно говорит жене, что он идет ночевать к другой (что мне, впрочем, раз случилось видеть). Дети при матери, отцы при дочерях не совестятся ругаться по-матерному. Но про те места и говорить нечего: та сторона образованная... Мужья идут деньгу добывать в Москву, Питер, Харьков и оставляют во всех трактирах, а жены закрутят, девки за ними — и пошла кутерьма, и по сю пору идет и когда кончится — богу одному известно... Воля ваша, страшно вспомнить об этой нравственности. Я сказал: ни одной честной девки не встречал — это в полном смысле правда. Правда и то, что девка любится с парнем — с одним — и очень часто выходит за него замуж. Правда и то, что в помещичьих деревнях чаще случается видеть просвещение, не так далеко пустившее свои корни.

455

В одну зимнюю ненастную ночь шел Иван Милостивый с 12 апостолами по земле. В поле ночевать было холодно. Они и постучались к одному мужику. Тот их не хотел пустить; наконец, согласился с условием, чтобы они завтра чем свет обмолотили ему три копны ржи. Наутро мужик толкнул Ивана Милостивого, который лежал вместе с апостолами на полу, и сказал, что пора идти молотить, толкнул да и пошел.

Вот апостолы, было, и хотели идти на гумно, да Иван Милостивый уговорил их еще немного поспать. Мужик ждал-ждал — нет помощников! Взял кнут, пошел в избу да и ну дуть крайнего — а крайний-то был Иван Милостивый. «За тобой вслед иду!» — закричал Иван Милостивый. Мужик опять ушел. Апостолы опять поднялись, а Иван Милостивый опять подбил их спать. «Теперь, — говорит он, — отшлепал кнутом — не придет». А сам думает: «Придет, так опять за крайнего».

Мужик приходит опять с кнутом да и думает: «За что же я буду бить одного крайнего? Сем-ка, примусь за заднего!». Да и принялся за Ивана Милостивого. Мужик ушел, а Иван Милостивый, уговоривши апостолов еще-таки поспать, залез в середину. Мужик пришел с кнутом да и думает: «Крайнему досталось, заднему тоже, примусь за среднего!». Опять-таки досталось Ивану Милостивому! Нечего делать — сам стал уговаривать апостолов идти помогать мужику.

456

Иисус Христос после распятия сошел в ад и оттуда всех вывел, кроме одного Соломона Премудрого. «Ты, — сказал ему Христос, — ты сам выйди, своими премудростями!»

И остался Соломон один в аду. Как ему выйти из аду? Думал-думал да и стал вить завертку. Приходит к нему маленький чертенок да и спрашивает, на что вьет он веревку без конца. «Много будешь знать, — отвечал Соломон, — будешь старше деда своего Сатаны. Увидишь, на что!» Свил Соломон завертку да и стал ею размерять в аду. Чертенок опять-таки стал у него спрашивать, на что он ад измеряет. «Вот тут поставлю, — говорит Соломон, — монастырь, вот тут — церковь соборную!»

Чертенок, испугавшись, побежал и рассказал все деду своему Сатане, а тот и выгнал Соломона из аду.

457

Раз в осеннюю пору мужик увязил воз на дороге. Всякому известно, каковы наши дороги, а тут еще случилось осенью, так и говорить нечего...

Мимо идет Касьян-угодник. Мужик и не узнал его, да и давай просить помочь вытащить воз. «Поди ты! — сказал ему Касьян-угодник, — есть мне когда с вами валандаться!» Да и пошел своей дорогой.

Немного спустя идет тут же Николай-угодник. «Батюшка, — завопил опять мужик, — батюшка, помоги мне воз вытащить!» Николай-угодник и помог ему. Вот и пришли Николай-угодник и Касьян-угодник к богу в рай. «Где ты был, Касьян-угодник?» — спросил бог у Касьяна. «Я был на земле, Ваше благородие, — отвечал тот. — Там прилучилось мне идти мимо мужика, у которого завяз воз, тот просил меня помочь вытащить, да я не стал марать райского платья!»

«Ну а ты где так выпачкался?» — спросил бог у Николая-угодника. «Я был на земле, Ваше преосвященство, шел по той же дороге да и помог мужику вытащить воз».

«Слушай, Касьян, — сказал тогда бог. — Ты не помог мужику вытащить воз да назвал меня Вашим благородием — за то тебе через три года будут служить молебны. А тебе, Николай-угодник, за то, что назвал меня Вашим преосвященством и помог мужику воз вытащить, будут служить молебны два раза в год».

С тех пор так и сделалось. Касьяну в високосный только год служат молебны, а Николаю — два раза в год.

458

17 августа. Там же.

Вот уж дня три ровно ничего не делаю. Ноне был в Зарайске. Но об нем я ничего не скажу теперь. Надо его хорошенько осмотреть.

15 сентября. Москва.

Опять я в родной Москве! Пусть я терплю горе здесь, пусть меня принимают здесь недружелюбно: воспоминания, одни воспоминания о прежней жизни московской могут заставить видеть горе в полгоря; а эти воспоминания в Москве так часты, так сладки, что эпитет родной матушки невольно приходит на ум, как только вспомнишь про Белокаменную. Вот отчего я так рад был подъезжать к Москве...

Я приехал сюда с Акуловым; нас верстах в девяти от Брониц вывалил извозчик. С Акуловым сделалось дурно от испугу, и я с ним всю ночь провозился, хоть не имел никаких средств помочь ему и измучился ужаснейшим образом.

Эту жалостную повесть я рассказал для своего оправдания, потому что, несмотря на все мои уверения в любви к родимой матушке Москве Белокаменной, я, выезжая из Островцов, заснул и спал почти до Москвы. Меня разбудила Поленька, сказавши, что мы скоро въедем в Москву. При этих словах по мне пробежала дрожь. Я с каким-то сладким страхом глядел на Москву, которой золотыя маковки виднелись вдали. Я то понукал извозчика, то останавливал под предлогом трубку набить... Мне стыдно было делиться своим святым страхом — и никто не заметил моей трусости.

Вот и опять в Москве... Москва та же, и люди те же — да не те! Не знаю, отчего, желая мира всем, я не могу сыскать мира своей душе?

ЗАПИСИ 1847 г.

РЯЗАНСКАЯ ГУБЕРНИЯ, РАНЕНБУРГСКИЙ УЕЗД; ТАМБОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ, КОЗЛОВСКИЙ УЕЗД

459

Вот и мине, младца, таска-горя абуяла,
Йю мине, йю мине хозяюшкя больно захворала.
Ты хворай жа, ты хворай, хазяюшкя, пабальнея,
Ты йюмри, йюмри, умри, жана, паскорея.
Развяжи ты-то, развяжи жа ты мою буйную головку,
Отпусти жа, атпусти на чужу сторонку,
На легку только, на легкую на работку.
Я страю, я страю, я страю-страявую,
Я пайду жа, я пайду да в рощу зилянуя,
Я ссяку, я ссяку, ссяку белаю бирезу,
Я срублю только, я срублю горинку навуя,
Я складу только, я складу печкю муравуя,
Я возьму толькя, я возьму за сибе жану маладуя,
Я сваим я детям мачиху лютуя.
Вот мои, вот дети па горинки ходё(ю)ть,
Йяни сами сабе богу молё(ю)ть:
— И юж ты встань, юж ты встань жа ты, матушка родная,
Ты йюмри, ты йюмри, мачеха лихая,
Ты сгори, ты сгори, горенка новая!
Развались ты, развались, труба золотая,
Юж ты встань жа, встань, матушка ты радная!

460

Был-то я за речкаю, был я за Невагаю,
За речкаю, переправаю.
Ни ковыль в поли зашаталаси,
Там шатал, валял душа добрый моладиц,
Лигкавой только извощичик,
Душа только паринь-вдовщичик.
— Да ты зачем ходишь вы царев кабак?
— Не к тебе хожу, к целвальничку,
Ни яво люблю, люблю тваю дочирю,
Ни я дочь люблю, люблю сладкаю вотачкю.
Да я пьян-то, я пьян напиваюша,
Уж я напиваюша, па грязи валяюша,
Я-то валяюша, девкою пахваляюша.
Увидала ли яво любушка из высокава терема...

461

Ни билыи снига, снига ва чистом поли, сняга забилелись,
Йю мово йю дружка, йю дружка любезнаго каминны палаты,
Ни только палаты, шатры шалковые.
За шатрами стоять, стоять два столика, столы дубовые,
За столами стоять две скамеечки, скамьи кленовые.
На скамьях-то сидят два парнечика, парни маладые,
Во руках (о)ни держут что по перушку, перьи лебядины,
(О)ни пишут-то письмо на белай грамоте — па бумаги.
Пиряд ними-то стоить, стоить красная девушка, она слезно плача.
— Ты ня плачь, ня плачь, красная девушка, ня плачь, ни печалься!
Ды ни быть, ни быть доброму молодцу, ня быть вы солдатах,
Да быть ли, не быть ему во донских казаках.

462

Ны зари было то на зорюшке,
На заре-я была-я на утришнай,
На высходи было краснаго солнушка,
На заходи-то толька светлаго месица.
У нас сделалась только несчастьица,
Только я ли, млада, глупость сделала,
Только вот я ли дружка бросила.
Я за то-то я яво любить бросила,
Только пьяно милой напиваится.

463

Мы стояли на границе, мы ня думали ни об чем,
Толькя думали, гадали — нам убратца хорошо,
Нам убраться, вы паход скоро идтить.
Вы паход скоро мы пашли, к новой речки подошли;
Нисчас<т>лив этот перевозец, подымался с гор туман,
Подымался с гор туман, француз силу забирал,
Француз силу забирал, сорок пушик заряжал,
Сорок пушик заряжал, путь-дорожку разорял.
Разорил эту путь-дорожуньку неприятель, вор-француз.
[Разоримши путь-дорожку], он в свою землю жить пошел,
Он пошел, он пошел, к новой речки подошел,
Во свою землю пашел, кы Парижу подошел.
Ты Париж мой, Парижок, Парыж славный городок!
Есть получше, есть покраше Парижка —
Белокаменна Москва.

464

Па улици-йюлицы,
Па широкой йюлицы
Ходил-гулял моладиц,
Малод<чик> маладой.
Связал свою голову
Шляпою пухов<аю>,
[Шляпою пуховаю],
Лентою лиловаю.
Увидила матушка
С высокаго терима:
— Дитя моя, дитятко,
Дите мое, мое милое. . .

465

Вот и степь жа мая, степь Моздовская, степь Моздовская,
Протянулась эта степь да Царицына,
Вот па этой па степи ехали все извощички,

Лист с записями песен и дневниковой пометой: «14 генваря 1847. Дубовое. Раненбург. Рязанской губ.» ГБЛ, ф. 125, п. 44, л. 1087.

Ехали все извощички, все коломенцы, —
Вот коломенски, все козловския.
У ни-них сделалося, братцы, сделалась вот несчастьица,
Вот несчастьица у них, безвременьица,
Захворал-заболел вот наш извощичик,
— Привяжитя-т вы, братцы, тройку вороных коней,
Тройку вороных коней ка сваёй павозочке,
Отвядитя-т вы коней к мому к батюшки,
Вы скажитя вы, братцы, батюшки вы низкой поклон,
Родимой моей матушки челобитьица,
Вот маим только дитя́м бласловеньица.

466

Только, братцы, знать нам Машею-душой не владать,
Нам во веки Маши не видать!
— Как была я пташкой, я могла весь день лятать,
Я туда бы пошла, где Бутырский полк стоить,
Во угожия вы миста, где ракитовы куста,
Где ракитавы куста, где мой милый убит лежит.
Я бы косточки яво собрала, вы дубовый гроб яво склала,
К сырой земле яво придала, три словечка яму сказала:
— Зарастай все, мая могилка, все травою еще муравой,
Еще и лазоре<вы>м цветом.
Я бы все по цветикам гуляла, все я те тветики рвала,
Вянок милому спляла, на головку надела.

467

Соловьюшик малинькой,
Голосочик тонинь<ко>й,
Ня пой рана, рана по заре,
По халодной только па расе,
Вечер был я йю тибе,
Ни йюзнала ты, шельма, мине,
Отсылала ты прочь от сибе,
Называла яво падлицом:
— Падлиц, добрый маладец,
Зачем ходишь ка иной —
Ка Дуняши в дом Хоминой?

Уж ты, Дуня, Дуня Хомина,
За што любишь Ивана?
— Я за то яво люблю —
Галовушка яво кудрява,
Лицом бела, румяна,
Чорны брови харапш,
С поволокаю глаза.
Катилася с гор вада,
Йюмывалась толькя малада,
Йютиралась тонким полотном.

468

Можно, можно нам в рощи разгуляться,
Тоску-скуку-пичаль разгулять.
Чуить, слышить Машино сердечка —
Ни видалась с милым дружком давно.
Я пойду с миленьким на речку,
Сяду, сяду с ним я на бирижок.
Ни йядна-то я сидела,
Вижу стень я на воде,
Стень сухая, стень моя пустая,
Стень ни грит мине ничево.
Из лесочкю пщо из тимнаго
Выизжаит мил на кони.
— Уж здрастай ты, моя милая,
Я заехал праститца с табой,

Распростимся мы с табой, моя милая,
На ядинай только на часок,
То на круглый, круглый <на> годок.
Я поеду только во свой Питер-городок,
Я куплю жа тибе, милая,
Три падарка тибе дорогих:
Вот я первый куплю падарок —
Да я яблачик пяток;
Я ищо куплю я падарок —
Сладкай водки полуштоф;
Ну я третий-то падарочек —
Да я алинький платок.

469

Вот и ходют тут, гуляют Волконский князь,
Тут ходил он, глядел Иванушку-клюшничка,
Маладоёй маёй княгини верна палюбовничка:
— Вы бяритя, маи слуги, вы скрябки жилезнаи,
Уж вы ройтя, копайтя две ямы глубокия,
Вы становьтя ж, ребята, два столба тачёнаи,
Юж за них вы цапляйте две петли шалковаи,
Юж вы вешайте, вешайте Ванину головушку,
Пущай Ванина головка, пущай покачаица,
Молода шельма княгиня пускай папячалица.

470

Ю нас только вы балоти кулик куликаи,
Вот наш-та князь Голицын сы палком гуляи.
Думал, думал князь Голицын, думал, где проехать:
Толькя лесом — толькя князю ехать лесом очень тёмна,
Толькя полим князю ехать — полём очинь пыльна,
Вот Масквою князю ехать — Масквою очень стыдна.
Толькя ехал князь Галицын, ехал все праулками,
Все правулками, закавулками низка в Москву вьехать.
Подъязжаить князь Гол<ицын> кы церкви, кы сабору,
Он скинаеть, кн<язь> Г<олицын>, он шапку саболью.
Ён богу, богу помолилса, низко поклонилса,
Низкя, низкя толькя покланилса, йюпал на коленка.
— Юж чем, государь-царь, чем жа нас пажалуишь?
— Я пажалую тибе, к<нязь> Г<олицын>, мелким деревнями,
Мелким деревнями, новыми городами.
Ани тёсом не <о>блажены, нёбом <о>ни пакрыты!

471

Как за речкою была за рекой нибальшая слабада,
Нибольшая йяна, ни малая — всего сорок три двара.
Всего сорок только три двара — жила вдовушка-вдова,
Жила вдовушка-вдова, разудалая-д голова,
Разуда́лая-удала́я, йю ней дочкя хороша,
Йю ней дочкя хороша — свет Ульяшунькя-душа.
Свет Ульяшунькя-душа йюродилась хороша.
Йюродилась йяна, пригадилась, на все промаслы пашла!
На все промаслы пошла, все заводы завела,
Все заводы, больши карагоды — пошла на всю ночь гулять!

472

Около Киева проявился змей, брал он с народа поборы немалые: с каждого двора по красной девке; возьмет девку да и съест ее. Пришел черед идти к тому змею царской дочери. Схватил змей царевну и потащил ее к себе в берлогу, а есть ее не стал: красавица собой была, так за жену себе взял. Полетит змей на свои промыслы, а царевну завалит бревнами, чтоб не ушла. У той царевны была собачка, увязалась с нею из дому. Напишет, бывало, царевна записочку к батюшке с матушкой, навяжет собачке на шею; а та побежит куда надо да и ответ еще принесет. Вот раз царь с царицею и пишут к царевне: узнай, кто сильнее змея? Царевна стала приветливей к своему змею, стала у него допытываться, кто его сильнее. Тот долго не говорил, да раз и проболтался, что живет в городе Киеве Кожемяка, — тот и его сильнее. Услыхала про то царевна, написала к батюшке: сыщите в городе Киеве Никиту Кожемяку да пошлите его меня из неволи выручать.

Царь, получивши такую весть, сыскал Никиту Кожемяку да сам пошел просить его, чтобы освободил его землю от лютого змея и выручил царевну. В ту пору Никита кожи мял, держал он в руках двенадцать кож; как увидал он, что к нему пришел сам царь, задрожал со страху, руки у него затряслись — и разорвал он те двенадцать кож. Да сколько ни упрашивал царь с царицею Кожемяку, тот не пошел супротив змея. Вот и придумали собрать пять тысяч детей малолетних да и заставили их просить Кожемяку; авось на их слезы сжалобится! Пришли к Никите малолетние, стали со слезами просить, чтоб шел он супротив змея. Прослезился и сам Никита Кожемяка, на их слезы глядя. Взял триста пуд пеньки, насмолил смолою и весь-таки обмотался, чтобы змей не съел, да и пошел на него.

Подходит Никита к берлоге змеиной, а змей заперся и не выходит к нему. «Выходи лучше в чистое поле, а то и берлогу размечу!» — сказал Кожемяка и стал уже двери ломать. Змей, видя беду неминучую, вышел к нему в чистое поле. Долго ли, коротко ли бился с змеем Никита Кожемяка, только повалил змея. Тут змей стал молить Никиту: «Не бей меня до смерти, Никита Кожемяка! Сильней нас с тобой в свете нет; разделим всю землю, весь свет поровну; ты будешь жить в одной половине, а я в другой». «Хорошо, — сказал Кожемяка, — надо межу проложить». Сделал Никита соху в триста пуд, запряг в нее змея, да и стал от Киева межу пропахивать; Никита провел борозду от Киева до моря Кавстрийского. «Ну, — говорит змей, — теперь мы всю землю разделили!» «Землю разделили, — проговорил Никита, — давай море делить, а то ты скажешь, что твою воду берут». Взъехал змей на середину моря, Никита Кожемяка убил и утопил его в море. Эта борозда и теперь видна; вышиною та борозда двух сажен. Кругом ее пашут, а борозды не трогают; а кто не знает, отчего эта борозда, называет ее валом. Никита Кожемяка, сделавши святое дело, не взял за работу ничего, пошел опять кожи мять.

473

Жила мышь с воробьем ровно 30 лет так дружно, что кто что ни найдет — все пополам. Раз воробей нашел маковое зернышко. Подумал он: что тут делать? Взял да и съел он это зернышко. Спознала про то мышь и не захотела более жить с воробьем. «Давай, — говорит ему, — давай драться не на живот, а на смерть; ты собирай всех птиц, а я соберу всех зверей». Так и сделалось. Собрались и звери, и птицы, бились долго. В этом бою подбили одного орла, тот полетел на дубок да и сел там.

На ту пору мужик в том лесу охотился. Охота была неудачная. Дай, подумал мужик, хоть орла убью. Не успел он взяться за ружье, как орел провещал человеческим голосом: «Не бей меня, добрый человек, я тебе ничего не сделал». Мужик пошел от него прочь. Не нашедши никакой птицы, он опять подходит к орлу, хотел его убить, уж совсем было при-

ловчился — орел опять его упросил. Мужик пошел прочь; опять, не нашедши ничего, поравнялся с орлом, приложился, выстрелил — ружье у него и осеклось. Проговорил ему орел: «Не бей ты меня, не в кую пору гожусь я тебе. Возьми меня к себе, вылечи да выхоли».

Мужик послушался, взял орла к себе в избу, стал его кормить что ни есть лучшим: то, бывало, овцу зарежет, то теленка. В дому мужик не один, семья была большая, стали на это ворчать, что он весь проживается на орла. Мужик терпел долго, наконец говорит орлу, чтоб тот летел, куда ему угодно, а он больше держать его не может. «Пусти моих сил попробовать», — отвечал орел. Взлетел орел высоко, опустился да и говорит мужику: «Продержи меня еще три дня». Мужик согласился. Прошло три дня, орел и говорит мужику: «Пора нам с тобой рассчитаться. Садись на меня». Мужик сел на орла, орел взвился и полетел на синее море.

Отлетевши от берега, орел спрашивает у мужика: «Что за нами, что пред нами? Что над нами, что под нами?». «За нами, — отвечал мужик, — земля, пред нами море; над нами небо, под нами вода».

Орел встрепенулся, мужик свалился с орла. Только он не допустил его упасть в воду, на лету поймал. Взлетел орел на середину синего моря, опять стал спрашивать у мужика: «Что над нами, что под нами; что за нами, что пред нами?». «Над нами небо, — отвечал мужик, — под нами вода; за нами море, пред нами море».

Орел встрепенулся, мужик свалился с него и упал в море. Орел не дал ему потонуть, подхватил, посадил на себя, опять полетел. Подлетают они близко к другому берегу. Стал опять орел спрашивать у мужика: «Что за нами, что пред нами; что над нами, что под нами?». Мужик говорит: «За нами море, пред нами земля; под нами вода, над нами небо». Орел встрепенулся, мужик опять полетел в море, стал он тонуть, чуть-чуть не захлебнулся. Орел тогда только его вытащил, посадил его на себя да и говорит ему: «Хорошо тебе было тонуть? Таково-то и мне было сидеть на дереве, когда ты в меня целился из ружья. Теперь за зло мы расплатились, давай щитаться добром».

Взлетели они на берег. Летели близко ли, далеко ли — видят посередь поля медный столб. Орел велел мужику прочитать надпись на столбе. Мужик прочел: «За этим столбом стоит медный город на 25 верст».

«Ступай, — говорил орел мужику, — в этот город, тут живет моя сестрица. Проси у нее медный ларчик с медными ключиками. Что б они тебе ни давали — ничего не бери: ни золота, ни серебра, ни камня самоцветного».

Приходит мужик в город, пришел прямо к царице этого города. Та, узнавши, что у этого мужика жил ее братец, когда был болен, давала ему и злата, и серебра, и каменья самоцветного. Тот ничего не брал, только просил медного ларчика с медными ключиками, но она ему не дала. Мужик выходит за город и рассказал орлу все. «Ничего, — сказал орел, — садись на меня».

Мужик сел, орел полетел. Опять увидал орел столб, только серебряный, заставил мужика читать надпись. Тот прочел: «За этим столбом стоит город серебряный на 50 верст». «Ступай, — говорит орел мужику, — в этот город, тут живет моя другая сестрица, проси у нее серебряный ларчик с серебряными ключами».

Мужик приходит в город, а в том городе была царицею сестра орлова. Мужик рассказал ей, как у него жил брат ея, как он его холил, и стал просить ларчик серебряный с серебряными ключиками. «Правда, ты сберег моего братца, — сказала царица мужику. — Бери сколько хочешь золота, серебра, каменья самоцветного, а ларчика не дам». Сколько он ни просил, та все-таки не дала.

Мужик выходит за город; сказал орлу, что сестрица его, несмотря на его просьбы, ларчика не дала. «Ничего, — сказал орел. — Садись на меня, полетим».

Мужик сел на орла, орел полетел. Летели близко ли, далеко ли, орел увидал опять столб. Этот столб был уже золотой. Заставил орел мужика читать на нем надпись: «За этим столбом стоит золотой город на сто верст». «Здесь живет моя любимая сестрица, — проговорил орел. — Поди, мужик, проси у ней золотой ларчик с золотыми ключиками».

Мужик пошел прямо к царице города, рассказал ей, как жил у него орел, как он за ним ходил, и стал просить у ней золотой ларчик с золотыми ключиками. Та слова ему не сказала — отдала ларчик. Взявши ларчик, мужик выходит за город к орлу.

«Ступай домой, — сказал ему орел, — да смотри не отпирай до дому этого ларчика».

Сказал и улетел. Мужик долго крепился, да не до своего времени; не дошедши до двора, открыл ларчик! Не успел крышку открыть, как золотой город стал перед ним. Царь той земли, на которой раскинулся город, прислал сказать мужику, чтобы он или отдал ему город, или то, что у него дома есть и чего он не знает. Жаль стало мужику города. Он подумал: «Чего я не знаю — не жаль будет отдать», и согласился на последнее. Мужик смотрел-смотрел на город. Чудно ему показалось, что из ларчика выскочил город. Заглянул в ларчик — глядь, города нет. Стоит он в чистом поле один, только ларчик перед ним. Взял он ларчик да и пошел домой. Приходит в свою избу — жена несет ему младенца: она без него родила. Тут только спохватился мужик, что́ просил царь земли неверной. Делать было нечего. Он раскинул город да и стал до времени ростить сына.

Стало ему 18 лет. Царь земли неверной прислал сказать, что пора рассчитаться. Поплакал мужик, благословил сына да и послал к царю. Идет молодец путем-дорогою, подходит он к Дунаю-реке да и прилег на бережку отдохнуть. Видит он, что пришли 12 девушек одна другой лучше, разделись, обернулись серыми утицами и полетели купаться. Молодец подкрался и взял платье одной девушки. Накупавшись, утицы вылетели на берег. Все оделись, одной не достало платья. Одетые улетели, а та стала плакать и просить молодца отдать ей платье. «Не в кою пору сама гожусь я тебе». Тот подумал-подумал да и отдал ей платье.

Приходит молодец к царю неверному. «Слушай, добрый молодец, — говорит царь неверный, — узнай ты мою меньшую дочь. Узнаешь — пущу тебя на все четыре стороны; не узнаешь — пеняй на себя». Только пошел из дворца молодец — меньшая царевна навстречу ему. «Отдал ты мне платье, добрый молодец, пригожусь и я тебе. Завтра отец мой будет показывать тебе всех нас, чтобы ты указал ему меня. Мы все похожи одна на другую, так ты смотри: у меня на левом ухе будет мошка ползать».

На утро зовет к себе молодца царь неверный, показывает ему своих 12 дочерей. «Угадай, — говорит, — которая младшая дочь?».

Молодец посмотрел, у которой мошка, и показал на нее. Завопил, закричал царь: «Слушай, молодец, я тебе не игрушка, тут подлость! Выстрой к завтраму мне дворец, этот, вишь, стар, так я хочу в новый перейти. Выстроишь — отдам за тебя младшую дочь; не выстроишь — живого съем».

Запечалился молодец, да царевна ему навстречу. «Не кручинься, — говорит, — молись богу да спать ложись, к завтраму все готово будет».

Молодец лег, заснул. Поутру глядь в окошко — стоит новый дворец, мастера ходят кругом да кое-где гвоздики поколачивают. Царь неверный отдал свою дочь за молодца. Не хотелось ему отступиться от слова своего царского, да и покинуть замысла не хотел: захотел он съесть живым и молодца да и с дочерью. Пошла молодая посмотреть, что делают батюшка с матушкой, подходит к двери да слышит, что они совет советают, как дочь с зятем съесть. Побежала царевна к мужу, оборотила его в голубя, сама перекинулась в голубку, и полетели на свою сторонку.

Проведал что-то царь неверный, послал их догнать. Догонщики искали-искали, да никого не догнали, увидали только голубя с голубкой да и вернулись назад. «Никого не догнали, — сказали они царю своему, —

только и видели голубя с голубкой». Царь догадался, что это они и были, рассердился на догонщиков, перевесил их и послал других. Эти помчались; скакали-скакали, прискакали к реке, и у той реки стоит дерево. Видят, что нет никого, взяли да и вернулись. Пришедши к царю, рассказали ему все. «Это они и были», — сказал царь и этих догонщиков велел перевешать.

Поскакал сам за ними. Ехал-ехал он да и наехал на божью церковь. Входит в церковь, а там ходит старичок да свечи перед иконами зажигает. Спросил царь у него, не видал ли он беглецов. Тот сказал, что они давно уж прилетели в золотой город, что стоит на сто верст. Вдарился царь неверный об землю от злости, да делать-то было нечего. Поехал домой.

Только что он уехал, церковь оборотилась царевною, а старичок молодцем. Поцеловались да и пошли к батюшке с матушкой в золотой город, что раскинулся на сто верст. Пришли да и стали там жить да поживать да добра наживать.

474

Над рякой калина стаяла, хвалилась:
— Да хто мине сломить биз острой биз сабли?
Хвалилась Катирина, хвалилась Антипьивна,
Ю батюшки сидя на новых на сенях:
— Да кто ж мине во́зьмет биз пива, биз меду,
[Биз пива, биз меду], биз зелина вина?
Да сыскался холост, холостой, ни жинатой,
[Холостой, не женатой], Степан кудреватой:
— Да я ж тибя возьму биз пива, биз меду,
[Биз пива, биз меду], биз зелена вина.

475

Ох, пойник-прапойник
Катеринин батюшка,
Про́пил сваю чаду
За винную чару,
На винной чарочке,
На медовой стопочке.
Ох на избе зелья,
У(в) избе веселья:
За сталом бояре,
Они мед, вино пили,
Речи говорили:
— Атдали нам девку —
Атдайтя пастельку,
Папонки, дирюжки,
Дирюжки ухружки.

476

Во териме свечка ни жарка гарить,
Ана ярыва воску йютаиваить.
В терими Катерина пичальна сидить,
В терими Степановна пичальна сидить.
Ана белава тела ураниваить,
Катерина в окошко выглядываить,
Степаныевна в окошко выглядываить:
— Ну что ж это долго сокол ни литить,
Ну что ж это долго ясен ни литить?
Знать, наш сокол за лес залетел,
Уж, знать, наш ясен сокол за темны леса.
Погодя маленько, сокол прилетел,
Погодя маленько, ясен прилетел.
— Ох, долго-то долго Степан ни едить,
Ох, долго-то долго Федорович ни едить;

Лист с записями свадебных песен, поющихся на «пропое» и на «сговоре», и дневниковой пометой. Записаны в Раненбурге 5 апреля. ГБЛ, ф. 125, п. 44, л. 1089.

Ох, знать, наш Степан-сударь в пиру загулял,
Уж, знать, наш Федорач в большой биседы.
Погодя-то маленько Степан приехал,
Погодя-то маленько Федарыч приехал:
По йюлици едить, людям кланиитца,
На широкай двор уизжаить — весь двор асветил,
На новое крыльцо всходить — крыльцо ломитца,
Ва горницу узходить — богу молитца:
— Здарова, здарова тибе и мне.
Еще дай бог здаровье Катеринье маей!

477

В нас при вечеру, вечеру,
При девичьим вечеру,
При Катеринином девишничке
Прилетал тут ясен сакол,
Он садилсы на (а)кошечка,
На сиребрину прицелинку,
На золотуя на прикладинку:
— Катерина, сайди с терема,
Саступи са высокова!
Приголубь ты яснава сокола,
Яснава сокала залетнова,
Добра молодца заезжива!
— Я бы рада сошла с терема,
Маё сердце испужаласа,
Маи ноги падламилиса,
Маи руки апустилиса,
Из ачей слезы катилиса.

478

Уж па садику,
Па зеленым винаградику
Тут кавры были разосланы,
Кавры шитыи, браныи.
Как па тем па коврикам
Тут хадил, гулял молодец,
Что Ст<епан свет и> Фед<арыч>.
Он чесал кудри русые,
Он чисал, приговаривал:
— Прилегайтя, кудри русаи,
К маему лицу беламу,
Што ка беламу, румяному!
Привыкай, душа Катерина-свет,
Привыкай, душа Антипавна,
К маему ли уму-разуму,
Што ка ндраву маладецкому.
— Уж как мне ли, красной девушки,
За дасаду показаласи —
Привыкать ни хотеласи.

479

— Уж вы девушки, подружки мои,
Вы берите золотые ключи,
Даставайте багрецовое сукно
Да вы скройте Степану кафтан,
Штоб ни длин<ен>, ни короток был,
Йу подола раструбистый,
К ретиву сер<д>цу прижимистый!
— Благодарствуй, Катерина-свет,
Благодарствуй, Антип<овна> свет,
Што йюмеешь кафтаны ты шить.

480

На горе стоить елочка,
Под горою светелачка.
Ва светелочки Кат<ерина> сидить,
Ва светелочки А<нтиповна> сидить.
Приходила к ней матушка,
Приходила к ней родная ее:
— Ты пайдем, Кат<ерина>, домой,
Ты пайдем, А<нтиповна>, домой!
— Я нейду, я не слушаюсь:
Ночь темна да ни месишна,
Лесы темны — каравулы нет,
Реки быстры — перевозу нет.
На горе стоить елочка,
Под горою светелочка.
Во светелочке Катерина сидит.
Во светелочке Антиповна сидит.
Приходил к ней Степан-господин:
— Ты пайдем, Кат<ерина>, домой,
Ты пайдем, А<нтиповна>, домой!
— Я иду, я и слушаюсь:
Ночь светла и месишна,
Лесы видны — каравулы есть,
Реки быстры — перевозы есть.

481

— Матушка! в соборе к вечерни,
Сударыня, в соборе к вечерни!
— Дититка, да по всем по приходам,
Свет милое моя, по всем по приходам.
— Матушка, во Троици нету,
Сударыня, во Троици нету!
— Дитятка, во Троици свадьба,
Св<ет> милое, во Троици свадьба.
— Матушка, да чия ж эта свадьба?
Да сударыня, да чия ж эта свадьба?
— Дититка, Степанова свадьба,
Свет милая моя, Фед<орыча> свадьба.
— Матушка, да што ж в поли пыльна?
Сударыня, да што ж запылилось?
— Дитятка, кони узыгрались,
Милая, вороныя узыгрались.
— Матушка, да чии ж это кони?
Сударыня, да чии ж вороныя?
— Дититка, Степановы кони,
Свет милая моя, Федорыча вороныя.
— Матушка, да по юлици едуть!
Сударыня, да по юлици едуть?
— Дититка, ни бось, ни пужайса,
Свет милая мая, ни (о)тдам в чужи люди.
— Матушка, на широкий двор взижжають!
Сударыня, на широкий двор взъезжають!
— Дититка, ни бось, ни пужайся,
Свет милая моя, ни ятдам в чужи люди.
— Матушка, на новое крылицо всходють!
Суд<арыня>, на новое крылицо всходють!
— Дититка, <не бойсь>, ни пуж<айса>,

Милая, ни ятдам <в чужи люди>.
— Матушка, во горницу всходють!
Судар<ыня>, во горницу всходють!
— Дититка, ни бось, ни пужайся,
Свет милая моя, ни от<дам в чужи люди>.
— Матушка, за дубовый стол садятца!
Суд<арыня>, за дубовый стол садятца!
— Дититка, ни бось, ни пугайся,
Свет милая мая, ни отдам в чужи люди.
— Матушка, образами бласловляють!
Сударыня, образами бласловляють!
— Дититка, ни бось, ни пугайся,
Свет милая моя, ни отдам в чужи люди.
— Матушка, в повозку сажають!
Сударыня, в повозку сажають!
— Дититка, ступай, бог с тобою!
Свет милая моя, ступай, бог с тобою!

482

Не трубушки трубили рано по заре —
Катерина плакала па русой косе:
— Коса ль моя, косынька, русая коса!
Да вечор тебе, косыньку, девушки плели,
[Девушки плели], красные плели
И золотом косыньку первили.
По ютру ранешинька матушка плела,
Крупным она земчугом йюнизывала.
— Да бог ти судья, да Степан-господин.

483

Ни йюзвей ветры понавеяли,
Ни жданы гости на двор взъехали,
Поломили сени новыя,
Поломили с переходами:
Йюзяли, повезли от Прасковьи дитя,
Йювезли, йювезли от Ивановны.

484

Ты труба, моя, трубушка,
Ты труба моя серебряная,
Вoструби, труба, по-трубному,
Штобы в той трубе слышно было
Катерининой матушке,
Степановной матушке,
Как от ней дитя везут,
Как от ней чаду милаю!
Ты труба ль моя, трубушка,
Ты труба ль моя серебряная,
Вoструби, труба, по-трубному,
Кой бы час она юслышала,
Тот бы час (о)на заплакала.
Сы терема ларцы несут,
Сы высокова кованыя.

485

Ягодка красна, землиничка спилá.
Ой, ляй, ой, ляли, землиничка спела.*
Отчиво ж ана красна? На пригорычки расла,

* Припев поется после каждого стиха с повторением второго полустишия.

На пригорычке расла, сыпрати со<л>нца цвела.
В нас-та Анна умна, в нас-та Арт<емьевна> умна.
Отчаво ж она умна? (О)на у матушки расла.
На у матушки расла, вся у матушку томна.
Чириз тот высок тирём пирлител ясён сокол,
Йюранил ясён сакол са апутинки кальцо:
— Юж ты, Ан<на>, падыми, ты, Арт<емьевна>, падыми.
— Уж и, сударь, недасуг.
Я па сенюшкам хожу, земчуг на руку нижу,
Я ка абеденьки спешу женихов выбирать.
Я выбиру маладца с гасударева дворца,
Штобы чист был и речист, говорить душа йюмел.

486

Калинушка с малинушкой — лазоревый цвет,
Твела, твела черемушка во темном лесу,
Поёть, поёть соловушко в зеленом саду.
Торна, торна дороженька, где милый прошел,
Веселая беседушка, где батюшка пьет.
Он пьеть — не пьеть, голубчик мой,
За мной, младой, шлет,
А я, млада-младешенька, замешкалася
За утями, за гусями, за лебедями,
За мелкою за пташкою за журушкою.
Журавль-птица по бережку похаживает,
Кавыл-траву зеленую пощипывает,
Холодною водицею прихлебывает,
За реченьку за быструю поглядывает.
За речкою за быстрою четыре двора.
Во этих ли во двориках четыре кумы.
Вы кумушки-голубушки, подружки мои,
Кумитеся, любитеся, любите меня.
Пойдите вы в зеленый сад — возьмите меня,
Сорвете вы по цветику — сорвите вы мне.
Вы будете веночки плесть — сплетите и мне.
Вы будете на речку бросать, да киньте и мой.
Да все венки наверх всплыли, а мой потонул.
Да все мужья домой пришли, а мой не пришел.

487

Зашаталась, замоталась в поле травушка. . .
Замотался, замотался добрый моладиц.
Пришатнулса, примотнулса к тихому Дону.
Ён васкрикнул, йон возгаркнул громким голосом:
Йюж вы братцы мои, братцы-пиривощички!
Пирвизитя мине, братцы, чириз тихай Дон,
Пиривизити мине, братцы, вы калясочку,
Вы визитя мине, братцы, вы сабор-церкву,
Причаститя мине, братцы, исповедайте!
Схаранитя мине, братцы, между трех дорог:
Промеж Киевской, Московской, промеж Питерской.

488

Салавей-та кукушичку йюгаваривал:
— Пылятим, кукушичка, ва мой зялён сад!
Вы маём-та ва садику добрай моладец гулял,

Беловая копия с началом песни «Как поехал-то мой милой». ГБЛ, ф. 125, п. 58, л. 3024.

Хадил, гулял моладиц, не весёл-та был.
— Да как же мне, моладцу, висёламу быть?
Журить, бранить батюшка, ни знаю — за што.
Да нарек, нарек батюшка в салдаты отдать,
А мне, добраму моладцу, ни хателаси.
Да хателаси моладцу хашь год пергулять,
Хушь год пергулять младцу, в Маскве пабывать,
В Маскве пабывать, салдат пасматреть.
Салдатушки-батюшки вы страю стаять,
Ружьи зарижонаи на пличах лижать.

489

Девчоночка лесом шла,
Красавица темным шла,
Сибе дружка ни нашла,
Заплакыла, прочь пашла.
Паказалыси девушки —
В лесе листики шумять,
Дубоваи шивилять.
Показалось девушки —
Пра бирезу гаварять.
Бирезушка белая
Прикланялася к земли.
На эту бирезушку
Слиталися пташачки:
Салавей с кукушкаю —
Моладец с дивицаю.
— Скажи, скажи, девица,
Из катораго села?
— Мать дочерю радила,
На белый свет пустила,
Доли на век ни дала.

490

Как паехал-то мой милай,
Как паехал дарагой —
Он далеча-далико,
Ён далеча-далеко —
Ва иное ва сило.
— Варатися, милай, милай,
Варатися, дарагой!
Биз тибе, милай мой,
Мне кароткая житье,
Тёмная ночунька <далга̀>,
Караватка ни мила,
Караватка ни мила,
Пастелюшка халадна,
Халадна и стюдена,
Што хылодниинькай лидок.
Вазгаловьеца лижить —
Патанула ва слязах,
А тибе же, милай мой,
Я не вижу ва глазах.
Как паслышу от людей:
Мил иную палюбил.
Мине, горькую, несчастную,
Мил навеки пагубил.
Как заставил зладей мне
Век ва девушках сидеть,
Век ва девушках сидеть —
Худу славушку тирпеть.

О, придитя, братия, послушайтя
Про двунадесять великиих пятниц.
На первой неделе великого поста Федорова:
В тоё пятницу брат брата — Каин Авеля убил ка́менем,
Хто эту пятницу станеть почесть всем постом и молитвою,
Тот человек от убиеньства сохранен будеть и помилован от бога.
Вторая великая пятница —
Супроти праздника Благовещенья Христова:
В тоё великую пятницу выплотися в деву сам Исус Христос.
Хто эту пятницу станеть почитать всем постом и молитвою,
Тот от воды, от потопа сохранен будеть и помилован от бога.
Третья великая пятница —
Супроти светлого Христова Воскресения:
В тыё пятницу жиды Христа распинали
Пред книжниками, фарисеями, пред жидами, лицемерами.
Хто эту пятницу станеть почесть всем постом и молитвою,
Тот человек от скорби-кроволития сохранен будеть и помилован от бога.
Четвертая великая пятница —
Супроти праздника Вознесения Христова:
В тыё пятницу вознесся Христос на небиса.
Хто эту пятницу станеть почесть всем постом и молитвою,
Тот человек от бед, от напраслины сохранен будеть и помилован от бога.
Пятая великая пятница —
Супроти праздника Троицы возначальные:
В тыё пятницу сходил господь на землю,
Пущал господь святой дух по всёй земле,
Хто эту пятницу станеть почесть всем постом и молитвою,
Тот человек от двенадцати недуг — лихорадки
Сохранен будеть и помилован от бога.
Шестая великая пятница —
Супроти праздника Ильи, пророка божия:
В тыё пятницу Илья-пророк
Взят на небо на колесницы огненной.
Хто эту пятницу станеть почесть всем постом и молитвою,
Тот человек от огня от пламени сохранен будет и помилован от бога.
Седьмая великая пятница —
Супроти праздника Преображения христова:
В тыё пятницу преобразился Христос на горе Фаворской,
Показал ученикам своим славу, Петру и Якову.
Хто эту пятницу станеть почесть всем постом и молитвою,
Тот человек от всех грехов избавлен будеть и помилован от бога.
Восьмая великая пятница —
Супроти праздника Успения пресвятой богородицы:
В тыё пятницу сама мать пресвятая богородица
Преставилася от земли на небо.
Кто эту пятницу станеть почесть всем постом и молитвою,
Тот человек от напрасной смерти сохранен будеть и помилован от бога.
Девятая великая пятница —
Супроти праздника Ианна Предтечь:
В тыё пятницу царь Ирод отсек главу Ианну Предтечу.
Кто эту пятницу станеть почесть всем постом и молитвою,
Тот человек от сабли, меча, ножа сохранен будеть и помилован от бога.
Десятая великая пятница —
Супроти праздника Михаила-архангела:

В тоё пятницу Пятница Прасковея мучилася
У Максима, царя неверного, за веру христианскую.
Кто эту пятницу станеть почесть всем постом и молитвою,
Тот человек от злой муки сохранен будеть и помилован от бога.
Первая на десять вяликая пятница —
Супроти праздника Рождества Христова:
В тоё пятницу сам Христос народился
От девы пресвятой богородицы.
Кто эту пятницу станеть почесть всем постом и молитвою,
Тот человек будет записан у Христа в книге животной.
Вторая на десять пятница —
Супроти праздника Бога явления Крещения:
В тыё пятницу сам Христос крестился со Ианным сы Крестителем.
Кто эту пятницу станеть почесть всем постом и молитвою,
Тот человек пред смертию узрить самого Христа, царя небесного.
А хто эти пятницы не станеть ни иметь, ни почесть ни постом, ни молитвою,
Или муж жане приближен будеть на плотское похождение,
От них детище зародится недоброе
Али вор, еретник, блудник, худым делам наставщик.
Тем бог и прославися, великое имя господне,
Помилуй нас! Аминь.

492

Правядная сонца в раю прасвятила.
Расплачится Евга, пирид раим стоя:
— Рая-т ты мой, рая-т, прекрасный мой рая-т!
Тебе ради, рая, а мне ради, Евы, заключен рай бысти.
Евга сыгряшила, закон преступила,
Богу нагрубила, Адама прельстила,
От свят отогнала от рая святого.
Адым выпиющи: «Боже наш, боже, помилуй нас, грешных!
Как жа мы не видим райскую пищу?
Как жа мы не слышим архангельска гласа?».
Христос бог родилси, в Ярдани крестилси,
Ад разрушилси, весь мир обновилси.
Как мы приближимся к церкви, прольем богу слезы,
Нас бог-то избавить от вечные муки, от вечнои, вечной.
Адаму глаголеть: «Адаме, Адаме, ты наш господине!
Не велел бог нам жити, велел нам сходити
На трудную землю, хлеба на съеденье,
Правдою жити, друг друга любити, ни зла не творити».
Даеть бог нам много, нам кажется мало.
Очи наши — ямы, руци наши — грабли:
Что очи завидють, то руки заграблють.
Помрем мы, помрем — про все пызабудем:
Кости наши пойдуть в землю на преданья,
Червям на сточенья, змиям на съеденья.
Души наши пойдуть пы своим по местам:
Не будеть душем света ды второго пришествия.
Никто душам не поможеть: ни дружья, ни братья,
Ни дружья, ни братья, на тветные платья.
Только всем поможеть посты и молитвы, милостыня наша,
Кто нищему даваить да родителей своих поминаеть.
Нас господь помяне за престолом своим,
За архангельскым гласым да за райской пишшай.
Кто мертвых проводить до божей до церкви
С кануном, с свячою, богу помолится —
На веки спасется, на многая лета!

493

Блажен имел Иаков двунадесять сынов,
Зело любил Иосипа Прикрасныва,
Иосифа Прикраснива, меньшова сына.
Старшие братья на Фаворских горах,
На Фаворских горах стригли овец.
Пасылал сваво Иосипа Прикраснаго
Мир сказать от отца от Иакова
Кы сваим кы старышим братьям.
Пошел он кы сваим кы старшим братьям
Сы батюшкиным блаславеньицем.
Увидали ево старшия братия,
Зубами скрежетали, хотя ево убити.
Приходит он кы старшим братьям:
— Мир вам, братья!
Они свирепо наступають,
Ризу с няво сымають,
В глубокый ров все кидають,
Над ризою совет советають.
Зарезали козла, акровянили,
С меньшим братам к отцу атсылали.
Приходил Велемон к отцу кы Иакову.
— И где ж меньшой наш брат Иосип?
Я к вам послал ево с миром.
— А мы яво ни видали,
А ризу яво находили промежду двух дарог.
Принявши в руки отче ризу,
Па белым руцем расстилае,
Слезами ризу абливае:
— Ни магу сия смерть забыти!

494

Раненбург выстроен Меншиковым. Говорят, что Меншиков здесь часто бывал и угощал Петра В‹еликого›, чему я легко верю. Петр мог заезжать к своему Данилычу из Воронежа и из Липецка покататься на нарочно сделанном корабле по Рясам. Затем сюда был прислан Меншиков Петром II, и отсюда он был сослан в Березов. Здесь содержался несчастный император Иоанн Антонович, кажется, лет семь. Какой-то монах украл его из-под ареста, но под Лебедянью был пойман. Что сделали с монахом, я не знаю, а Иоанна отвезли в Шлиссельбург.

Раненбург выстроен по плану Петербурга; в нем есть крепость, окруженная рвом. При Меншикове по углам крепости были башни и ров наполнялся водой, для чего были сделаны шлюзы выше города на Становой Рясе, Пиковой Р‹ясе› и Ягодной Р‹ясе›. В крепости дома все казенные и, говорят, были выстроены Меншиковым; окна у них были узенькие, безобразные, да нашелся добрый человек и пообразил окна. Теперь из этих дворцов князя Меншикова сделали присутственные места. Теперь во рвах, разумеется, воды нет, вместо подъемного моста насыпь; еще к западу был мост, да (давно) городничий Вирзилин вздумал проехаться по нем: мост под ним обломился — он упал в ров, да тут же и дух вон. Под самою крепостью течет Ягодная Ряса. При слиянии ее со Становою Рясою в версте от крепости есть полуостров, называемый Островом; на нем и теперь видны развалины; говорят, что это был монетный двор.

Теперь Раненбург — уездный город Рязанской губернии, для уездного довольно порядочный; жителей считается более 3000. Купцов богатых нет; у самого богатого тысяч пятьдесят, да и таких не более четырех.

Здесь все почти имеют рушалки (конные), и Раненбург славится своею крупою: мне здесь говорили, что крупу отсюда отправляют в Москву, а оттуда за границу. При рушаньи выходит два сорта круп: первый — ндрянка, или едрянка (от едро), — лучшая, крупная, и другая, велигорка, — худшая, мелкая. Кроме того, занимаются торговлею хлебом и скотом с самой Москвой, а больше с Коломною.

В Раненбурге две приходские церкви, из которых одна носит великолепное название собора, и кладбищенская. Верстах в двух от города, на берегу Становой Рясы, стоит Пустынь Петропавловская; она сперва стояла... и называлась...* Меншиков ее перевел сюда. Главный престол во имя Петра и Павла, — вероятно, в честь Петра Великого — и бывший престол во имя Иоанна Предтечи поместили в приделе, над воротами придела во имя Александра Невского, своего ангела.

Народ в уезде более, нежели в других местах, образован, причина чего ясная — многие отсюда ходят на работы в Москву, на Низ, набирают уму-разуму. Пашпортов выдают в год до семисот, не считая билетов. Прочие пашут землю, которая почти не требует навоза: не всегда на навозной земле лучше родится, в мочливое лето хлеб не устоит. У многих есть также рушалки. Лесов по карте много, а в натуре почти нет. В Раненбурге четыре мыльных завода. Я забыл было сказать про здешние училища — их смело можно назвать образцовыми. Я не стану говорить об уездном. Оно имеет более средств, нежели сельские, а потому: сельское Дубовское училище. Я пришел туда с окружным;** при входе нашем в классную комнату (довольно опрятную) мы были встречены гимном «Боже царя храни», потом два ученика один за другим сказали окружному речи (правда, довольно плохие — фабрики отца Григория). Затем начался экзамен всех учеников — до пятидесяти, когда не больше, между которыми десять девочек. Они знают не по-книжному «Священную историю», катехизис, необходимые молитвы и отрывки по русской истории, помещенной в «Сельском чтении» (которое мальчики называют Русскою книжицею), и первую часть арифметики. Даже ученики, пробывшие в училище менее года, отвечали прекрасно. Некоторые, еще не умеющие читать, кроме арифметики, все эти предметы знают в совершенстве.

Говорят, что этот поп — мошенник большой, да кому какое дело, что он умеет жить, покупать и продавать вовремя, вовремя прикинуться сиротою? Как бы то ни было, а для сельского училища больше нечего желать.

⟨А. Ф.⟩ Заблоцкий и ⟨В. Ф.⟩ Одоевский достигли своей цели — ее (т. е. их книгу, — *З. В.*) читает простой народ, называет Русской книжицей; кажется, лучшей награды они не могут ожидать; но и по-своему критикуют. Я у одного старика спрашивал, читал ли он Русскую книжицу (другого названия ей здесь нет). «Нет, батюшка, не читал — сам не умею, а вот внук мне и по книжке читал, и наизусть — так и режет! Такой смышленой: как по книжке». — «Ну, что ж ты нашел там хорошенького?» — «Да что, батюшка, вот про поборы да подати хорошо написано: подати не платят мошенники, да плуты, да пьяницы — все правда. И побасенка — Ось да чека...» И стал он рассказывать да похваливать, только под конец вот что прибавил: «Вот про солдатчину так не то чтобы дурно... оно хорошо... Да какое житье в солдатах? Ни роду, ни племени, бьют да колотят, да в сто лет один назад вернется, да и тому есть нечего — от работы отвык, а мастерства не знает... Оно, конечно, как не брать: над кем же и господам командовать?».

Вот какое мнение об необходимости солдатчины: не над кем господам командовать! Мне кажется, трудно пленить мужика прелестью солдатской жизни; ему можно легко показать необходимость для него самого солдатчины и утешением христианским умерить тоску разлуки со всем родным, тоску перемены человека в солдата.

---

* В рукописи пропуск.

** Инспектором учебного округа.

495

Жил-был купец богатый, умер, оставался у него сын Иван Бессчастный; пропил он, промотал все богатство и пошел искать работы. Ходит он по торгу, собой-то видный; на ту пору красная девушка, дочь купецкая, сидела под окошечком, вышивала ковер разными шелками. Увидела она купецкого сына... Полюбился ей купецкий сын. «Пусти меня, — говорит матери, — за него замуж». Старуха и слышать было не хотела, да потолковала со стариком: «Может быть, жениным счастьем и он будет счастлив, а дочь наша в сорочке родилась!». Взяли ее да и отдали — перевенчали. Жена купила бумаги, вышила ковер и послала мужа продавать: «Отдавай ковер за сто рублей, а встретится хороший человек — за доброе слово уступи».

Встретился ему старичок, стал ковер торговать; сторговал за сто рублей, вынимает деньги и говорит: «Что хочешь — деньги или доброе слово?». Купецкий сын подумал-подумал: жена недаром наказывала... «Сказывай, — говорит, — доброе слово; на ковер!» «Прежде смерти ничего не бойся!» — сказал старик, сам взял ковер и ушел. Приходит купецкий сын домой, рассказал все хозяйке; хозяйка молвила ему спасибо, купила шелку, вышила новый ковер и опять посылает мужа продавать: «Отдавай ковер за пятьсот рублей, а встретится хороший человек — за доброе слово уступи». Выходит купецкий сын на торг; попадается ему тот же старичок, сторговал ковер за пятьсот рублей, стал деньги вынимать и говорит купецкому сыну: «А хочешь — я тебе доброе слово скажу?» — «На ковер; говори доброе слово». — «Пробуди, дело разбери, головы не сымаючи!» — сказал старик, взял ковер и ушел. Воротился купецкий сын домой, рассказал все хозяйке — та ни слова.

Вот дядья купецкого сына собрались за море ехать, торг торговать; купецкий сын собрал кое-как один корабль, простился на постели с женой да и поехал с ними. Едут они по морю; вдруг выходит из моря морской горбыль. «Давай нам, — говорит горбыль купцам, — русского человека на судьбину — дело разобрать; я его назад опять ворочу». Дядья думали, думали и пришли к племяннику с поклоном, чтоб он шел в море. Тот вспомнил слово старика: прежде смерти ничего не бойся, и пошел с горбылем в море. Там Судьбина разбирает, что дороже: золото, серебро или медь? «Разберешь ты это дело, — говорит Судьбина купецкому сыну, — награжу тебя». «Изволь, — отвечает он, — медь дороже всего: без меди при расчете обойтись нельзя: в ней и копейка, и денежка, и полушки, из нее и рубль набрать можно; а из серебра и золота не откусишь». «Правда твоя! — говорит Судьбина. — Ступай на свой корабль». Выводит горбыль его на корабль, а тот корабль битком набит каменьем самоцветным.

Дядья уже далеко уехали, да купецкий сын догнал их и заспорил, чей товар лучше. Те ему говорят: «У тебя, племянничек, один кораблишко, а у нас сто кораблей». Спорили, спорили, осерчали и пошли на него царю жаловаться. Царь сперва хотел просто без суда повесить купецкого сына: не порочь, дескать, дядьев! — да после велел товары на посмотр принести. Дядья принесли ткани золотые, шелковые... Царь так и засмотрелся. «Показывай свои!» — говорит он купецкому сыну. «Прикажи, государь, закрыть окна». Тот вынул из кармана камушек — так все и осветило! «Твой лучше товар, купецкий сын! Возьми себе за то дядины корабли». Он забрал себе дядины корабли, торговал ровно двадцать лет, наторговал много всякого добра и с большим, несметным богатством ворочается домой. Входит в свой дом и видит: хозяйка его лежит на постели с двумя молодцами. Закипело у него ретивое, вынул саблю вострую. «Зарублю, — думает, — друзей жениных!» И вспомнил доброе слово старика: пробуди, дело разбери, головы не сымаючи! Разбудил свою хозяйку, а та вскочила и ну толкать молодцов! «Детки, — говорит, — ваш батюшка приехал». Тут и узнал купецкий сын, что жена без него родила ему двойчат.

Расплачется младой юнуш,
Сын Астахвей-царевич,
Перед матерью-пустынею стоя:
— Ты мать моя, пустыня,
Прекрасная, лесовая!
Ты пусти мене, мати,
К себе богу помолиться,
Сы болезнями молиться.
А я буду тебе жити,
На тебе работати,
Божью волю творити,
Земляны поклоны справляти.
Отвещаеть мать-пустыня
Архангельским гласом:
— А ты, младый юнош,
Астахвей-царевич!
А и где жь тебе в мене жити
И на мене работати,
Божью волю творити,
Земляные поклоны сполняти?
В мене, в матери-пустыни
Жить тобе будеть моркотно,
Есть гнилую колоду,
Пить болотную воду,
Носить черную ризу.
А расплачется младый юнош,
Сын Астахвей-царевич,
Перед матерью-пустынею стоя:
— Не стращай мене, мати,
Ты великыми страстями!
Я могу в тебе жити,
На тебе работати,
Земляные поклоны справляти,
Божью волю творити.
Мне гнилая колода
Паче сытного хлеба.
Мне болотная вода
Паче сладкого меду.
А мне черная риза
Паче светлого платья.
Отвещаеть мать-пустыня
Архангельским гласом:
— Ох ты, младой юнуш,
Сын Астахвей-царевич!
Да жаль тобе будеть
Отца с матерью покинуть.
Да жаль тобе будеть
Своих вороных коней.
Да жаль тобе будеть
Свои верные слуги.
Да жаль тобе будеть
Своего злата и сребра.
Да жаль тобе будеть
Всего своего прохладу.
Да жаль тобе будеть
Свои сладкие напитки.
Да жаль тобе будеть
Свои белы каменны полаты.
Расплачется младой юнуш,
Сын Астахвей-царевич,
Перед матерью-пустынею стоя:
— Не стращай мене, мати,
Ты великими страстями!
Да не жаль-то мне будеть
Отца с матерью покинуть.
Да не жаль-то мне будеть
Своих вороных коней.
Я на вороных коней
Не могу на их зрети:
Словно лютые звери!
Да не жаль-то мне будеть
Свои верные слуги.
Я на верные слуги
Не могу на их зрети:
Словно лютые змеи!
Да не жаль-то мне будеть
Свого злата и сребра.
Я на злато и сребро
Не могу на него зрети,
На сыпучие черви!
Да не жаль-то мне будеть
Всего своего прохладу,
Свои сладкие напитки.
Да не жаль-то мне будеть
Свои белокаменны палаты.
Отвещаеть мать-пустыня
Архангельским гласом:
— А ты есь, младой юнош,
Сын Астахвей-царевич!
Придеть теплое лето,
Разольются усе реки
По мхам, пы болотам,
Оденется всякое древо.
Ты с мене, пустыни, выйдешь,
Мене, матерю, покинешь.
Расплачется младой юнош,
Сын Астахвей-царевич,
Перед матерью-пустынею стоя:
— Не стращай мене, мати,
Ты великими страстями!
Придеть теплое лето,
Разольются усе реки
По мхам, пы болотам,
Оденется усякое древо.
Отрощу я свой волос
По могучие плечи,
Отпущу свою бороду
По белые груди.
Я не дам своим вочам
От себе далече зрити,
Я не дам своим ушам
От себе далече слышать.
Отвещаеть мать-пустыня
Архангельским гласом:
— А ты есь, младой юнош,
Сын Астахвей-царевич!

А в мене, во пустыни,
Разгуляться тебе негде,
А в мене, во пустыни,
Забавлять тебе некому.
А в мене, у пустыни,
Утешать тебе некому.
Расплачется младый юнош,
Сын Астахвей-царевич,
Перед матерью-пустынею стоя:
— Не стращай мене, мати,
Ты великими страстями,
А пусти мене, мати,
Да в лес погуляти.
Погуляю я, мати,
Я по темном по лесу,
Забавлять мене будуть
Яко лютои звери,
А втешать мене будеть
Поднебесная птица.
— Та есь, младой юнош,
Сын Астахвей-царевич!
Даруеть тебе господь
С небес златым венцом,
Тебе матерью-пустыней.
Уси ангели хвалють,
Архангели величають,
Херувимы, серафимы,
Вся небесная сила.
И во веки веков, аминь.

497

[Ва той земле во турецкия],
Во святом граде в Иерусалимави
Жил сибе некий царь Кастянтин Сауйлывич.
Малилса у честныя заутрини,
[Ходить ён к церкви саборныя, к заутрени ранния,
Служил молебны частыя, становил свечи поставныи,
Молится за дом присвятыя богородицы].
Сы восточныя стороны
Приступаит царь иудейския са силаю жидовскаю.
Вылятала от них калена стрила.
Становилась супратив царской правой ноги,
[Супрати яво сер<д>ца ритиваго].
Возговорить царь Кастянтин Сауйлывич:
— А вы, ой ли, князья-бо́яра,
Гости богатыя, люди почестныя!
[Каму ехать супратив маво недруга],
Каму ехать супратив царя юдейскаго,
Супратив яво силы жидовския?
[Тово бы я человека пожаловал
Городами, волостями, всякими царскими поместьями.
Все князьё-баяре, люди пачёстныи,
Все молчошуньком отмолчалиси].
Вае молчошуньком отмолчалиси].
Ваступает яво чадо милое, млад Хведор * Тырянин,
[От роду ему двенадцать лет]:
— Батюшка, царь Кастянтин Сауйлович!
Дай мне сваяво добра коня неезженна,
Сбрую ратную, капьё булатная.
[Я паеду супрати тваво недруга],
Я паеду супратив царя юдейскаго,
Супратив яво силы жидовския.
— А ты, ой еси, чадо милое, млад Хведор Тырянин!
[На маем дабру каню ни езживал,
На сибе копьив-ран ни видывал,
Маим вастрым капьем ни шурмывал]:
На каво, чадо, надеисся, на каво спологаисся?
— Я надеюсь, сударь-батюшка,
На Спаса на пречистаго,
На мать божью богородицу,

---

* *Ф* здесь выговаривают везде *хв*; в Зарайском уезде наоборот: *хворост* говорят *форост* (собир.).

Первый лист несохранившейся тетради с записями из Раненбургского уезда: начало беловой копии «Стиха про Федора Тирана» и дата: «24 генваря». ГБЛ, ф. 125, п. 44, л. 1 (30).

[На всю силу нибесную, на книгу Ивангилья],
На ваше великое блаславеньица.
Вазговырит царь Кастантин Сауйлович:
— Князья-бояре, люди пачестныя!
Вывадите добра коня ниезжана,
Вынаситя сбрую ратную, капьё булатная, книгу ивангилья!
Млад Хведор Тиран, двенадцати лет,
Садился на добра коня, яко ясный сокол возлитал.
Яко ясная сонца пы паднебисью пахаживаить,
Хведор Тиранин на дабру каню паезживаить,
Далеко во чисто поле на силу жидовскую.
Он бьется с ними двенадцать дён,
Ни пиваючи, ни ядаючи, сы стримян ног ни вымаючи,
С дабра коня ни слязаючи,
Пабивает силу жидовскаю.
Топить яво кровь жидовская,
Ожа * по колена и по пояс, па яво груди белыя.
Он ударил копием во сыру землю:
— Мать сыра земля, хлебородница!
Расступися на четыре на стороны.
Расступилась мать сыра земля на четыре на стороны,
Пажирала кровь жидовскую.
Паезжаит млад Хведор Тыр‹янин› ко граду Ирусалимову,
Ко своему родимому батюшке,
Приезжает на свой широкой царский двор.
Привязал свово добра коня
Ка кольцу сиребряну поводами шалковыми,
Входил в палаты белы каменны,

* Даже (собир.).

Садилса за столы пачётныя,
За первыя тарелычки, за ества сахорныя.
Яво матушка радимая,
Сваяво чаду жалеючи,
Отвязала яво добра коня,
Повяла поить на синё моря.
Где ни взялся змей лютый огненный,
Аки горы великия, об двенадцати хоботов.
Он унес его матушку радимую
За моря за синия, за горы высокия,
Ва пищеры белы камянны,
Ка двинадцати змиенышав, на муку на змииную.
Вылазил млад Хведор Т<ырянин>
Из-за стола пачестнава,
Из-за первыя тарелычки, из-за ества сахорнава.
Берет книгу Явангелья,
Сбрую ратную, копье булатное.
Он приходит ко синю морю,
Становился на крут красен биряжок,
Он стал честь книгу Явангелья,
Во слязах письма не видаючи,
В возрыданьях слова не молвючи.
За яво святое умоление, за вяликое притерпление
Выходила <из моря> Кит-рыба,
Становилась попирёк синя моря.
Пошел млад Хв<едор> Т<ырянин>
За моря за синия, за горы высокия,
Во пищеры белы каменны, ка двинадцати змиёнышав.
Увидила яво матушка радимая:
— А ты, ой еси, чада милая, млад Хвед<ор> Т<ырянин>!
Таперя мы с табой, чадо, пагибнули!
— Ни пагибнем, мая матушка радимая,
Ни пагибнем, гасударыня:
С нами сила небесная,
И сбруя ратная, капье булатная.
Он начал биться, бился день до вечира,
Пабиваит двенадцать змиенышав.
Топит яво кровь змеиная,
Ожа па ко́лена и по́ паяс, по яво груди белыя.
Он ударил капием во сыру землю.
Расступилась мать сыра земля на чатыри стороны,
Пажирала кровь змеиную.
Брал сваю матушку радимую за ручку за правую,
Пасадил на галовушку, на темичко,
Пашел млад Хв<едор> Т<ырянин>,
Иде по мырю, аки по суху.
Что из града Ирусалимова
Увидели князья-бо́яре,
Гости богатыя, люди почетныя,
Християна православныи:
— Царь Кастянтин Сауйлович!
Вон иде твой чадо милое, млад Хведор Тир<янин>.
Несе́т свою матушку на головке, на темички,
Иде по́ мырю, аки по́ суху.
Возговорит царь Каст<янтин> Сауйл<ович>:
— А вы, ой еси, князья-бо́яра,
Гости богатыя, люди почетныя,
Християна православные!
Падымайте иконы местныя,
Встрячайте маяво чаду милаво

До́леко во чисто́м поле.
Покланяйтесь по двенадцати земляных поклонов
За яво святое умоление, за вяликое притерпление!
Возговорит ли млад Хв<едор> Т<ырянин>:
— Гасударыня, моя матушка!
Стоить ли мае пахождение
Супратив тваво похождения?
— А вы, ой еси, чадо милае, млад Хв<едор> Т<ырянин>,
Твое похождение страшней мово похождения!
Возговорит млад Хв<едор> Т<ырянин>:
— А вы, ой еси, князья-бояра,
Гости богатыя, люди почетныя,
Християне православныи!
Не подымайтя иконы местныя,
Ни встричайтя миня до́лико ва чисто́м поли,
Ни покланяйтесь по двенадцати земляных поклон.
Хто почитает отца и мать сваю маю ниделю первыю,
На первай недели паста великаго,
Тот избавлен будет муки привечныя,
Наследник к нибесному царствию!
Тем и славен бог, и прославилса.
Вялико имя господня, помилуй нас.

498

Ай, чуда атцу Никалаю!
Ва славном ва граде Антиофеи
Жил сабе муж благачасливый,
А на имя ему была Агрик.
Он и веровал святителю Миколе-чудотворцу.
Что от славнаго от града Антиофея
А ня близка, ня далеча — за три поприка *
Тут стаяла саборная церковь.
Васылал Агрик сваво сына Василья.
Как будет Василий в божьей церкви,
Пряд вседместною иконой представляеть,
Воску ярава свящу затяпляить,
На свитителя Миколу вызираить.
— Святитель отца Никола!
Сахраняй нас ат бяды, ат напасти,
Сахраняй нас ат напраслянный смерти!
А где ни взялась ниверная сила,
Абияла вкруг саборныя церкви.
Ана многа народу прирубила,
Первуя долю впадмест ** прикланила,
Вторуя долю в палон сибе брала,
Третию долю продала на цену.
Ящо продали Агрикова сына Василья,
Василья ва ниверную землю,
Ка Фамиру, сарачинскому князю.
Ящо в то время Агрик са жаною
Запячалился вяликаю пичалью,
Не стал верывать святителю Николе-чудотворцу
Он ни много, ни мало — на три года.
Сыизжались к нему сродники, знакомцы.
Сродники Агрику речь говорили:

* По-прика, по-прища и по-прыска — корень и значение одно и то же (собир.).
** Под меч (собир.).

— А ты, ой-еси, муж благочасливый!
Что ни веруишь святителю Николе-чудотворцу?
Святитель Микола — силен бог наш,
Сохранить нас ат бяды, от напасти,
Сахранить нас ат папрасляной смерти.
Ящо в то время Агрик сы жаною
Выхадили вы саборную церкву,
Пред седместныю иконой постовляеть,
Воску ярыва свящу затяпляить,
Пред святителем Николай са слезами вызираеть:
— Святитель отче Николай!
Сохрани нас от бяды и от напасти,
Сохрани нас от напрасляной смерти.
Варучай ты маяво сына Василья
Из ниверной Сарачин‹ск›ой земли,
От Фамира Сарачинского князя.
Ящо в то время сын яво Василий,
Он стоял у Сарачинского князя
Во яво белых каменных палатах,
Пред лицом держал скляницу пойла,
Вы правой руке чару залатуя.
Навставала нибесная сила,
Разрушила белы каменны палаты,
Святым духом Василья падымала,
У отца на дворе объявился.
На няво есть злыя псы притугають.
Высылал Агрик рабов-домочадцев:
— Вы подитя, рабы, досмотритя,
На кого есть злыя псы притугають?
Выходили рабы — досмотрели,
Ничаво они на дворе не видали,
Ничаво они ему не сказали.
Выходил сам Агрик сы свящою,
Он и спозрил сваяво сына Василья:
Он стоить во сарачинском во платьи,
Пред лицом держить скляницу пойла,
Вы правой руке чару залатуя.
— Возлюбленный сын наш Василий!
А ня стень ли нам тобой показалась?
Отвящуить кы батюшки Василий:
— Отче, я твой был сын Василий.
Яво батюшка родной возрадовался,
Принимал яво за белыи руци,
Цыловал вы уста вы сахорны,
Приводил во белы каменны палаты.
Яво матушка родная взрадовалась:
— Возлюбленный сын наш Василий!
А и как ты здесь у нас объявилса?
Отвищуить кы матушке Василий:
— Я стоял у Сарачинского князя
Во яво в белых каменных палатах,
Пред лицом держал скляницу пойла,
Во правой руке чару залатуя.
Навставала нибесная сила,
Разрушила белы каменны палаты,
Я ня знаю, как здесь объявилса.
Ящо в то время Агрик сы жаною
Выходили вы саборную церковь,
Воску ярыва свящу затипляють,
Пряд-вседместную икону подымають

Святителя отче Николая-чудотворца,
Приносили в белы каменны палаты.
Он отслушал честныя молебны,
Он и сделал в доме великую радость.
Он много народу поить-кормить,
Много нищих сирябром обделяить,
За сына за Василья богу молють,
А святителя Николу прославляють.
Слава-держава Миколе, ищо Агрикову сыну Василью,
Слава тибе, Христе боже!

499

Во ижа во Христе во Исусе.
Ягда Христа распинали,
Яво святую кровь праливали,
Ядин от апостол пряльстилса,
Зладей лукавый Июда,
Он предал Христа на распятья.
Ведуть Христа на судьбищу,
На Лобная места, кипарес.
Все сами жиды возопияли:
— Возьмитя, распнитя вы Сына Божьява!
Взямши Христа, яво распяли
Промежду двумя лиходеями,
Разбойников, душегубцов.
И все сами жиды возопияли,
Главыми своими закивали,
На святое лицо яво плевали,
Яму, Христу, споругалися:
— Ня чаяли мы взять Сына Божьява,
Мы чаяли быть яму пророку!
Проведала свет мати Мария,
Течеть ко Христу, сама плачеть,
Утробою своею разгарамши,
Сердцом своим рыдающи.
Завидев жа свояго сына,
Видить яво на кресте распятым,
Убитого, кровляного,
В ребре копием бысть пробруждемши,
Тярновый венец на главу возложемши.
— Любезный мой сын, Исусе!
Что придал себе ты на распятья,
Что терпишь ты муку безвинную,
Напрасную смерть принимаешь,
Свою святую кровь проливаешь?
Речеть со креста Исус к Мареи:
— Ей, не плачь, не трать своей красоты!
Всяго ли ты, мать-свет, не знаешь.
Сожди, мать, малое время,
Ягда со креста мое тело соймуть,
Аз во плащанину сположуся,
И аз погребен еси буду,
Я в третий день, мати-свет, воскресну,
Аз на небеса вознесуся
Сы грозными харувимами,
Сы страшными серафимами,
Сы избранными, мати, сы святыми.
Моя смерть, мать, — живот вечный:

Я верным дарую на спасение,
Безверным на вечную муку.
А ради христова воскресения
И со<л>нца-луна воссияить,
Небо-земля возрадуится,
Весь мир на земли возвеселится.
Христос от гроба воскрес есь,
Сам песнь воспел: Алилуия!
Алилуия, слава тебе, боже наш!

500

Плачусь, ужасаюсь,
Ягда оный час помышляем,
Как придеть судия правый
В божестве своей славы.
Суд правый, дела судити,
Страшныи на ответ творити.
Тогда земля потрясется,
И камения распадутся.
Ангели в трубы вострубють,
Всех мертвых от гроба разбудють.
Тогда мертвые все восстануть,
Во единый востраст будуть.
Ангели престол составють,
Судии приход прославлють:
Апостолы и пророки,
Святители и мученики,
Патриархи праведные,
Преподобные, святые
Около престола стоять будуть.
Да несчастливо нам петь будуть.
О, великие нам страх будить!
Здесь сам Бог на суди сядить.
Книги будуть растворенные,
Дела наши обличенные.
Как мы стерпим страху твоего!
Мы явимся к отцу божьему.
Тебе яко честь, поклонение!

501

Воскреснеть наш господи, вознесется рука яво,
Спымянеть нас господи вы царствии вы небесным!
Со восточные стороны
Идуть души верные, идуть всё любезные.
Речеть им небесный царь:
— Пойдитя вы, верные, пойдитя, любезные,
Во свой во прекрасной рай.
Рай вам красуется, пища вам рядуется!
С заподные стороны идуть души грешные.
Речеть им небесный царь:
— Пойдитя вы, грешные, пойдитя, проклятые,
Во муку во грозную.
Будеть вам, грешныи, огни невгасимыи,
Смола зла-кипущая, черви невсыплющие!
Припануть жа грешныи кы матери-сырой земли,
Начнуть грешныи слезно-горько плакати,

Беловая копия с окончанием стиха об иерусалимском свитке и «Стихом про Агрикова сына Василия». ГБЛ, ф. 125, п. 58, л. 3025.

Спомянуть жа грешныи отца, свою матерю:
— Ой вы наши отец и мать!
На что вы нас породили на сию муку вечныю?
Хотя б мы родилиси, сы малёшенька померли,
Не видали б мы, грешные, злой муки предвечные
И слова мы грозного от царя от небесныго!
Послушайтя, братия, писания божия:
Неложный нам суд будеть от царя от небеснывa.
Вялико имя господнее!

502

Во светлом граде Ирусалимове
В третьем часу воскресения Христова
Из седьмова неба выпадши камень,
Камень ни огнян, ни стюден, ширины об аршины.
Тяготы яму не споведать никому.
Съезжалиса к камню цари, и патриархи,
Игумны, папы, священники,
Церковные причетники, християне православные,
Служили над камнем три дни и три нощи.
Камень распадохом на две половины:
В том же камне есть свиток,
Ирусалимский список.
Хто жь яво писал?
Ни патриарх и ни ангел божий,
Вопрети бог написал, господа нашего Исуса Христа,
Яво рукописание духом святым напячатано.
Речеть же ко всем истянно Христос:
— Чада вы мои! Горькя восплачите,
Об страшном вы суде помышляите.

Время божия приближается,
Слова божии скончиваются.
Будуть оста́льные времяна,
Годы подтрусли́выя, натужли́выя,
Власти, патриархи, немилостивые судии,
К ним же притечеть казна, аки ряка пройде,
За ваши великия согрешения,
За ваши великия беззакония.
Чады вы мои! Поимейте вы друг друга и брат брата,
Сын отца и мать свою,
Мою меньшую братию Христову ради имяни Христова.
Вы тады будите почтяны́ от бога,
И от немилостивых судей, ни от гордливых властей.
Добро твори же, ибо милостыню воздай,
Неукрадомую, от правядного труда,
От потного лица, от жоланного сердеца.
Наша да милостыня много грехов оставляет,
Вечные муки избавляет,
К небесному царствию наслаждает.
Чады вы мои! Помните вы три дни в неделю:
Среду и пятницу, Воскресения Христова.
В среду жидовья на Христа совет совета́ли,
В пятницу роспят был сам Исус Христос,
В третий день — Воскресения Христова,
Господа нашего Исуса Христа, —
Воскрес Христо́с из гроба и взошел на небо.
Аще которые человек
Да Воскресения Христова роботат,
Нет тому человеку в житье прибытку,
Ни жеребью-таланту во все шесть ден по изянту.
Того человека сам господь Исус Христос
На седьмом соборе с двумянадесятью учениками,
В треисподний в ад проклинаеть.
Чады вы мои! Помните вы моиво великаво поста,
Око до зыру, сердцам от зла, червам на съедения,
Руками своими от заграбления,
Устами своими от пустых глаголов спусту грех говорить.
А ни в толико бы нам на чужую жану зрить,
В то время надобно от своей отбигать.
С чужою жаной прелюбодействовать —
Душевная пагуба и с своею такожды.
Дан вам пост на наслаждения,
Душам вашим на спасения,
Тилисам вашим на здаровья.
Аще которые человеки много постятся
Да зло помнят — да не есть ему спасения, не будет,
Добраво исправления не исправляить,
Богу любы не приносить.
Чады вы мои! Да не послушайте моей заповеди,
Разодвину я седьмое небо,
Спущу на вас каменя горяющую, воду кипляющую,
Побью вас камением на земле;
Тогда ухо свое отклоню,
Не услышу тогда ни плаканья, ни рыданья,
Ни зубного скрыжитанья.
Да молится об вас мать моя, владычица,
Пресвятая богородица; аз ее моления слушаю.
Чады вы мои! Поимейте вы мою страшную неделю:
Как я, господи, восскорбил своею душею
От смертного часу до Христова воскресения,

Такожды и вы попоститеся
Верою и любовию, кротостям и смирением,
Своими благими делами.
А вы-жда попоститеся хоть и малую часть,
От великого четверга до Христова воскресения,
Лишитися хмельного пития,
Скверности из-за уст, из-за бранного слова,
Матерно не бранитеся.
Мать пресвятая богородица на престоле вострипехнитца,
Уста кровию запекаются. Аще который человек
Да <в> великую пятницу хмельного пробуит,
Ни падабаить тому человеку в тот день ни пить, ни есть,
Ни ко кресту иттить, ни к явангелью,
Ни устами своими дары принять, хотя жь яво конец идеть.
Чады вы мои! Да не послушаетя моей заповеди господней
И наказания моего — сотворю вам небу меднаю, землю железнаю.
Из неба медного воды не воздам,
От земли железной плода не дарую,
Поморю вас гладом на зимле.
Кладецы у вас приусохнуть, истошницы приускудеють,
Не будить на земле травы, ни на древе скары́,
Будеть земля, яко вдова, за ваши великие согрешения,
За ваши великие беззакония.
Чады вы мои! Поимейте вы Паску господню,
Светлое Христово воскресение, восемь ден за единый день,
Ни блудом и ни пьянством, ни абжорством, ни прасыпаниям.
Со всякими ликуйте: «Воскресе Христос!».
Ангели радуются: «Воскресе Христос!».
Рай рая отверзается: «Воскресе Христос!».
Мертвые восстанут: «Воскресе Христос!».
Ад потрясется: «Воскресе Христос!».
Чады вы мои! Первая часть, кости, — от каменя;
Вторая часть, тело, — от земли;
Третяя часть, руда, от Черного моря;
Четвертая часть, дыхание, — от ветру;
Пятая часть, мысли, от обылацев.
Как оболщи ходють на небеси ветром и ненастьем,
Такожда в человеке ходють мысли худые и добрые.
От доброго разума душа воскресаеть,
От худого разума душа погибаеть.
За добрым пошел — добро и будеть,
За худым пошел — пропал во́ веки.
Очи от солнца, разум от святого духа.
Первая мать — присвятая богородица;
Вторая мать — сыра земля; третяя мать — кая скорбь приняла.
Аще пресвятая богородица помощи своей не воздаст,
Не может ничто на земле вживе радиться,
И ни скот, и ни птица, ни человекам бысть.
Аще да святая богородица да помощи святая воздаст,
Может всякая тварь на земле вживе родиться,
Скот, и птица, и человекам бысть.
Чады вы мои! Есть свиток, Ирусалимский списык.
Кто ж яво возлюбить, и пере́йметь, и спишить,
Станить яво в доме прочитати, завсягда яво прославляти,
Станить яво толком толковати —
От такова чилавека отойдуть духи ничистые,
Наследник к небесному царствию.
Слава отцу, и сыну, и святому духу,
Ныне, и присно, и во веки, аминь.

Слава Василию вяликому, Кесаримскому чудотворцу!
Молится Василий богу от желания сердца
С теплыми сы сердцами, сы горючими сы слезами,
Изо уст выпущаеть до небес:
— Прости мене, прасвятая богородица, и помилуй
Василия великого, Кесаримского чудотворца!
Был яму глас от святой от честно́й от иконы,
От матери прасвятой богородицы:
— Когда хочешь, Василий, христов пребысти наперсник,
Покинь, Василий, хме́льного пития испивати,
Станет тебя прасвятая богородица по ка́жен час сохраняти.
Двадцать пять лет у Василья хме́льного в роте не бывало.
Однова́ Василий испил-изведал,
Тридцать пять лет злые коренья с головы вон не изойдуть.
О, горя всякому человеку хмельного пития испивати,
Женскому по́лку и мужскому!
Не подобаеть попам, священным архиреям хмельного пития испивати.
Подобаеть попам, священным архиереям литаргию божию совершати,
Пономарю на папе́рти с жезлом стояти,
Пьяницу в божью церковь не впущати.
Пьяница идеть в божью церковь — не быходом,*
Пьяница молитвы себе ён не сотво́рить,
Пьяница креста на себе не возло́жить.
Пьяница подле суду страшного стоить —
Страху божьего не боится.
Пьяница попа-священника осуждаеть,
Пьяница всем народым помущаеть.
Глядя на пьяницу, девица рассмеется —
Пуща пьяницы согрешаеть, грех себе на душу принимаеть.
Кто на драке, на бою пребываеть
Посторонним свидетелем? Пьяница.
Ложно божится, клянется? Пьяница.
Понапрасну матерным словом сквернится-бранится? Пьяница.
Женщина скверным словом дерзанется —
Мать сыра земля потрясется,
Прасвятая богородица сы престолом потронется,
Уста кровью запекутся.
Божию вечерню играеть-пляшеть? Пьяница.
Заутреню просыпаеть? Пьяница.
Воскресный день обедню беседу беседуеть? Пьяница.
Невмытыми руками хлеб пожираеть? Пьяница.
Во грязи валяется? Пьяница.
Обхаркалси, облевалси? Пьяница.
Не подобаить псу блевотины пьяницы излакта́ти.
Кто пьяницу осуждаеть, пуща пьяницы согрешаеть.
Не подобаеть с пьяницей на встречу стреваться,
Не подобаеть супроти пьяницы становиться,
Подобаеть пьяницу обыходом обходити.
Не подобаеть с пьяницей добру речь говорити,
Не подобаеть пьяницу на добру речь споучати:
Пьяницу не научишь — только раздра́жнишь.
Древом убьеть аль ножом он зарежеть.
Пьяница кровпивец, пьяница слезоливец,
Пьяница злой убивец, пьяница живопродавец.
Пьяница видить волны морские, сам в судно садится,
Сам себе скорой смерти предаваеть, грех себе на душу принимаеть.

* Не обиходом.

Доходить Василий до божьей до церкви,
И руки, и ноги до каменя ошибаеть,
Буйную голову до крови́ проламаеть.
На паперти Василий стоить,
Молитву творить — яко гром гремить,
Изо уст выпущаеть до небес:
— Прости мене, прасвятая богородица, и помилуй
Василья великого, Кысаринского чудотворца!
Был ему глас от святой от честно́й от иконы,
От матери пресвятой богородицы.
— Доходна твоя, Василий, молитва до госпыда бога
И до матери прасвятой богородицы, наипаче всех святых на иконе.
У господа бога, в Давыдовом доме, сотво́рены три упокоя:
Первый упокой сотворен у господа бога, в Давыдовом доме, —
Висять черви висящии, людоеды,
Ради душ, ради многогрешных, ради хмельныва человека;
Второй упокой сотворен у господа бога, в Давыдовом доме, —
Течеть река вогненная от востока до западу
Ради душ, ради многогрешных, ради хмельныва человека;
Третий упокой сотворен у господа бога, в Давыдовом доме, —
Царство небесное, прекрасный рай растворен стоить.
Которая душа умолила, сама до господа бога доступила
И до матери прасвятой богородицы,
Той души царствия небесноя царствовать,
Со ангелы небесными ликовать.
Еще слава Василию Великому, Кесаринскому чудотворцу,
Во век ему слава, и ныне, и присно, во веки веков, ами́нь!

РЯЗАНСКАЯ ГУБЕРНИЯ, ДАНКОВСКИЙ И ЕФРЕМОВСКИЙ УЕЗДЫ

[ТЕТРАДЬ 1]

504

Данков Рязанск‹ой› губ‹ернии› 19 апреля 1847 года.

Вчера выехал из Раненбурга, но куда — не знаю. Из Раненбурга ехал барином, отсюда, ежели здоров буду, отправлюсь завтра в Ефремов пешком или на одной лошади. Про Данков не знаю что сказать; что он стоит при реке Доне — это всем известно; что довольно плохой город — тоже не новость, но местоположение богоспасаемого града Данкова превосходное: он стоит на правом берегу Дона — на нагорной стороне; за рекой луг, на котором раскинулось однодворческое село, за селом опять равнина, которой и конца не видать. Картина чисто русская, прекрасная по простоте, величественная, без эффектов.

Нынче обедал я у Филатова. Перед обедом к нему зашел городничий (А. А. Стрынжев, — *З. В.*), пьяный, который рассказывал много, но интереснее всего мне показался рассказ о том, как он отделал Иващенку, управляющего казенною Палатой г‹осударственных› и‹муществ›. «Вот мне доносят, — говорил он, — что какой-то генерал, сенатор приехал в острог. Я скорей мундир, руку на перевязь (он ранен в руку и для эффекту при сторонних руку подвязывает) и сам в острог. Прихожу туда, спрашиваю, кто там, мне говорят: „Иващенко, управляющий“. Как же он смел, думаю я, без моего позволения осматривать острог! Вхожу — вижу: стоит Иващенко, морщится. Я, забывшись-то, и проговорил: „Честь имею явиться, здешний, мол, городничий“. Тот ничего. „Отчего это арестанты все в лохмотьях?“ — „Сукна не отпускается!“ — „Отчего вонь такая?“ — „Благотворителей по этому предмету

не было...“ А правду сказать, что, как войдешь в острог, так ошибет, что вспомнишь кузкину матку».

После этого рассказу выпил он еще рюмку травнику, рассказал, что значит городничий в городе, как без спросу не пустит он в город, ни из города ни генерала, ни сенатора, еще выпил и ушел. После обеда пошел я на свою квартиру, мне привели цыганку, спела она мне «Ни березыньку», и я ее прогнал.

505

Ни березынька с рябиною свив<алася>,
Совыкался молодец с красною девушкой.
Как поехал мой милой во чужу в дальню сторону.
— Если лучше ты, зладей, най<дешь>,
Про меня, зладей, позабудешь.
Если хуже найдешь, зладей,
Про меня, зладей, воспомянешь.
Вспомянувши, зладей, только слезно заплачешь,
Только слезно заплачешь, меня не воротишь.

506

21 апр<еля>. Данков.

Третьяго дня нанял я себе лошадь за 20 рублей до Ефремова, хотел ехать в ночь, но судьбам было угодно решить иначе. Я пошел проститься к Филатову, а между тем лошадь велел привесть. На беду городничий стрелся с лошадью, да как было темно, а он был пьян, на него закричали — пади! Он велел остановиться, спросил, для кого лошадь. Ему сказали. Он стал добиваться, почему я к нему не явился: потому что к нему все должны являться — и окружный, и исправник, и сенатор. Потом отвел лошадь на квартиру, приставил караул и не велел выпускать мои вещи из города. Прихожу я домой, приказываю заложить лошадь — мне говорят, что нельзя, и почему.

Делать было больше нечего, пошел ночевать к Филатову. Поутру узнаю, что арест кончен.

Около обеда зашел к исправнику, он, кажется, хороший человек. Стрел там опять городничего — посмеялись моему аресту и пошли посмотреть монастырь.

Он стоит ниже города, под горою, на Доне, где в него впала Вязовнярека. Основан Романом Никитичем Телепнёвым, в котором году — не знаю. Он похоронен в этом же монастыре, на могиле его выстроена часовня, в которой стоит деревянный памятник (очень новый), лежат вещи Романа Никитича, который был первым настоятелем этого монастыря. Эти вещи все железные: пояс, поручни, крест с обручем на шею, четки. Древних книг нет, один Синодик только времен Петра Вел<икого> с рисоваными картинками. Вчера нездоровилось, нынче еду в Теплое.

22 апр<еля>. Село Теплое Данков<ского> уезда, 20 верст от Данкова.

Вчера распростился с Данковым, нонче уехал. Теперь кормлю здесь свою лошадь. Дорога досюда из Данкова лежит по берегу Вязовки. Виды чудные! Здесь смотрел училище, оно лучше Дубовского. В здешнем 24 ученика, из которых 22, пробывши два года в училище, знают «Св<ященную> историю», катехизис, арифметику до тройных правил и «Сельский устав». Рассказывают своими словами и по-книжному. Нездоровится ужасно. Идти к песенницам не хочется. Сюда, в харчевню, велел прийти мальчику. Придет ли — не знаю.

507

Напади-кась ты, раса, раса, на темныя на леса,
Навались-ка, грусть-таска, на мила-то дружка.
Гаварила я са милым, гаварила, баила.
— Ни жанись-ка, ни жанись-ка, душа халастой парень.
Када женишьсе, милой, после воспо⟨ка⟩исьси. . .

508

Кабы ⟨бы⟩ли у Машуньки крылья,
Я магла бы па свету лятать.
Я туда-сюда полятела,
Где Бутырс⟨кой⟩ славный полк стаить.
Где Бутырской славный полк стаить —
Там мой милинький убит лижить.
Я бы косточки ево собрала,
Вы шалковой платок связала,
Вы шалковой платок связала,
Вы сасновай гроб склала,
Вы сасновай гроб склала.
Зарастай-кась, Машина могилка,
Все травою-муравою,
Все травою-муравою,
Ище горьким полыном.

509

Живароночек, живароночек, ну мой молоденькяй,
Мой молоденькей, ну расхорошенькяй,
Ты на што жи, дли чаво рано вывился?
Ты на што жи, дли чаво молод вылятал,
Молод вылятал из тяпла из гнязда,
Из тяпла из гнязда вы тямны вы ляса,
Из тямных лясов ны праталинку,
Сы праталинки слятал ны дарожуньку,
Сы дарожуньки на круты горы,
Сы крутых-та горов на жалты пяски,
Сы жалтых-то са пясков ⟨на дарожуньку⟩.
Што па той ли пы дарожуньки тут шли плотнички,
Тут шли плотнички-бистапорнички.
Они строили, ну, церкву славнаю,
Церкву славнаю, семиглавнаю.
На васьмой-та на главе хрёст сиребряный,
На хрясту вот сидить вольныя пташечкя,
Вольныя пташечкя, живароначек.
Высако-то он сидить, далеко глидить,
Чириз лес глядить на сине моря.
По синю-то вить по морю два кораблика,
Два кораблика, третья лотачкя,
Третья лотачкя изукрашина,
Изукрашина залатым сукном.

510

Ни ва времичка
Сиредь теплава летичка
Белы снежки выпали,

[Белы снежки выпали]
В городе Саратови,
[В городе Саратови].
У купца багатава,
[У купца багатава]
Была дочь харошия,
[Была дочь харошия],
Белая, румяная,
[Белая, румяная].
Завут ее Машаю,
[Завут ее Машаю],
Машаю харошаю,
[Машаю харошаю],
Белаю, румянаю,
[Белаю, румянаю].
Ни велять Маше за реку гулять,
За реку за быстраю.

511

Ни спалось девки, ни дрималось,
Ничаво ва сне ни видалось.
Тольки видилась сон бессчастной:
Как буйны вятры падымались,
Сы харом верхи сарывали,
Что па самыи па акошки,
Па хрустальныи па стекольцы.
Ни спалось девки, ни дрямалось,
Ничаво ва сне ни видалась.
Толька видилось <красной> девки,
Как француз Москву разаряе.
Красну девицу в полон взяли,
Генералушку падарили.
Красная девица слезна плача,
Гинирал девку унимая,
Шалковым платком утирая.
— Ты ня плачь, ня плачь, красна <девка>,
Я куплю табе три падарка.
— Ни хачу тваих трех падарков,
Ты пусти, пусти вы Рассею
С родом-племинам павидаться,
С атцом, с матерью распраститься.

512

Ну ды што ж это за травка,
В чистом поле за муравка?
Ни расте травка, только вяне,
С ко́рнечкя засыхая.
Да ты, гуля-голубочек,
Ни лятай в тирямочек,
Ни садись, гуля, на йякошка,
Ни гуртуй, гуля, жалабненькя.
Уж так, девки, мне ташненькя.
Как и у нынишние годы
Праявились новы моды,
Малады люди и лукавы,
С измаленькю вороваты.
Ни видамши — много видють,
Ни слыхамши — много слышуть,
<Да сказали> пра дивицу,
Што праславу, нибылицу:
Будто я, красна дивица,
Всиё ночушку ни спала,
У чужих варот стаяла,
Залаты ключи искала,
Зилен садик йятпирала,
В зиленом саду гуляла,
Сладки вишиньи щипала,
Ва шалков платок вязала,
На бело блюдо я клала,
На рыночик выхадила,
Извощичкя нанимала.

513

Па дарожкам, па лужкам
Паринь с девушкой гулял.
Он и думал, и гадал:
— Уж и как жа, братцы, быть?
Как па улицы прайтить,
К курагоду падайтить,
С девкай шутку пашутить?
Девка шутки не приняла,
Парня в щеку йапляла.
— Уж и что ж ты за друг,
Кагда любишь семь подруг,
А васьмую-та жану,
А девятую мине!
Сама села на кравать,
Стала плакать-гаревать.

514

Папила ли мая галовушка, папила (о)на, пагуляла
Ни за матушкай, ни за батюшкай, ни за родниньким за братцем,
Папила-та моя галовушка сама, шельма, за сабою,
Ох, да што ни гребинь кудри чешить. . .
Толькя чешить мою галовушку, чеша кудри пара-время.
Я у батюшки, я у матушки рос я ни вор, ни разбойник.
Я ни вор-та, ни разбойничик, маладой был ахотничик,
Маладой был ахотничик хадить, гулять па прилукам,
Па прилучушкам ходить, па новиньким по лодчонкам,
Па новиньким па лодчонкам, па красненьким па девчонкам.
Паймали мине, малодчика, вы новиньк ей вы хатчонке,
Вы новиньк ей вы хатчонке, у красненьк ей у девчонки.
Што скавали мине, малодчика, ва немецки железы,
Павезли-та мине, малодчика, вы Тамбовску губерню.
Пыстановили мине, молодчика, вы казенную меру.
Вы казенную меру толькя, мальчик, я ни вышил,
Только вышил я адною чистотою,
Чистотою, сваею маладецкой красатою.

515

— Уж ты Дунюшкя, Дуня белая, бела-румяна,
Ты за што же, Дуня, любишь Ивана?
— А за то ж люблю, люблю Ивана:
Яво личинька бела, румяна,
Што галовушка руса, кудрявá,
На галовушки шляпа пухава,
Ой, на шляпушки лента алая.
Да и кто ж Ваню лентой падарил?
Падарила лентой, лентой Дуняша.
<Пратарил> Ваня стежку-дарожку
Чириз речушку Ваня на горку,
На Пушкарскую Ваня слободку,
Кы Дуняшиному Ваня падворью.
— Ты аткрой, Дуня, Дуня, акошко!
— Мне нельзя, нельзя открыть акошка —
Ей, у батюшки сидять все гости,
Вот у матушки сидять старушки,
У быльшой систре сидять падружки,
У варот стаять стары рибята,
Хатя Ваню-Ванюшку паймати,
Резвы ножуньки хатять сковати,
Белы ручушки Вани связати.

516

Ни бяла заря, гусарушки, занималаса,
Ни ясна сонца, гусарушки, выкаталаса,
Ох, да сила выступала, сила вольская,
Сила вольская, гусарушки, царя белава,
Царя белава, гусарушки, Петра Первава.
Напиред идуть гусарушки сы знаменами,
Сы знаменами идуть гусарушки с пазлаченами.
Пазаду идуть гусарушки с барабанами.
Барабанушки прабили па-виселаму,
Эй, указушки прачитали па-пичальнаму.
Вы втором полку, гусарушки, урон сделалса,
Урон сделалса, гусарушки, генерал помяр.
Ни сваей смертью генерал помяр — вор-хранцуз убил.
Самаво-то генералушку на плячах нясуть,
Маладую генеральшу шестерней везуть,
Маладая генеральша слезно плакала.
Вы несите генералушку через три поля,
Чирез три поля генералушку на круты гары,
Вы заройтя, закапайтя ва жалты пяски.

517

В Пиряславя как жана мужа патéряла,
Вострым ножичком зарезала,
Вы халодным погрябу схаронила.
Што приехал к ей миньшой девирь:
— Ты, любезная мая, ты, мая нивестушка,
Што иде жа наш бóльшой брат?
— Што любезнай мой диверёчик,
Што уехал он за лисицами,
Што за черными за куницами.
— Ты любезная ты моя, ты нивестушка,
Што ни бманывай ты, ни указывай,
Што пад <пад>лавичью кровь пролита.

518

Девица па садику гуляла,
Красная крапивушку жала,
Жала (о)на, няськолькя <ни> нажала,
Кажитца, ни с кем ни стаяла,
Толькя я с милым речь гаварила:
— Друг ты мой, любезный дружочик,
Слышала пра твае нисчастья —
Будта ты ва службу сам идешь.
Ты вазьми, вазьми мине с сабой!
— Глупая красная девица,
Мне нильзя тибе с сабою взять,
Мине знают афицеры вы палку!
Нет у мине родимой систрицы,
Толька есть жана маладая,
Та живет ва Маскве (о)на в трактире.
— Брошу я сярпиву в крапиву,
— Сама пайду гулять вы далину.

519

Што пачуяло сердечко за ниделюшку,
Што прасватал мине батюшка
Ни за князя, ни за барина,
Што прасватал мине батюшка,
Ён за вора, за разбойничкя!
Сабиралса толька вор-разбойник
В темну ночку ехать на разбой,
Близко к лесу подъезжал —
Навстречу паринь маладой,
Навстречу иму паринь маладой.
— Ни то паринь — словна барин,
[Словно барин] — женин брат,
Женин брат, а мой шуринёк.
Он убил ево, зарезал,
Крававуе с няво платья снял,
Он и снямши, зладей, абабрамши,
Сел, поехал, зладей, засвистал.
Падъязжаи к широку падворью,
Жана ходи па двару,
Набилена жана, наряжёна,
Словна маковый тветок.
— Ты жана ль моя, ты хазяйка,
Сустричай ты мине, маладца,
Сы пакупкой с дарагой;
Ни развертывай, жана, клади.
Ни стярпела жана, паглядела —
Из глаз слезы палились.
— Уж ты, муж мой, мужанечик,
Пагубитель маёй голове!
Ты каво жа, зладей, ты зарезал,
Маво брата, маво брата,
Сваво шурина!

520

Старана ль мая, старонушка,
Старана ль мая незнамая,
Низнамая, низнакомая,
Низнакомая, падмасковная,
Падмасковная, гурливая,
Гурливая, прахлаждивая!
Чуть ни ты ли мине высушила,
Биз марозу сер<д>ца вызнабила,
Биз марозу, биз стюденава,
Биз стюденыва, халодныва.

521

Поди, голубь, поди, сизый, золотая голова!
У голубушки его позолоченая.
У (имя жениха) молодая-то жена,
У (отчество) молодешенькая.
Кабы нам, молодцам, молодая-то жена,
Мы бы летом, мы бы летом во колясочке возили,
А зимою, а зимою во писаных санях,
Во писаных санях, на ямских лошадях,
Чтобы кони не стояли, молоду жену везли.

522

Воскресенское. В десяти верстах от Теплого Ефрем<овского> уезда. В Теплом собрал-таки я баб, и они мне напели. Виды по всей дороге дивные, особенно в версте отсюда, на р. Птани.

23 апр<еля>. Кобылинка Ефремов<ского> уезда.

Ночевал в Шилове. Кажется, мой извозчик мною чрезвычайно доволен: станции по десять верст, и на станциях он доволен.

Вчера приехал на двор поздно, остановился на постоялом дворе, когда там уже все спали; нонче, напившись чаю, опять отправился в путь. Мы ехали берегом Красивой Мечи — мне давно не приходилось странствовать по таким чудным местам. Однако мой извозчик недоволен местоположением: гор много — лошади тяжело... Пришли бабы петь.

523

У нашай у Шашиньки,
У ней легинькей душок,
Расхожинькей разумок.
Было у ней счастьица —
Ни магла в руках держать:
Любила малодчика —
Ни могла любовь признать.
Стала любовь признавать —
Стал мой милый отставать,
Сы иной Сашай гулять.
Гулянья-гуляньица,
Гулянья мое веселое!
С кем я ни гуляю,
На уме дружку держу,
На уме на разуме,
На своих верных словах.
Свети, светел месяц,
Светел новый, молодой,
Асвяти дарожинькю,
Куда мой милай пашел.
Пашел мой любезный друг
Вдоль юйлицы ширакой.

524

— Што ж <ты>, Маша, прийюныла,
Призадумавши сидишь?
— Я вечор . . . . . .*
Сы падружкой сы своей?
Виселись, мая падружка,
К нам весна скоро придеть.
Весна прийде, сонца взойде,
Сгонить снежки, весь мороз,
Растветут в поле твяточки,
Все ракитовы кусты.
Прамежду тех кусточков
Быстрая речка пратякла,
Не широка — глубока.
На той речки, на той быстрай
Куст малинушки растеть,
Што на энтом на кусточки
Салавей громко паеть.
Ты ни пой-ка, соловей,
Ни пой громка вы саду.

525

Ты соловьюшка маленькай,
Галасочек тоненькай,
Ты ни пой, не свищи —
Маво дружка ни грусти.
Скушно ему, грустно,
Сам не знаю пачему.
Жаль со(у)дарушку сваю:
Сударушка-девушка,
Лебедушка белаоя
Отдалела, атбыла
За чатыря ровно ста,
За чатыря с половиной,
За двенадцать гарадов,
За двенадцать, за тринадцать,
За матушку за Маскву.
Па Маскве мальчик гулял,
Извощичка нанимал,
Извощичка ни нашел,
Сам заплакал да пашел,
Кы таварищам зашел.
— Ты товарищ мой, товарищ,
Сем, падумаем са мной:
Каво к милинькай послать?
Знать, мне старава послать —
Стар не дойдя до двора.
Знать, мне малаво послать —
Мал не знаеть, что сказать.
Знать, мне ровнюшкю послать —
Ровня сам охоч гулять.
Знать, мне сизава послать —
Сиз далеча залетить.

---

* В рукописи строка не дописана.

526

В нас у Павловских <ворот>
Стоял девок карагод;
Девки песенки пають,
Одна девушка запела —
Младца в слезы призвела.
Маладец на конь садился,
Ручку к сердцу крепко жал,
Надеждаю называл:
— Ты скажи, скажи, надежда,
Скажи вернаю любовь.
— Любовь с милиньким сердечна.
— Отчего была больна?
— Я больным-больна,
Вы пастелюшку слягла,
Вы пастели лижать буду,
На век дружка ни забуду.
Вы лужку твиты твитуть,
При далини ключи бьють.

527

Мил ниделю гулял, две,
Вы гуляньици ни нашел пути-дабра.
Распрагневал сын атца,
Распрагневамши, вы салдатушки пашел,
Вы салдатушки пашел кы таварищам сваим.
— Ты таварищ мой, беспримерен брат радной!
Ни с адной ли ты сы старонушки са мной?
Ни пайдешь ли ты вы пабывачку дамой?
Ни снесешь ли ты маму батюшке паклон,
Роднай матушке челобитьица,
Маладой жане распичатана письмо,
Малым детушкам баславенья ат мине,
Баславеньица — востру саблю сы капьем,
Востру саблицу, черну шляпу сы пиром?

528

— Галубчик, галубчик мой, голубь сизинькяй,
Што ж ты, галубчик мой, ни висёл сидишь,
Ни висёл, ни радостен, припячалилса?
— Как жа мне, голубчикю, младцу, быть?
Вечор моя голубушка вы гастях долго была,
Вы гастях долго была, (о)на чай-водку пила,
Сделалась она, душа, хмельна.
Она сделалась хмельна, на правом крыле спала,
На правом на крылушки, левым обняла.
Левым обняла, все дружком она назвала:
— Галубчик, галубчик, ни праспи мине.
Праснулса, прабудилса — галубушки нет!
Кидалса, бра<са>лса па всем дальним сторонам,
Нашел он со(у)дарушку у купца ли вы саду,
Пад грушай, пад зиленай, застрелёнаю:
Застрелил сударушку купеческай сын.

529

Слала девчоночка пастелюшкю мягкю,
Ждала красавица палковничка в гости.
Ни даждамши палковничка, лажиласа спати,
Лажиласа девка спати айдпа на кравати.
Па утру рана вставала, чижало вздыхала,
Чижало девка вздыхала, весточку вслыхала.

Помяр, помяр наш палковник поутру в авторник,
Астаётца в палковничка жана маладая,
Астаютца яво дети, горькии сироты,
Астаются конь вароный, бо(у)латная сбрýя.
Сбрую несуть, коня ведуть, конь иде(ть) ни весел.

530

Уж и нет на свете таво хуже —
Што жанатыва парня любить.
Што жанатый паринь тараватый,
Ему жисть-то ему очин<н>а бедна:
Нигде ни ходить младец, ни гуляе,
Все жана, шельма, за ним глядить,
Примечаить ана и глядить —
Гулять мужу, младцу, ни вилить.
Я не слушаю, братцы, жаны,
Прагуляю да белóй зари.
Как зорюшка-зоря занялась,
А я домой, младец, поднялса.
Нет на свете таво, братцы, лучше
Халастова парня палюбить.
Халастой парень-та гуляка,
Он с измалых лет пашел гулять,
Што саколик вы поля литать.
Прилятал сакол дамой, дамой,
Он лажилса, мальчик, на спакой,
Нет заботки ему никакой,
Только есть одна ему заботка:
Красна девушка, шельма, душа.
Халастой парень жанилса,
Никарыстну сибе жону взял,
Никарыстну сибе ни па мыслям.
— Я ни буду с жаной в любви жить,
Буду к девушкам, братцы, хадить,
Буду к девушкам, братцы, хадить,
На свою жану смерти малить:
— Уж ты смерть моя, смерть,
Умори маю шельму-жану.
В нас па Питерскай дарожке
Распрекрасна смерть иде(ть).
Уж я смерти, братцы, ни баюсь,
Я паближа к смерти падайду,
Я панижи смерти пакланюсь.
Я ни смел смерти сказать —
Зачало маю жану кончать.
Ни сканчамши конца веку,
Накрыл белым полотном.

531

У Иванушки галовка болить...
Болить больно галовушка, ни знаю, как быть...
Вичор добрый моладец ва девушки был,
Сказала ему девушка нирадастнаю весть,
[Нирадастную весть], все да пичальнаю:
— Атстань, атстань, моладец, атстань, удалой!
— Али я тибе, девушка, ни в любви пришел?

Чем я тибе, красная, ни пандравился?
Спомни, спомни, девушка, прежнею любовь,
Как мы с табой, девушка, савыкалися.
Свыкались мы с девушкай пад бирезаю,
Расставались с краснаю пад асинкаю.
Пад белай бирезаю тветики тветуть,
Пад горькяй асинаю травка ни растеть.

532

При дарожки вы лужку
Стоять девки вы кружку.
Ани бають, гаварять,
Все падруженькю все бранять:
— Полна, глупая, все тужить,
Все сама сибе крушить.
Сакрушала маладца,
Што адин сын был в атца,
Расхарошай ез лица.
При дарожки стоючи,
На диревню глядючи.
Ва диревне скушна жить.
Я паеду жить, жить в Маскву,
Разгуляю грусть-таску.

533

Нисчастная душа-Машинькя зарадилася,
Великае горюшка приключилася.
Куда с горя ни пайду, все горя за мной.
Кому про горюшка ни скажу, все журять, бранять,
Журять, бранять Машинькю, все плакать велять:
— Поплачь, поплачь, Машинькя, па сваем горю,
Па сваем па горюшку па великому,
Па сваем дружку милому, па сердешнаму.

534

Ни полна ль кукушичке ва сыром бору кукавати,
Не полна ль, любезная, па миламу груставати?
Заной-ка, сердечушка, заной, маё ретивое,
Заслышь-ка, любезная, заслышь голос-голосочик.
Слышна пра любезнаю, слышна — замуж вышла.
Вышла разлюбезная замуж она ни за ровню,
Вышла разлюбезная замуж она за старова.
Вышедши, любезная сама она слезно плача:
— Кравать ты краватушка, кравать тесовая!
Сделана краватушка из горькяй (о)на из осины,
Никагда краватушка пуста ночку ни стаяла,
А нонча краватушка всю ночь пуста прастаяла,
Сабалино адиялица всю ночь в нагах праляжала,
Высоки взголовьицы — в слязах ани патанули.

535

Мимо лесу, мимо темнаго,
Мимо садика зиленава
Пролягала тут дорожунькя,
Ширака, тарна, прабоиста,
(О)на прабоиста, (о)на прагониста.
Да нехто па ней ни хаживал,
Нехто следу ни прокладывал,
Толькя ехала, проехала,

Праезжала дочь от матери,
Ат радимава от батюшки.
Лашадушки уморилиса,
Сиред лесу становилиса,
Сиред леса, сиред темнава,
Сиред садику зиленава.
С салавьями думу думала,
С маладыми думу крепкаю:
— Палити-ка ты, саловьюшка,
На радимаю старонушку,
Скажи батюшки низкой паклон,
А матушки чилабитьица.
Уж ты, матушка-ниволюшка,
Чужа-дальния старонушка,
Пасылають мине, мо́ладу,
В саму полночь по́ ваду.

536

У Дунюшки бровушки,
Черны брови хараши,
Бровушки приманчивы,
Моладца приманули.
Разгарелись глазушки
На Дунину красату,
На Дунину красату,
На косушку русую,
На лентачку алаю.
Шли девушки са гульбы,
А я, мальчик, ни видал.
Песенки прапели девки,
А я, паринь, ни слыхал.
Цалавали девушак,
А я, паринь, ни паспел.
Хатя паспел Ванюшка,
Сказа́ть девкам ни пасмел.
Пришла адна Дунюшка,
На шеюшку брасалась.
— Пастой-ка-ся, Дунюшкя,
Стань, в акошка пагляди:
Что на улици шумять?
Ни пра нас ли гаварять,
Разлучить с милым хатять?
Разлука, разлука мая,
Чужадальня старана,
Разлучила девушку
Са милым дружком маим.

537

Выходила красная девка
За навы́я варата́,
Становилась красная девка
Между чернава сталба.
Апущала красная девка
Белы руки вы карман,
Из кармана вынимала
Бел лазорявый твяток,
Гарнитурывый платок.
Утирала горьки слезы
Любезнаму сваему,
Как, утерши горьки слезы,
За ручушку узяла.
Взял девчонку за ручонку,
Он за те горы пашел,
Где разлука чижала.
Разлука — горькя скука,
Чужадальния старана,
Чужамужния жана,
Сударушка ни свая.

538

Што за речкой была за Невою,
За Невою был я с переправаю.
Ни кавыль-травка ва поли шаталаса,
Што шатал-качал удал добрый моладец.
Он ни сам зашел, ни сваёй ахотаю,
Завяла ево, моладца, ниволюшка,
Яво нужда крайния, жизнь наша баярская,

[Жизнь наша баярская], ишо служба царская,
[Служба царская], жизнь наша солдатская —
Ишо царя белава, ишо Петра Первава.

539

Уж и што ж это за горя?
Што горьчей таво не будя,
Кагда муж жану ни любя.
Он ни любя, нинавидя,
Сы вичира кудри чеша,
Сы полночи гулять ходя,
Кы бялу свету приходя.
Начал греметь у воротах:
— Атваряй, жана, вароты,
Пущай мужа сы работы,
Сы бальшой ли-то заботы,
Сы девичай сы ахоты.

540

Уж ты черный, чернабровай, молодец хорош<ай>,
Вложил мысли в мое сер<д>ца — ни могу забыти,
Ни могу дружка забыти, с печали ходити.
Напишу ж я дружку радость, что милай ни любя?
С письмом пошлю — все письма мне <милый> не пиша.
За письмом пошлю лакея, велю воротитца.
Воротитца ни гадитца, авось умилитца,
Авось милай умилитца — завирнеть праститца.
Шел Ванюшунькя лужочком, крутым биряжечком,
Ни нашел паринь слядочка, стал кы тыночку.
Стал Ванюша кы тыночку, прастоял всю ночку,
Прастоял он всиё ночку, да бяла светочку.
Злы сабаки набяжали, яво испужали,
Отшатнулса, откачнулса, сам песни возгаркнул.
Ни хадить бы было парню вдоль по лугу, лугу,
Ни таптать <бы> было девки шолковую травку,
Ни любить <бы> было девке холостова парня.
Халастой паринь гуляка, он вор, забияка,
Он глазами-то паводя — из ума выводя.

541

Ты кукушка, ты рябая,
Што ты рана уставала,
На далину вылятала,
На далинушку садилась,
Жалабненькя куковала?
Што ты, горькия кукушка,
Горямышная красная девка,
Ты йяб чом жа, девка, плачишь?
— Как жа мне, девки, ня плакать:
Отдають мине батюшка замуж
За три горада, за чатыри,
За те селы, за большия.
А нихто ко мне ни зайдя,
Нихто ни зайдя, ни заедя.
Заезжали да два гостя,
Да два гостя дарагия,
Да два братцы, да родныя.

542

Касил Ваня <чужу> траву — своя стаить, вяне.
Вить любил Ваня чужу жону — своя стоить, плача.
Плача она, плача, горько рыдая,
[Горько рыдая], Ванюшу ругая:
— Кабы знала свою долю, замуж ни хадила.
Чириз буйную дарожку кавыл-травка вьетца,
У молодца сердечушка трипещится, бьется.
— Паслухай-ка, любезный, про нас с табой люди судють!
— Пущай судять, называють, что я тибе люблю,
Люблю, люблю девку, люблю красну, люблю расканалью.
Я до тех пор любить стану, поколь сам отстану.
Зарастай, моя дорожка, травой-муравою,
Западуть наши дорожки белыми снежками.
В чистом поли при долине выростала древа,
Вырастала древа, бирезушка бела.
Што на этай бирези сидел сиз голубчик,
Он ни сизинькяй голубчик — удалой молодчик.
Пирид моладцем девчонка стаить, слезна плача.
Парень девку уваймая, слезы утирая:
— Ня плачь, девка, ня плачь, красна, ни плачь, расканалья.
Если будишь, девка, плакать — будишь больно бита,
А ни станишь, девка, плакать — я буду любити.

543

Ой, ташно́, што ташно́ доброму моладцу, ташно́ жить на свете,
А ишо таво ташнея разудалому с худою жаною.
Как худая-та жана, шельма, разбестия, взнесла худу славу,
Будто я ли, будто я, добрый моладец, по начам гуляю,
Будто я ли, будто я, разудалинькяй, люблю красну девку.
Я люблю, я люблю сваю сударушку, люблю па любови,
Я сваю ли я жану, шельму, разбестию, па бальшой ниволи.
Мне ни в чем-то, мне ни в чем, младцу, счастья нету,
Да ни в купли жа мне, добрыму моладцу, ни в какой прадажи.
Я купил ли я, я купил сваёй сударушки шаливай платочик:
— Ты наси, ты наси, мая сударушка, наси, наряжайса,
Ты и мною ли, мною ль, добрым моладцем, выхваляйса,
Ты маёй-та жаны, шельмы, жаны ни касайса!

544

Саловьюшка ты мой, соловей,
Малодинькяй ты мой, маладой!
Ни пой рана по зари,
Ни буди ж ты моего милова дружка.
Я сама пайду, дружка разбужу:
— Разлюбезный друг, устань, прабудись!
— Ни магу ж я встать, галовки паднять
Сы вчерашнева сы пахмельица,
Я вчерашней весь пахмель отбыл.
Как усе полки вы поход пошли,
Наш Московский полк заставаитца,
Чирз Дунай-реку перправляютца,
Мине, моладца, дажидаютца,
Варана коня в поводу ведуть,
А сиделица вы руках несуть!

545

Што ни ржавчинка в болоти белый снег съядае,
Ни кручина ль добрава моладца, младца сакрушая?
Сушить, крушить добрава моладца яво худа слава,
Ат худой толькя от славы добрай моладец жанился,
Он жанилса на вдовушки, на горькяй на вдовушки, на бесчастн‹ай›.
У вдовушки обычай, разум ни дивичий.
Пастелюшку она стеля — сама слезна плача,
Возголовья воскладая — сама возрыдая,
Она прежнива милова дружка вспоминая,
Свою (о)на худую долю, ‹долю› проклиная:
— Пропади жа, моя худая доля, мои плохи счастки!

546

24 апр‹еля›. Долгие Лески Ефрем‹овского› уезда. От Ефремова 33 версты.

Вчера останавливался в Ефремове — напиться чаю, потом прошел по городу. Город довольно хороший, стоит на Красивой Мечи и на Воронежско-Тульской дороге, что, я думаю, и причиной его хорошего состояния. Куп‹цы› торгуют исключительно хлебом. Пробывши с час в городе, я поехал далее и, отъехавши семнадцать верст, ночевал в Яблоновом.

Вчера в Кобылинке собрал я баб, которые пели мне песни, которые я и записал. Земли здесь прекрасные, но цены возрастают только ко Мценску. Здесь земля отдается под озимое за пятнадцать сороков десятина, а под яровое — за двенадцать. В Ефремове английский овес стоил 25 к. фунт, а во Мценске — 50 коп. ‹за скирд›.

В Данкове стоила прошлый год четверть ржи от пяти до четырех, в Ефремове от пяти до шести, а во Мценске от семи до семи с половиной. Здешние (т. е. раненбургские, данковские, ефремовские) земли дают сам-пять и сам-шост, а иногда — сам десять.

Нездоровится до нельзя — не знаю, как ехать. Забыл было: Ефремов славится кренделями. Я ...

1847, апр‹еля› 24. С. Языково Ефремовск‹ого› уезда. От Ефр‹емова› 57 верст. Д. Орлик.

[ТЕТРАДЬ 2]

547

У нас па Дону, толька па Даночку,
Па крутенькам бережку,
Там ходили, там гуляли
Завдалыя маладцы,
Па другоя па старонушки
Красныя девушки-души.
Ядна девушка, ядна красна
Пасмилея усех была.
— Кыба кто-то, кыба кто-то
Чирез Дон-речку пиреплыл,
За таво ба я, красная девушка,
За таво замуж пашла.
Я ни а чем я, красная девушка,
Я ни разгадавала,
Я ни за старастью, ни за младастью,
Ни за беднастью иво.
Тут узялси, разыскалси

Завдалая галава,
Завдалая галава,
Все табашная вазгря.
Ён скидавает,
Ён скидавает
С сибе нанкавой халат.
И кидалси, и брасалси
Чириз Дон-речку пиреплыть.
Ён плыветь, ён плыветь,
Словно гоголь маладой.
Ён головкою махаить,
Словно сизай силизень.
Ко бирежку пыдплываить —
За шалковы травы брал.
— Пади, девушка, пади, красная,
Падайди ближа ка мпе,
Падайди-ка-ся паближе ка мне,
Пацелуй разик мине.

548

На речки на быстрай
Девка платья мыла,
Янтарь, янтарь, янтаре,
Янтарека мой.
Валькём калатила,
Кручи выжимала,
Дружка паджидала.
Едит мой любезный
На вороном кóни,
В немецком сабори,*
В белом балахоне
Моладец прекрасной.

— Дéвица, деви́ца,
Напой мово коня
Сиред синива моря,
На камушку стоя.
— Моладиц прикрасной,
Сшей-кась мне каточки
С желтава пясочку.
— Дéвица, деви́ца,
Наприди-ка дратвы
Из дажжовой капли.
— Моладец, молодчик,
Слей-кась пирстинечик
Из краснава со<л>нца.

549

Юж ты вёснушка-весна,
Што ни-ю в радости пришла?
Мой зиленай сад засох,
Все рибинки, яблонки,
Мой зиленай сад засох.
В саду моладец гулял,
Свово коня наблюдал.
— Юж ты конь мой, канек,
Конь, добротная лошадь,

Што ни выручишь мине
Из навóй, навóй с тюрьме?
Вядуть молодца к судье:
Юпиред палач с плетьми,
Пазади жана с дитьми.
— Уж ты, жонушка-жана,
Чем дарила палача?
— Сы правой руки кольцом.

550

Вы брадяги вы брадяги,
Беспашпортны молодцы,
Вам ни полно ли, бродягам,
По лясам ходить-гулять.
Настаёть зима, морозы,
Вы лишилися гульбы.

— Трудно, трудно нам, ребятушки,
Вы солдатушки пойтить,
А ишо будить труднея
Скрозь зиленаю прайти.
Гарнизон стаить парядно,
Барабаны па канцам.

---

* Должно быть: уборе.

Бара‹ба›ны все прабили,
Нас, молодцав, павили.
Ва ряду на нас грозятся
Биспащадно задубить.
Спину, плечи прастябали,
В лазарет павили.
‹В› лазарет нас павили,
Нас и выличать хатят.
Нас на конички кладуть,
Нам ликарствица дають.
Сы кончика пады‹ма›ли,
Вывадили на лужок.
Вывадили на лужочик,
Раздилюция пашла:
Каму Руцкый, каму Прутцкаму,
А мы беламу царю,
‹И›ща Ильинскому сваиму.

551

В нас за речкаю право за Нивагаю
Ни кавыль-травка в поли зашаталаса,
Што ни добрай моладец загулялся,
Ён ни волею, права все йяхотаю.
Воля барская, служба царская,
Царя белава Пятра Первава.
Што в полюшку белы сняжки выпали,
Што па этим снежкам шли нивольнички,
Шли нивольнички, музыканчички.

552

25 апр‹еля› 1847 г. С. Архангель‹ское› Лодынино тож, Чернского уезда. Ото Мценска 38 верст, от Ефремова 73.

Вчера, выехавши из Яблонки, попался мне какой-то мужик; разговорившись со мною, он рассказал, что у них есть верх Синий Камень, где Кудеяры зарыли клад, и огонь там видают, да только клад там не находят, а верстах в четырех от Синега Камня, в Муравке (около Муравского шляха), когда господа велели копать пруд, находили монеты, которые прожили не один десяток годов. В этом же верху, по его словам, есть кладбище, на котором Кудеяры-разбойники хоронили зарезанных. «Да барин не приказывает копать, а то, может быть, и вырыли бы», — прибавил он.

553

Щегаль, щагаляешь хорошо.
Хто палюбит щигылька?
На нем нанкавай халат,
Калуменкавай кушак,
Черныя шляпа сы пяром,
Пярчатачки с сиребром,
Алая ленда сы твятом,
Шелкав ‹пояс?› сы мохром.
‹В› нас за ле́сам, за лясо́м
Праивлялись камори,
Нисуютнаи маи.
Виють да белой да зари,
Мне спакою ни дали.
На васход со‹л›нца дурен
Сон мне виделся,
Быдто, быдто мой милой пришел,
На широкай двор зашел,
К караватке падашел,
Шитый бралинь яткрывал,
Сударушкай называл.
Сударушка-девушка...

554

— Рибина-рибинушка,
Што ты долго ни тветешь?
Твети, твети ты паскаре,
Пора табе срывать.
Подъизжали к табе на конех вороных,

А и все кони те пападали,
Да и хозяевы с коней пападали,
Табе, рябинушку, рвать полезли.
Да ты, рябинушка, ны пасп(и)ела.
Поспей, рябинушка, к Троицыну дню!

Синькова, от Мценска 23 версты, от Ладынина 17 вер<ст>.

555

Беседка ишла-прашла,
Сударка была.
Вот была, была,
Рядом сидела,
Рядушком сидела,
Чай, водку пила.
[Чай, водку пила] —
Сделалась хмельна.
Сде<ла>лась хмельнешунька,
Пару слов дала:
— Я буду твоя,
Ниразлучная.
Вичерам пазднешинька
Сгаваренная,
Паутру вот ранешунькя
Увизенная.

Ня жалко мне, сударушки,
Что ж замуж идеть,
Большая вот досадушка —
Товарящ биреть.
Товарящ биреть —
Он рядом живеть:
Чирз адин забор,
Акошком на двор,
Сени пад акном.
Па этим вот па сенюшкам
Сударочка прайдеть,
Сударочка пайдеть —
Живот-сер<д>ца мреть,
Назад зава<ро>тится —
Сер<д>ца ападеть.

556

Отлятая мой соколик из ачей маих, из глаз,
Атъизжаить мой любезнай в иной дальняй гарадок,
В самой дальняй, низнакомай, славнай горад Питербург.
Я нимало слез ранила па тибе, галубчик мой,
Вы слязах дружка прасила: хоть немножо паживи.
Што няльзя, няльзя, што ниможно
С табой, душенькя, здеся пражить,
Тут живут суседи злыя, не саветують любить,
Мне саветають саседи, велять вечна пазабыть.
Я тада дружка забуду, када скроютца глаза,
Што закроють тело бела тонким белым полотном.
Как положуть тела бела ва тесовай новай гроб,
Што засыплють ясны очи с гор жалтым мелким пяском.
Зарастай, моя могилка, все травою-муравой.

557

Па няволюшки Ванюшкя жанился.
— Я ни стану с жаной жить!
Я ня стану, я ня буду ее, подлую, любить.
Па крутинькям бярежочку разлихая смерть идеть.
— Юж ты, смерть мая милая, умори ж мою жану,
Умори ж маю жанушку, сваю роднаю сястру!
Он ня дал жане скончаться, накрыл тонким палатном.
Накрыл тонким палатёнцам, сам на улицу пашел,
Сам на улицу пашел, в карагод к девкам зашел.
Усе девки, усе красны маю песенку пають,
Адна девка, адна красна, она маей песни ни паёть.

558

Мая милая Дуняша кляла свое сер<д>ца:
Распроклятая мое такое, маё сердца злоя,
Сердца злоя, мае ретивоя, вся ва мне, девушке, изныла!
Сер<д>ца ноить, мае занываить, ничаво девушки ня скажить,
Толькя скажить мае ритивоя, каво в девушках любила,
Каво я в девушках любила, па нем плакала-тужила.
Па нем плакала Маша, тужила, мала ночи спала,
Мала я ночи-да палночи, да втарова часу.
Два часа Маша-душа прабила, на заре Машинька привныла.
Сидить Маша-душа за свичами, залимши горькими слязами.
Вы слязах Маша дружка ни увзнала, в глаза йябругала:
— Ты разбестия, милай Ванюша, зачем редка в гости ходишь?
Редка-д в гости, милай, ка мне ходишь, падаркав ни носишь.

559

Чернай, чернабровай, моладиц харошай
Влажил мысли в маё сердца — ни магу забыти.
Ни магу дружка забыти, с пичалью хадити.
Напишу письмо лакею, велю варатитца.
Ва<ра>титца ни гадитца, авось умилитца.
Шел дятинушка лужечкам, крутым бяряжочкам,
Ни нашел милый слядочку, он стал кы тыночку.
Злы сабаки-д набяжали, Ваню испужали.
И Ванюша старапилса, назад варатилса.
Восслышала любезная яво галасочик,
Выхадила на крылечка, молвила славечка.
Ни хадить была краснай девке вдоль па лугу-лугу,
Ни любить было краснай девке халастова парня!
Халастой парень — гуляка, вон вор-забияка,
Он глазами-то паводя, из ума выводя,
Чорнаи брови падымая, на двор вызывая.

560

Дивчоночка малада
Сибе дружка ни нашла,
Заплакала, в лес пашла.
Пачудилась девушки —
В лясу листики шумять.
Ни бела бирезушка
Низка клонить да зямли,
Гарюить гарюшичкя
Па сваем горьким житью,
Ку<ку>ить кукушичкя
Па сваём теплом гнязду.
Калина с малинаю
В адно время раствяла,
На ту-д пору-времичкя
Мать сабе сына радила,
Ни сабрамши разума,
В салдатушки нарякла.
— Служи, служи, дитятка,
Сваму беламу царю.
Атслужомши служонку,
Приди к дяди пад акно.
— Радимай мой дядюшка,
Али ты у служби ни бывал?
Али ты у служби ни бывал —
Нужды-горя ня видал!

561

Не с кем, не с кем в лесе разгулятца,
Таску-скуку разагнать!
Чуить, ноить мае сер<д>ца —
Ни видатца долга са милым.

Пайду с горя на быстр<у>ю речку,
Сама сяду на крут биряжок.
Ни ядна сижу на бе́режку,
Вижу стень я сваю на ваде.
Стень мая пустая, стень халодная,
Стень, халодная вада!
Я у речки успрашала,
Ни гулял ли здеся мой милой.
Быстрая речка йятвичала:
— При мне здеся нету никаво.
Аткуль взялся милый из лясочку,
Выизжаить дружок на коню.
— Зрастуй, милая ж мая забава,
Я праститца я к табе зашел.
Я праститца с табой успраситца —
Атьизжаю в дальния гарада,
В чужой дальней гарадочек,
В славный горад вы Маскву.
Я куплю сваей шаберки
Три падарка дарагих:
Как и первай табе падарок —
На галовку шалевый платок.
Я другой и я ж табе подарок —
На шеюшку крупнаго земчужку;
Вот и третяй я ж табе подарок —
На правую ручку перстенек.
— Благодарствуй табе, любезнай,
Многа жалуешь, даришь.

562

Хто ж у нас халастой?
Ой, ляли, халастой,
Ой, ляли, халастой.
Хто ж у нас ня жанат?
Ни Павлуша халастой,
Иванович ня жанат.

563

Да и хто ж у нас во гостюшки пришел?
Ой ляй, ой, ляли-ляли!*
Вот и Павел-сударь на каню приезжал,
Вот Иванович на вороном каню.
Вот и Аннушка у воротичках стаить,
Ивановна у правой вереи.
— Вот и Ан<на>, атваряй варата,
Иванов<на>, успущай добра коня!
— Ни тваряю, ни тваряю варата,
Ни примаю тваво ворона каня
За вяликаю за грубу за тваю:
Что ни ходишь на пастелю на маю?
Вот постелюшка пристыла биз тибе,
Возголовьица заиндивяла.

564

Да заной, маё сердечушка, заной, ритивоя!
Ты заслышь-ка-ся, заслышь, мая разлюбезная,
Заслышь галасочик.

* Припев, видимо, должен повторяться после каждой строки.

Что ва чистом-та полю, полю при в дарожуньки
Сняга забилелися.
Забилелися у маво, маво разлюбезнава
Каминны палаты.
За палатами стаять, стаять два шатерчика,
Шатры шалковыя,
За шатрами стаять, стаять да два столика,
Столы дубовыя.
На сталах-то висять скатерти бе́лыя,
Скатерти бялы́я.
На сталах-то стоять, стоять два чорнилица,
Края залитыя.
За сталами сидять, сидять два малодчика,
Парни маладыя.
Они пишуть письмо на белай бумажуньки,
На белай бумаги.
Пирид ними вот стаять, стаять краснаи девушки,
Слезна плачуть.

ТЕКСТЫ, ОТНЕСЕННЫЕ УСЛОВНО К ЗАПИСЯМ В РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

ТЕТРАДЬ 3, Ч. I. ГОЛОСОВЫЕ

565

Да што болить-то, болить буйная гол(о)ув(о)ушка,
Што щемить-то щемить мое ретиво сер<д>цо
Ни па батюшке, ни по мат(о)ушки,
Па сваму-то горю велекаму,
Пра сваво дружка, дружка сердешнава.
И я паласи, пирипаласи,
Я давно с дружком ни видаласи.
Я юувидиласи, я взрадаваласи,
Ох, да начавать дружку свово йюгаваривала:
— Йюж ты миленькай, мил сердешнай друг,
Ты начуй, миленькяй, начуй хушь адну начку!
— И ты глупая, ты неразумная,
Ох, да ниразумная красная девушка,
И я рад ба начавал хушь ба две ночи,
Я баюсь-та, я баюсь я всиё ночь прасплю.
— Ты ня бось-та, ня бось, мил сердешнай друг,
Я сама-та встану, тибе, мой друг, разбужу.
— Ты вставай, вставай, мил сердешнай друг,
Вот и все-та палки, палки сы Масквы пашли,
То твая рота, рота ва пирёд пошла,
То тваво-то коня в паваду вядуть,
Што тваю-то сядло, сядло на вазу вязуть,
Што тибе-то, мой друг, во мяртвых пишуть.
— Ни пишитет в мяртвых мине, пишите в живности.

566

Далина ты ли мая, ты ли мая далинушка,
Далина ты ли мая широкая!
На далинушки растеть куст калинушки,
На кусту сидел млад саловьюшик.

Што паёт ли салавей, паёть, громко свищить,
Што сидить-та миленькай, сидить ва ниволюшки,
Ва ниволюшки сидить, сам слезно плача.
Ва слязах-то милинькай сидя, письмо пиша,
А с агарченьица милый друг письма ни напиша.
— Растаскуйса ты мая, ты мая любезная, ишо вазгарюйса,
Я сам-та я па тибе, ты мая любезная, я сам взгарявалса,
И я ат батюшки йят сваво малый сын йясталса.
— Вот и хто тибе, тибе, сиротин(о)ушку, тибе васпоил, вскармил?
— Васпаил мине,васкармил мине праваславнай мир,
Возлелеила мине Волга-речунька,
Воскачала жа мине, мине легка лоточка.

567

Садилса жа каро́ливич на добрава коня,
Отъизжал каролевич на разгуляньица,
Пакидывая жану сваю на гаряваньица.
Пущал сваво добра каня в зеленаи луга,
Лажилса спать каролевич на крутой горе,
На крутенькой на горушки под белаем шатром.
Приснилаcи жа кароливицу дивнёшуник сон:
Из правай жа из ручаньки свича выпала,
Из-пад белай из-пад левай сакол вылятал.
Па правую старонушка серая утица.
Ваставай‹ит› каролевиц па йютрицу рано,
Приходить жа короливиць к старушонки сваей:
— Ты, ба́бушка-старушинька, рассуди мой сон!
— Жана твая Марусинька сына радила,
Па йютрицу ранёшинька сама йюмирла.
Вирнись, вирнись, кароливич, ка дому сваяму!
Широкии варотицы растварены стаять,
Касячиты акошички павыставляны,
Янералы палковыи в черном йубраны.
Возъизжая каролевич ка дому сваяму,
Йюдарилси каролевич аб дубовый стол:
— Жана мая Марусинька тамнешунькя была,
По утрицу ранешунька разбуживала. . .

568

— Ох ты горя-горяванье,
На каво бяду сказати?
— Ты ни сказывай, дивица,
Ты ни сказывай, ‹красная›,
На купчика маладова!
Ты скажи, скажи, дивица,
На сяржанта палкавова.
Есть ли спросют пра сержанта,
Ты скажи: «Ён вы паходи».
В гасударивай кантори
Младой писарь пяром пиша.
Пирид ним стаить дивица,
Лишь белыя руки ломя,
Гарючия слезы роня,
Калыбель сваю качая,
Своё дите праклиная.
— Баю, баю, маё дитё,
Люли-люли, мае мила!
И юж дай жа боже табе йюпасти,
Скрозь землю табе пропасти!
За табою, за дитёю,
Вся гульба моя прапала,
Я ат купчиков атстала.

569

Ты взайди-ка-ся, взайди, красная солнушка,
Над долиною над широкаю,
Над гарою над высокаю,
Над дубраваю над зиленаю!
Йябагрей-ка-ся ты нас, добрыя моладцов,
Добрых моладцов, сирот беднаих,
Сирот беднаих, салдат беглаих!
Мимо ехати мима горада,
Мима горада, мима Сарязнева,
Мимо частава бирезничка.
Пратякала тут речка быстрая,
Речка быстрая, вада чистая.
Выплавали здесь два корабляка,
Два кораблика, третия лотачка.
Харашо лодка изукрашина,
Пушками, ружьями изукладина,
Добрами моладцами йюсажина.
Впериди сидит атаман с вяслом,
Пазади яво ясаул с багром,
Всириди сиди красная девушка.
Ана плачи, что ряка льетса,
Вазрыдае, что вална бьетца.
— Што приснилси мне нихорошай сон:
Коса русая расплятаитца,
Шалков пояс распоясалса,
Залот перстень распаён лижить.

570

Вы туманы, вы туманы,
Мелки, частаи вы дажжи,
Ни пара ли вам, туманы,
Са синя моря вам далой?
Ни пара ли вам, рабяты,
Вам сы гуляньица дамой?
Йябищался кы мне милай
Сирёд лета в гости быть,
Сиред лета са пакоса
Ка Дуняше на пакос.
Вот ведь лето на праходи,
Ка мне милый ни пришел.
Знать, любезный мой йясердилса,
Йясердилса на мине.
Йясердилса, прагневилса,
Ка иной в гости мил зашел,
Ка иной он кы любезнай,
Кы Дуняши вдовинай.
Эта Дунюшка, ты Дуняша,
Ты разлушница мая!
Супротив лица Дуня стаяла,
Против речи говоришь.
Смачу сваё лицо бела
Гарючай сваей горькай слязой!
Пайду-выйду, младёшинькя,
Я на быстраю ряку.
Сяду, сяду младешинькя
На зиленаем лужку.
Пагляжу я, младешинькя,
На все стор<о>ны даляко.
Са любезнава са старонки
Ни литить ли салавей?
Ни литить ли салавейка,
Ни нисеть ли ён письма?
Где ни взялса голабь сизай,
Он начал витца надо мной,
Начал витца надо мною,
Над горькаю сиратой.

571

Гаварил-то мил друг, прик(о)азывал,
Честью-лестью миленький йюговаривал:
— Пасмирнее ты живи, мая любушка,
Мая белая галубушка!
Я приказу-та яво мало слушала,

Са иным-та дружком павадиласа.
Паважомши, я с дружком разбраниласа,
Пабранимши с дружком, слезна плакала.
Ва слязах я дружку слово молвила:
— Ты атакрой, миленькяй, акошичка,
Падыми, милай, стяколушка,
Пагляди, милинькай, на широкый двор!
Йю нас на дваре туман, туман,
Ни адин туман, са частым дажжом.
На синем мори нипагодушка.
Есть у девушки зазнобушка.
Зазнабил ей сер<д>ца дитинушка,
Што дитинушка, дворецкый сын,
Зазнаблёмши сер<д>ца, вы паход пашел.

572

Грушица, грушица мая,
Грушица зиленая мая.
Пад грушаю светлица стаить,
Ва свитлици девушка сидить,
Веселыи речи гаварить.
Нынишни ни таки времяна,
Сушут жон харошаи мужья,
Харошаи мужья, чужия дружья.
Пойду я в зеленый вы садок,
Сорву йялинькай святок,
Совью я миламу вянок.
Взойду я на Волгу на ряку,
Стану я на мытнам на плату,
Брошу я на реку вянок.
Тонить ли, ни тонить мой вянок?
Тужить ли, ни тужить мой милой
На чужой, на дальней старане?
Стал мой вяночик патапать,
Стал <а>ба мне любезнай вспаминать.

573

Вот как нонишнии годы
Праивилиса новаи моды.
Вот как нонишнии люди —
Они молады, шельмы, лукавы,
Сызмаленькю вараваты.
Ни видамши, они видють;
Ни слыхамши, они слышуть!
Што сказали они пра дивицу
Худу славу-пабылицу:
Будта я, красная дивица,
Ва зиленом саду гуляла,
Сладки вышиньи щипала,
На белоя блюда клала,
Ка милу дружку насила,
На падноси яму паднасила.
Йя паказалась дружку мала —
Я изюмам яму дабавляла,
Я изюму я — ради думу,
Винаграду я — ради взгляду.

574

Уж ты ветир, шельма, ветир-витирочик,
Ветир, то<не>нький, шельма, галасочик,
Ты ни дуй, витирочик, на лясочик,
Ни шатай, ветирочик, в бару сосну,
Йюж так сасенушки, вот ей стаять тошна.

Ни йю места сосенка вырастала,
Вырастала сосенка по край Волги,
Што па край ли Волги, по край речки,
Што на крутеньком да на биряжочку,
На жолтиньким, шельма, на пясочку.
Са верху сасенушка засыхая,
С кориню сасенушку падмывая,
Гарнастай сасенушку под<ъ>ядая,
Пасиред сасенушки окол пчелы вьютца.
Ию мине, молодца, братцы, слезы льютца,
Што жа пашто мине кують, вяжуть?
Я ни вор был, братцы, ни вор, ни разбойник,
Я да девушик, братцы, я был ахотник,
Да малодушик, братцы, я был жаланник.

575

— Вспомни, вспомни, мая любезная,
Всё прежнию любовь!
Как мы с табою, мая любезная,
Разгуливали,
Бальшия вот дни Пятровския
Прагуливали,
Темнаи ночи айсения
Прасиживали,
В чистаям поли при далини
Стаял нов шатер.
Ва том шатре, ва том новам
Цимбалы-та бьють,
Ни маю ли вот ани любезную
Сгаваривають?
С таво крыльца вядуть к вянцу
Краснаю девицу:
Жиних видеть ие за ручиньку,
Дружко за рукав.
Один стаить, только слезы ранить —
Любил ды ни взял,
Паил-кармил любезнаю,
Все прочил сибе.
Даставаласа мая любезная
Иному, ни мне,
Иному-та вить, ни мне,
Лакею-свинье.
Харошия мая, пригожия,
Взглини на миня!
— Я бы рада взглянула —
Закрыты глаза.
— Харошия, пригожия,
Махни хушь платком!
— Я ба рада я махнула —
Платок караток.

576

Малодка, малодка малодинькая
Любила молодчика харошинькава.
Любить пиристала — ни мила мне старана,
Разставаться стали — ни мил бел<ай> свет.

Куды я ни пойду — ножуньки маи нейдуть,
Куды я ни поеду — глаза маи ни глядять.
Пайду я, младешинька, ва темнаи ва леса,
Ва темнаи леса, ва зиленаи луга.
Ни была у батюшки ровно три гада́.
На четвертый пташичкай, млада, паличу,
Пташичкай паличу, кукушичкаю.
Сяду я йю батюшки сириди саду,
Сириди садочку на сладкую ябланькю.
Юж я эту ябланькю слизой ее абалью,
На роднава батюшку таску наганю,
На роднаю матушку — всю грусть и пичаль.
Батюшка па сенюшкам пахаживая,
Нивестушку, ластушку, прабуживая:
— Нивестушка, галубушка, встань, встань, встань!
А штой-то за пташичка йю нас вы саду?
Жалабно паёть пташка, назолу даё.
Большой братиц молвил: «Сем, мы иё застрилим!».
Сиредний братец молвил: «Сем, мы иё паглидим!».
Миньшой братиц молвил: «Ни наша ли горькия,
Ни наша ли горькия с чужой дальней стараны?».

577

— Скажи, Дунюшка, скажи, любушка,
Пра сваю горя, пра виликаю,
Пра сваво дружка, пра Иванушку.
— Будто мой Иван па начам гулял,
Па начам гулял да па палуначам,
Ни адин гулял, он гулял сы девками,
Ён сы девками, ён сы Вирейскими,
Сы малодками ён с диривенскими.
Вот все девушки, девки перпужалиси,
За старых мужьёв пабрасалиси.
Одна Дунюшка йяставалася,
Йяставалася Дуня, взгарявалася.
Отец Дунюшку, Дуню йюгаваривал:
— Пасиди, Дуня, патирпи горя!
— Сударь-батюшка, д' мне ни терпеца,
Мне ни терпица, слезы катютца,
Слезы катютца, замуж хочица.

578

Ты ни пой, душа-салавей,
Ни буди-ка-ся маяво дружка.
Я сама дайду, дружка разбужу.
— Ты вставай, мой друг, прабудись, душа!
— Ни магу я встать, галавы паднять.
Что балить, балить буйна галава
Са вчирашнива с горькава с вина,
Сы надышнива сы пахмельица.
— Все палки́, <палки> сы Масквы пашли,
Што твая рота ва пирёд пашла,
Што тваво каня в паваду вядуть.

579

Запаем-ка мы, братцы, песню новаю,
Новаю, масковскаю пра степь Маздовскаю.
Юж ты степь мая, степь Маздовская,
Даляко степь, ширако вот степь пратянуласа,
Пратянуласа степь вот ды Цырицына,
Ыт Цырицына степь да Камышинки.
Вот и ехали, ехали извощечки,
Извощечки ехали, рибяты коломенски.
Йю них сделалась несчастьеца,
Несчастьеца сделалась йю них, бизврименьица.
Захварал да занимог маладой извощечик.
Захварамши парень, парень стал приказывать:
— Йюж вы братцы вы мае, вы братцы-таварищи,
Не папомните вы, братцы, братцы, моей грубасти,
Сберигите вы, братцы, вы маих добры́х каней.
Вы свидитя вы, братцы, к радимаму к батюшки,
К маму к батюшки с радимаю с матушкай.
Пакланитеса вы, братцы, моей маладой жаны,
Маладой маей жаны сы малыми с деткими.
Вы скажитя вы, братцы, маей маладой жане,
Маладой маей жине вот ей на две волюшки:
Хочишь — замуж иттить, хошь — ва вдовых сидеть.

580

Я из горинки ва горинку хажу,
Скрозь стеколушки на милава глижу,
Как ба милова йювидать,
Расканалью в глаза яво наругать.
— Ты, рассукин сын, ты, каналья, милай друг,
От какой ты йят красавицы йятстал,
Уж какую нигадяйку любить стал!
Нигадяйка насмиялась мне в глаза.
Ты рассукин сын, расканалья, милай друг!
Я сама табе я насмешку насмию:
Нет таво лучши я в диревни полюблю,
Полюблёмши, к себе в гости пазаву,
Зазавёмши, рюмку водки паднесу,
Паднесёмши, сяду, рядушком пасажу.

581

Йю миня, у младой, нигадяй-ат муж, дурак!
Ни пущаить нигадяй, ён на йюлицу гулять!
Хотя пустит пагулять, сам на (о)кошки пралижить,
На мине, младу, праглидить.
— Ни стоить ли жана йю чужих йю варот,
Ни гварит ли жана тайнай речи пра мине?
— Ты пади, жана, дамой, пади, бестия, дамой!
А пайтить ли маладой нигадяю йюгадить,
Нигадяю йюгадить, пастелюшку пастилить?
Пастелюшку пастилю, взгаловьица палажу,
Взгаловьица палажу, с нигадяим спать ляжу.
С нигадяим спать ляжу, на ручинькю палажу,
На ручинькю палажу, на словах яво правяду,
На славах яво правяду, век ему правды ни скажу,
Век яму правды ни скажу, будто я яво люблю.

582

За Кубаном огни гарять, а по полю дымно...
Пашли наши казачуньки — чуть росыньки видно.
Они идуть, маладыя, назад паглядають,
Назад, назад паглядають, чижало вздыхають.
Астаются наши дома маладые жоны,
Маладыя наши жоны, есть малыи дети.
Вот задумал казаченька в Грузей памирети.
Помир, помир наш полковник своей скорай смертью.
Палажили казачиньку на травку-муравку.
— Лижи, лижи, казачинька, с вечера да йютра,
Мы даложим палковничку, выраим магилу.
Лишь пазволь граф Паскевич — сделаим грабницу,
Мы иcделаим грабницу, темнаю тимницу.
Тело несуть, каня ведуть, конь галовку клонить,
— Проржи, проржи, конь вароный, против маво дома!
Йюслышали яво люди в каминной палати.
Как была ба я кукушка, были б сизыя крылья,
Возлитела, политела в турецкую землю,
[Во турецкую я землю], на край, на границу.

583

Гаварила ли я дружку свому, баила:
— Ни жанись-ка-си, душа, халастой паринь.
Если женишься, миленькай, посли сам спакаишься:
Ни равна жинёнонька навялется!
— Навязалась шельма на миня никарыс<т>ная,
Йяна день, шельма, бранить, ва всю ночь йюснуть ни даст.
На руке шельма лижить, ва глаза глидить,
Ва глаза шельма глидить, мине цалавать вилить.
Цылавать мне её ни хочитца,
Ретиво ли сер<д>ца маё ни варотитца.

584

Живароночик мой малодинькай,
Мой малодинькай, расхорошинькай!
Ты зачем, зачем рано вылетал,
Рано вылятал са тяпла гнязда,
Са тяпла гнязда на пригрев со<л>нца,
На пригрев солнца, на притаинки?
Как йю нас, братцы, ва святлой Раси,
Ва святлой Раси, в каменной Маскве,
В каминной Маскве праивляитца,
Праивляитца башня славная,
Башня славная, симиглавныя.
На симой главе крест сиребринай,
На крясту сидить, сидить пташичка,
Сидить пташичка, канареичка,
Высако сидить, далеко глидить,
Даляко глидить на сине моря.
На синим мори девки мылися,
Девки мылися и билилися.

585

Прашли наши виселыи с табой диньки,
Наступают слязавые на нас, мил, вримяна.
Слышу, вижу, мил, горя над сабой,
Никаму я пра дасаду сваю ни скажу,
Я ни батюшки, я ни матушки сваей радной.
Я скажу, скажу падружки сваей патайной.
— Ты падружинька, ты галубушка ты мая,
Ты ни знаешь, что это за горя ета за бида?
Са всяво света напасти вышли на миня,
Рассирдился любезный дружок на миня.
Вот он ходит пы широкаму, милый, двару,
Апущаить белы руки милый вы карман,
Вынимаить золотые милинький ключи,
Атпираить он конюшиньку сваю наву́.
Ён бирeть, бирeть черкасску нову седло,
Мил сядлае сваво ворона коня,
Саезжая са широкава милый са двара,
Становится против краснава йакна,
Взгаварил речь: «Пращай, милая, радасть мая!».
— Западеть, милый, дароженька твая,
Што прабьеть на ней шалковая трава.

586

Ох, да слабада ты ли мая, слабодушка,
Слабада ты ли мая, сяло новая,
Сяло новая, разореная.
Разорил-то сяло степной стараста,
Степной стараста, горький пьяница.
Ён вина-та ни пьет, с кабаку ни йдеть,
С кабаку-то ён ни йдё, всегда пьян живё.
На кабак-та идё, пьян шатаетца,
С кабаку-та идё, ён валяица,
За шалковай-то ён травушку, мил, хватаица.

587

Што свили-та, свили в поли светики,
Свили да паблекли.
Што любил-та, любил паринь девушку,
Любил ды пакинул.
Пакинамши, вор-разбойничик
В глаза насмиялса.
Ён-та снял-та, снял са красной девушки
Шелкавый платочик,
Изарвал, исщипал красной девушки
Земчужно жерелье,
Перламил, перламил красной девушки
Залото колечка.
Па городу, городу Страханскаму
Девушка гуляла,
Йяна гербовуя лист-бумажичку,
Шельма, закупала,
Йяна писаря, красная девушка,
Писать наймала,
Астраханскаму губернатору

Просьбу падавала.
— Вот и батюшка, Астраханскай князь,
Новай губирнатор,
Ты суди-ка, ты суди правдай-верой,
Суди па закону.
Йябесчестил мине, краснаю девушку,
При всем при народе.

588

Рощица мая, роща зиленая,
Харашо ты, роща, йюзыкрашина!
Што пашли-та девки в лес па ягаду,
Што па черная ягаду смародину.
Все девушки ягад панабралися,
Што йядна Маша йяставалася,
Йяставши, Маша прийяукнулась:
— Ты йяу-йяу, мил сердешнай друг,
Што ты мима, мил, ходишь — ни йяукнисся?
— Мне нильзя, нильзя мне йяукнутца.
За мной-то глидя да три сторожа:
Што и первай-та сторaж — тестя-т-батюшка,
Што и другой сторaж — теща-матушка,
Вот и третий сторaж — малада жана.
Из-за гор вить гор высокиех
Йюзайди ты, взайди, туча грозныя.
Ты йюбей, йюбей тестя-батюшкю,
Ты ищо йюбей, йюбей тещу-матушку.
Маладу-ту я жану и я сам йюбью.

589

Што пад крутинькай гарою,
Што пад каминнаю стяною
Пралягаля тут в Крым дарожка.
Вот па етай па дарожки
Нету ходу, нету езду.
Толька ехала здесь павозка,
За павозкаю шли салдаты,
Салдатушки маладыя,
Маладыя новабранцы.
Все салдатушки идуть, плачуть.
Вот йядин салдат ни плача,
Напирёд всех забягая,
Сам во скрыпачкю играя,
Маладых салдат забавляя.
— Вот аб чем жа, братцы, плачтя?
— Вот и как жа нам ни плакать:
Наши домы апустели,
И ятцы с матерьми йястарели,
Малады жены йавдавели,
Малаи детушки асирaтели.

590

Далина, далинушка мая, широка раздольица!
На тибе, далинушка, вырастала рощица,
Частая зиленая, мелкая бирезывая.

За той рощицаю заря занималася,
Из той белой зорюшки сонца выкаталася.
Пичет, грея солнушка зимой ни па-летняму,
Любил паринь девушку, любил ни па-прежняму.
Он любил-обманывал, замуж пыдгаваривал:
— Ты, девушка красная, пади за миня ты замуж,
За добрава молодца, за горькива пьяницу.
— Йю мине, йю девушки, вясной всю вёсну прадумала.
Я йёсень всю приплакала.
Йюж как быть мне, девушки, каво палюбить будя?
Палюбить жынатава — жана будя сердица,
Вся любовь пирименица.
Палюбить мине холыста — холост скоро женица.
Палюблю я, девица, я парнишка вольнава,
Салдата ваеннава.
Салдат вы паход пайдеть — мине за сабой вазьметь.

591

Любил парень краснаю девку ды пары ён да время.
Нам приходя с табой пара-время с дружком расставаца,
Нам с любезным расставаца, с кручины пращатца.
— Пращай, милинькяй, навеки с русыми кудрями!
— Йяставайся, мая любезная, с черными бравями!
Сушут-крушут черныя брови халастова парня.
Халастой паринь, шельма, гуляка да вор-забияка!
Нельзя девки, нельзя красной на йюлицу выйти.
Пайду-выйду вот я разгуляюсь, с дружком павидаюсь.
Я с любезным дружком павидаюсь, все про всё я набаюсь.
— Запрягай, милый друг, корету, я сяду, паеду!
— Заложу я табе и другуя — садися в любуя.
Йю нас пара коней вороных, слуги маладыя,
На слугах платья нимецки, сиртучки на них зилёны,
Сиртучки на них зилёны, шляпы пухавыя,
Шляпы пухавыя, кудри завитыя.

592

А донския казаки
В паход выхадили,
Ягадка мая винаградная!
Напаили Таню пьяну,
Пасадили сиред торгу,
Ягадка мая винаградная!
Они шубыю одели,
Ипанчой прикрыли,
Ягадка мая. . .*
Йячнулась Таня к свету,
А рубушонки нету.
И ячнулась Таня в куры —
С ней шубушку сдули.

Ах ты, горя-гариванья,
Как домой придтити?
Полям идти стыдна,
Дарожкой идти пыльна.
Зальюся слязами,
Пайду за вазами.
Пришла ко двару,
Сириди двора села,
[Сиредь двора села] —
Мине вся семья стрела:
А свекор с свякровью,
А деверь с снахою,
А радной мой дядя
Тащит мине, курву-б. . . .

* Дальше припев, видимо, повторяется после каждого двустишия.

593

Вастрипехнится сокол, на дубу сидючи.
Вот восплачится девушка в высоком тиряму:
— Вот и свет ты мой, светлый день,
Мне тибе ни видать!
Уж и свет, мил сердешный друг,
Мне в тибе ни бывать!
Пойду, млада, с горя в темный лес гулять,
Закричу я, младёшинька, громким голосом:
— Вы, лютаи звери, сабигайтесь ка мне,
Вы, райския пташки, салетайтя ка мне!
Вы, лютаи звери, растирзайтя мине,
Вы, райския птички, растаскайтя мине!
Лишь только ни замайте ретиво серцо,
Вы йатдайте сер<д>ца милому в руки,
Пущай он посмотрит, как я любила!

594

Тошна таково, сам не знаю — йатчаво.
Знать, тошна па ней, па сударушки сваей.
Йюж мне неково паслать мне сударушку пазвать.
Старава паслать — стар ни даедит да ниё,
Йюж малава паслать — мал ни зная, как назвать.
Ровнюшку послать — ровня сам любит иё,
[Ровня сам любит иё], засидица у ниё.
Засидица, заглидица на иё бела лицо.
Выйду, маладец, я на новай на крылец...

ТЕТРАДЬ 3, Ч. II

595

Козел по полю летает,
Он мякину выедает
С пересыпочкою.
Я ухвачу козла за гриву,
Перекину через ниву.
Трибушица на водице,
Трибушица поплыла
Мимо двора.
Тут баба шла с тремя кобелями,
С тремя дочерями.
Ах ты, дядюшка Матфей,
Ты, пожалуйста, отбей.
Соломенный колпачек
На базаре стоит
Сы рассадаю.
У ково рассады нет —
Вы придите ко мне.
Наламаем, накладем,
Вдоль по улице пайдем,
К душе Катиньке зайдем!
У души у Катиньки
Два молодчика сидят,
Промеж себя говорят:
Давай Катю делить.
Кому Катю, кому платье,
Кому денежки ее.
Ермолай стал богу молиться,
С Катериной спать ложиться.
— Катерина, Катерина,
Вались на перину!

596

Коляда, коляда, луковка,
Коляда, коляда, постуковка,
Коляда, коляда, игде была?
Коляда, коляда, за вратами была.

Коляда, коляда, игде ворота?
Коляда, коляда, полая вода снесла.
Коляда, коляда, игде вода?
Коляда, коляда, быки попили.
Коляда, коляда, игде быки?
Коляда, коляда, за гору ушли.
Коляда, коляда, игде горы?
Коляда, коляда, черви выточили.
Коляда, коляда, игде черви?
Коляда, коляда, гуси выклевали.
Коляда, коляда, игде гуси?
Коляда, коляда, девки выгоняли.
Коляда, коляда, игде девки?
Коляда, коляда, за мужья вышли.
Коляда, коляда, игде мужья?
Коляда, коляда, на полатях сидят.
Коляда, коляда, что делают?
Коляда, коляда, шапочки шьют.
Коляда, коляда, на что шапки?
Коляда, коляда, на крючки вешать.

Подкликивают: Дайте блин, задний клин! Кто не дает — девку-ниряху, нипряху; а кто дает — плотничка-работничка (это чтобы у хозяина родились).

597

Овсень, овсень! Кишки да желудки
Овсень, овсень! На печи сидели
Овсень, овсень! На нас-то глядели.
Овсень, овсень! Машка, Машутка
Овсень, овсень! На сивой кобыле.
Овсень, овсень! Сивая кобыла,
Овсень, овсень! Поедем жениться!
Овсень, овсень! Свинья рылом пашет,
Овсень, овсень! Ногами волочит.

Дайте ножку в заднее окошко! Кто не даст, тому девку-неряху, непряху. Кто даст — плотничка, работничка.

598

Если б знала, если б ведала, мой свет,
Зло-несчастьице великое свое,
Не смотрела б я на прелести твои,
Не прельщалась бы твоею красотой.
Красота ль твоя с ума меня свела,
Случилося мне одной с тобою быть.
Клялся, бестия, мне небом и землей,
Уверял, злодей, что век станет любить.
Влюблясь, миленький меня навек забыл,
— Позабудь, злодей, не думай обо мне,
Не вспоминай, злодей, что я была твоя.

599

— Полно, Ваня, перестань,
Прочь от девушки отстань!
— Родимая моя мать,
Тебе меня не унять
За быстрой рекой гулять.
Я за быстрою за речинькой
Гулял-таки гулял.
У майора дочь хорошую
Любил-таки любил.
Лицом бела, словно снег,
Щеки алы, словно цвет.

600

Я мала была — горя не было,
Выростать стала — горе прибыло,
Как замуж вышла я за стараго,
Я за старого, за ревниваго.
Он ложится спать не по-людскому,
Не по-людскому, по-дурацкому,
По-дурацкому, ко мне спиною.
Промежду-то нас змея лютая,
В головах у нас что сугроб снегу.
Ты взойди, взойди, туча грозная,
Убей ты убей змею лютую.
Воссияй, воссияй, солнце красное,
Разогрей, разогрей тот сугроб снегу.

601

— Матушка, матушка, животик болит!
— Дитятко Варюшка, на печку приляжь.
— Матушка, ластушка, на печи батрак.
— Дитятко Варюшка, от стенки приляжь.
— Матушка, ластушка, от стенки — дитя...
— Курвица, б..., ты с кем добыла?
— Матушка, ластушка, сходи за попом!
— Шельма бесстрашная, ведь поп не пойдет!
— Матушка, ластушка, скажи на сноху.
— Шельма бесстрашная, у снохи дитё.
— Матушка, ластушка, скажи на сестру!
— Шельма бесстрашная, сестра молода.
— Матушка, ластушка, скажи на себя!
— Шельма бесстрашная, я-то вить стара.
— Матушка, ластушка, сули сто рублей!
— Шельма бесстрашная, сколько у тебя дружьев?
— Матушка-ластушка, двадцать пять дружьев!

602

Ой, заря ль моя, зорюшка,
Зорюшка вечерняя!
Солнушко восхожее!
Высоко восходило,
Далеко осветило
Через лес, через поле,
Через синее море,
Через речку быструю.
Тут лежала жердочка
И тонка и быстрая.
Вот по этой жердочке
Что никто не хаживал,
Никого не важивал.
Перешел детинушка —
Перевел девчинушку.
Он стал выспрашивать,
Из ума выважывать.
— Цветик мой, ты чей такой?
— Радость моя, ты сам
догадайся.*

* Вар.: Перевемши, цалуя,
Он цалуя, милуя.
— Ты роди мне сына как белого сыра,
Ты роди мне дочку как белую колпию.
(В п. Сурках, у однодворцев).

603

Вылетал сизый голубь
Из своей голубни,
Прилетал сизой голубь
В чужую голубню.
Перед ним голубушка
Стала ворковати.
Уж и где же сиза голубя,
Где же посадити?
Посажу я голубя
На свою голубню.
Накормлю я голубя
Ярою пшеницей.
Напою я сизого
Ключевой водицей.
Приезжал Василий
Из иной губерни.
Перед ним Мария
Стала говорити.
Уж и где же Василия,
Где же посадити?
Посажу я Василия
Во свой высок терем.
Накормлю я Василия
Сладкими конфетами.
Напою Василия
Дорогими винами.

604

Девица по садику гуляла,
Красная крапивушку жала.
Жамши, я несколько не <на>жала,
Кажется, ни с кем не стояла,
Только я с милым говорила.
— Душичка, удалой молодец,
Слышно мне, ты едешь во службу.
Ты возьми меня с собою!
[Назови меня сестрою].
— Глупая красная девица,
Мне нельзя тебя взять с собою,
Мне нельзя назвать тебя сестрою.
Все в полку офицеры знают:
Нет у меня родной сестрицы,
Только есть жена молодая,
Там живет в Москве вы квартире,
Во той тоске, тоске, вы кручине!
— Вдарюсь я об мать-сыру землю.
Мать-сыра земля, расступися!
Милой мой, назад воротися!

605

В чистом поле при долине,
Там гуляя пари(е)нь молодой.
Нету ли заботушки ему никакой.
Только и заботушки —
Жена молодца бранить.
Я не слушаю жены —
Иду гулять на всю ночь,
Приду в самую полночь.
Жена моя, шельма,
Стоит у ворот.
— Растворяй, жена, ворота.
Пускай молодца, меня,
Паринечка, на двор!
— Не пускаю я пьяницу на двор.
Зачем же ты ходишь, злодей, не порой?

606

Уж ты Поля-Полюшка,
На ветру долго была,
Простудилась молода.
Уж как сделалась больна,
Вы постелюшку слегла.
Вы постельке три недельки лежала,
На четвертую недельку вставала,
Во зеленый сад пошла,
Себе горенку нашла.
Я во горенке сижу,
Я на вольный свет гляжу,
Где б милого увидать,
На каналью попенять!
— Уж ты миленький-милой,
Зачем ходишь ко иной?
От какой крали отстал,
Негодяйку любить стал.

607

Туман, туман на долине,
Широкой лист на ялине,
Еще шире — на дубочку.
Кричит голубь голубочку:
— Не свою, голубь, чужую
Прижму к сердцу, поцелую.
— На что чужую целовати,
Крепко к сердцу прижимати?
Как за речинькой, за рекою
Ходят-гуляют красные девки.
Одна девка, одна красна
Ходит, сама слезно плачет.
Парень девку унимаить,
Платком слезы утираить.
— Не плачь, девка, не плачь, красна,
Что я холост, неженат<ой>.
Как поеду я жениться,
Наварю я пива-меду.
— Твое пиво мне не диво,
Дивешинька твоя свадьба!
— Не плачь, девка, не журися,
А я холост, не женюся.
Когда буду я жениться,
Прошу пива, меду пити.
— Твое пиво мне не диво,
Дивешенько твое слово!
— Поди, девка, поцалую!
— На что чужую целовати,
Жало к сердцу задавати? *

608

Вы морозы, вы морозы, вы холодные!
Заморозили морозы добра молодца!
Как у города вороты были заперты,
Заперты были вороты, запечатаны,

* По другим: «Золы к сердцу подсыпати?» (собир.).

Караульщики, молодцы, крепко спят.
Лишь одна не спала тут красна девица,
Распрекрасная Елена, дочь королевская.
Что брала она со столика золоты ключи,
Отпирала добру молодцу воротицы.
Как большая-то сестрица коня вывела,
А середняя сестрица седло вынесла,
Уж и меньшая сестрица плетку подала,
Как подавши она плеточку, заплакала.
— Уж когда же ты к нам, братец, навзворот будешь?
— Уж и есть-та ли у батюшка зеленый сад.
Как вы этом ли садочку суха яблонька.
Уж когда же эта яблонька развернится,
Уж тогда я вам, сестрицы, навзворот буду.
Как большая-то сестрица — младцом в армию,
А середняя сестрица — звездой по небу,
А меньшая-то сестрица — щукой по морю.

609

Нынче праздник, завтра веселье:
Сова идет замуж за белаго луня,
За белаго луня, за милаго друга.
Сучий, рячий — московский подьячий,
Ястреб — стряпчий, ворона — сходатай,
По двору летая, кур собирая,
Кур собирая, совушке давая.
Собиралась совушка летети
К луню-то белому, к другу-то милому.
Навстречу совушке серые, малые,
Носики долги, крылушки востры.
По ветру летают, по земи хватают.
Зачали мене, совушку, зачали мене, вдовушку,
Щипати ё, рвати, по клоку метати.
Я, было, сова, всторопилась, назад воротилась,
Да в куст головою, кверху ногою.
Ножкою топнула, бровками хлопнула —
Эти птицы прочь отлетели.
Прилетела совушка, прилетела вдовушка
К луню-то белому, к другу-то милому,
Разжалилася, разнюнилася:
— Ох, лунь ты мой белой, друг ты мой милой,
Чтой-то за птицы такие, серые, малые,
Носики долгие, крылушки вострые?
Уж зачали мене, совушку, зачали миня, вдовушку,
Щипати ё рвати, по клоку метати,
Да в кусты головою, кверху ногою.
Ножкою топнула, бровками хлопнула —
Эти-то птицы назад отлетели.
— Это наши все люди, за морем жили,
Сено косили, на тебя, на меня,
На совушку на вдову, на любушку на мою.
— Слава те богу, вышла, не ошиблась,
Есть кого послати, есть кому подати.

610

Из-под лесу, лесу темного
Восходила туча грозная,
А другая непогожая

Сы снегами сы глубокими,
Сы морозами студеными.
Тут ехала дочь от матушки,
Она ехала, не доехала.
Лошаденка уморилася,
Середь лесу становилася,
Середь лесу, середь темнаго.
Кы дубочику прислонилася,
С саловьём думу думала,
С молодым думу крепкую.
— Соловей ты мой, соловьюшко,
Залетная моя пташечка,
Куда летишь, возвиваешься?
Не к родному ли мому батюшке?
Не к моей ли родной матушке?
Снеси батюшке мой низкой поклон,
А матушке — челобитьице,
А мне, младой, за водой идти.
Прилетели гуси-лебеди,
Возмутили воду чистую.
А я, млада, дожидалася,
Пока вода устоялася.

611

Взойду я на сени,
Взойду на новы́е,
Ой, люли, ой, люли, взойду на новые.
Ударю, млада, в гусли,
Ударю в звончатые,
Ой, люли, ой, люли, [ударю в звончатые].
На ладу (о)ни звенят,
Звенят песни золотые,
Ой, люли, ой, люли, звенят песни золотые.
Ни свекор подходит,
Лютой подъезжает,
Ой, люли, ой, люли, лютой подъезжает.
Не подъезжай, свекор,
Не подъезжай, лютой,
Ой, люли, ой, люли, не подъезжай, лютой.
Не твой сын купил,
Не твой снарядил,
Ой, люли, ой люли, не твой снарядил.
Купил мне батюшка,
Купил мне родимой,
Ой, люли, ой, люли, купил мне родимой.
Себе на честь, на славу,
А мне на покрасу.

612

Не во трубушку трубят рано по заре,
Татьяна плачет по русой косе. Ай, люли...*
Ах, свет моя косушка, коса русая,
Ах, свет моя ленточка, лента алая.

* Припев с повторением последних слов второй строки поется после каждого двустишия.

Вечер-та мне, девушке, косушку плели,
Подружки-сестрицы ленту выплели.
Поутру сваха стала косу расплетать,
Стала мою ленту выплетать.
Вложила ленточку на тарелочку,
Понесла ленточку на высок терем,
Поставила ленточку на дубовый стол.
Красуйтеся, девушки, моей ленточкой.
Моя-то ведь ленточка алая была,
Мое-то ведь времячко миновалося.
С младыми молодками я поровнялася,
Сы красными с девушки порассталася.

613

У Дунюшки, любушки, черные брови хороши,
[Черные брови хороши], разманчивые были.
Разгорелись глазуньки на Дунину красоту,
На Дунину красоту, на ее русу косу.
Ты расти, моя коса, до шелкова пояса,
А еще расти, коса, что до белого чулка,
Что до бела до чулка, до сафьянна башмака.
Все бы я по горинке ходила,
Все бы под окошечком сидела,
Все бы скрозь стеклушко смотрела.
Красные девушки на гулянье шли,
Пели песни сами про себя,
Про кампанью про свою, девью красоту,
Про девью красоту, про русую про косу.

614

Шел детинка по лужечку,
Он не в шубе, не в кафтане,
В белом балахоне.
Несет гусли под полою,
Под полою под правою.
Ой, вы, гусли, поиграйте,
Самодергу позабавьте.
Самодерги дома нету,
Самодерга у соседа,
У соседа на беседе,
У дворовых вы хороших.

Кума к куме приходила,
Рубашоночку просила.
— Кума, кума, дай рубашку,
Хоть худую, аллянную,
Сы долгими рукавами,
С кумашными паликами.
— Кума, кума, сама пряди,
Сама пряди, не ленися,
С ребятами не бесися.
— Кума, дети одолели,
С того бока оголели.

615

Уж и что это такое, сердце мое злое?
Сижу долго ночи, сижу — приуныла,
Сижу — приуныла, все сердце изныло.
Ноет, ноет мое сердце, ноет-занывает.
Ноет-занывает, ничего не скажет.
Только скажет мое сердце, кого я любила.
Плакала, тужила, долго ночь сидела.
Я сидела долго ночи, до самой полночи,
До самой полночи, до второго часу.
Я сидела за цветами, залита слезами.
Во слезах дружка не вижу, за глаза ругаю.

Во всю ночку гуляла,
На биседе сидела.
Я не лучше себя мальчика
Ко любови привела.
Хорош, пригож мальчик уродился,
До девок очень ласков был.
Вечор я с милым гуляла,
Мил за ручку крепко жал,
Мил за ручку крепко жал,
Появился в моем лице жар.
Пойду, млада, на крылечко,
Простужу бело лицо.
Не успела простудиться —
Мил из горенки идет.
Мил из горенки идет,
Он подарочик несет,
Подарочик дорогой —
С руки перстень золотой.
Не хочу я носить перстень,
Хочу скинуть, положить.
Уж носить перстень не стану,
От тебя я не отстану,
Я во гроб с тобой пойду.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КОНСПЕКТИВНЫЕ НАБРОСКИ СКАЗОЧНЫХ СЮЖЕТОВ

1

Д. Синькова, от Мценска 23 версты, от Ладынина 17 верст. Мальчик рассказал мне сказку.

Старик со старухой, у них три сына: два умных, третий дурак. Поп нанял работать умного, тот забрал сто с денежкой. Поп велит послать помягче да накормить послаще. Посылает батрака. Поп ест — не пригл<янулось> — выругал. Другой тож. Дурак взял хлеба, полез на стол... ободрал, привязал соху. Поп выручил за это сто рублей. Вола съел медведь, осталась шейка в хомуте. Дурак гаркнул — медведь в хомут. Дикие свиньи — куча. «Как куды? К попу на двор». Черт за пшеницей.

2

18 генваря. Лопухи.

Жил старик со старухой. У них б<ыл> сын один. Его женили. Молодые пошли под светлое воскресенье в баню париться. После них пошел отец с матерью. Молодые уговор положили — друг друга слушаться. Муж велел жене убить отца с матерью. Разговор — отцу с матерью. Пошли искать. Две стор<оны?> — ищи. Старик велел стеречь овец, курушку. Послал попа. Яблочки. Покор<мил> стари<ка>, отца с матер<ью>. Отец прост<ил>, мать не прост<ила>. Мать в смоле, сын за жену; за нее народ — они браниться. Там козел(?).

3

ЕМЕЛЯ

Жил стар<ик>, три сына. Меньшего дурака снохи посыл<ают> за водой — он поймал щуку. «Вот тебе сло<ва>», — говорит. Ведры по щучьему веленью, по моему прошенью сами пошли; на сан<ях> за дровами, народ передавил, перебил; начальники пришли, дубинка переб<ила>. К царю вез<ут> на печи. Женился на царевне. Царь напоил их доп<ьяна> — в бочку на море. На сорок кл<еп>ков бочка; Емеле курева нет, а дала Емеле (*нрзб.*) хруст<альный> шатер. Сделал<ся> на лицо хорош.

4

Ходил стар<ик> богу молиться, пить хочет. Лесщиночки нет. К колодчику нагнулся — за усы ухват<ило> чудо-юдо об трех головах: «Отказ<ывай>, что дома нет, что не знаешь». Об шести головах, об двенадцати головах.

Пришел домой старик, сын лет пятнадцати; но отецких молитв слушать надо. Три сохи железные, три кости, три просвиры. Сел, сбил. При-

шел старик в избушку на кутьих ногах, на собачьих пятах. «А, от дела лытаешь аль дела пытаешь?»

А хотя и братец, а сердит. Сесть. Другая, третья: вот как пить подайте. 33 девицы летают на прудах купаться. Ядна после купанья под мост рубаху кладет. Согласилась замуж идти. Заперла в сундук. Чудаюда о двенадцати головах: «Русью пахнет!» — и отпер. Батюшка отказал. Пришел — выбирай! На руке золот перст<ень>. Мушка — виться над ней; «ножкой шевельну». «Не зять боек, а дочь бойка!» Первенчал, келью срубил. «Жена, что отец заставляет делать?» — «Посеять, вырастить и смолоть пшеницу, пирогов напечь». Махнула платком: идите, батюшкины слуги, с сохами, боронами. «Не зять мудер, а дочь мудра».

Корабь: чтобы ходил по воде и по суху берегу. Махнула платком: идите, батюшкины слуги, с топор<ами>, долот<ами>. Он выходит — вбив<ают> гвоздики, батюшке шапочки вешать. На третью ночь делать нечего. Подслушали под окно<м>. Зарезать. «Чего в заботу вдался?» Перевернула голубем и голубкой, взвились на избу и гуртують. Мельница дедушки...

5

Жил поп-расстрига, пропился. Попадья спекла три просвирки. Поп побираться. Встречу Никол<ай>-угодник. Пойдем лечить бояр. Долго шли, сели на дорожку, съели по одной просвирке. Николай-угодник заснул, поп съел третью. Поп в елее. Пришли к барину. Поп баню стопил. Николай-угодник повел дочь в баню. Разрубил, три раза дунул. Поп увидал. Пошли. Николай заснул. Поп с деньгами тягу. К реке, на плотах. Поп удрал. К царю. Сын. Царь не жалеет сил. Его вешать. Николай. Взяли деньгами. Стал Николай делить на три кучи, кот съел — тому две кучи. Попа давили, тонул — не покаялся, а на деньгах попался.

6

Стар<ик> со старухой: как сынка добыть? Напердели в хлопок, положили в горнушку. Старик уехал. Выскочил сам с ноготок, борода с локоток. Наелся, напился, батюшке снес блинов, стал пахать с песнями. Барин послал узнать. «Поди». Порешили: пора. «Продай!» Пятьсот рублей. Посад<ил> в карман — прогрыз да ушел. Под березой разбойники. Здорово. К попу — за быков. Каково Буриго? Нам какой причитается? Попу требуху, жене кишки, а дочери х... в п... Поп. Черева вывалились. Жена родила. Свечку засунули. Вкатился в пузырь — волк прогл<отил>. «Пастух, пастух, овечий дух, волк овцу тащит!» Волку нечего делать. Хотел выпернуть. С сыном домой.

7

К Марке богатому посулился господь в гости. Мост — красным сукном, никого не пуск<ает>. Два старика идут, насилу продралися. «Пусти хоть под лавку». Апостол: «Кому это богатство достанется?». Господь: «Сыну вдовы». Дочь слышала. Марко купил сына, бросил в лес зазнобить. Святые огни, пташки. Мужик идет к Марке денег просить на подушное. «Что у тебя, зачем?» Шляпу денег. Засмолил в бочку, бочку па море, к монастырю. Монахи разгуторили. Свечка горит, книгу читает. 18 лет в монастыре — петь выучился, приезжает Марко. «Кто?» Мон<ах> и говор<ит>. Послать с запиской, чтоб убили. Старик встречу. «Покажи письмо». Отнял, переписал. Женат на дочери. Через неделю Марко. «Верно, я пьян был». Поди к змее, спытай: кто богаче? Две бабы из колодезя воду переливают — показали дор<огу>. Лежит кит-рыба во все море, до ребра дороги проезжены. Перевозчик из края в край. Шугнул —

лодку передвинуть. Лежит змея — огонь изо рта; села ближе — огонь тише. За что? Кто богаче? Он думает, что он богаче. Всякая щепка золотая да серебряная да столб до неба деньгами набит; пусть приезжает. Бабы людей портят. Кит — три корабля. Перевозчику прежде. (*нрзб.*). Сказал перевозчику, киту, рыбе, бабам. Пришел домой, сказал Марке богатому. Тот набрал подвод, поехал за деньгами, подъезжает к перевозчику — тот этого и оттолкнул.

8

Жил купец богатый, умер. Остав<ил> сына. Тот пропил все, осталось одно платье. Ходит он по торгу, собой-ту видной... На ту пору красная девушка, дочь купецкая, сидела под окошечком, вышивала ковер разными шелками. Увидала он купецкого сына... Полюбился ей купецкий сын. «Пусти меня, — говорит она матери, — за него замуж!» Старуха не хотела и слышать, да потолковали со стариком: может быть, жениным счастьем и он будет счастлив, и дочь все пристает — взяли да и отдали. Первенчали. Жена купила бумаги, сшила ковер, послала продавать. «Отдавай за 100 рублей, — говорит жена мужу, — а встретишь хорошего человека — за доброе слово отдай». Встретился старичок, стал торговать. Сторговались за 100 рублей. Стал старик вынимать деньги да и говорит: «Хочешь деньги или доброе слово?». Подумал купеческий сын, подумал: «Жена не даром говорила...». «Говори, — говорит, — хорошее слово, — на́ ковер!» «Прежде смерти ничего не бойся», — сказал старик, а сам взял ковер и ушел. Приходит домой купеческий сын и рассказал все хозяйке. Хозяйка сказала ему спасибо, купила шелку, сшила ковер и опять послала мужа продавать с наказом: отдай за 500, а встретится добрый человек — отдай за доброе слово. Выходит купеческий сын на торг и попадается ему тот же старичок. «Возьми, — говорит старичок купецкому сыну, — 500 рублей, или я скажу тебе доброе слово?» — «На́ ковер, говори доброе слово!» — «Пробудёмши, дело разобравши, головы не сымавши», — сказал старик, взял ковер да и ушел. Приходит купецкий сын домой, рассказал все хозяйке — та ни слова.

Дядья купецкого сына собрались ехать за море торговать. Купецкий сын собрал кое-как один корабль, простился на постели с женой да и поехал за ними. Вот едут они по морю. Вдруг из моря выходит морской горбыль. «Давай нам, — говорит горбыль купцам, — русского человека на судьбину — дело разобрать; я его опять назад ворочу». Дядья думали, думали, вот и пришли к племяннику с поклоном, чтобы он шел в море с горбылем. Тот вспомнил слова старика: «Прежде смерти ничего не бойся», — пошел с горбылем в море. Там судьбина разбирает, что дороже: золото, серебро или медь. «Разберешь ты, — говорит судьбина купеческому сыну, — это дело — награжу тебя». «Изволь, — говорит тот, — медь дороже всего». — «Почему?» — «Ну, без меди в расчете обойтись нельзя, в ней денежки, и полушки, и копейки; из нее и рубли набрать можно, а из серебра не откусишь». — «Правда твоя, — говорит судьбина, — ступай на свой корабль».

Выводит горбыль его опять на корабль, а тот корабль битком набит каменьем самоцветным. Дядья уехали далеко, да купецкий сын их догнал да и заспорил с ними: чей товар лучше. Те ему и говорят: «У тебя, племянник, один гаденький кораблишка, а у нас сто». Спорили, спорили, осерчали да и пошли жаловаться на него царю. Тот сперва хотел просто без суда повесить купецкого сына: не порочь, дескать, дядьёв; да после велел принести товары посмотреть. Дядья принесли товары шелковые, золотые. Царь так и засмотрелся. «Показывай свои!» — говорит царь купецкому сыну. «Прикажи, государь, закрыть окна». Тут вынул из кармана камушек — так все и осветило. «Твой лучше. Изволь, купецкой сын, возьми себе корабли дядьев».

Торговал он ровно 20 лет. Вот и воротился купецкой сын, наторговавши ровно сто кораблей. Входит в свой дом и видит: хозяйка его ле-

жит на постели с двумя молодцами. Закипело у него сердце, вынул он саблю вострую... «Зарублю, — думает, — друзьёв жениных», да и вспомнил слова старика: «Пробудивши, дело разобравши, головы не сымавши». Разбудил хозяйку, а та вскочила да и толкает молодцов: «Детки, — говорит, — ваш батюшко приехал!». Тут и узнал купецкой сын, что жена без него родила ему двойню.

9

Как у нас при Петре I купцы поторговали в другие земли. Тот царь приехал к нам свольна, с царицей. Петр пошел к обедне, а дал прудкой царице водки на 12 дней. Купцы: «Нельзя ли нам поторговать в вашей земле?». Наш царь тому радуется. Поторговали, увидели царицу. Приезжают домой, говорят Петру. Нарядился купцом, приходит к прудкому царю за позволением. Узнала царица — вешать! «Позволь в рынок поиграть». <...> — «Мои голуби всю твою пшеницу поклевали». Солдаты во двор повесили. <...>

Бояре подкупили армию, думали: кто <*нрзб.*> говорили по-латынски. Царь слушал, увидел. К царю наличника послали с армией. Тот оставил армию на городничего, сам дал пять миллионов. Быть часу в таком-то. Собрались, вспомнили бога, своих родителей <...>

10

Купец приказал ключнику всякого проезжего, прохожего пускать, чтобы бог сына дал, а сам поехал в иные земли поторговать. Прошло сорок недель, стала купчиха рожать. Приходят в это время два старца. Ключник сперва не хотел их пускать, а те стали приставать об ночевке. Нарекли имя ему Василий, а счастье — что у бога попросит, то и будет. Услыхал ключник, поймал голубя, сорвал ему голову, помазал губы и украл ребенка. Тот растет не по годам, не по дням; что ни попросит у бога — все ему есть. Хорошо с ним жить ключнику. Тот его батюшкой величает. Ключник задумал жениться на купецкой дочери. «Я сама не имела греха, хочу такого и мужа». Тот рассказал все, младенец и подслушал. «Обороти, господи, моего ключника конем, я сяду, поеду на нём». Обернулся кобелем. Жиром подчивал. Не горы — люди. Дать — не съест. Приезжает к матери, рассказал всё.

КОММЕНТАРИИ

Записи П. И. Якушкина 1840-х гг., вошедшие в Собрание П. В. Киреевского, оказались рассредоточенными по разным архивохранилищам страны — ГБЛ, ГИМ, ЦГАЛИ. Как и материалы других корреспондентов Киреевского (Языковых, Пушкина, Кольцова, Гоголя и др.), коллекции Якушкина из разных губерний, составляющие самый значительный вклад в Собрание — около 2000 текстов, не выделены и находятся в разных папках и связках, а также среди издательских материалов выпусков старой серии «Песен, собранных П. В. Киреевским».

Фольклорные записи Якушкина сохранились в следующем виде:

1) автографы собирателя; это прежде всего его полевые записи и путевые дневники, дошедшие до нас не полностью;

2) беловые тетради с переписанными самим собирателем или близкими ему лицами песнями, классифицированными и отобранными; они имеют пометы: «свадебные», «сговорные», «голосовые»;

3) беловые тетради, переписанные неустановленными лицами и проверенные собирателем, — в них есть исправления его рукой, пометы на полях, вставки пропущенных или неразобранных переписчиками слов;

4) копии с записей Якушкина, снятые помощниками Киреевского, — его сестрой Марией Васильевной, П. И. Бартеневым, Е. И. Елагиной, Н. А. Костровым, самим Якушкиным и неустановленными лицами; среди них могли быть специальные переписчики из числа грамотных крепостных крестьян.[1] Копии писались на небольших карточках в $^1/_8$ долю листа при подготовке Собрания к печати для систематизации и учета вариантов в нескольких экземплярах.

Самая ранняя коллекция песен Якушкина в Собрании Киреевского состоит из нескольких тетрадей, озаглавленных «Русские народные песни, собранные летом 1843 г.». Впервые они описаны М. Н. Сперанским в 1911 г.: «...этих тетрадей было по крайней мере одиннадцать, написаны они все одной рукой. Киреевский получил зараз целую коллекцию. Чья она? Остается неизвестным».[2] Принадлежность коллекции П. И. Якушкину подтверждается описью Собрания П. В. Киреевского, порядковые номера которой соответствуют порядковым номерам, стоящим на тетрадях коллекции. В 1911 г., когда вышел из печати первый выпуск лирических песен из Собрания П. В. Киреевского, эта опись еще не была известна.[3] Заглавие первой тетради, повторенное на отдельном листке, указывает на село Сабурово Малоархангельского уезда — родное село Якушкина. В тетрадях имеются исправления, вставки и пометы его же рукой, поэтому тетради 1843 г. могут считаться авторизованной копией и включаются в описание автографов.

---

[1] Мать Киреевских А. П. Елагина по просьбе сыновей завела специальную школу — «Долбинский университет». «Университет Долбинский здравствует и благоденствует. В нем теперь находится около 15 человек мужского и женского пола, которые пишут порядочно, некоторые хорошо», — писал П. В. Киреевский матери (ГБЛ, ф. 99, оп. 1, п. 10, № 31; см. также: Русский архив, 1907, № 1, с. 82, 90 — письма И. В. Киреевского к матери).

[2] Сперанский М. Н. П. В. Киреевский и его собрание песен. — В кн.: Песни, собранные П. В. Киреевским. Нов. сер., вып. 1. М., 1911, с. LII—LIII. Подробное описание коллекции см.: Власова З. И. Ранний период фольклорно-этнографической деятельности П. И. Якушкина. — В кн.: Очерки по истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, т. 85, вып. II. М., 1963, с. 18—21.

[3] Черновая опись Собрания песен П. В. Киреевского. Составлена П. И. Якушкиным и В. А. Елагиным. См.: Песни, собранные П. В. Киреевским. Нов. сер., вып. 2, ч. 2. М., 1929, с. IX—X. Буква «б» при порядковых номерах описи означает «Бунино», т. е. имение В. А. Елагина; все пронумерованные материалы находились там.

АВТОГРАФЫ П. И. ЯКУШКИНА

I. Русские народные песни, собранные летом 1843 г.

Существовало не менее 11 тетрадей с таким заголовком. Однако тетради III и VII не обнаружены.

Каждая тетрадь имеет формат обычной школьной, сшита нитками, без обложки. Некоторые тетради разорваны, и части их находятся в разных папках. На первой странице каждой тетради (кроме первой) приведенный выше заголовок, написанный одним и тем же почерком. Наверху римской цифрой обозначен порядковый номер тетради.

Черновых (полевых) записей текстов, содержащихся в тетрадях, не обнаружено. Две песни, в них помещенные, есть в тетради, озаглавленной «Русские семейные песни». Четыре песни из IV тетради и восемь из V тетради полностью совпадают с двенадцатью текстами из тетради П. И. Якушкина и Н. А. Кострова. Копии некоторых свадебных песен этой коллекции имеются в четырех беловых папках свадебных песен (архив П. В. Киреевского, ГБЛ, ф. 125, п. 1—4).

Тетрадь I. Содержит 24 листа с переписанными одним и тем же почерком песнями, 33 текста, пронумерованных римскими цифрами. На первом листе, служащем обложкой, заголовок — «Русские народные песни», выведенный светло-коричневыми чернилами тщательно, но с помарками. Ниже рукой П. И. Якушкина и более темными чернилами добавлено: «Собранныя летом 1843 года». Еще ниже рукой П. В. Киреевского приписано карандашом: «Малоархангельского уезда сельцо Сабурово». В конце тетради подпись: «В. Якушкин», но фамилия потом тщательно зачеркнута. Возможно, тексты переписывал младший брат собирателя Виктор Иванович, ему в 1843 г. было 14 лет. Пропущенные строки во II песне и припев в VII вписаны рукой П. И. Якушкина. На первом же листе имеется порядковый номер рукописи (индекс) — 98б, проставленный карандашом, и помета рукой П. А. Бессонова: «Чернов‹ые?›», хотя в действительности песни переписаны набело, но с описками и почти без знаков препинания. Слова «Ванюшечка, Андрюшечка, душечка, кукушечка» написаны с мягким знаком после «ч».

Тетрадь II. Состоит из 12 листов плотной пожелтевшей бумаги, сшитых черными нитками. Восемь песен, пронумерованных римскими цифрами (XLIII—L), переписаны крупным почерком коричневыми чернилами. Семь из них вошли во второй выпуск Новой серии, XLVI не публиковалась. На обложке индекс — 96б. Место записи песен не указано. В описи значится: «Якушкин, Малоарх‹ангельского› уезда».

Тетрадь III—IV. Тетрадь, по-видимому, должна иметь номер III, так как нумерация текстов римскими цифрами начинается с номера LI, т. е. продолжает нумерацию предыдущей тетради, но обозначена ошибочно IIII. В ней 12 листов, 9 песен, переписанных без ошибок, со знаками препинания, неизвестным почерком (LI—LIX). В левом нижнем углу обложки неразборчивая подпись: «Кудашев» (?), индекс карандашом — 90б. В описи против этого номера указано: «Якушкина с Кудашевым». Других помет нет, но в IX песне два слова, видимо не разобранные переписчиками, вписаны рукой Якушкина. Семь песен вошли во второй выпуск Новой серии, II и III не публиковались.

Тетрадь V. Состоит из 10 листов, 11 песен (LX—LXX), переписанных тем же почерком, что и в предыдущей тетради, без исправлений и помет. Судя по нумерации текстов, является продолжением предыдущей тетради. На обложке индекс карандашом — 91б. В описи против этого номера: «Якушкина Орловск‹ой› губ‹ернии›».

Тетрадь VI. Состоит из 20 листов, 17 песен; 11 из них не были опубликованы. Тетрадь разорвана на две части. Первая половина (LXXI—LXXVII) находится в Рукописном отделе ГБЛ. На обложке помета П. А. Бессонова: «Чернов‹ые?›». На последней странице тетради коричневыми чернилами помета — 3б. В описи против № 3 значится: «Сабурово». Продолжение тетради (2-я часть) находится в ОПИ ГИМ, состоит из 8 расшитых, но сложенных вместе листов того же формата. На первом листе рядом с номером песни помета карандашом: «Доставлены мне Якушкиным. Ел‹агин›».

Тетрадь VII. Автограф ее не найден; в ГБЛ сохранилось 28 копий с текстов свадебных песен, в ГИМ (ф. 56) — 5 копий; 6 текстов опубликовано в Новой серии «Песен, собранных П. В. Киреевским», вып. 1. Все песни записаны в селах Лимовое и Липовица-Перехожи Малоархангельского уезда Орловской губернии.

Тетрадь VIII. Состоит из 12 листов нелинованной пожелтевшей бумаги, сшитых черными нитками. Содержит 8 песен. Нумерация текстов начинается с первого номера римскими цифрами. Почерк тот же, что в V и VI тетрадях. На первой странице помета П. А. Бессонова: «Чернов‹ые›» и индекс — 104б. В описи против него значится: «Якушкина Лихвинского уезда». На второй странице заголовок: «Сговорные». Эти же песни в копиях имеются в папках свадебных песен. К третьей песне имеется примечание П. И. Якушкина.

Тетрадь IX. Состоит из 10 листов пожелтевшей нелинованной бумаги, сшитых черными нитками. Содержит 11 песен. На первом листе индекс 102б и помета П. А. Бессонова: «Чернов‹ые›», хотя песни переписаны набело, чернилами; по описи значится: «Якушкина Лихвинск‹ого› уезда». Заголовок написан той же рукой, что и в предыдущей VII тетради, а тексты — неизвестным почерком. Нумерация текстов продолжает предыдущую.

Тетрадь X. Состоит из 12 листов нелинованной бумаги, сшитых белыми нитками. Содержит 14 песен, переписанных коричневыми чернилами. Почерк тот же,

что и в предыдущей тетради. Индекс 95б, «Якушкина Орловск‹ой› губ‹ернии›». Помета П. А. Бессонова: «Чернов‹ые›». Нумерация текстов является продолжением предыдущей. Номер XXIII пропущен. К некоторым песням сделаны на полях пометы рукой Якушкина (оговариваются в примечаниях).

Тетрадь XI. Состоит из 8 листов с переписанными набело десятью свадебными песнями. Тексты пронумерованы римскими цифрами с XXXV по XLIV, опубликованы в Новой серии «Песен, собранных П. В. Киреевским», вып. 1. В копиях помечены как записи П. И. Якушкина из д. Татарино Малоархангельского уезда. Формат тетради и заголовок те же, что и в предыдущих.

II. Песни, записанные в Малоархангельском уезде Якушкиным и кн. Костровым. Тетрадь такого же формата и из той же бумаги, что и тетради с песнями 1843 г. Состоит из 18 листов, на первой странице вышеприведенный заголовок. Слова «записанные» и «кн. Костровым» вписаны П. И. Якушкиным. В тетради 31 песня, хотя из нумерации текстов следует, что их 33, однако номера VI и VII пропущены. Песни переписаны набело коричневыми чернилами характерным узким и мелким почерком с завитушками. На первой же странице помета П. А. Бессонова: «Чернов‹ые›» и индекс — 60б. В описи значится: «Малоархангельские. Я. К.». Дальше помета неясная: ‹Даля?›. Возможно, что тексты были доставлены П. В. Киреевскому через Даля. Из этой тетради публикуется 16 текстов: два — в тетради «Русские семейные песни», а остальные вошли в тетради с песнями 1843 г. В этой же коллекции есть тетрадь записей одного Н. А. Кострова: 34 песни из д. Темерязевка, Красное и Крутое; они не публикуются, так как участие Якушкина не оговорено,[4] хотя из примечания на л. 1473 к песне, которую Костров «слышал в Колпне», следует, что он был там, видимо, вместе с Якушкиным, записавшим свадебный обряд колпненских крестьян.

III. Тетрадь, озаглавленная «Русские семейные песни», того же формата и бумаги, что и вышеуказанные тетради 1843 г. Состоит из 18 листов, 30 песен, пронумерованных римскими цифрами. На первом листе над заголовком полустертая помета П. В. Киреевского карандашом: «Получены от П. И. Якушкина». Там же индекс — 111б. В описи значится: «От Кострова», но на обложке есть еще помета чернилами: «В дар от Якушкина». Копии песен этой тетради имеют индекс — 110б и 105б (ГБЛ, ф. 125, п. 17, л. 4330—4524); по описи: «Якушкина Малоарх‹ангельского› уезда д. Колпна». Возможно, тексты записывались Якушкиным вместе с Костровым.

IV. Свадебный обряд с. Колпна Малоархангельского уезда. Тетрадь того же формата и бумаги, что и предыдущие. На первом листе заголовок — «Свадебные песни», однако в рукописи дано и описание свадебного обряда. Вверху помета карандашом рукой П. В. Киреевского: «Доставлены от П. И. Якушкина»; там же индекс — 89б. В описи значится: «Якушкина, Колпна Малоарх‹ангельского› уезда». Указания на время записи нет, место записи помечено на полях первой страницы.

V. «Журнал пешеходца». Тетрадь без обложки, в 36 листов (in folio) нелинованной плотной бумаги, сшитая нитками, с записями 79 песен, а также загадок, сказок, слов и выражений офенского языка. Записи сделаны карандашом. На титульном листе заголовок коричневыми чернилами: «Журнал пешеходца. Тетрадь первая». Слева росчерки и дважды — «Павел Якушкин», справа — шуточный эпиграф. Ниже эпиграфа — «Стих про богатого», очевидно, шуточная помета П. И. Якушкина под эпиграфом собственного сочинения. Вверху титульного листа дважды карандашом рукой П. И. Якушкина: «Прочти, Николай, на обороте». Ниже коричневыми чернилами: «Господи боже мой». Затем рукой П. А. Бессонова: «Ко моему № 25-му (1—3 февраля позже 1848 г. в Калуж‹ской› губ‹ернии›)». Есть еще помета карандашом: «Сказать про Захарина Т.».[5] А. И. Баландин датирует записи в журнале 1847 г.,[6] а П. Д. Ухов — 1848 г.[7] Возможно, П. И. Якушкин был в с. Андроновском не один раз, хотя дневниковые записи это не подтверждают. Кроме того, журнал открывается записью 30 января в Гурьеве (село Одоевского уезда Тульской губернии). Однако в январе 1847 г. Якушкин записывал песни в Козловском уезде Тамбовской губернии (см. запись от 16 и 18 января в с. Лопухи). Из первых фраз дневниковой записи видно, что Якушкин выехал из Москвы, а не из Тамбова. В Москве он тщательно подготовился к путешествию. «Слава богу, наконец мое путешествие приведено в дело»; «Я взял на плечи face странический короб»; «Я присел на сани к одному из извочиков порожних, заснул и очутился за 36 верст от Москвы в Красной Пахре». Вряд ли П. И. Якушкин в середине января, находясь в Тамбовской губернии, мог вернуться в Москву и тут же отправиться в новое путешествие по Тульской губернии.

Обращение к Николаю на титульном листе и на последней странице рукописи, очевидно, адресовано Н. А. Кострову. У Якушкина был брат Николай, но нет никаких сведений об участии его в экспедициях. П. Д. Ухов и А. И. Баландин также считают, что Якушкин обращался к Кострову.[8] В 1846 г. Костров уехал в Сибирь, где жил и работал до конца своей жизни. О дальнейших контактах его с Якушки-

[4] Песни, записанные Н. А. Костровым, опубликованы: Литературное наследство, т. 79. Песни, собранные писателями. М., 1968, с. 427—440.

[5] См.: Литературное наследство, т. 79, с. 409.

[6] Там же, с. 407.

[7] РО ИРЛИ, Р. V, к. 256, п. 5, л. 9.

[8] См.: Литературное наследство, т. 79, с. 387.

ным сведений нет, архив Кострова не сохранился. Следовательно, в 1847 г. Якушкин уже не мог адресовать ему свои заметки в дневнике; на последней странице «Журнала пешеходца» есть приписки: «Проглядывай. Ежели у тебя не достанет терпения всю тетрадь прочесть, просматривай, Николай, заметки на полях». Следующее обращение свидетельствует о дружеской близости с Н. А. Костровым: «Скажи, пожалуйста, доволен ли ты моими трудами; ты говорил, что в месяц не упишу тетради, а видишь — в три дня».[9] Принимая во внимание эти факты, можно предполагать, что «Журнал пешеходца» относится не к 1847 г., а к более раннему времени: 1845—1846 гг. Несколько песен с паспортом «с. Гремучий Колодец» записаны, вероятно, в селе, куда Якушкин ходил с артелью ходебщиков-портных, от которых записан им офенский словарь; 59 песен из «Журнала пешеходца» опубликованы во 2-м выпуске (II ч.) Новой серии «Песен, собранных П. В. Киреевским»; 2 сказки — А. Н. Афанасьевым, 6 песен и начало дневника (заметки от 30 и 31 января) — в «Литературном наследстве» (т. 79). На первых двух страницах размашисто и неразборчиво написаны, а затем перечеркнуты песни: «Отъезжает душечка мой любезный во чужие дальние города» и «Вы бродяги, вы бродяги, беспачпортные молодцы». Дневниковая запись от 30 января, сделанная в с. Гурьеве, начинается со следующей страницы, наверху которой помечено: «Якушкин». В самом журнале есть несколько помет собирателя на полях: «Показать Киреевскому», «Хороша» (о загадке про грудь матери — № 5); названия предметов, слова, приметы. Есть две пометы Е. И. Елагиной: «Не разобрала» (к текстам XLVI и L). Последний лист оторван, на нем дата 3 февраля, помета карандашом: «Черновые»; стерта и перечеркнута какая-то песня. «Журнал пешеходца» не включает всего, записанного Якушкиным в с. Андроновском. В беловых копиях сохранилось около 20 песен, записанных в этом селе и отсутствующих в данной тетради.

VI. Зарайский дневник 1846 г. (с. Гололобово Зарайского уезда Рязанской губернии) состоял из нескольких тетрадей. В архиве П. В. Киреевского обнаружены две части тетради с карандашной пометой: «Тетрадь 3», «Тетрадь 4». Порядковые номера тетрадей указывают, видимо, на продолжение записей, произведенных ранее и посланных П. В. Киреевскому, возможно, в самом начале года из других мест.

В тетради под № 3 описывается путешествие в Зарайский уезд начиная с выезда из Москвы. Черновые записи П. И. Якушкина из Зарайского уезда полностью не найдены. Видимо, существовала тетрадь с описанием свадебного обряда, так как в архиве хранится несколько копий в 1/8 листа, озаглавленных «Зарайская свадьба». Записи свадебных песен чередуются с описанием обряда. Эти материалы публикуются по копиям. Рукопись состоит из 10 листов in folio, сшитых суровыми нитками, ранее сложенных вчетверо и потертых на сгибах. Края листов сильно потрепаны, бумага пожелтела. Тетрадь заполнена карандашными записями в два столбца. Индекс — 114б. В описи значится: «Якушкина». Песни не пронумерованы, всего 41 текст. На первом листе дата: «1846, июля 31»; слева чернилами: «Прощай»; на последнем листе — обращение к Д. П. Мацневу, земляку Якушкина, через которого он пересылал дневник П. В. Киреевскому. «Зарайская свадьба» опубликована без начала в Новой серии «Песен, собранных П. В. Киреевским» (вып. 1), а первая часть Зарайского дневника — в «Литературном наследстве» (т. 79, с. 389—406) с некоторыми разночтениями и произвольным выбором песен. Тексты не пронумерованы. Сохранились копии с некоторых песен этой тетради, выполненные П. И. Бартеневым (ГБЛ, ф. 125, оп. 76, п. 7, 13, 14).

Продолжением Дневника служит тетрадь 4-я. Рукопись представляет собой сшитую нитками тетрадь из семи листов с разорванной первой страницей. На первых трех листах записи карандашом в два столбца, остальные записи сделаны чернилами. На первом листе вверху рукой П. И. Якушкина написано: «Возвратить Елагину». Над текстами левого столбца заголовок — «Голосовые», над правым — «Тетрадь 4». На последней чистой странице помета почерком неустановленного лица: «Послать в Орел на имя его высокоблагородия Петра Васильевича Киреевского для доставления в слободку Киреевскую близ Орла. 29 IX ‹18›47 г. Баз‹. . .›». Подпись неразборчива. Там же помета другой рукой, относящаяся к содержанию тетради: «Не переписана». В верхнем правом углу помета рукой П. И. Бартенева: «В этой же связке загадки и рассказы».

VII. Рязанская губерния, Раненбургский уезд; Тамбовская губерния, Козловский уезд. Восемь разрозненных листов, значительно потрепанных и разорванных по краям и кое-где на сгибах. По-видимому, листы когда-то составляли часть тетради и были сложены пополам. Начало и конец ее не сохранились, титульного листа нет. Тексты написаны в два столбца частью чернилами, частью карандашом и чередуются с конспективными набросками сказок. Карандашные записи местами почти стерлись и едва различимы. Песни не пронумерованы. На л. 1088 имеется подпись Якушкина и порядковый номер рукописи — 71б. В описи против этого номера значится: «Раненбург, Якушкин». Однако на листах имеются записи из Козловского и Раненбургского уездов, затем отдельный лист, на котором изло-

[9] Н. А. Костров также записывал фольклор в Лихвинском узде. В архиве Киреевского (ГБЛ, ф. 125) сохранились копии совместных записей П. И. Якушкина и Н. А. Кострова в с. Андроновском (п. 1, л. 176—188).

жены правила переписывания чернового фольклорного материала (л. 1086).[10] На первом листе — записи песен и сказок, сделанные 16, 17 и 18 января 1847 г. в с. Лопухи Козловского уезда Тамбовской губернии. Затем следуют записи из Раненбургского уезда с датой 31 марта. Материалы свидетельствуют о длительном путешествии П. И. Якушкина по Рязанской и Тамбовской губерниям. По-видимому, часть полевых записей из этих областей пропала. В копиях сохранились свадебные и беседные песни (индекс 28б, 71б). Автографов не найдено. В архиве П. А. Бессонова оказались записи духовных стихов из Раненбургского уезда (копии); одна сказка со ссылкой на Якушкина опубликована в собрании сказок А. Н. Афанасьева (№ 332). В черновиках сохранились незаконченные конспективные наброски сказок из Козловского уезда; из них в собрании А. Н. Афанасьева также опубликована одна (№ 148).

VIII. Данковский и Ефремовский уезды Рязанской губернии (ГБЛ, ф. 125, п. 36, 54), Данковская тетрадь (п. 36, л. 12—38). Рукопись представляет собой тетрадь без обложки и титульного листа, сшитую нитками из 12 листов плотной бумаги размером in folio, когда-то сложенную вчетверо; листы на сгибах протерлись и надорваны. Тетрадь заполнена карандашными записями П. И. Якушкина, расположенными в два столбца. Карандаш местами совершенно стерся. Записи сделаны в течение апреля 1847 г., полевые, так как имеются сокращения слов, прочерки вместо повторений. Тексты не пронумерованы. Всего в тетради 38 песен; опубликованы в Новой серии «Песен, собранных П. В. Киреевским» (№ 1726—1747, 1838—1847), за исключением дневниковых заметок и трех песенных отрывков. На первом листе в верхнем левом углу помета рукой П. В. Киреевского: «Доставлены от П. И. Якушкина». В Новой серии нумерация текстов дана отдельно по месту записи.

Часть записей (л. 14—22) сделана в селах Ефремовского уезда по пути из г. Данкова в г. Ефремов и публикуется в составе песен из Ефремовского уезда.

IX. Записи из Ефремовского уезда находятся в двух тетрадях: Данковской (п. 36, л. 14—22) и Ефремовской (описание ее см. ниже). По пути из Данкова в Ефремов Якушкин заехал в несколько сел Ефремовского уезда, где записывал песни и делал небольшие путевые заметки в той же тетради, где данковские записи. Тексты не имеют нумерации и полностью опубликованы в Новой серии, за исключением путевых заметок.

Ефремовская тетрадь (п. 54, л. 2261—2266) сшита из плотной бумаги; в ней 12 листов, один наполовину разорван; была сложена вчетверо, записи на сгибах стерты. Тетрадь заполнена карандашными записями в два столбца с сокращениями и без знаков препинания. В верхнем правом углу первой страницы помета рукой П. В. Киреевского: «Доставлены от П. И. Якушкина». Слева после места записи и даты — незаконченная строка: «Раскрасавчик дорогой, ты куда же...». На последнем листе рукописи индекс — 1б. По описи — «Чернские и ефремовские. Якушкин». Песенные тексты не пронумерованы.

Ниже публикуются записи с 7 разрозненных листов, составляющих часть тетради (ГБЛ, ф. 125, оп. 76, п. 44, л. 1148—1154), когда-то сшитых суровыми нитками, теперь разорванных. Листы вырваны из какой-то полевой тетради Якушкина, индекса поэтому нет. Песни записаны в два столбца карандашом. На л. 1148 над левым столбцом надпись: «Голосовые», над правым столбцом: «Тетрадь 3-я» (по определению М. Н. Сперанского, эти пометы, сделанные также карандашом, принадлежат П. В. Киреевскому). Листы перегнуты пополам вдоль, почерк полевых записей — Якушкина.

В записях отражены особенности говора, встречаются карандашные же исправления, уточняющие произношение: *уж—июж*, *а—иа*, *ана—ияна*; более четко выделены оттенки произношения окончаний глаголов: *ни терпит—ни терпеца*, *шатаица—шатаеци* (л. 1152), прилагательных: *белаим—белаем* и т. п. На л. 1153 карандашом подчеркнута дата — «10 августа, там же». Года не указано. Несколько копий с этих записей, сделанных П. И. Бартеневым, сохранилось в архиве Киреевского (ГБЛ, ф. 125, п. 15). На одной из них указано место записи — с. Теплое, где Якушкин был в апреле 1847 г. и заболел. Был ли он в Теплом еще раз, в августе, судить трудно, но на основании перечисленных выше косвенных данных записи могут быть отнесены к 1847 г., предположительно — к Ефремовскому уезду. На семи листах — 30 песен, тексты не пронумерованы.

X. Небольшая тетрадь размером в восьмерку, без обложки и титульного листа. Первый лист загрязнен. В верхнем правом углу полустертая помета карандашом: «П. И. Якушкина. 3». Указаний на место и время записи нет. Песни переписаны чернилами неизвестным почерком и пронумерованы арабскими цифрами. Первая песня обозначена № 17.

Перед песней № 24 имеется помета: «В Сурках у однодворцев» (Сурки — село в 12 верстах от Данкова, на берегу Дона, 385 дворов, 1543 жителя. См.: Географическо-статистический словарь Российской империи, т. IV. Сост. П. Семенов. СПб.,

---

[10] Опубликованы дважды: Власова З. И. Текстологические принципы публикации русских народных песен. — В кн.: Принципы текстологического изучения фольклора. М.—Л., 1966, с. 59; Парилова Г. Н., Соймонов А. Д. П. В. Киреевский и собранные им песни. — В кн.: Литературное наследство, т. 79. Песни, собранные писателями. М., 1968, с. 46—47.

1863, с. 798; Рязанская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1862, с. 22, № 506). Перед текстом № 29 указано: «Эта песня взята у данковских однодворцев в Мезинце». На основании этих двух свидетельств можно полагать, что тетрадь содержит записи из Данковского уезда, но не полевые, а переписанные набело, фонетические особенности сняты. Последняя песня в тетради обозначена № 38. Всего 22 текста.

При подготовке издания помимо автографов учитывались копии, имеющие пометы П. В. Киреевского, самого Якушкина, Бессонова, устанавливающие принадлежность текстов П. И. Якушкину указанием на имя собирателя и на паспортные данные текста. Такие пометы имеют и беловые тетради, и копии на «осьмушках». Исключение составляют части тетрадей и отдельные листы, вырванные из рукописей и сохранившиеся среди записей разных лиц. Пометы Бессонова, небрежно обращавшегося с материалами Собрания (он называл черновиками беловые копии, путал паспортные данные, произвольно правил текст), проверялись другими материалами коллекций Якушкина: текстом в автографах и беловых тетрадях, копиями других лиц. В некоторых случаях копии на «осьмушках» не имеют ни помет Киреевского, ни помет Якушкина, ни паспортных данных. По-видимому, какая-то часть скопированных материалов не была просмотрена. Такие копии учитывались, но в составе тома не использованы. Сохранилась бо́льшая часть копий, носящих следы классификации песенных материалов. Они одинакового размера, содержат от 200 до 300 листов и имеют названия. Охарактеризуем далее те, в которых содержатся тексты Якушкина. Папки 1-я и 2-я — «свадебные», в них 155 копий с записей Якушкина. 120 переписаны М. В. Киреевской, 25 — П. И. Бартеневым, 10 — неустановленными лицами. В папке 7-й — 19 копий, снятых М. В. Киреевской; в папке 8-й — 54 копии М. В. Киреевской, 8 — П. И. Бартенева; в папке 9-й — 47 копий М. В. Киреевской (7—9-я папки названы «Баллады и элегии»). В папке 12-й с названием «Бытовые» находится 85 копий М. В. Киреевской, 76 — П. И. Бартенева; в папке 13-й с названием «Разгульные» — 42 копии М. В. Киреевской; в папке 14-й с названием «Свадебные и другие, подобр<анные> Якушкиным» 72 копии М. В. Киреевской, 22 — П. И. Бартенева; в папке 16-й («Свадебные, подобранные Якушкиным. Элегии») десять копий, переписанных М. В. Киреевской, 2 сняты П. И. Бартеневым, 15 — неустановленными лицами. В папке 17-й («Романсы и лакейские») 29 копий М. В. Киреевской, 6 — П. И. Бартенева; в папке 20-й («Элегии») 2 копии М. В. Киреевской, 33 — Н. А. Кострова, 6 — неустановленных лиц. Отдельные «осьмушки» со списками-копиями материалов Якушкина изредка встречаются среди материалов других собирателей в той части архива Киреевского, которая оказалась у Бессонова и вместе с его фондом хранится в Отделе письменных источников ГИМ. При знакомстве с этой частью архива учтено наличие копий-списков на «осьмушках», написанных М. В. Киреевской, Е. И. Елагиной, П. И. Бартеневым, П. И. Якушкиным, П. А. Бессоновым. В обложке с заголовком «Зарайская свадьба», написанным П. И. Бартеневым, находятся не копии свадебных песен, а копии голосовых, плясовых, шуточных, писанных неустановленными лицами с полевых записей Якушкина, о чем свидетельствует индекс, поставленный на каждой копии. Свадебные песни и описания обряда «Зарайской свадьбы» оказались среди свадебных материалов перечисленных выше папок (ГБЛ, ф. 125).

Копии, снятые П. И. Бартеневым и Н. А. Костровым, передают фонетические особенности говора, зафиксированные в полевых записях. М. В. Киреевская и Е. И. Елагина чаще придавали тексту литературный вид, опуская диалектные особенности.

За пределами данного тома остаются записи П. И. Якушкина, сделанные в конце 1840-х гг. в Малоархангельском уезде. Это беловые рукописи с пометой карандашом «Якушкина», не имеющие указаний на место и время записи; отдельные листы с записями пословиц, загадок и песен, вырванные из полевых тетрадей и не имеющие никаких паспортных данных; части беловых рукописей без указания места или времени записи; список рекрутских и солдатских песен, составленный П. И. Якушкиным по Собранию народных песен Киреевского при подготовке этого собрания к печати. Все эти материалы составят второй том записей Якушкина, датируемых приблизительно концом 1840-х—началом 1850-х гг.

В него же войдут некоторые тексты, опубликованные в Новой серии «Песен, собранных П. В. Киреевским», атрибутированные ее издателями Якушкину, автографы или копии которых в настоящее время не обнаружены. Тщательного изучения требуют и те копии с записей собирателя, которые были произвольно исправлены П. А. Бессоновым и переплетены вместе с другими издательскими материалами в отдельные папки, использовавшиеся в качестве наборной рукописи при издании Старой серии «Песен, собранных П. В. Киреевским». При отсутствии автографа эти копии нами не публикуются.[11]

Комментарии содержат название рукописи или копии, по которой публикуется текст, а также следующие указания:

1) шифр рукописи и текста; если его порядковый номер в рукописи не указан или пропущен, он дается в ломаных скобках;

---

[11] См.: Мельц М. Я. О VI выпуске «Песен, собранных П. В. Киреевским». — В кн.: Русский фольклор, вып. V. М.—Л., 1960, с. 382—390.

2) вид фольклорного текста;

3) ссылки на копии его в Собрании П. В. Киреевского, на первую публикацию, если текст уже печатался, на варианты — в первую очередь по крупнейшим песенным собраниям: Старой и Новой серии «Песен, собранных П. В. Киреевским», А. И. Соболевского, П. В. Шейна. Привлекаются также публикации близких вариантов в губернских и областных изданиях, в сборниках песенного фольклора липован и белорусов, а также в более поздних собраниях, изданных ИРЛИ: «Песни Печоры», «Песенный фольклор Мезени», «Песни и сказки пушкинских мест», «Традиционный фольклор Новгородской области» и др.

За копию принимались тексты, совершенно идентичные оригиналу, а также по паспортным данным и индексу, указанному на каждой рукописи и соответственно на каждой копии, в том числе имеющие незначительные отличия в прочтении отдельных слов или окончаний. Полностью указаны копии, хранящиеся в РО ГБЛ, но не оговариваются копии, использованные в материалах Старой серии «Песен, собранных П. В. Киреевским», поскольку они в качестве наборной рукописи подвергались значительной правке П. А. Бессонова. Не полностью указаны копии текстов, хранящиеся в архиве П. А. Бессонова (Отдел письменных источников ГИМ, ф. 56), так как не весь материал был доступен для работы. Разночтения, имеющиеся в копиях, не приводятся, за исключением наиболее существенных для понимания сюжета или работы над текстом П. В. Киреевского. Отсутствие копий и близких вариантов, как и копии неустановленных лиц, специально не оговариваются.

Полный шифр каждой отдельной рукописи дается перед порядковым номером первого в каждой рукописи текста. Далее указывается только лист и номер текста в рукописи. Если в рукописи тексты не пронумерованы, номер текста дан по порядку в угловых скобках. В прямых скобках обозначен условно названный нами сюжет.

ЗАПИСИ 1843—1844 ГГ.

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ, СОБРАННЫЕ ЛЕТОМ 1843 Г.

Тетрадь I

№ 1—33. ГБЛ, ф. 125, п. 47, л. 1303—1325

1. Л. 1303—1304, I [Отдавали молоду]. Игровая песня на семейную тему. Известна в записях конца XIX—начала XX в. Копия: п. 20, л. 504, 29-я строка «Позволь в горницу пойти». НС, № 2125. Вар.: Якушкин, № 55; Соб., т. 2, № 144, 151; Иваницкий, № 211; Мезень, № 102; НППК, т. II, № 240—242.

2. Л. 1304, II [Гонят солдат до Полтавы]. Солдатская песня с отголосками подлинных исторических событий периода подготовки к Полтавской битве. Текст уникален. 6-я строка вписана Якушкиным. Кир., вып. IX, с. 213; НС, № 2126; ИП III, № 65 (ошибочно приписана Д. А. Валуеву).

3. Л. 1304—1305, III [Молодец на чужой стороне]. Голосовая песня. Сюжет объединяет два мотива, встречающихся отдельно: о рекруте, беглом солдате или просто одиноком молодце и девушке, терпеливо ожидающей милого («Не сиди, Дуня, поздно вечером»). Копии: п. 13, л. 3483 — М. В. Киреевской; п. 20, л. 4936; НС, № 2127. Вар.: Якушкин, № 36; Новикова, № 153; Прибайкалье, № 196; Забайкалье, № 134.

4. Л. 1305—1306, IV [Кудри на воде]. Игровая песня. В рукописи слово «чисал» написано дважды, второе зачеркнуто. Слово «всиё (всю)» вписано Якушкиным. НС, № 2128. Вар.: Калуга, № 25; Мезень, № 123 (плясовая); Поволжье, № 36. Ср.: ФГО, № 119.

5. Л. 1306, V. Голосовая песня с элементами лексики, характерной для романса. Копия: п. 20, л. 5041 — Н. А. Кострова (4-я строка: «Про тебя»); НС, № 2129. В последней строке рукописи пропущено «не». Вар.: НС, № 2116; Поволжье, № 45.

6. Л. 1306—1307, VI. Плясовая песня. Копии: п. 14, л. 3755 — М. В. Киреевской; п. 20, л. 5042 — Н. А. Кострова. НС, № 2130. Строки: «Я конверты принимала» и «Стоит милый предо мной» подчеркнуты, что в рукописях-автографах означает повторение; «Я у маменьки просилась» — подчеркнуто переписчиком по ошибке вместо следующей строки.

7. Л. 1307—1308, VII. Игровая песня. НС, № 2131. Припев после слов «Лен-то брать» вписан Якушкиным. Вар.: Баранов, № 54; НППК, т. I, № 294, 295.

8. Л. 1308—1309, VIII [Стук в спальне]. Плясовая песня, известна с XVIII в. Копии: п. 14, л. 3753 — М. В. Киреевской; п. 20, л. 5044 — Н. А. Кострова. НС, № 2132. Вар.: Печора, № 85, 92; там же библиография вариантов, с. 402.

9. Л. 1309, IX [Жена возвращается с гулянья]. Игровая песня с мотивами, перешедшими позже в плясовые песни. Копии: п. 14, л. 3754 — М. В. Киреевской; п. 20, л. 5045 — Н. А. Кострова. Ср.: Мезень, № 204 (плясовая); НС, № 2133. Вар.: Студитский, с. 29—35.

10. Л. 1309—1310, X. Голосовая песня. Копии: п. 12, л. 3298 — М. В. Киреевской; п. 20, л. 5018 — Н. А. Кострова. НС, № 2134. Вар.: Картыков, № 245—246.

11. Л. 1310, XI. Голосовая песня. В рукописи (строка 2-я) пропущены слово «согнало» и повторение (строка 3-я снизу). Копии: п. 13, л. 3299 — М. В. Киреевской; п. 20, л. 5019 — Н. А. Кострова. НС, № 2135. Вар.: Шейн, № 781; Калуга, № 98; Новг. ф-р, № 32; Поволжье, № 38. Ср. № 524 наст. изд.

12. Л. 1311, XII. Рекрутская песня с балладным развитием сюжета. Копия: п. 13, л. 3300 — М. В. Киреевской. НС, № 2136. Вар.: Новг. ф-р, № 11.

13. Л. 1311—1312, XIII. Голосовая песня на любовную тему. Копии: п. 13, л. 3301 — М. В. Киреевской; п. 20, л. 5020 — Н. А. Кострова. НС, № 2137.

14. Л. 1312, XIV. Голосовая песня с известным мотивом предостережения от женитьбы на вдове. Копии: п. 13, л. 3302 — М. В. Киреевской; п. 20, л. 5021 — Н. А. Кострова. НС, № 2139. Вар.: Соб., т. 3, № 205—209; Поволжье, № 55.

15. Л. 1312, XV. Текст контаминирован из трех встречающихся отдельно мотивов. Копии: п. 13, л. 3304 — М. В. Киреевской; п. 20, л. 5022 — Н. А. Кострова. НС, № 2138.

16. Л. 1312—1313, XVI. Плясовая песня. Копия: п. 20, л. 5023 — Н. А. Кострова. НС, № 2140.

17. Л. 1314—1315, XVII [Параня]. Семейно-бытовая баллада, известна с XVIII в. Копии: п. 13, л. 3306 — М. В. Киреевской; п. 20, л. 5024 — Н. А. Кострова. НС, № 2141. Вар.: Соб., т. 1, № 166—170; Шейн, № 803; НС, № 1363, 1510, 2141, 2207; Чернышев, № 29, с. 32—33; Балашов, с. 161. Как плясовая — Мезень, № 90; Новг. ф-р, № 243.

18. Л. 1315—1316, XVIII. Голосовая песня с широко известным мотивом прощания с милым. Копии: п. 13, л. 3305 — М. В. Киреевской; п. 20, л. 5025 — Н. А. Кострова. НС, № 2142. Вар.: Соб., т. 5, № 510—513; Новикова, № 63, с. 185; Прибайкалье, № 122; Забайкалье, № 2; НПВО, № 24, 34.

19. Л. 1316, XIX. Фрагмент лирической любовной песни. Копии: п. 13, л. 3307; п. 20, л. 5026 — Н. А. Кострова. НС, № 2143.

20. Л. 1316—1317, XX. Фрагмент лирической любовной песни. Копии: п. 13, л. 3807 — М. В. Киреевской; п. 20, № 5027 — Н. А. Кострова. НС, № 2144.

21. Л. 1317, XXI. Лирическая любовно-бытовая голосовая песня. Копии: п. 13, л. 3308 — М. В. Киреевской; п. 20, л. 5028 — Н. А. Кострова. НС, № 2145. В рукописи в предпоследней строке описка по аналогии с предыдущей строкой: «Кафтанчики молодые». Вар.: Трутовский, № 21; Соб., т. 5, № 508, 591; т. 7, № 657, 769; НС, № 2100; Шейн, № 787; Вол. ГВ, 1884, № 36, текст 14; Иваницкий, № 80; Забайкалье, № 170; НППК, т. II, № 145—149.

22. Л. 1317—1318, XXII [Три зятя]. Баллада эпохи Московской Руси, текст ее впервые был опубликован Якушкиным — ОЗ, 1860, т. 130, с. 115. Данный текст отличается перестановкой строф. Копии: п. 13, л. 3309 — М. В. Киреевской; п. 20, л. 5029 — Н. А. Кострова. НС, № 2146. В рукописи припев вписан Якушкиным. В 6-й строке описка: «А три несчастные». Вар.: Соб., т. 3, № 1—5; Иваницкий, № 573; Якушкин, № 10; Воронежская беседа на 1861 г. СПб., с. 390; Балашов, с. 109 (анализ сюжета — с. 389); Языковы, № 289.

23. Л. 1318—1319, XXIII. Плясовая песня. Копия: п. 20, л. 5030 — Н. А. Кострова. В рукописи припев после первого двустишия вписан Якушкиным.

24. Л. 1319—1320, XXIV. Плясовая песня с контаминацией двух мотивов, встречающихся обычно как отдельные песни; произошла, видимо, на основе одинакового размера стиха. НС, № 2148. В рукописи повторения строк обозначены цифрой 2, а местоимение «её» — «(е)ё» и «ё». Вар.: Соб., т. 1, № 329—332; Фед., № 488—489; Забайкалье, № 131, 298; Калуга, № 145.

25. Л. 1320—1321, XXV. Игровая песня, известна с XVIII в. НС, № 2149. В рукописи пропущено слово в предпоследней строке, собирателем не восстановлено. Вар.: Прач, № 62, с. 156.

26. Л. 1321, XXVI. Песенная переработка баллады о детях вдовы или незамужней девицы. Копии: п. 13, л. 3310 — М. В. Киреевской; п. 20, л. 5033 — Н. А. Кострова. НС, № 2150. Обзор лит. и вар.: Чернышев, № 260, с. 285; Балашов, с. 135—136, 392.

27. Л. 1322, XXVII. Голосовая песня. Копии: п. 13, л. 3314 — М. В. Киреевской; п. 20, л. 5034 — Н. А. Кострова. НС, № 2152. В рукописи в 11-й строке: «Я три неделю». Вар.: Соб., т. 2, № 62—68; Якушкин, № 48; Васнецов, № 52, с. 78—79; Печора, № 35; Мезень, № 19; Калуга, № 5; НППК, т. II, № 52—54.

28. Л. 1322, XXVIII. Игровая песня. Копия: п. 20, л. 5035 — Н. А. Кострова. НС, № 2151. В рукописи: «билым лицом» (8-я строка).

29. Л. 1322—1323, XXIX. Песня известна в публикациях XIX—начала XX в. как протяжная лирическая и как плясовая, исполнялась самостоятельно и в устойчивой контаминации с песней «Молодка». Копии: п. 14, л. 3739 — М. В. Киреевской; п. 20, л. 5036 — Н. А. Кострова. НС, № 2154. Вар.: Соб., т. 7, № 152—155, 460—462; Фед., № 1383; Котикова, № 86; Мезень, № 104.

30. Л. 1323, XXX. Судя по строфике и ритму стиха, песня протяжная. Копии: п. 13, л. 3312 — М. В. Киреевской; п. 20, л. 5037 — Н. А. Кострова. НС, № 2153. В рукописи описка: «щечку — аленький цветок» (3-я строка).

31. Л. 1323—1324, XXXI. Собирателем отмечена как величальная на свадьбе или вечеринке песня. Копии: п. 1, № 30; п. 2, № 356 — обе М. В. Киреевской; п. 20, № 5038 — Н. А. Кострова. То же — в тетради IX данной коллекции, отличия в именах: Иван Ильич, Петр Васильевич, Кузьма Харитоньевич. В рукописи (по-

следняя строка) вместо «беленькой» написано по аналогии с предыдущей строкой — «лебедок». Ср.: Калуга, № 75.

32. Л. 1324, XXXII. Фрагмент ямщицкой песни. Копии: п. 13, л. 3313 — М. В. Киреевской; п. 20, л. 5039 — Н. А. Кострова. НС, № 2156.

33. Л. 1324—1325, XXXIII [Дуня и воеводский сын]. Социально-бытовая баллада. Копии: п. 14, л. 3738 — М. В. Киреевской; п. 20, л. 5040 — Н. А. Кострова. НС, № 2157. Вар.: Якушкин, № 27; Чернышев, № 26, 29; Балашов, с. 144 (исследование сюжета — с. 393); НПОО, № 1.

Тетрадь II

№ 34—41. ГБЛ, ф. 125, п. 42, л. 721—730

34. Л. 721, XLIII. Игровая песня. НС, № 1996а (с разночтениями). Вар.: Соб., т. 2, № 337—346, ср. № 333—336; Шейн, № 404; Баранов, № 33; см. № 154 наст. изд.

35. Л. 722—723, XLIV. Игровая песня. Копии: п. 14, л. 3774 — М. В. Киреевской; п. 20, л. 5017 — Н. А. Кострова. НС, № 1997а.

36. Л. 723—724, XLV [Охотник и сестра]. Баллада, известная преимущественно по записям 1-й половины XIX в. НС, № 1998а. Вар.: Чернышев, № 259; Балашов, с. 132 (исследование сюжета — с. 391).

37. Л. 724—725, XLVI. Игровая песня; известна в XIX в. с другим запевом. Данный текст не имеет трех традиционных повторений; брать лен со свекром, свекровью, милым. В рукописи после третьего двустишия припев изменен: «ой, ляли-ляли». НС, № 2973. Вар.: Соб., т. 2, № 636; Иваницкий, № 395; Пальчиков, № 108; НПКО, № 152. Ср. № 361 наст. изд.

38. Л. 721 об., XLVII. Рекрутская песня. Копии: п. 12, л. 3243 — М. В. Киреевской; п. 20, л. 4937 — Н. А. Кострова. НС, № 1919а. Вар.: Калуга, № 81; НППК, т. II, № 154—155.

39. Л. 721 об., XLVIII. Плясовая припевка с популярным мотивом покупки в торгу веретен, встречающимся в игровых и плясовых песнях. Копии: п. 14, л. 3772 — М. В. Киреевской; п. 20, л. 5049 — Н. А. Кострова. НС, № 2000а. Ср.: Соб., т. 7, № 109.

40. Л. 728—729, XLIX. Популярная плясовая песня. Копии: п. 14, л. 3771; п. 20, л. 4939 — обе М. В. Киреевской. НС, № 2001а (с пропуском повторения в 15-й строке). Вар.: Трутовский, № 7, с. 47; Соб., т. 4, № 119; т. 7, № 280; Шейн, № 473, 660; Иваницкий, № 374; Новикова, № 155, с. 247; ФГО, № 87.

41. Л. 729—730, L. Хороводная песня. Копии: п. 14, л. 3770 — М. В. Киреевской; п. 20, л. 5048 — Н. А. Кострова. НС, № 2003а. Вар.: Трутовский, № 6, с. 45; Соб., т. 2, № 113—115, 122—126, 132—133, 138—140.

Тетрадь III—IV

№ 42—50. ГБЛ, ф. 125, п. 54, л. 2316—2335

42. Л. 2316, LI. Солдатская песня без окончания, в котором говорится о походе. НС, № 2858. Вар.: Иваницкий, № 260—261.

43. Л. 2316—2317, LII. В тексте песни утрачена основная часть с загадыванием загадок. Запев типичен для песен о девочке-семилетке, включаемых то в святочный, то в свадебный, то в любовный цикл лирики и распространенных у всех славянских народов. Копия: п. 14, л. 3849 — М. В. Киреевской. Вар.: Соб., т. 1, № 449—469; т. 4, № 53—55; Шейн, № 814—820; Студитский, с. 5—6; НС, № 421; Иваницкий, № 103; Печора, № 268; Картыков, № 370.

44. Л. 2317—2318, LIII. Хороводная песня. Копии: п. 12, л. 3229 — М. В. Киреевской; п. 20, л. 5054 — Н. А. Кострова. Вар.: Баранов, № 38.

45. Л. 2318—2319, LIV. Солдатская песня. Копии: п. 12, л. 3230 — М. В. Киреевской; п. 20, л. 5055 — Н. А. Кострова; п. 54, л. 2337 — неустановленного лица. НС, № 2019 (с разночтениями).

46. Л. 2319—2321, LIV. Игровая песня, в поздних записях встречается как плясовая. НС, № 2678 (с разночтениями). Вар.: Шейн, № 923—926; Новикова, № 240, с. 332; Калуга, № 51; НППК, т. I, № 322—324.

47. Л. 2321—2322, LVI. Плясовая песня. В рукописи сделаны исправления Якушкиным: вписано «намалеванная», вставлено «о» в слове «короватушка». Копии: п. 14, л. 3782 — М. В. Киреевской; п. 20, л. 5051 — Н. А. Кострова (с разночтениями: 9 строка — «плясывала», 8-я — «тропх»). НС, № 2002. Вар.: Печора, № 235.

48. Л. 2322—2323, LVII. Хороводно-игровая песня. Копии: п. 7, л. 2275 — М. В. Киреевской; п. 54, л. 2339 — неустановленного лица. НС, № 2018 (без повторения).

49. Л. 2324, LVIII. Солдатская, казачья песня. Копия: п. 8, л. 2329 — М. В. Киреевской. Кир., вып. VIII, с. 229 (текст ошибочно атрибутируется Языкову). Вар.: Соб., т. 1, № 354.

50. Л. 2325, LIX. Солдатская песня. НС, № 2724.

Тетрадь V

№ 51—61. ГБЛ, ф. 125, п. 54, л. 2326—2334

51. Л. 2326, LX. Текст контаминирован: 1-я часть — с балладным сюжетом «Худая жена», 2-я — с песней на ту же тему. Копия: п. 54, л. 2340—2341 — Н. А. Кострова (с пропуском двух строк: 4-й и 15-й). НС, № 2003 (с разночтением).

52. Л. 2326—2327, LXI. Фрагмент песни, близкой по сюжету к плясовой песне о молодке. Копии: п. 39, л. 254; п. 54, л. 2340—2341 — Н. А. Кострова. НС, № 2001.

53. Л. 2327, LXII. Любовная песня. Копии: п. 7, л. 2143; п. 12, л. 3233 — М. В. Киреевской; п. 54, л. 2342 — Н. А. Кострова. НС, № 1997 (с разночтениями). Вар.: Соб., т. 2, № 62—65; Якушкин, № 51; Мезень, № 95.

54. Л. 2338, LXIII. Любовная песня. Копии: п. 14, л. 3696, 3777 — М. В. Киреевской; п. 54, л. 2342 — Н. А. Кострова (изменены имена: 4-я строка — «Наташу», 5-я — «Маше», 6-я — «Даше алу лендочку», 9-я — «носи, Наташенька»). НС, № 1993.

55. Л. 2328—2329, LXIV. Любовная песня. Копии: п. 14, л. 3780 — М. В. Киреевской; п. 54, л. 2342 — Н. А. Кострова. НС, № 2000. В рукописи в 5-й с конца строки: «не разлучнице»; исправлено в копии (п. 14, л. 3780). Вар.: Соб., т. 2, № 590; Якушкин, № 125; Картыков, № 85; НПОО, № 12.

56. Л. 2329—2330, LXV. Игровая песня. Копии: п. 12, л. 3234 — М. В. Киреевской; п. 54, л. 2343 — Н. А. Кострова. НС, № 2012 (с разночтениями). См. № 166 наст. изд.

57. Л. 2330, LXVI. Игровая песня. Копии: п. 39, л. 286; п. 54, л. 2343—2344 — Н. А. Кострова (без двух последних строк). НС, № 1994 (без повторений).

58. Л. 2330—2331, LXVII. Любовная песня. Копия: п. 54, л. 2341 — Н. А. Кострова. НС, № 2017. Вар.: Смирнов, № 34; Лопатин-Прокунин, № 69—70; Славянский, с. 134.

59. Л. 2331—2332, LXVIII. Плясовая песня. Копии: п. 12, л. 3236, 3279— М. В. Киреевской; п. 54, л. 2349 — Н. А. Кострова. НС, № 1998 (с мягкими окончаниями в глаголах). Вар.: Соб., т. 2, № 545—548; Мезень, № 98, 99.

60. Л. 2332—2333, LXIX. Плясовая песня. Копии: п. 12, л. 3237, 3279 — М. В. Киреевской; п. 39, л. 273. НС, № 2059 (с разночтениями). Вар.: Соб., т. 3, № 563—567.

61. Л. 2333—2334, LXX. Плясовая песня. Копия: п. 12, л. 3238 — М. В. Киреевской. НС, № 2003б. Вар.: Иваницкий, № 165.

Тетрадь VI, ч. 1

№ 62—68. ГБЛ, ф. 125, п. 54, 2304—2314

62. Л. 2304, LXXI. Свадебная песня; известна с XVIII в. Копия: п. 1, л. 268 — М. В. Киреевской; НС, № 672. Вар.: Трутовский, № 11, с. 53; НС, № 2793; Соб., т. 5, № 74; Вол. ГВ, 1883, № 49, текст 85; Иваницкий, № 208.

63. Л. 2304—2305, LXXII. Свадебная припевка (?).

64. Л. 2305, LXXIII. Хороводная песня. Копия: п. 1, л. 267 — М. В. Киреевской. НС, № 673. Вар.: Соб., т. 2, № 389.

65. Л. 2305—2306, LXXIV. Фрагмент популярной исторической песни о герое Отечественной войны 1812 г. атамане Донского казачьего войска генерале М. И. Платове. Вар.: Кир., вып. X, с. 50—68; Якушкин, № 16, с. 542—543; Печора, № 137; Мезень, № 7, 8; ИП IV, № 131—170; там же обзор литературы и вариантов, с. 228—229; Языковы, № 130—132; Новг. ф-р, № 62, 63.

66. Л. 2306—2307, LXXV. Рекрутская песня. НС, № 2762. Вар.: Якушкин, № 24; Соб., т. 6, № 57—60.

67. Л. 2307—2312, LXXVI. Шуточная песня с плясовым ритмом, представляет собой контаминацию нескольких мотивов и относится к циклу песен, известных под названием «Сватовство и свадьбы совы». Ср. № 609 наст. изд. Вар.: Шейн, № 987—995; Бунин, т. 5, с. 354—366.

68. Л. 2312—2313, LXXVII. Голосовая песня. Вар.: Трутовский, № 66, с. 135; НС, № 1468; Иваницкий, № 189.

Тетрадь VI, ч. 2

№ 69—76. ГИМ, ф. 56, оп. 1, п. 44а, л. 89—96

69. Л. 89, LXXVIII. Любовная песня, очень популярная в 1-й половине XIX в. Копия: п. 9, л. 2715 — М. В. Киреевской. Вар.: Прач, № 181, с. 35; Филиппов, № 36; Соб., т. 5, № 680—692; НС, № 1511, 1771, 1774, 2244, 2257, 2599; Фед., № 319—322, 324, 326, 327, 440, 528; Маринеску, № 53; Молдавия, № 47; Иваницкий, № 107; Калуга, № 120; ФГО, № 55; Новг. ф-р, № 50; НППК, т. II, № 216—218. Ср. № 290, 555, 575 наст. изд.

70. Л. 89 об.—91, LXXIX. Шуточная плясовая песня с контаминацией нескольких мотивов с элементами скоморошин: смерть блохи, чудесная мельница, воробей-поп. Вар.: Шейн, № 996—997, 1004—1007. Ср.: Баранов, № 4.

71. Л. 92, LXXX.* Фрагмент хороводной песни, встречающейся в записях в качестве плясовой и голосовой. Копия: п. 9, л. 2701 — М. В. Киреевской. Вар.: ОГВ, 1865. 34, с. 137; Иваницкий, № 2, 3; Печора, № 93; Калуга, № 72.

72. Л. 93, LXXXIV. Плясовая песня на любовную тему. Вар.: Иваницкий, № 174, 175.

73. Л. 94, LXXXV [Дочка-пташка]. Песня известна как семейная, иногда — как свадебная. Копия: п. 9, л. 2702 — М. В. Киреевской. Вар.: Соб., т. 3, № 31; Шейн, № 282; Новикова, № 126, с. 227; Забайкалье, № 213; ФГО, № 30; Новг. ф-р, № 12.

74. Л. 95, LXXXVI. Лирическая любовно-бытовая песня. Текст контаминирован, состоит из популярных песенных мотивов.

75. Л. 95 об.—96. LXXXVII. Любовная песня с элементами «жестокого» романса. Копия: п. 9, л. 2704 — М. В. Киреевской.

76. Л. 96 об., LXXXVIII. Фрагмент известной шуточной песни. В рукописи ошибочно обозначен предыдущим номером, под ним в скобках помета П. В. Киреевского: «Записано в Лопасне». Вар.: Шейн, № 950—953; Калуга, № 47.

Тетрадь VII

№ 77—101

Автограф не найден. Тексты печатаются по копиям: ГБЛ, ф. 125, п. 1 и 2 (14 текстов); п. 26 (5 текстов); п. 27 (9 текстов); ГИМ, ф. 56, п. 115а (5 текстов) и по первой публикации их в Новой серии. Возможно, эти тексты составляли утраченную VII тетрадь «Песен, собранных летом 1843 г.». Записаны в том же Малоархангельском уезде, что и другие тексты этой коллекции, в деревнях Татарино, Лимовое, Липовица-Перехожи. Принадлежность их Якушкину устанавливается паспортом на копиях и упоминанием в статье Якушкина «Кое-что об изданиях П. А. Бессоновым народных стихов и песен», с. 495.

77. ГБЛ, ф. 125, п. 1, л. 302 — копия М. В. Киреевской. Свадебная песня, поется жениху с невестой; 2-я копия — там же, п. 2, л. 360 — М. В. Киреевской. НС, № 614. Вар.: НС, № 147, 148, 238; Шейн, № 1846.

78. ГБЛ, ф. 125, п. 1, л. 303 — копия М. В. Киреевской. Свадебная песня, поется жениху с невестой; 2-я копия — там же, п. 27, л. 205. НС, № 615. Вар.: Шейн, № 1763, 1837, 2117, 2245, 2315, 2431.

79. ГБЛ, ф. 125, п. 2, л. 347 — копия М. В. Киреевской. Свадебная песня, поется жениху с невестой; 2-я копия — там же, п. 27, л. 137. НС, № 616. Вар.: НС, № 647.

80. ГБЛ, ф. 125, п. 27, л. 155. Свадебная песня жениху с невестой, поется после венчания. НС, № 617.

81. ГБЛ, ф. 125, п. 27, л. 211. Свадебная песня жениху с невестой, поется после венчания. НС, № 618. Вар.: НС, № 367; Шейн, № 1672; НПВО, № 73; НПОО, № 21.

82. ГБЛ, ф. 125, п. 26, л. 90. Свадебная величальная песня. НС, № 619. Вар.: НС, № 10, 115.

83. ГБЛ, ф. 125, п. 2, л. 329 — копия М. В. Киреевской. Помета: «уличная»; песня отнесена Киреевским к свадебным; 2-я копия — там же. п. 27, л. 39. НС, № 620.

84. НС, № 621. Фрагмент свадебной песни невесте. Вар.: НС, № 555.

85. ГБЛ, ф. 125, п. 27, л. 69. Свадебная песня жениху. НС, № 622.

86. ГБЛ, ф. 125, п. 27, л. 186. Свадебная величальная песня свахе. НС, № 623.

87. ГБЛ, ф. 125, п. 27, л. 75. Свадебная величальная песня холостому гостю. НС, № 624. Вар.: НС, № 741; Шейн, № 1730, 1980, 2309, 2318, 2410, 2411; ТГВ, 1856, 20; Пальчиков, № 101; Котикова, № 223, 249; Калуга, № 16, 82; Новг. ф-р, № 380; Маринеску, № 121; НПОО, № 55; НПВО, № 40. Ср. № 106 наст. изд.

88. ГБЛ, ф. 125, п. 26, л. 135. Свадебная песня невесте перед отъездом к венцу. НС, № 625. Ср.: НС, № 604, 739. См. № 603 наст. изд.

89. ГБЛ, ф. 125, п. 26, л. 46. Свадебная песня невесте перед отъездом к венцу. НС, № 626. Вар.: НС, № 589; Шейн, № 1974, 2403.

90. ГБЛ, ф. 125, п. 26, л. 80. Свадебная песня невесте. НС, № 627. Вар.: НС, № 598; Шейн, № 2092; ОГВ, № 34; Маринеску, № 108; НПОО, № 31; Славянина II, № 38, 39.

91. ГБЛ, ф. 125, п. 26, л. 86 об. Свадебная корильная песня свахе. Первая строка исправлена Киреевским, восстановившим повторение слов «ты, сваха». НС, № 628.

92. ГИМ, ф. 56, п. 115а, л. 1 — копия Е. И. Елагиной. Свадебная песня; поется в доме невесты до венца, когда «сваху корят» (собир.). Вар.: Славянина I, № 104.

---

* Следующие три номера в рукописи пропущены (утрачены листы?). Есть начало текста 81-го:

Шириною дорожка не так широка,
Длининою дорожка — конца-краю нет.
Как и гнали по ней табун коней,
Табун коней государевых.

93. ГИМ, ф. 56, п. 115а, л. 2 — копия Е. И. Елагиной. Свадебная припевка; поется перед домом невесты, когда «требуют выкупа» (собир.). Вар.: Славянина I, № 103.

94. ГБЛ, ф. 125, п. 1, л. 36 — копия М. В. Киреевской. НС, № 608. Свадебная песня заклинательного характера (вид оберега).

95. ГБЛ, ф. 125, п. 1, л. 31 — копия М. В. Киреевской. Свадебная величальная песня; 2-я копия — там же, п. 66, № 15, л. 6. НС, № 609.

96. ГИМ, ф. 56, п. 115а, л. 2 — копия Е. И. Елагиной. Свадебная припевка невесте. Вар.: Славянина I, № 108.

97. ГБЛ, ф. 125, п. 1, л. 35 — копия М. В. Киреевской. Свадебная песня с обращением к кучеру невесты. Поется «при отъезде к венцу» (собир.). НС, № 610.

98. ГИМ, ф. 56, п. 115а, л. 3 — копия Е. И. Елагиной. Свадебная припевка; поется, когда вносят обрядовый каравай. Вар.: Славянина II, № 240.

99. ГБЛ, ф. 125, п. 1, л. 33 — копия М. В. Киреевской. Свадебная песня; поется при выкупе невесты. НС, № 612.

100. ГИМ, ф. 56, п. 115а, л. 3 — копия Е. И. Елагиной. Свадебная припевка девушек-игриц. Вар.: Славянина I, № 104.

101. ГБЛ, ф. 125, п. 1, л. 34 — копия М. В. Киреевской. Свадебная песня; поется невесте до приезда жениха с поездом в день венчания. НС, № 611.

Тетрадь VIII

№ 102—109. ГБЛ, ф. 125, п. 47, л. 1414—1423

102. Л. 1414—1415, I. Свадебная сговорная песня (собир.). Копия: п. 2, л. 355 — М. В. Киреевской. В рукописи: «Вдарили Настасьюшке» (8-я строка снизу). В копии к слову «ключи» примечание Киреевского: «Ключница?» (4-я строка снизу). НС, № 639. Вар.: Шейн, № 242.

103. Л. 1415—1417, II. Свадебная сговорная песня (собир.). Копия: п. 2, л. 348 — М. В. Киреевской. НС, № 640.

104. Л. 1417, III. Свадебная сговорная песня, поется свахе и свату. Копия: п. 2, л. 349 — М. В. Киреевской. НС, № 641.

105. Л. 1418—1420, IV. Свадебная сговорная песня (собир.). Копия: п. 2, л. 350 — М. В. Киреевской. НС, № 642. Вар.: Славянина, II, № 138. Ср.: Маринеску, № 151.

106. Л. 1420—1421, V. Свадебная песня. Поется во время сговора жениху, а во время свадьбы — холостым гостям (собир.). Копия: п. 2, л. 351 — М. В. Киреевской. НС, № 643. См. примеч. к № 86 наст. изд.

107. Л. 1421, VI. Свадебная сговорная песня, поется жениху и невесте (собир.). Копия: п. 2, л. 352 — М. В. Киреевской. НС, № 644.

108. Л. 1422, VII. Свадебная сговорная песня, поется жениху и невесте (собир.). Копия: п. 2, л. 353 — М. В. Киреевской. НС, № 645. Вар.: НПОО, № 26.

109. Л. 1422—1423, VIII. Свадебная сговорная песня, поется невесте. Копия: п. 2, л. 354 — М. В. Киреевской. НС, № 646.

Тетрадь IX

№ 110—119. ГБЛ, ф. 125, п. 47, л. 1403—1413

110. Л. 1403, IX. Свадебная песня жениху и невесте. К 12-й строке поправка Якушкина: вместо «А жена» — «Ажно». Копия: п. 2, л. 347 — М. В. Киреевской. НС, № 647. См. № 79 наст. изд.

111. Л. 1404, X. Свадебная песня невесте. Копия: п. 2, л. 364 — М. В. Киреевской. НС, № 648.

112. Л. 1404—1405, XI. Свадебная песня жениху. Копия: п. 2, л. 362 — М. В. Киреевской. НС, № 649. Вар.: Шейн, № 1876, 2066, 2080.

113. Л. 1405, XII.* Свадебная песня жениху. Копия: п. 2, л. 363 — М. В. Киреевской. НС, № 650.

114. Л. 1406—1407, XIV. Свадебная песня невесте. Копия: п. 2, л. 357 — М. В. Киреевской. НС, № 652.

115. Л. 1407—1408, XV. Свадебная песня холостому гостю. Копия: п. 2, л. 358 — М. В. Киреевской. НС, № 653.

116. Л. 1408—1409, XVI. Свадебная песня «величальная вдове». Копия: п. 2, л. 354 — М. В. Киреевской. НС, № 654.

117. Л. 1409—1410, XVII. Свадебная песня жениху и невесте. Копия: п. 2, л. 360 — М. В. Киреевской. НС, № 655.

118. Л. 1410—1411, XVIII. Свадебная песня жениху и невесте. Копия: п. 2, л. 361 — М. В. Киреевской. НС, № 656.

119. Л. 1412—1413, XIX. Свадебная песня невесте. Копия: п. 2, л. 346 — М. В. Киреевской. НС, № 657. Вар.: НПОО, № 36.

* Далее в рукописи следует текст XIII (НС, № 651), идентичный с № 31 (см. ранее), но с другими именами: Иван Ильич, Петр Васильевич, Кузьма Харитоньевич.

Тетрадь X

№ 120—131. ГБЛ, ф. 125, п. 46, л. 1251—1262

120. Л. 1251—1252, XX. Свадебная песня жениху и невесте. Копия: п. 1, л. 87 — М. В. Киреевской. НС, № 658.

121. Л. 1253, XXI. Свадебная песня невесте. Копия: п. 1, л. 86 — М. В. Киреевской. НС, № 659. Вар.: Шейн, № 1514, 2092, 2187. Записана экспедицией ИРЛИ в Поволжье в 1977 г. (Астраханская область).

122. Л. 1254, XXII. Свадебная песня невесте. Копия: п. 1, л. 85 — М. В. Киреевской. НС, № 660. Вар.: Шейн, № 1596, 2370, 2402; Калуга, № 133; Новг. ф-р, № 361; Поволжье, № 91.

123. Л. 1255, XXIV.* Свадебная песня жениху и невесте. Копия: п. 1, л. 84 — М. В. Киреевской. НС, № 661.

124. Л. 1256, XXV. Свадебная песня жениху. Копия: п. 1, л. 83 — М. В. Киреевской. НС, № 662.

125. Л. 1257, XXVI. Свадебная песня невесте. Копия: п. 1, л. 82 — М. В. Киреевской. НС, № 663.

126. Л. 1258, XXVII. Свадебная подвенечная песня; поется, «когда отправляют к венцу жениха» (собир.). Копия: п. 1, л. 81 — М. В. Киреевской. НС, № 664.

127. Л. 1258, XXVIII. Свадебная припевка. Первая часть поется провожатыми, «когда едут после венца» (собир.), при входе в дом жениха; вторая часть — домашними, родными жениха. Копия: п. 1, л. 80 — М. В. Киреевской; слово «далечо» исправлено П. В. Киреевским: «далече». НС, № 665.

128. Л. 1259, XXIX. Свадебная припевка; поется, «когда встречают жениха с невестою от венца» (собир.). Копия: п. 1, л. 78 — М. В. Киреевской. НС, № 666. Вар.: НПВО, № 77.

129. Л. 1259 об., XXX, XXXI, XXXII. Свадебные припевки; поются: 1) «когда едут от венца»; 2) перед тем как молодых «ведут в клеть»; 3) «когда приведут спать» (собир.). Копии: п. 1, л. 79, 94, 95 — М. В. Киреевской. НС, № 667—669. Вар.: Новг. ф-р, № 364.

130. Л. 1260—1261, XXXIII. Свадебная песня; поется, «когда молодых приводят из спальни и посадят за стол» (собир.). Копия: п. 1, л. 96 — М. В. Киреевской. НС, № 670.

131. Л. 1261—1262, XXXIV. Свадебная подвенечная песня; поется, «когда посадят жениха и невесту ехать к венцу» (собир.). Копия: п. 1, л. 97 — М. В. Киреевской.

Тетрадь XI

№ 132—141. ГБЛ, ф. 125, п. 38, л. 106—113

132. Л. 106, ‹1›. Свадебная песня жениху; поется, «когда благословляют его образом» (собир.). Копии: п. 1, л. 150, 168 — М. В. Киреевской. НС, № 629. Вар.: НС, № 565.

133. Л. 106 об., ‹2›. Свадебная припевка; поется, «когда к церкви подъезжают» (собир.). Копии: п. 1, л. 151, 167 — М. В. Киреевской. НС, № 630.

134. Л. 106 об.—170, ‹3›. Свадебная песня жениху с невестой; поется, «когда выходят ехать к венцу» (собир.). Копии: п. 1, л. 152, 166 — М. В. Киреевской. НС, № 631.

135. Л. 107 об.—108, ‹4›. Свадебная песня; поется, «когда жених едет за невестою» (собир.). Копии: п. 1, л. 153, 165 — М. В. Киреевской. НС, № 632.

136. Л. 108 об., ‹5›. Свадебная припевка; поется жениху с невестой по выходе их из церкви. Копии: п. 1, л. 154, 164 — М. В. Киреевской. НС, № 633.

137. Л. 108—109, ‹6›. Свадебная песня; поется, «когда едут к венцу» (собир.). Копии: п. 1, л. 155, 163 — М. В. Киреевской. НС, № 1634. Ср.: Шейн, № 2068; ТГВ, 1856, № 20, с. 94; Маринеску, № 8.

138. Л. 110, ‹7›. Свадебная припевка; поется, «когда продают невестину косу». Копии: п. 1, л. 156, 161 — М. В. Киреевской. НС, № 635.

139. Л. 110—111, ‹8›. Свадебная песня; поется, «когда станут чесать жениховы кудри» (собир.). Копии: п. 1, л. 157, 161 — М. В. Киреевской. НС, № 636.

140. Л. 111, ‹9›. Свадебная припевка; поется, «когда невесту посадят везти к венцу» (собир.). Копии: п. 1, л. 160 — М. В. Киреевской; л. 169 — Н. А. Кострова. НС, № 637.

141. Л. 111 об.—113, ‹10›. Свадебная песня; поется, «когда едут к венцу» (собир.). Копии: п. 1, л. 159 — М. В. Киреевской; л. 170 — Н. А. Кострова. НС, № 638.

---

* Номер XXIII пропущен переписчиком.

ПЕСНИ, ЗАПИСАННЫЕ В МАЛОАРХАНГЕЛЬСКОМ УЕЗДЕ ЯКУШКИНЫМ И КН. КОСТРОВЫМ

№ 142—158. ГБЛ, ф. 125, п. 54, л. 2335—2350

142. Л. 2335, II.* Голосовая песня разбойничье-тюремного цикла. НС, № 2013. Вар.: Соб., т. 6, № 461—464.

143. Л. 2336, III [Угрозы девушки молодцу]. Баллада. НС, № 2014. Вар.: Соб., т. 1, № 154—163; Чернышев, № 255, с. 279; Балашов, с. 141; исследование сюжета — там же, с. 392.

144. Л. 2336—2337, IV. [Братья и сестра]. Баллада. НС, № 2021. Вар.: Чернышев, № 5, с. 9; Кир., вып. II, с. 64—66, № 2. Исследование сюжета: Балашов, с. 75—76, с. 383—384.

145. Л. 2337, V [Молодец и королевна]. Баллада. Кир., вып. V, с. 169; НС, № 1999. Вар.: Соб., т. 1, № 1—2, 4—15, 17—20; Чернышев, № 9—10, с. 81—84; Иваницкий, № 572; НПКО, № 54. Исследование сюжета: Балашов, с. 384; Языковы, № 222—224.

146. Л. 2337—2338, XIII ** [Оклеветанная жена]. Баллада известна и с другим названием: «Мать-клеветница». Копия: ГИМ, п. 44а, л. 240—222. НС, № 2008. Вар.: Соб., т. 1, № 70—74; Чернышев, № 226, с. 238. Исследование сюжета и обзор вариантов: Балашов, с. 382; Новг. ф-р, № 5, 6.

147. Л. 2344, XXI.*** Лирическая голосовая песня; в поздних записях более известна по зачину «Как со вечера пороша нападала». НС, № 2011. Вар.: Соб., т. 3, № 210; Шейн, № 866; НПКО, № 34; См. № 545 наст. изд.

148. Л. 2344—2345, XXII. Солдатская песня. Более известна с запевом «За Невагою». НС, № 1996. Вар.: НС, № 1274, 1392, 1917, 1996, 2123, 2813; Соб., т. 6, № 175—185; Железновы, с. 96; Печора, № 45; Языковы, № 156. См. № 174 наст. изд.

149. Л. 2345, XXIII. Фрагмент исторической песни о событиях 1812 г. Близкие мотивы встречаются в цикле о Платове. НС, № 2022.

150. Л. 2345, XXIV [Молодец в кабаке]. Голосовая песня. НС, № 2015. Вар.: Соб., т. 5, № 328—329.

151. Л. 2345—2346, XXV. Казачья песня. НС, № 1995.

152. Л. 2346, XXVI. Фрагмент баллады о пожаре Ярославля. НС, № 2020. Вар.: НС, № 1624, 1688, 1793, 2221, 2490; Песни Пинежья, № 64; Печора, № 20, 162, 172; Мезень, № 40, 41; Абрамский, № 39; Языковы, № 313—316.

153. Л. 2346—2347, XXVII **** [Ванька-ключник и князь Волконский]. Широко известная семейно-бытовая баллада позднего времени (конец XVII в.). НС, № 2007. Записана А. С. Пушкиным и А. В. Кольцовым (ЛН, № 12, с. 192; № 1, с. 290—292). Вар.: Якушкин, № 11, с. 537; Соб., т. 1, № 25—47; Филиппов, № 9; Шейн, № 875—886; НС, № 1724, 1922, 2025; Языковы, № 280—281; Иваницкий, № 571; Чернышев, № 38—41. Обзор литературы и вариантов: Чернышев, с. 386—392. Исследования сюжета: Балашов, с. 395—396. В XX в. популярна литературная переделка баллады В. В. Крестовского. Новикова, № 63, с. 403; Забайкалье, № 434.

154. Л. 2348, XXIX. Хороводная песня. Копия: п. 7, л. 2141 — М. В. Киреевской. НС, 2016; см. № 34 наст. изд.

155. Л. 2349, XXX. Фрагмент песни с балладным мотивом о худой жене. НС, № 2020а.

156. Л. 2349 об., XXXI. Игровая песня. НС, № 2009.

157. Л. 2349 об.—2350, XXXII. Песня отнесена Якушкиным к солдатским. Копия: п. 8, л. 2438 — М. В. Киреевской. НС, № 2004. См. № 560 наст. изд.

158. Л. 2350, XXXIII [Заплакали сенаторы]. Песня сохранила отголоски событий 1812 г. НС, № 2006. Вар.: Путилов, с. 384; ИП IV, № 101—107; Потявин, № 45; ФГО, № 9.

РУССКИЕ СЕМЕЙНЫЕ ПЕСНИ

№ 159—186. ГИМ, ф. 56, п. 44а, л. 166—184

159. Л. 166, I. Рекрутская песня. Копия: п. 54, л. 2335 — Н. А. Кострова. НС, № 2005 (с пропусками 2 строк).

160. Л. 167, II. Плясовая песня. Копия: п. 17, л. 4508 — М. В. Киреевской.

161. Л. 168, III. Фрагмент плясовой песни. Копия: п. 14, л. 3645 — М. В. Киреевской.

162. Л. 168 об., IV. Фрагмент исторической песни о М. И. Платове. В рукописи перед текстом помета: «Г‹уберния› Орловская, у‹езд› Малоарх‹ангельский›, с. Сабурово». Кир., вып. X, с. 153. См. примеч. к № 65 наст. изд.

---

* Первый текст «Жил соловей с кукушечкою» публикуется в составе тетради «Русские семейные песни» (№ 1).

** Номера VI и VII пропущены переписчиком.

*** Тексты VIII—XI вошли в состав IV тетради (№ 45, 47, 48, 49). Тексты XII, XIV—XX вошли в состав V тетради (№ 51—58).

**** Текст XXVIII публикуется в составе V тетради 1843 г., см. примеч. к 59.

163. Л. 169, V. Плясовая с контаминацией нескольких мотивов. Копия: п. 17, л. 4507 — М. В. Киреевской.

164. Л. 169—169 об., VI. Рекрутская песня. В рукописи начало сокращено. Копия: п. 16, л. 4363 — П. И. Бартенева. Вар.: Кашин, ч. 1, с. 83—84; Соб., т. 6, № 13—20.

165. Л. 170 об.—171, VIII.* Текст контаминирован. 1-я часть — любовная песня, 2-я — относится обычно к историческим в связи с образом Аракчеева. Копия: п. 13, л. 3526 — М. В. Киреевской. В рукописи на полях против этого текста помета: «С. Колпна». Кир., вып. X, с. 213.

166. Л. 171—171 об., IX. Хороводная песня. Вар.: Соб., т. 2, № 488—489. См. № 56 наст. изд.

167. Л. 172—172 об., X. Плясовая песня. Копия: п. 13, л. 3557 — М. В. Киреевской.

168. Л. 172—172 об., XI. Фрагмент плясовой песни. Копия: п. 17, л. 4506 — М. В. Киреевской.

169. Л. 172 об.—173, XII. Плясовая песня. Текст контаминирован: 1-я часть — из любовной песни; 2-я более известна с запевом: «Из боярских из ворот выходил шельма-холоп» — на Печоре бытовала как игровая, известна с XVIII в. Вар.: Чулков, ч. III, № 135; Шейн, № 434; Железновы, с. 116; Соб., т. 1, № 52, 58; Печора, № 113, 252; Калуга, № 154. Ср. № 372 наст. изд.

170. Л. 173, XIII. Любовная песня, популярная в XIX в. Копия: п. 13, л. 3556 — М. В. Киреевской. См. примеч. к № 69 наст. изд.

171. Л. 173 об.—174, XIV. Фрагмент любовной песни. Копия: п. 14, л. 3646 — М. В. Киреевской.

172. Л. 174 об.—175, XV [Похороны генерала]. Популярная в XIX в. песня с отголосками неустановленного исторического события. Кир., вып. VIII, с. 222—223; вып. IX, дополнения, с. XV—XXI. Вар.: Соб., т. 6, № 296; ИП IV, № 128—130; ЛН, № 7, с. 527; Языковы, № 166—167. См. № 516 наст. изд.

173. Л. 175—175 об., XVI. Фрагмент игровой песни.

174. Л. 175 об., XVII. Рекрутская песня. Более известна в поздних записях с запевом «За Невагою». См. примеч. к № 148 наст. изд.

175. Л. 176, XVIII. Любовная песня. Копия: п. 13, л. 3580 — М. В. Киреевской.

176. Л. 176, XIX. Фрагмент песни с контаминацией двух мотивов: любовного и социально-бытового. Копия: п. 13, л. 3555 — М. В. Киреевской.

177. Л. 176 об.—177, XX. Плясовая песня. Копии: п. 14, л. 3649, 3757 — М. В. Киреевской. НС, № 2066. Вар.: Баранов, № 80. Ср.: Маринеску, № 191.

178. Л. 177—178, XXI. Популярная плясовая песня. В рукописи к тексту примеч. собирателя: «Есть еще припев будто бы на „немецкий" лад: „Тяттирь—яттирь, ... твой матирь ... мать на пригорке"». Вар.: Соб., т. 7, № 323—324; НС, № 1802; Маринеску, № 210. Ср. № 278 наст. изд.

179. Л. 179—180, XXIII.** Любовная песня. Копия: п. 7, л. 2126 — М. В. Киреевской.

180. Л. 180—180 об., XXIV. Фрагмент любовной песни. Ср. № 449, 462 наст. изд.

181. Л. 180 об.—181, XXV. Текст контаминирован из мотивов бродяжьей, солдатской и любовной песни. Без окончания.

182. Л. 181—181 об., XXVI. Любовно-бытовая лирическая голосовая песня. Копии: п. 7, л. 2133 — М. В. Киреевской; п. 12, л. 3051 — П. И. Бартенева. Вар.: Соб., т. 4, № 710; т. 7, № 236; НС, № 1843, 1906, 1984, 2486. Ср. № 249, 449, 462 наст. изд.

183. Л. 182—182 об., XXVII [Жена казака умирает от родов]. Краткий вариант баллады. См. о сюжете: Балашов, с. 390; Баранов, с. 98. См. примеч. к № 567 наст. изд.

184. Л. 182 об.—183, XXVIII [Осиротевшие дети]. Семейная песня на сюжет, близкий к балладному. Копии: п. 13, л. 3560 — М. В. Киреевской. Вар.: Соб., т. 3, № 524—532; Шейн, № 1910—1911; Чернышев, № 219, с. 229; НКПО, № 56; ФГО, № 26.

185. Л. 183 об., XXIX. Плясовая песня с шуточно-сатирическим изложением сюжета «Девушка и батрак», типичного для целого ряда песен на социально-бытовую тему. Копия: п. 13, л. 3553 — М. В. Киреевской.

186. Л. 184—184 об., XXX [Жена губит мужа]. Сокращенный вариант баллады на семейно-бытовую тему. Вар.: Балакирев, № 59; Чернышев, № 208, с. 221. Ср.: Балашов, с. 116—118, исследование сюжета — с. 389—390; Новг. ф-р, № 9; Маринеску, № 277.

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД С. КОЛПНА МАЛОАРХАНГЕЛЬСКОГО УЕЗДА

№ 187—215. ГБЛ, ф. 125, п. 54, л. 2280—2301

Тексты печатаются по указанному автографу без ссылки при каждом тексте на копию с этой тетради, снятую П. А. Бессоновым с некоторыми незначитель-

* Текст VII (баллада «Оклеветанная жена») публикуется в составе I тетради Якушкина и Кострова — № 136 (VIII), так как совпадает дословно, за исключением двух строк: 3-я снизу: «Сады зелененьки»; 5-я снизу: «Сено все едят».

** Текст XXII см. в Приложении (т. 2 наст. изд.).

ными изменениями в описаниях обряда (ЦГАЛИ, ф. 236, оп. 1, № 682). На первом листе копии заголовок: «Свадебные песни с. Колпна Малоархангельского уезда». Но переписаны не одни песни, а весь обряд с разговорами и действиями колдунов.

187. Л. 2280, I. Свадебная песня жениху; поется «у жениха на дворе при сборе поезда» и «на девичнике» (собир.). Копия: п. 1, л. 69 — М. В. Киреевской. НС, № 552.

Л. 2280—2281. Описание приезда жениха за невестой с приговорами дружки и выкупом невесты. Ср.: ЖС, 1905, I—II, с. 111—112.

188. Л. 2281—2282, II. Свадебная песня жениху и невесте. Копия: п. 1, л. 68 — М. В. Киреевской. НС, № 552. Вар.: НПОО, № 24.

189. Л. 2284, III. Свадебная песня жениху и невесте. Копия: п. 1, л. 67 — М. В. Киреевской. НС, № 553. Вар.: НС, № 375; напев и текст: Фонограммархив ИРЛИ, к. 109, п. 1, № 16 (запись из Куйбышевской области).

190. Л. 2285, IV. Свадебная песня жениху и невесте. Копия: п. 1, л. 66 — М. В. Киреевской. НС, № 554.

191. Л. 2285—2286, V. Свадебная песня невесте. Копия: п. 1, л. 65 — М. В. Киреевской. НС, № 555.

192. Л. 2286—2287, VI. Свадебная песня жениху и невесте. Копия: п. 1, л. 64 — М. В. Киреевской. НС, № 556. Вар.: ЖС, 1905, I—II, с. 117.

193. Л. 2287, VII. Свадебная песня холостому гостю. В данном случае величали П. И. Якушкина. Копия: п. 1, л. 63 — М. В. Киреевской. НС, № 557. Вар.: Маринеску, № 97.

194. Л. 2287—2288, VIII. Свадебная величальная песня замужним женщинам. Копия: п. 1, л. 63 — М. В. Киреевской. НС, № 558.

195. Л. 2288, IX. Свадебная величальная песня женатому гостю и его жене. Копия: п. 1, л. 61 — М. В. Киреевской. НС, № 559.

196. Л. 2288, X. Свадебная припевка гостю, который не дарит певиц деньгами, а «потчует только вином» (собир.). Копия: п. 1, л. 59 — М. В. Киреевской. НС, № 560. Вар.: Поволжье, № 71; Славянина II, № 186.

197. Л. 2288—2289, XI. Свадебная песня жениху с невестой. Копия: п. 1, л. 60 — М. В. Киреевской. НС, № 561.

198. Л. 2289—2290, XII. Свадебная песня невесте. Копия: п. 1, л. 58 — М. В. Киреевской. НС, № 562.

199. Л. 2291, XIII. Свадебная величальная песня жениху или холостому гостю. Копия: п. 1, л. 56 — М. В. Киреевской. НС, № 563.

200. Л. 2291—2292, XIV. Свадебная песня невесте. Копия: п. 1, л. 57 — М. В. Киреевской. НС, № 564.

201. Л. 2292, XV. Свадебная припевка; поется при благословении к венцу жениха. Копия: п. 1, л. 53 — М. В. Киреевской. НС, № 565. Вар.: ЖС, 1905, I—II, с. 113.

202. Л. 2292, XVI. Свадебная припевка к приезду жениха на двор невесты перед венчаньем. Копия: п. 1, л. 54 — М. В. Киреевской. НС, № 566.

203. Л. 2292 об., XVII. Известная свадебная песня. Предельно краткий вариант, состоящий из одного начала. Поется при появлении жениха с провожатыми и гостями. Копия: п. 1, л. 55 — М. В. Киреевской. НС, № 567. Вар.: Шейн, вып. 2, № 1753, 2045, 2308; НС, № 4, 40, 63, 191, 214, 733, 785, 992; Новг. ф-р, № 346; НПОО, № 29.

204. Л. 2293—2294, XVIII. Свадебная припевка; поется при расплетании косы невесты. НС, № 568. Вар.: ЖС, 1905, I—II, с. 118—119.

205. Л. 2294, XIX. Свадебная припевка; поется при расчесывании волос у жениха. НС, № 569. Вар.: ЖС, 1905, I—II, с. 119.

206. Л. 2294, XX. Свадебная песня; поется, когда едут за невестой, перед венцом. Копия: п. 1, л. 70 — М. В. Киреевской. НС, № 570 (слово «мечело» — не прочтено).

207. Л. 2294—2295, XXI. Свадебная песня; поется в тех же случаях, что и предыдущая. Копия: п. 1, л. 71 — М. В. Киреевской. НС, № 571.

208. Л. 2295, XXII. Свадебная припевка кучеру жениха; поется, когда едут за невестой. Копия: п. 1, л. 74 — М. В. Киреевской. НС, № 572. Вар.: Маринеску, № 109.

209. Л. 2296, XXIII. Свадебная песня; поется жениху, когда он едет за невестой. «Поют мужики» (собир.). Копия: п. 1, л. 73 — М. В. Киреевской. НС, № 573.

210. Л. 2296, XXIV.* Свадебная песня невесте; поется до венца. Копия: п. 1, л. 72 — М. В. Киреевской. НС, № 574. Вар.: ЖС, 1905, I—II, с. 110; Славянина II, № 110.

211. Л. 2296—2297, XXV. Свадебная припевка; поется, «когда увидят жениха, едущего от венца, у него в доме» (собир.). Копия: п. 1, л. 75 — М. В. Киреевской. НС, № 575.

212. Л. 2297, XXVI. Свадебная песня жениху и невесте после их возвращения от венца. Копия: п. 1, л. 76 — М. В. Киреевской. НС, № 576.

213. Л. 2297, XXVII. Свадебная песня; поется, «когда приедут молодые и сядут за стол» (собир.). Копия: п. 1, л. 77 — М. В. Киреевской. НС, № 577.

214. Л. 2298, XXIX, XXX. Свадебные припевки; поются: 1) «на девичнике, когда сажают каравай» (собир.). НС, № 580; 2) когда уводят молодых из-за стола.

---

* В рукописи предыдущий номер XXIII повторен ошибочно.

Дальше в описании сказано: «Когда молодых положат, и, если на молодую кто сердит, поют: „Ореховая клетка е..... редко“». НС, № 578, 579. Известны и другие варианты этой припевки: ЖС, 1905, I—II, с. 127 или:

Ореховая клетка поставлена редко.
Как за этой клеткой идет целованье,
Идет целованье, крепкое обниманье.

(ИРЛИ, Рукописный отдел, Р. V, кол. 49, п. 4, № 15, 1935, записано в Калужской области).

215. Л. 2298—2301, ‹XXXI›. Описание примет, поверий и колдовских действий, связанных со свадьбой. Запись уникальна среди фольклорных материалов о свадьбе 1840—1850-х гг. НС, с. 164

НАРОДНЫЕ СКАЗАНИЯ О КЛАДАХ, РАЗБОЙНИКАХ, КОЛДУНАХ И ИХ ДЕЙСТВИЯХ, ЗАПИСАННЫЕ В МАЛОАРХАНГЕЛЬСКОМ УЕЗДЕ

№ 216—235

Рукопись не найдена. Публикация дается по тексту журнала «Москвитянин» (1844, № 12, Смесь, с. 21—29). Статья подписана: «Из записок К. П. и Я.». В примечании к статье редактор журнала М. П. Погодин называет автором одного Якушкина: «Автор, студент Московского университета Якушкин, намерен отправиться в путешествие по всей России для собирания остатков нашей народности» (с. 25). По-видимому, сведения эти собраны в том же районе, что и свадебный обряд, и, вероятно, в том же 1843 или 1844 г. и переданы в несколько беллетризованном виде с явным подражанием Н. В. Гоголю.

216, ‹1›. Предание про разбойника Муравья. Вариант последнего эпизода см.: Якушкин, с. 294.

217, 218, ‹2, 3›. Предание про старца Ярилу и разбойника Тимофея.

219, ‹4›. Предание про разбойника Кудеяра. См. вариант: Якушкин, с. 291—292. Источник сюжета: РФ, вып. XV, с. 234—239.

220—223, ‹5—8›. Предания о кладах.

224—233, ‹9—18›. Народные рассказы о колдунах и их действиях в Малоархангельском узде. Ср.: ОГВ, 1861, № 33, с. 393—400.

234—235, ‹19—20›. Рассказы о целебных травах и связанные с ними предания.

ЗАПИСИ 1845—1846 гг.

ЖУРНАЛ ПЕШЕХОДЦА

№ 236—349. ГИМ, ф. 56, оп. 1, п. 44а, л. 82—165; п. 190, л. 224—217

236. Л. 82—82 об. Записка к Николаю, которому пересылается рукопись. По-видимому, это Николай Алексеевич Костров (1823—1881), известный впоследствии этнограф Сибири, писатель и общественный деятель; учился, как и Якушкин, в Московском университете, закончил юридический факультет и в 1846 г. уехал в Сибирь. Луганский — В. И. Даль. «Мои подчеркнутые слова подчеркнуть (при копировании текстов, — *З. В.*) с тем же примечанием», т. е. подчеркнутые «буквально записаны» (см. примеч. к сказке о Фоме Беренникове). Упомянутый в последней строке записи Петька, по мнению А. И. Баландина, «должно быть, Киреевский» (ЛН, с. 425). С этим трудно согласиться. Двумя строками раньше Якушкин пишет: «Стихов не отдавай Киреевскому. Я надеюсь собрать в скором времени порядочную коллекцию. . .». И дальше: «Скажи Петьке про мое житье-бытье». Ясно, что речь идет о разных лицах. Кроме того, Киреевский был старше Якушкина на 16 лет; упоминая о нем, Якушкин называл его по имени и отчеству, а при обращении — «почтеннейший Петр Васильевич» и относился к нему с глубочайшим уважением и любовью. Петька — скорее всего младший брат Якушкина.

237. Л. 134—134 об. [Легенда про Павла, Петра и пьяницу]; относится к циклу народных легенд про апостола Петра, широко известных в международном фольклоре. См.: СУ, № 752 А, Б, С.

238. Л. 134 об. Анекдот с известной пословицей, приведенной В. Г. Белинским в знаменитом его письме Н. В. Гоголю в 1848 г.

239. Л. 134 об.—136 [Сказка про Фому Беренникова]; опубликована с некоторыми изменениями: Афанасьев I, т. 3, № 431. Вар.: СУ, № 1640.

240. Л. 137. Федор Александрович Батолин — учитель 3-й московской гимназии на Лубянке, товарищ Якушкина по университету. Установить личность Гиля не удалось.

241. Л. 137, I [Сестра-отравительница]. Семейно-бытовая баллада. Копия: п. 8, л. 2411; п. 9, л. 2595 — обе М. В. Киреевской; п. 47, л. 1280. НС, № 1779. Вар.: НС, № 1930, 2081; Соб., т. 1, № 134—139, 148—151; Шейн, № 821—822; Терещенко, ч. 1, с. 106—107; Чернышев, № 14—15, обзор вариантов с. 372—378; Балашов, с. 107—109; Языковы, № 267—269.

242. Л. 137 об., II. Голосовая песня. Копии: п. 8, л. 2412 — П. И. Бартенева; п. 12, л. 3031 — М. В. Киреевской; п. 47, л. 1280; п. 48, л. 1461. НС, № 1781.

243. Л. 137 об., III. Рекрутская песня. Копия: п. 47, л. 1281. НС, № 1781. Вар.: НС, № 1607, 2109, 2946, 2986; Якушкин, с. 550, № 28; Иваницкий, № 264; Печора, № 182.

244. Л. 138, IV [Пишет султан турецкой]. Историческая песня, сюжетная схема которой используется в песнях о войнах России с Турцией, Швецией, Пруссией. Германией. В соответствии с этим в песнях упоминаются короли, полководцы и военачальники: Краснощеков, Суворов, Румянцев, Потемкин, Кутузов, русские цари и Екатерина II. Данный вариант отражает отношения с Турцией в период царствования Николая I. Копии: п. 47, л. 1282; п. 48, л. 1462. Кир., вып. X, с. 460 с пометой: «Зап. Костровым, доставлено П. И. Якушкиным. Лихвинский у‹езд›». НС, № 1782; ИП IV, № 265. Вар.: Кир., вып. IX, с. 80; вып. X, с. 459—462; Путилов, с. 262—264; Языковы, № 81, 97—99.

245. Л. 138, V [Князь Волконский и Ваня-ключник]. Баллада. Копия: п. 47, л. 1282. НС, № 1777. См. примеч. к № 153 наст. изд.

246. Л. 138 об., VI [Дочь ехала к (от) матери]. Семейно-бытовая песня. Копии: п. 8, л. 2413; п. 12, л. 3030, 3249 — все М. В. Киреевской; п. 47, л. 1282; п. 48, л. 1463. НС, № 1783. Вар.: Соб., т. 1, № 199; т. 3, № 356; Шейн, № 853; Песни Пинежья, № 29; Печора, № 46; Мезень, № 31; Иваницкий, № 278; НС, № 1386, 1477, 1565, 1614, 1783, 2089, 2247.

247. Л. 138 об., VII. Лирическая любовно-бытовая голосовая песня. Копии: п. 8, л. 2414; п. 10, л. 3029 — обе М. В. Киреевской; п. 47, л. 1282а; п. 48, л. 1464. НС, № 1784.

248. Л. 139, VIII. Лирическая любовно-бытовая голосовая песня. Копии: п. 8, л. 2415 — М. В. Киреевской; п. 47, л. 1282а; п. 48, л. 1465. НС, № 1785.

249. Л. 139, IX. Лирическая голосовая песня. Копии: п. 8, л. 2416; п. 9, № 2594 — обе М. В. Киреевской; п. 47, л. 1283. НС, № 1783. См. № 182 наст. изд.

250. Л. 139. Дневниковая заметка с приметой о погоде в праздник Сретенья.

251. Л. 139 об., X. Лирическая любовно-бытовая голосовая песня. Текст, видимо, неполный, отчего символика песни становится однозначной. Копии: п. 8, л. 2338 — М. В. Киреевской; п. 47, л. 1283—1284; п. 48, л. 1466; НС, № 1786; Балакирев, № 55.

252. Л. 139 об., XI [Возвращение Голицына из похода]. Фрагмент исторической песни с отголосками событий XVII в. Имеется в виду В. В. Голицын (1643—1714), сторонник царевны Софьи, и его возвращение в Москву после неудачного крымского похода (позднее он был сослан на север и умер в ссылке). В рукописи текст перечеркнут. Восемь вариантов этого сюжета, за исключением данного, рассмотрены в статье П. И. Якушкина «Несколько слов от собирателя» (Русские песни, собранные Павлом Якушкиным. СПб., 1860, с. 10—14).

253. Л. 139 об., ‹XIа›. Лирическая любовно-бытовая голосовая песня. Текст в рукописи не пронумерован. Копии: п. 8, л. 2418; п. 15, л. 4072 — обе М. В. Киреевской. НС, № 1784. См. примеч. к № 69 наст. изд.

254. Л. 140, XII. Любовная песня с элементами «жестокого» романса и лексикой, типичной для любовных песен XVIII в. Копии: п. 8, л. 2419; п. 17, л. 4462 — обе М. В. Киреевской; п. 47, л. 1284. НС, № 1788.

255. Л. 140, XIII. Плясовая песня. Копии: п. 14, л. 3807 — М. В. Киреевской; п. 47, л. 1284; п. 48, л. 1467. НС, № 1789. Вар.: Шейн, № 554; Пальчиков, № 106 (фрагмент).

256. Л. 140, XIV. Рекрутская песня. Копии: п. 8, л. 2420; п. 9, л. 2593; п. 12, л. 3270 — все М. В. Киреевской; п. 47, л. 1285. НС, № 1790. По свидетельству В. Е. Чешихина-Ветринского «любимая песня П. И. Якушкина» (Современный мир. 1908, март—апрель, с. 45). Вар.: Соб., т. 6, № 242. Ср.: Новг. ф-р, № 36.

257. Л. 140 об., XV. Шуточная плясовая песня. Копия: п. 47, л. 1285. НС, № 1791.

258. Л. 140 об.—141, XVа. Рифмованная сказка с контаминированным сюжетом и веселыми сказочными прибаутками. Соединены сюжеты: «Волк и свинья» и «Лиса-проповедница». Вторая часть текста со слов «Как волки озорничали» опубликована: Афанасьев I, т. 1, № 17. См. там же комментарий В. Я. Проппа, с. 470.

259. Л. 141. Дневниковая запись. Гремучий Колодезь — село Лихвинского уезда.

260. Л. 141 об., XVI. Шуточная плясовая песня. Копии: п. 47, л. 1225, 1286; п. 48, л. 1468. НС, № 1792. Вар.: Соб., т. 3, № 472—479; т. 5, № 775; Картыков, № 294.

261. Л. 141 об., XVII. Песня с мотивами народной эротики. Копии: п. 17. л. 4443, 4488 — М. В. Киреевской; п. 39, л. 218; п. 42, л. 7331. НС, № 1765.

262—263. Л. 142—142 об., XVIII, XIX [Молодец губит жену]. Семейно-бытовая баллада в двух вариантах: первый — без окончания и в рукописи без порядкового номера (XVIII пропущен) — записан в Гремучем Колодезе (помета на полях). Копии: п. 15, л. 4063—4064 — М. В. Киреевской; п. 39, л. 218—220; п. 42, л. 734—735. НС, № 1815. Вар.: Соб., т. 1, № 97—123; Шейн, № 903—909; НС, № 1851, 1903; Мезень, № 16; Новг. ф-р, № 8; НППК, т. I, № 282—286. Напевы: Вильбоа, № 11:

Пальчиков, № 68; Листопадов, т. 3, № 164—165. Исследование сюжета: Балашов, с. 393—394.

264. Л. 142 об., XX [Что же это в каменной Москве за тревога]. Народная историческая песня-плач. Известна с именами Ивана IV, Петра I, Екатерины II, Павла I и Александра I. Данный текст близких вариантов не имеет. Копия: п. 39, л. 220. Кир., вып. IX, с. 419; НС, № 1751; ИП IV, № 1. Ср. начало песни-плача: Языковы, № 136.

265. Л. 143 [Ярославль-город загорелся]. Фрагмент баллады с эпическим мотивом пожара Ярославля, без окончания. Копии: п. 16, л. 4140—4141 — М. В. Киреевской; п. 47, л. 1286. НС, № 1793. См. примеч. к № 152 наст. изд.

266. Л. 143, XXII. Плясовая песня. Копии: п. 8, л. 2422; п. 12, л. 3028 — обе М. В. Киреевской; п. 47, л. 1286—1287; п. 48, л. 1469. НС, № 1794.

267. Л. 143, XXIII. Лирическая любовная песня. Повторяющиеся двустишия подчеркнуты и прочерком обозначены в начале следующего стиха. Копии: п. 8, л. 2423; п. 15, л. 4065 — обе М. В. Киреевской; п. 39, л. 220; п. 42, л. 736. НС, № 1816. Вар.: НС, № 1302, 1535; Картыков, № 227.

268. Л. 143 об., XXIV [Жалоба девушки губернатору]. Лирическая любовно-бытовая песня, известна с XVIII в. Копии: п. 8, л. 2424; п. 9, л. 2592 — обе М. В. Киреевской; п. 47, л. 1287. НС, № 1795. Вар.: Кашин, ч. 3, с. 15; Соб., т. 2, № 597, 599, 600; Якушкин, № 14, 15, с. 567—568; Филиппов, № 24; Картыков, № 289; Новг. ф-р, № 57. См. также № 587 наст. изд.

269. Л. 144, XXV. Игровая песня. Копии: п. 14, л. 3808; п. 17, л. 4430 — обе М. В. Киреевской; п. 47, л. 1288; п. 48, л. 1470. НС, № 1796.

270. Л. 144, XXVI. Лирическая любовно-бытовая песня. Копии: п. 8, л. 2425; п. 9, л. 2591 — обе М. В. Киреевской; п. 47, л. 1288. НС, № 1797.

271. Л. 144 об., XXVII. Популярная в XIX в. плясовая песня. В некоторых вариантах — «проголосная». Копии: п. 8, л. 2426; п. 12, л. 2995 — обе М. В. Киреевской; п. 47, л. 1288—1289; п. 48, л. 1471. НС, № 1798. Вар.: Соб., т. 2, № 62—67; т. 6, № 586—589; Шейн, № 802; НС, № 1358, 1538; Калуга, № 5; НПКО, № 23. Ср. № 27 наст. изд.

272. Л. 144 об., XXVIII. Песня о беглых бродягах; примыкает к группе «удалых» разбойничьих песен. Ее считают и антикрепостнической (Новикова, № 45, с. 78), и солдатской. Близкий вариант записан Якушкиным там же (см. 2-й лист рукописи). Копии: п. 8, л. 2370 — М. В. Киреевской; п. 47, л. 1289. Вар.: Соб., т. 6, № 535—537. См. № 550 наст. изд.

273. Л. 145, XXIX. Историческая песня о неудачном походе В. В. Голицына в Крым. Кир., вып. VIII, с. 41—42 (с разночтениями и неверными паспортными данными); НС, № 1752; ЛН, № 26, с. 408 (с незначительными разночтениями и перестановкой 9-й и 10-й строк); ИП II, № 9. См. примеч. к № 252 наст. изд.

274. Л. 145, ‹XXIXa›. Фрагмент любовно-бытовой песни, возникшей из переделки любовной пасторали конца XVIII—начала XIX в. В рукописи текст перечеркнут.

275. Л. 145, XXX. Лирическая любовно-бытовая песня. Текст контаминирован. На полях: «Господи боже мой, какие песни!». Выписаны слова: «нáдать, нáдабить, нарочито — нарочно». Копии: п. 8, л. 2427; п. 12, л. 2996, 3006 — все М. В. Киреевской; п. 47, л. 1289—1290; п. 49, л. 1472. НС, № 1800. Вар.: Соб., т. 3, № 331.

276. Л. 145 об.—146, XXXI [Вор Засорин]. Уникальная в русском песенном фольклоре песня из цикла «удалых», разбойничьих. В рукописи последние шесть стихов утрачены, публикуются по копии. Копии: п. 16, л. 4139, 4147 — М. В. Киреевской; п. 39, л. 221; п. 42, л. 737. Кир., вып. X, с. 102 («поздняя историческая»); НС, № 1767; Путилов, с. 267. О сюжете — там же, с. 374.

277. Л. 146, XXXII. Плясовая песня. Копии: п. 8, л. 2437; п. 9, л. 2590 — обе М. В. Киреевской; п. 47, л. 1290. НС, № 1801.

278. Л. 146, XXXIII. Шуточная плясовая песня. Копии: п. 8, л. 2340 — М. В. Киреевской; п. 47, л. 1290—1291; п. 49, л. 1449. НС, № 1802. См. № 178 наст. изд.

279. Л. 146 об., XXXIV. Лирическая голосовая песня. Текст контаминирован: первая часть — начало хороводной песни; вторая — начало хорошо известной тюремной песни. Копии: п. 8, л. 2436; п. 12, л. 3003 — обе М. В. Киреевской; п. 47, л. 1291—1292; п. 48, л. 1803. НС, № 1803.

280. Л. 147, XXXV. Солдатская песня (Белев — уездный город Тульской губернии). На полях против песни помета: «Господи боже мой, надо и эти песни писать, чтобы после прочесть их певцам». Начало песни записано дважды. Копия: п. 47, л. 1292. НС, № 1804.

281. Л. 147, XXXVI. Бурлацкая песня, голосовая. Смысл второй части песни не ясен. Конец песни, видимо, забыт. Копии: п. 12, л. 3004 — М. В. Киреевской; п. 47, л. 1292—1293; п. 48, л. 1451; НС, № 1805.

282. Л. 221, ГИМ, ф. 56, п. 190, XXXVII [Смерть полковника]. Военно-бытовая баллада; отнесена Якушкиным к солдатским песням. Копии: п. 8, л. 2434 — М. В. Киреевской; п. 9, л. 2589 — Е. И. Елагиной. НС, № 1806. Вар.: Соб., т. 1, № 424—427; т. 5, № 305—306; Балакирев, № 60; Иваницкий, № 272; Маринеску, № 279.

283. Л. 221, ГИМ, ф. 56, п. 190. Дневниковая заметка.

284. Л. 221—221 об., ГИМ, ф. 56, п. 190, б/н. Сказка из группы «Дикие и домашние животные» на сюжет «Напуганные волки». Вар.: СУ, № 125, 125А.

285. Л. 221 об.—223, ГИМ, ф. 56, п. 190, I [Про богатого и бедного Лазаря]. Духовный стих. Вар.: Калики, вып. 1, № 19—27, с. 43—97; Якушкин, № 13, с. 504—

508 (запись А. А. Григорьева); Истомин-Ляпунов, № 6—8; Истомин-Дютш, с. 4—16. См. № 365 наст. изд.

286. Л. 223, ГИМ, ф. 56, п. 190, XXXVIII. Лирическая любовная песня, голосовая. Копии: п. 8, л. 2433; п. 9, л. 2589 — обе М. В. Киреевской. НС, № 1769. Вар.: НС, № 2165; Соб., т. 5, № 302—306; Маринеску, № 254. См. № 412, 570 наст. изд.

287. Л. 223 об., ГИМ, ф. 56, п. 190. Пословица записана, видимо, не вся или не вся сказана.

288. Л. 223 об., ГИМ, ф. 56, п. 190. Дневниковая запись.

289. Л. 223 об., ГИМ, ф. 56, п. 190, XXXIX. Хороводно-игровая песня о подростке. Копии: п. 8, л. 2432; п. 15, л. 4067 — обе М. В. Киреевской. НС, № 1770. Вар.: НС, № 1303; Соб., т. 3, № 506—510, ср. 563—565; Шейн, № 695—701; Истомин-Ляпунов, № 28; ВНП, № 62.

290. Л. 232 об., ГИМ, ф. 56, п. 190, XL. Лирическая любовная песня. Копия: п. 8, л. 2431 — М. В. Киреевской. НС, № 1771. См. № 69 наст. изд.

291. Л. 217, ГИМ, ф. 56, п. 190, II. «Стих про Иуду и распятие». Заголовок текста написан собирателем на полях.

292. Л. 217—217 об., ГИМ, ф. 56, п. 190, III. «Стих про Страшный суд». Заголовок текста написан собирателем на полях. Текст цитируется Якушкиным полностью в наброске статьи (?) о духовных стихах. См. приложение III (т. 2 наст. изд.). Вар.: Калики, вып. 5, № 441—590, с. 73—74; СЭС, с. 684.

293. Л. 218—218 об., ГИМ, ф. 56, п. 190, IV. «Стих про Пятницу». Заголовок текста написан собирателем на полях. Копии: п. 58, л. 2894 — Е. И. Елагиной; л. 2995 — П. И. Якушкина, вверху листа его же помета: «О Прасковье-Пятнице». Калики, вып. 5, № 602, с. 172—173. Вар.: там же, № 591—601, 603—604.

294. Л. 218 об.—220 об., ГИМ, ф. 56, п. 190, V. «Стих про Алексея, божья человека». Заголовок текста написан собирателем на полях. Исследование сюжета и варианты см. в кн.: Адрианова В. П. Житие Алексея, человека божия, в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917.

295. Л. 224, ГИМ, ф. 56, п. 190. Дневниковая запись с рассказом о девочке-колдунье. Вверху листа — окончание песни (предыдущий лист, видимо, утрачен): «А постеля у меня — сама ковыль-травушка, Да в главах-то в мине самой — бел-горюч камень».

296. Л. 224, ГИМ, ф. 56, п. 190, VI. «Стих к святой богородице». Заголовок текста написан на полях. В круглых скобках после римской цифры, указывающей номер стиха, написано: «Молитва».

297. Л. 224 об.—223, ГИМ, ф. 56, п. 190, VII. «Стих про Егория-Победоносца». Заголовок текста написан собирателем на полях. В копиях назван: «Стих про Егорья». Копии: п. 58, л. 2942—2946 — Е. И. Елагиной; л. 2947—2950 — М. В. Киреевской с пометой П. В. Киреевского: «Доставлено от П. И. Якушкина». Особенности произношения сняты. Вар.: Якушкин, № 2, с. 484—487; Калики, вып. 2, № 98—116; Варенцов I, с. 95—109; Балакирев, № 2; Истомин-Ляпунов, № 4; исследование сюжета: Сперанский, с. 380—384.

298—299. Л. 148, ГИМ, п. 44а, XLI. Два варианта лирической любовной песни на сюжет, близкий семейно-бытовой балладе о Паране (см. № 17 наст. изд.). Второй вариант порядкового номера не имеет, перечеркнут, а первый ошибочно обозначен XLII. На полях фонетическая заметка: «Он — вон, йон; ь, е — как и; литце — лицо». Копии: п. 8, л. 2430; п. 15, л. 4069 — обе М. В. Киреевской. НС, № 1772.

300. Л. 148. Дневниковая запись.

301. Л. 148 об., XLII. Бурлацкая голосовая песня. Копии: п. 8, л. 2429; п. 15, л. 4070 — обе М. В. Киреевской; п. 42, л. 744. НС, № 1773. См. № 277 наст. изд.

302. Л. 148 об., XLIII [Собирался-то большой барин]. Историческая песня, отразившая события войны России со Швецией в XVIII в. Текст уникален. Копии: п. 42, л. 745; п. 49, л. 1612. Кир., вып. VIII, с. 126—127; НС, № 1774; Путилов, с. 222—223; ИП III, № 69.

303. Л. 149, XLIV [Сестры ищут убитого брата]. Старинная семейно-бытовая баллада. Копии: п. 8, л. 2428; п. 15, л. 3955 — обе М. В. Киреевской; п. 42, л. 746. НС, № 1775. Вар.: Кир., вып. VII, с. 43; Соб., т. 1, № 254—260; Языковы, № 244, 245; Чернышев, № 141, с. 151; Балашов, с. 112.

304. Л. 149 об.—150, XLV [Князь Волконский и Ваня-ключник]. Старинная семейно-бытовая баллада. Копия: п. 42, л. 748. На полях рукописи помета: «Показать Киреевскому». Кир., вып. V, с. 154; НС, № 1776. См. примеч. к № 244 наст. изд.

305. Л. 150, XLVI. Голосовая песня. Текст контаминирован: вторая часть представляет собою начало рекрутской песни. В копии П. И. Бартенева (ГИМ, п. 190, б/н) 3-я с конца строка исправлена Якушкиным: «двадцати пяти годов». Копии: п. 8, л. 2432; п. 15, л. 3954 — обе М. В. Киреевской. На полях против текста песни помета Е. И. Елагиной: «Не разобрала». НС, № 1778. Вар.: Соб., т. 6, № 188, 464; Маринеску, № 48. Ср. № 366, 489 наст. изд.

306. Л. 150 об., XLVII. Лирическая любовно-бытовая голосовая песня, с мотивом несчастливой женитьбы. Текст контаминирован, возможно, на основе одинакового ритма стиха. Первые 18 строк составляют отдельную песню, 2-я часть — также самостоятельная песня. Обе встречаются в собраниях XIX в. как отдельные песни. На полях к словам «вороты-болоты» помета: «Среднего рода, кажется, нет».

Копии: п. 8, л. 2439; п. 13, л. 3559 — М. В. Киреевской; п. 12, л. 3099 — П. И. Бартенева; п. 48, л. 1496. ЛН, № 27, с. 408—410. Вар.: Соб., т. 5, № 453, 455. Ср.: Соб., т. 4, № 620, 621; Печора, № 223; Мезень, № 96; Новг. ф-р, № 140. Ср.: Поволжье, № 68.

307. Л. 151, XLVIII. Лирическая любовно-бытовая голосовая песня. Копии: п. 8, л. 2440; п. 16, л. 4366 — обе М. В. Киреевской; п. 39, л. 322—323; п. 42, л. 738. НС, № 1768. Вар.: Лопатин-Прокунин, № 69—74.

308. Л. 151 об., LX. Лирическая любовно-бытовая голосовая песня. В рукописи 5-я снизу строка — «Нашел я голубя» — исправлена Якушкиным в копии Бартенева (ГИМ) на: «Нашел я голубку». На полях против текста песни: «Поддевка — мужицкий сертук». Копии: п. 8, л. 2441; п. 15, л. 3950 — обе М. В. Киреевской; п. 39, л. 223. НС, № 1754. Вар.: Трутовский, № 5, с. 143; Соб., т. 5, № 680—692; НС, № 2244, 2257, 2599. Ср. № 528 наст. изд. Далее следует перечеркнутое начало песни:

Наша Дуня угорела,
Головушка заболела,
Сладких прянцев захотела,
С сладких прянцев жива буду,
Тибе, мой друг, не забуду.
С сладких прянцев жива буду...

309—310. Л. 152—155. Загадки и словарь офенского языка записаны от портных-ходебщиков. Ср.: ТГВ, 1852, № 24, с. 279.

311. Л. 155 об., L. Плясовая песня. На полях помета Е. И. Елагиной: «Не разобрала». Копии: п. 8, л. 2442 — М. В. Киреевской; п. 47, л. 1293—1294. НС, № 1807. Вариант песни записан также на л. 133 карандашом. Окончание песни в этом варианте другое:

Щечки — алинький цветок,
Черны брови хороши,
С поволокою глаза.
Все ругают во глаза,
Все ругают и бранят,
Любить дружка не велят.

312. Л. 155 об., LI. Плясовая песня. Последние 11 строк в рукописи утрачены, публикуются по копии. Копии: п. 9, л. 2588; п. 20, л. 4956 — обе М. В. Киреевской; п. 47, л. 1204. НС, № 1808.

313. Л. 156, LII. Лирическая любовно-бытовая голосовая песня. Копии: п. 8, л. 2443 — М. В. Киреевской; п. 47, л. 1295. НС, № 1809.

314. Л. 156 об., LIII. Рекрутская голосовая песня с эпическим мотивом дороги, встречающимся в известной лирической «Ах, не одна-то, не одна во поле дороженька пролегала», любимой П. В. Киреевским. Данный текст уникален. Копии: п. 8, л. 2444; п. 12, л. 3005; п. 15, л. 4061 — все М. В. Киреевской; п. 47, л. 1295; п. 48, л. 1453. НС, № 1810. Вар.: Маринеску, № 54; Лопатин-Прокунин, № 22, с. 91.

315. Л. 156 об., LIV. Лирическая любовно-бытовая песня с плясовым ритмом. Копии: п. 8, л. 2445; п. 9, л. 2584 — обе М. В. Киреевской; п. 47, л. 1296. НС, № 1811. Вар.: Кашин, ч. 2, № 7; Железновы, с. 94; Соб., т. 4, № 6; КГВ, 1860, 28; Песни Пинежья, № 68; Картыков, № 77; НПВО, № 51.

316. Л. 157, LV. Лирическая любовно-бытовая песня с мотивом несчастливого замужества. Копии: п. 8, л. 2446; п. 12, л. 3006 — обе М. В. Киреевской; п. 47, л. 1296; п. 48, л. 1454. НС, № 1812. Вар.: Соб., т. 3, № 484—490; Шейн, № 778—780; НС, № 1508; ЛН, № 7, с. 189.

317. Л. 157 об., LVI. Хороводно-игровая песня. Копии: п. 8, л. 2336; п. 14, л. 3810 — обе М. В. Киреевской; п. 47, л. 1297; п. 48, л. 1455. НС, № 1813. Вар.: Соб., т. 7, № 460—462; НС, № 1542.

318. Л. 157 об.—158, LVII. Шуточная плясовая песня. Копии: п. 8, л. 2337; п. 14, л. 3811 — обе М. В. Киреевской; п. 47, л. 1297; п. 48, л. 1456. НС, № 1814. Вар.: Калуга, № 119 (фрагмент).

319. Л. 158. Дневниковая запись.

320. Л. 158 об., LVIII. Плясовая песня. Копии: п. 8, л. 2447; п. 12, л. 3002 — обе М. В. Киреевской; п. 47, л. 1298; п. 48, л. 1457. НС, № 1757. Вар.: Соб., т. 4, № 681—683.

321. Л. 159, LIX. Рекрутская голосовая песня. Копии: п. 8, л. 2448; п. 9, л. 2586 — обе М. В. Киреевской; п. 47, л. 1299. НС, № 1758.

322. Л. 159, LX [Уж ты, батюшка, светел месяц]. Историческая песня-плач по Екатерине II. Перед текстом песни дата: «3 февраля. Андроновское». Копии: п. 17, л. 1790; п. 47, л. 1299—1300; п. 48, л. 1458. НС, № 1759; ИП III, № 537. См. № 260 наст. изд.

323. Л. 159 об.—160, LXI. Лирическая любовно-бытовая песня. Образ «желтой бабы» неясен. В вариантах обычно «девчонка». Копии: п. 8, л. 2449; п. 9, л. 2585 — обе М. В. Киреевской; п. 47, л. 1301. НС, № 1760. Вар.: НС, № 1740, 2033, 2174, 2218, 2605; ЛН, № 9, с. 544. См. № 537 наст. изд.

324. Л. 160, LXII [Степь Моздокская]. Старинная ямщицкая песня. В XIX в. известна в переделке И. З. Сурикова (стих. «В степи») с запевом: «Степь да степь кругом». На полях помета: «Полка, где стоят образа, — божни́чка». Копии: п. 12,

л. 3008 — М. В. Киреевской; п. 47, л. 1301—1302; п. 48, л. 1459—1460. НС, № 1761. Вар.: Филиппов, с. 26—27, № 11; НС, № 2597; Новикова, № 71, с. 412—413; Забайкалье, № 435.

325. Л. 161, LXV.* Песню обычно относят к циклу любовных. Смысл запева, устойчивого по тексту, неясен; по-видимому, в основе его какой-то подлинный факт. Данный текст неполон. Копии: п. 15, л. 3953 — М. В. Киреевской; п. 39, л. 3953. НС, № 1749. Вар.: Соб., т. 6, № 238—241; Вол. ГВ, 1883, № 42, текст 68; Иваницкий, № 101; Новг. ф-р, № 39; НППК, т. II, № 5.

326. Л. 161, LXVI. Текст контаминирован: старинная песня переселенцев и игровая песня с распространенным сюжетом о недоростке. Копии: п. 8, л. 2451; п. 15, л. 4073 — обе М. В. Киреевской; п. 39, л. 216. НС, № 1763. Вар.: Соб., т. 3, № 563—565; РФ, IX, с. 245; Шейн, № 865; Картыков, № 188.

327. Л. 161 об., LXVII. Любовная песня с элементами плача. Текст редкий. Копии: п. 8, л. 2452; п. 15, л. 3952 — обе М. В. Киреевской; п. 39, л. 217. Аналогичный запев — в свадебных плачах: ЛН, № 67, с. 496; НС, № 1750.

328. Л. 162, LXVIII. Лирическая любовно-бытовая голосовая песня. Копии: п. 8, л. 2453 — М. В. Киреевской; п. 48, л. 1504, 1510.

329. Л. 162, LXIX. Фрагмент любовной песни. Копии: п. 8, л. 2454; п. 9, л. 2731 — обе М. В. Киреевской; п. 48, л. 1497, 1504.

330. Л. 162, LXX. Лирическая любовно-бытовая голосовая песня. К слову «запривныла» помета Е. И. Елагиной: «Не разобрала». Копии: п. 8, л. 2455; п. 9, л. 2730 — обе М. В. Киреевской; п. 48, л. 1498, 1504—1505.

331. Л. 162 об., LXXI. Песня относится обычно к солдатским, но мотив четырех последних строк есть и в песнях о разбойнике-сиротинушке. В рукописи 3-я и 4-я строки имеют окончание женского рода, но в копии П. И. Бартенева (ГИМ) исправлены Якушкиным, следовательно, он счел это за описку. Копии: п. 8, л. 2455; п. 9, л. 2695 — обе М. В. Киреевской; п. 48, л. 1505, 1511. ЛН, № 28, с. 410. Вар.: Соб., т. 5, № 351—360; НС, № 2019.

332. LXXII. Лирическая любовно-бытовая голосовая песня. Копии: п. 8, л. 2457 — М. В. Киреевской; п. 48, л. 1505.

333. Л. 163, LXXIII. Лирическая любовно-бытовая голосовая песня. Копии: п. 48, л. 1499, 1505—1506. ЛН, № 29, с. 411. Вар.: Соб., т. 5, № 535; Иваницкий, № 83; Печора, № 13; Мезень, № 72, 73; Вол. ГВ, 1884, № 37, текст 29. Ср.: НППК, т. II, № 320—321. См. № 362 наст. изд.

334. Л. 163 об., LXXIV. Семейно-бытовая песня. В рукописи повторяющиеся строки прочеркнуты. Копии: п. 9, л. 2728; п. 14, л. 3813 — обе М. В. Киреевской; п. 48, л. 1500, 1506. Вар.: Соб., т. 7, № 96; Шейн, № 807, 808; ЛН, № 6, с. 296.

335. Л. 164, LXXV. Игровая песня. На полях рукописи: «Ах ты, черт, свинья-дьявол закарыстная!» — видимо, чье-то характерное ругательство, и дата: 17 августа 1848 г. Орел (Вписано позднее?). Копии: п. 9, л. 2727; п. 14, л. 3814 — обе М. В. Киреевской; п. 48, л. 1507. НС, № 1755. Вар.: Соб., т. 4, № 815—822; Шейн, № 428; НС, № 1801, 2308, 2328; Калуга, № 13.

336. Л. 164, LXXVI [В нас по морю]. Популярная в средних и приволжских губерниях хороводная песня, названная А. Ф. Писемским «бессмертною» (Полн. собр. соч., т. IV.СПб.—М., 1895, с. 295). Копии: п. 48, л. 1502, 1507. Повторения строк в рукописи на отмечены, но в копии П. И. Бартенева (ГИМ) внесены Якушкиным; подчеркнуты и поставлена цифра 2. НС, № 1756. Вар.: Баранов, № 29; Филиппов, № 29; Балакирев, № 3; Соб., т. 2, № 244—258; НС, № 2518; Трутовский, № 19, с. 60; Студитский, с. 22—25; Забайкалье, № 138; Иваницкий, № 387; Вол. ГВ, 1883, № 27, текст 10; ФГО, № 106; Новг. ф-р, № 142; Калуга, № 26; Маринеску, № 29. См. № 404 наст. изд.

337. Л. 164 об., LXXVII. Игровая песня с мотивом воли в зачине, свойственным тюремным песням. В рукописи две последние строки отсутствуют. Восстановлены по копии. Копии: п. 8, л. 2459; п. 12, л. 3250 — обе М. В. Киреевской; п. 48, л. 1508, 1512. НС, № 2091; ЛН, № 30, с. 411. Вар.: Якушкин, № 37, 38, с. 579—580; Соб., т. 6, № 512, 514, 517; НС, № 1655; Филиппов, № 12.

338. Л. 164 об., LXXVIII [Девушка и перевозчик]. Игровая песня. В рукописи ниже текста записаны слова-синонимы: «шляха—бабка—лодыжка—свинчатка—казак». Копии: п. 8, л. 2460; п. 9, л. 2726 — обе М. В. Киреевской; п. 48, л. 1503, 1508—1509. ЛН, № 31, с. 411—412. Вар.: Шейн, № 74, 712; НС, № 1827; Иваницкий, № 443; Калуга, № 118.

339. Л. 165, LXXIX. Лирическая семейно-бытовая песня. В рукописи повторения подчеркнуты и прочеркнуты в начале следующей строки. В конце страницы дата: «3 февраля» и помета карандашом неустановленного лица: «Черновые». Копии: п. 48, л. 1509, 1513.

---

* В рукописи два номера пропущены, возможно, песни были записаны на отдельных листах. Дальше идет окончание песни LXIV:

Ни стерпела моя любезна, вышла на крылечко,
Она вышла, братцы, на крылечко, брякнула в колечко,
Она брякнула в колечко, кликнула дружечка.
— Уж ты, мой милой, хороший, что в гости не ходишь?
Ты ходи-ка, миляныкай, почаще, носи что послаще.

340. ‹LXXX›.* Плясовая песня. Копия: п. 14, л. 3812 — М. В. Киреевской. НС, № 1753. Вар.: Соб., т. 4, № 33; Иваницкий, № 47 (игровая).

341. ‹LXXXI›. Рекрутская песня. НС, № 1762. Вар.: Соб., т. 4, № 373—382; т. 6, № 57—60; НС, № 2840.

342. ГИМ, ф. 56, п. 44а, л. 131, ‹XC›. Лирическая любовно-бытовая голосовая песня. Вар.: Соб., т. 5, № 518—528; Калуга, № 110; НПКО, № 5; Маринеску, № 90. Ср. № 556 наст. изд.

343. ГИМ, ф. 56, п. 44а, л. 131, ‹XCI›. Песня бродяг. См. примеч. к № 268. Ср. № 551 наст. изд.

344. ГИМ, ф. 56, п. 44а, л. 133—133 об. Сказка — по определению Якушкина и, возможно, информатора. По типу сюжета ближе к бытовому анекдоту. См.: СУ, № 1577, 1775 («Голодный на ночлеге»).

ЗАРАЙСКИЙ ДНЕВНИК 1846 Г.

Тетрадь 3

№ 345—390. ГИМ, ф. 56, п. 44а, л. 14—23

345. Дневниковая заметка. «Мысль о моей бедной матери». — Прасковья Фалеевна Якушкина, заботившаяся о том, чтобы все дети ее получили образование, как рожденные в браке, так и до него, была, видимо, глубоко огорчена тем, что сын после окончания университета не служит, а ходит по деревням за песнями. Мацнев Дмитрий Павлович, знакомый П. В. Киреевского, М. П. Погодина и П. И. Якушкина, был родом из Орловской губернии; Мацнев Владимир Николаевич учился в Москве, в 1850-х гг. служил цензором, писал публицистические статьи (Киевские письма, Заметки о женщинах; см. письмо его к Н. Ф. Щербине: РО ИРЛИ, шифрованный фонд, 7077). Сведений об Акулове найти не удалось.

346, 347. Л. 15, 17 об., ‹1, 2›. Игровая и плясовая песни, в рукописи записаны как сплошной текст, в копиях разделены. Конец первой песни записан 5-го августа. Копии: п. 14, л. 3673, 3674 — М. В. Киреевской. Окончание второй песни записано также 5 августа. ЛН, № 1, 2, с. 391—392. Вар. к первой: Соб., т. 3, № 300; т. 4, № 711; Шейн, № 530. Ко второй: Соб., т. 5, № 434; Попов, с. 30.

348. Л. 15 об., ‹3›. Хороводная песня. Вар.: Балакирев, № 5; Баранов, № 66; Соб., т. 7, № 524—530; Шейн, № 426, 427, 643; Якушкин, № 58, с. 689; Листопадов. т. 4, № 187; Печора, № 106. После дневниковой заметки следует начало стиха:

> В городи в Ирусолиме
> Стоить церкавь саборная,
> Саборная, бугамольная.
> Ва той церки стаить пристол,
> На пристоли стаить гаcподний гроб,
> Во грабу-то лижить сам Исус Христос.
> — Маево сына жиды роспи(я)ли,
> Святую кровь жиды пролили.

349. Дневниковая запись.

350. Л. 15 об., ‹4›. Популярная плясовая песня. Копия: п. 13, л. 3522 — М. В. Киреевской. ЛН, № 3, с. 392—393. Вар.: Соб., т. 7, № 94; НС, № 2429.

351. Л. 16, ‹5› [Князь Волконский и Ванька-ключник]. См. примеч. к № 245 наст. изд. Данный текст опубликован без указания имени собирателя: Кир., вып. V, с. 146, № 4.

352. Л. 16—16 об., ‹6›. Историческая песня о М. И. Платове. См. примеч. к № 65. Ср.: ТГВ, 1852, № 24, с. 283. Ср. № 162 наст. изд.

353. Л. 16 об., ‹7› [Граф Чернышов в плену]. Историческая песня о графе З. Г. Чернышове из цикла о Семилетней войне. Кир., вып. IX, с. 134—135 (с неточными паспортными данными); ИП III, № 364. Вар.: Языковы, № 83—86; ИП III, № 326—368. Обзор вариантов и литературы: ИП III, с. 318; Лозанова А. Н. Социальные переосмысления песен о Чернышове. — В кн.: Советский фольклор, № 2—3. Л., 1936, с. 273—292.

354. Л. 16 об.—17, ‹8› [Возвращение Голицына из похода]. Кир., вып. VIII, с. 40—41 (с другими паспортными данными); ИП II, № 3. См. примеч. к № 252 наст. изд.

355. Л. 17, ‹9›. Популярная в XIX в. песня разинского цикла. Запись Якушкина — один из немногих текстов, где сохранено имя С. Разина. Кир., вып. VII, с. 40—41; ИП II, № 316. Обзор вариантов и литературы: ИП II, с. 354—355.

---

* Данный текст и следующий публикуются по копии: ГБЛ, ф. 125, п. 14, л. 3812, так как в «Дневнике пешеходца» этих двух песен нет. Последний лист дневника оторван; возможно, какие-то листы утрачены. В копиях Бартенева (ГИМ) указан индекс 104б (Лихвинского уезда). В Новой серии эти тексты опубликованы в составе песен из с. Андроновского Лихвинского уезда. На этом основании они отнесены нами к записям из «Дневника пешеходца».

356. Л. 17, ‹10›. Лирическая любовно-бытовая голосовая песня. Перед текстом в рукописи стоит дата: 5 августа. ЛН, № 4, с. 393. Вар.: НС, № 2297.

357. Л. 17 об., ‹11› [Жена мужа зарезала]. Семейно-бытовая баллада. ЛН, № 5, с. 393. Вар.: Соб., т. 1, № 117, 126; НС, № 1379, 1448, 1509, 1698, 1725, 2552; ЛН, № 13, с. 192 (запись А. С. Пушкина); Шейн, № 891—894; Листопадов, т. 3, № 168; Языковы, № 293—294; Чернышев, № 21, с. 222; обзор вариантов: там же, с. 440—441; исследование сюжета: Балашов, с. 389—390. Ср.: НПКО, № 55.

358. Л. 17 об., ‹12›. Хороводная песня. Копия: п. 7, л. 2265 — М. В. Киреевской; ГИМ, ф. 56, п. 44а, л. 3925 (из папки 15-й) — П. И. Бартенева. Вар.: НС, № 2294; Соб., т. 4, № 106—108; Шейн, № 386; НПКО, № 155. См. № 191 наст. изд.

359. Л. 17 об.—18, ‹13›. Плясовая песня; поется, по замечанию Якушкина, «на голос трепака». В содержании — элементы скоморошьих плясовых (ср.: К. Дан., с. 182). В рукописи помета М. В. Киреевской: «Не разобрала». Вар.: Филиппов, № 40.

360. Л. 18, ‹14›. Лирическая любовно-бытовая песня. Копия: п. 13, л. 3524— М. В. Киреевской.

361. Л. 18, ‹15›. Игровая песня. В конце текста помета Якушкина: «Третий раз — не писать». Копия: п. 14, л. 3671 — М. В. Киреевской. Вар.: Иваницкий, № 395; Пальчиков, № 108; НПКО, № 152.

362. Л. 18, ‹16›. Лирическая любовная песня. Копия: п. 13, л. 3525 — М. В. Киреевской. Вар.: Якушкин, с. 596; Картыков, № 176, 177. См. примеч. к № 333 наст. изд.

363. Л. 18, ‹17›. Лирическая любовно-бытовая песня. Копия: п. 13, л. 3525 — М. В. Киреевской. Вар.: Соб., т. 4, № 466—469.

364. Л. 18 об., ‹18›. Лирическая любовно-бытовая песня. Копия: п. 13, л. 3526 — М. В. Киреевской; другая с правкой Якушкина — П. И. Бартенева. ЛН, № 6, с. 394 (отнесена А. И. Баландиным к семейным. См.: ЛН, с. 423). Вар.: Соб., т. 3, № 53; НС, № 1664, 1667; Пальчиков, № 102; Поволжье, № 78.

365. Л. 18 об. Дневниковая запись.

366. Л. 18 об., ‹19›. Лирическая любовно-бытовая песня. Текст контаминирован: мотив с тремя молодушками — из хороводной семейной песни. Копия: п. 13, л. 3527 — М. В. Киреевской. ЛН, № 7, с. 394—395. Те же мотивы: НС, № 1778, 1854, 1929, 2004, 2664. См. № 157, 305, 489, 366 наст. изд.

367. Л. 18 об.—19, ‹20›. Шуточная песня с антиклерикальными мотивами. Копия: п. 14, л. 3669 — М. В. Киреевской. ЛН, № 8, с. 396—397 (разночтения: вместо «см. ниже» прочитано «сы ножа»; «не дороги нам кафтаны» — прочитано: «наши кафтаны»).

368. Л. 19, ‹21›. Свадебная песня жениху, «величальная на девичнике» (собир.). Копии: п. 2, л. 398 — М. В. Киреевской; л. 520 — П. И. Бартенева. Вар.: Шейн, № 1872.

369. Л. 19 об., ‹22›. Свадебная песня. «Холостых величают» (собир.). Копия: п. 2, л. 397 — М. В. Киреевской.

370. Л. 19 об., ‹23›. Свадебная «сговорная» (собир.). Копия: п. 2, л. 396 — М. В. Киреевской. Вар.: ЛН, № 31, с. 203 (запись А. С. Пушкина); Терещенко, ч. 2, с. 199; Якушкин, № 4, с. 660—661; НС, № 128, 283, 291, 358, 397, 419, 517, 600, 829, 877; Шейн, № 1721, 1856, 2170; Котикова, № 111, 225, 242, 246; ТГВ, 1856, № 18, с. 87.

371. Л. 20, ‹24›. Свадебная песня, поется на девичнике (собир.). Копия: п. 2, л. 520 — П. И. Бартенева; п. 14, л. 3670 — М. В. Киреевской. ЛН, № 9, с. 397. Вар.: Шейн, № 1847.

372. Л. 20, ‹25›. Игровая песня. Копия: п. 14, л. 3668 — М. В. Киреевской. Вар.: Чулков, ч. III, № 135; Соб., т. 1, № 52—58; Шейн, № 434; Печора, № 113, 252; Калуга, № 154. Ср. № 169 наст. изд.

373. Л. 20, ‹26›. Песня известна по другим записям как «беседная» и «посиделочная». Такое же начало имеют песни тюремные, но развитие сюжета иное. Копия: п. 13, л. 3528 — М. В. Киреевской. Другой вариант, записанный также в Зарайском уезде (п. 44, л. 1152), имеет разночтения: 10-я строка: «Проявляется башня славная»; 12-я строка: «На седьмой главе»; 13, 14-я строки: «На кресте сидит, сидит пташечка. Сидит пташечка-канареечка». Вар.: Трутовский, № 54, с. 114; Соб., т. 6, № 485—491; НС, № 1838; Лопатин-Прокунин, № 59; Языковы, № 351. См. № 509, 584 наст. изд.

374. Л. 20 об., ‹27› [Веселая беседушка]. Известна по записям как «троицкая», «беседная», «голосовая». ЛН, № 10, с. 397. В рукописи помечена Бессоновым как «троицкая». Вар.: Филиппов, № 15; Соб., т. 2, № 262—269; т. 3, № 1241—1242; НС, № 1309, 1419, 1481, 1618, 1665, 1680, 1853, 1905, 2519, 2664; Шейн, № 1241—1242; Балакирев, № 56; НПКО, № 9; Поволжье, № 41; Печора, № 51; Новг. ф-р, № 52; Маринеску, № 101.

375. Л. 20 об., ‹28›. Свадебная величальная холостому гостю. Известна также (по припеву) как «Розан мой розан». ЛН, № 11, с. 398 (разночтения: «у наш его» — «у нас»). Вар.: Шейн, № 1730, 2318; НС, № 741; Котикова, № 223, 249; ТГВ, 1856, № 20, с. 92.

376. Л. 20 об.—21, ‹29›. Свадебная величальная холостому гостю.

377. Л. 21, ‹30›. Хороводная «разборная»; известна и как свадебная, пелась на девичнике (собир.).

378. Л. 21, <31>. Свадебная песня, пелась на девичнике (собир.), по другим записям — в день свадьбы также: Вар.: Шейн, № 1504, 1591, 2044; НС, № 270, 812; известна до настоящего времени в приволжских областях и по Каме.

379. Л. 21, <32>. Календарно-обрядовая песня с величанием хозяина и его двора. ЛН, № 12, с. 398—399. Вар.: Шейн, № 1030—1035, 1040—1042, 1045—1048; Печора, № 122, 123.

380. Л. 21, <33>. Троицкая песня. ЛН, № 13, с. 399—400.

381. Л. 21 об., <34>. Плясовая песня «Во кузнице», чрезвычайно популярная в XIX в. Вар:. Соб., т. 7, № 265—268; Забайкалье, № 316; Иваницкий, № 210 (фрагмент) и др.

382. Л. 22, <35> [Девушка будит солдата]. Солдатская песня. ЛН, № 14, с. 400 (отнесена к величальным). Этот же запев характерен для других песенных сюжетов (ср.: Соб., т. 6, № 137). Сюжет распространен в песнях с разными зачинами. Вар.: Новг. ф-р, № 44.

383. Л. 22, <36>. Свадебная песня, поется на девичнике холостым гостям. Вар.: Шейн, № 1926. Тот же припев в плясовой песне: Шейн, № 54.

384. Л. 22, <37>. Свадебная песня; поется на девичнике (собир.). В записях конца XIX—начала XX в. известна как хороводная игровая с запевом «Я поставлю (растворю я) кисель на вчерашней воде». Вар.: Соб., т. 7, № 637—639.

385. Л. 22 об., <38>. Свадебная песня, «величальная боярину» (собир.), т. е. гостю. Припевки девушек: «Павел, сударь, догадайся» и «Ай, спасибо, Павел, ай, спасибо, Иванович» — адресованы в данном случае Якушкину. См. его очерк «Небывальщина» (Якушкин, с. 124—125).

386. Л. 22 об., <39>. Свадебная песня, «жениха с невестою величают» (собир.). В данном случае величали Якушкина, припевая ему одну из девушек. Вар.: Шейн, № 1875, 2168; Новг. ф-р, № 324.

387. Л. 22 об., <40>. Свадебная песня, поется, «когда посадят за стол жениха, поехавшего за невестой — ехать к венцу» (собир.).

388. Л. 23, [41]. Свадебная песня, «величают бояр из поезда, женатых» (собир.), т. е. представителей жениховой родни. Вар.: Соб., т. 3, № 304—317; Шейн, № 681; как беседная и вечеренечная — № 832; Калуга, № 60; Бунин, т. 3, с. 132. Ср. № 521 наст. изд.

389. Л. 23, [42]. Свадебная припевка девушек-игриц величаемым гостям.

390. Л. 23. Дневниковая запись. Дмитрий Павлович — скорее всего Мацнев (см. примеч. к № 345). Обращение к нему написано на последней странице рукописи, на оборотной стороне.

Тетрадь 4, ч. I

№ 391—442. ГИМ, ф. 56, п. 190, л. 240—227

Тетрадь состоит из 13 листов большого формата, заполненных карандашными записями песен, духовных стихов; содержит также описание свадебного обряда с песнями и две дневниковые заметки. Листы проштампованы (Бессоновым?) в обратном порядке; постраничной пагинации нет. Тексты также не пронумерованы.

391. Л. 239 об., б/н. Хороводно-игровая песня (круговая — собир.). Копия: ГИМ, ф. 56, п. 44а, л. 1123 — П. И. Бартенева. Вар.: НС, № 1919; Соб., т. 6, № 592—599; Шейн, № 366, 368, 369, 371; Баранов, № 28; НПВО, № 39.

392. Л. 239. Хороводно-игровая песня («круговая» — собир.). Копия: ГИМ, ф. 56, п. 44а, л. 1124 — П. И. Бартенева. Вар.: НС, № 1233; Соб., т. 4, № 137—146; Картыков, № 240; Новикова, № 179; Калуга, № 8, и др.

393. Л. 239—238 об. Лирическая любовная голосовая песня. Копия: п. 12, л. 3100 — П. И. Бартенева. Вар.: НС, № 1249; Соб., т. 5, № 115; Печора, № 192; Калуга, № 191. См. № 512 наст. изд.

394. Л. 238 об. Игровая песня с плясовым ритмом. Собирателем отмечена как плясовая. НС, № 2823.

395. Л. 238 об. [Сон богородицы]. Духовный стих. Копии: ГИМ, ф. 56, п. 190, л. 236—237 — П. И. Бартенева; п. 23, л. 179. Калики, вып. 4, № 392, с. 241—242. Вар.: Калики, вып. 4, № 390—391, 393—400; Варенцов I, с. 50—53; Якушкин, № 615; ЭО, 1906, № 3—4, с. 299, № 55.

396. Л. 235 об. [Про Лазаря богатого и скудного]. Духовный стих. См. № 285 наст. изд.

397. Л. 235 об. Дневниковая запись. Помещик села Гололобово — Акулов Константин Васильевич.

398. Л. 235. Игровая песня. Текст контаминирован. Копия: ГИМ, ф. 56, п. 44а, л. 5919 — П. И. Бартенева. Ср.: НС, № 1227; Соб., т. 7, № 640—642; Печора, № 208, 369; Иваницкий, № 207; Новг. ф-р, № 152.

399. Л. 235—234 об. Игровая песня фривольного содержания. Текст записан полустихом. Видимо, исполнялась на святках, во время вечеринок. Копия: п. 15, л. 3920 — П. И. Бартенева.

400. Л. 235. Игровая песня. Текст представляет контаминацию любовного и семейного мотивов, записан полустихом. См.: НППК, т. I, № 241. Ср. № 306 наст. изд.

401. Л. 234 об. Плясовая песня. Копия: п. 15, л. 3921 — П. И. Бартенева. Текст контаминирован из популярных плясовых мотивов, записан полустихом. Вар.: НС, № 1177; Соб., т. 4, № 230; Шейн, № 475; ФГО, № 75.

402. Л. 234. Солдатская песня с элементами южнорусской лексики. Текст фрагментарен. По сюжету близок известной солдатской песне «Ой, да ты, калинушка», где «молодой солдат богу молится, домой просится».

403. Л. 234. Игровая песня с плясовым ритмом. Припев указывает на бытование песни в иноязычной среде. Копия: п. 15, л. 3924 — П. И. Бартенева.

Далее следует текст песни, очень близкий вариант которой опубликован под № 358 в составе первой тетради Зарайского дневника. Опускаемый нами вариант отличается лишь припевом «Ой, люли-люли» с добавлением двух последних слов каждого стиха. Припев поется после каждой строки. Кроме того, в нем нет стихов 5-го и 6-го.

404. Л. 233 об. Хороводно-игровая песня. Копия: ГИМ, ф. 56, п. 44а, л. 1125 — П. И. Бартенева. См. № 336 наст. изд.

405. Л. 233. Игровая песня с плясовым ритмом и несколько фривольным содержанием. Копия: п. 15, л. 3924 — П. И. Бартенева.

406. Л. 233 [Параня]. Семейно-бытовая баллада. Копия: п. 12, л. 3097 — П. И. Бартенева. См. примеч. к № 17 наст. изд.

407. Л. 233—232 об. Дневниковая запись; была сделана в ветловой роще, где им было записано несколько хороводно-игровых песен с описанием хороводной игры при исполнении каждой песни.

408. Л. 232 об. Лирическая любовная голосовая песня. Копия: п. 12, л. 3096 — П. И. Бартенева.

409. Л. 232. Хороводно-игровая круговая песня. Копия: ГИМ, ф. 56, п. 44а, л. 1128 — П. И. Бартенева.

410. Л. 232. Игровая песня. Копия: ГИМ, ф. 56, п. 44а, л. 1126 — П. И. Бартенева. Вар.: НС, № 1235, 2615, 2898; Соб., т. 5, № 779—783; Балакирев, № 14; Печора, № 278.

411. Л. 231 об. Хороводно-игровая песня, «круговая» (собир.). Копия: ГИМ, ф. 56, п. 44а, л. 1129 — П. И. Бартенева. Вар.: Соб., т. 3, № 554—559; Шейн, № 861—863; Печора, № 254.

412. Л. 231. Лирическая любовная голосовая песня. См. № 286, 570 наст. изд.

413. Л. 231 [Смерть полковника]. Военно-бытовая песня балладного типа. Якушкин относил ее к солдатским. См. № 282, 529 наст. изд.

414. Л. б/н. Лирическая семейно-бытовая голосовая песня. Копия: п. 12, л. 3096 — П. И. Бартенева.

415. Л. б/н. Лирическая любовная песня. Копия: ГИМ, ф. 56, п. 44а, л. 2359 — П. И. Бартенева. Вар.: Соб., т. 3, № 514; Иваницкий, № 126.

ЗАРАЙСКАЯ СВАДЬБА

№ 416—442. ГИМ, ф. 56, п. 190, л. 231—227, 240—239

416. Л. 231, 1. Свадебная песня заклинательного характера с обращением к святым Козьме и Дамиану, считавшимся покровителями брака и семейной жизни. Копия: п. 12, л. 3111 — П. И. Бартенева. Вар.: Шейн, № 1911, 1948; ЖС, 1902, II, с. 220; КГВ, 1851, № 42, с. 181; ТГВ, 1856, № 20, с. 94.

417. Л. 231, 3. Свадебная песня невесте, поется «на пропое» (собир.), т. е. во время сговора и перед венцом. Копия: п. 12, л. 3112 — П. И. Бартенева. НС, № 456.

418. Л. 230 об., 4. Свадебная песня жениху и невесте, поется «на пропое» и во время сговора (собир.). Копия: п. 12, л. 3113 — П. И. Бартенева. В копии вместо Данила — Денис, «аканье» местами не отражено.

419. Л. 240 об., б/н. Свадебная песня невесте, «сговорная» (собир.). Копии: п. 1, л. 128; п. 12, л. 3114 — обе П. И. Бартенева. Бытует и как игровая. Вар.: НС, № 272, 294, 442, 761; Иваницкий, № 475. Ср.: Калуга, № 84; Новг. ф-р, № 330, 331. В автографе второе и третье повторение текста отмечено отличиями: второе — «матушка», третье — «Константин-сударь».

420. Л. 231, 2. Свадебная песня, «пропойная» (собир.), видимо, поется «на пропое» и во время сговора. Копия: п. 1, л. 148 — П. И. Бартенева. НС, № 451.

421. Л. 230 об., 6. Свадебная песня заклинательного характера. Копии: п. 1, л. 149; п. 2, л. 518—519 — обе П. И. Бартенева. НС, № 452. Вар.: НС, № 398, 676; Шейн, № 1840, 2075.

422. Л. 230 об., 7. Свадебная величальная песня посаженным отцу и матери жениха. Копии: п. 1, л. 150; п. 2, л. 519 — обе П. И. Бартенева. НС, № 453.

423. Л. 230 об.—229 об., 8. Описание свадебного обряда: подготовка свадебного поезда, благословение жениха родителями, обмен дарами. Копия: п. 2, л. 520 — П. И. Бартенева. НС, вып. 1, с. 135. Ср.: ЖС, 1902, II, с. 215—217.

424. Л. 229 об., 9. Свадебная песня жениху при выезде его с поездом к дому невесты. Копия: п. 2, л. 520 — П. И. Бартенева. НС, № 454. Вар.: Шейн, № 1872. Ср.: КГВ, 1855, № 47, с. 3.

425. Л. 229, 10. Свадебная песня; поется при появлении поезда жениха возле дома невесты. Копии: п. 1, л. 175; п. 2, л. 521 — обе П. И. Бартенева. НС, № 455. Вар.: Шейн, № 1591, 2044; НС, № 270, 812; Иваницкий, № 479.

426. Л. 229, 11. Свадебная песня невесте: поется при расплетении косы; одна из самых распространенных до настоящего времени. НС, № 457. Вар.: Шейн, № 1510, 1895, 1945, 1983, 2128, 2264; НС, № 277, 413, 421, 444, 457, 516, 684, 696; Иваницкий, № 484; ТГВ, 1856, № 18, с. 87; Новг. ф-р, № 305; Маринеску, № 110. Ср.: № 482, 612 наст. изд.

427. Л. 229, 12. Свадебная приговорка импровизационного характера. Копия: п. 1, л. 111 — П. И. Бартенева. НС, № 458. К тексту копии чье-то ошибочное пояснение (Бессонова?): «Песня, когда едут к церкви».

428. Л. 240, 13. Свадебная песня, «подвенечная» (П. В. Киреевский). Копия: п. 1, л. 133 — П. И. Бартенева. НС, № 459.

429. Л. 228 об., 14. Свадебная песня жениху и невесте; поется после венчания. Копия: п. 1, л. 121 — П. И. Бартенева. НС, № 460. Вар.: Шейн, № 1876, 1967, 2451; НС, № 126, 229, 281, 728, 796; Пальчиков, № 82; Иваницкий, № 480; Новг. ф-р, № 365.

430. Л. 228 об., 15. Свадебная песня молодым; поется после венца. Копия: п. 1, л. 122 — П. И. Бартенева. НС, № 461.

431. Л. 240 об., 16. Свадебная величальная песня тысяцкому. Копия: п. 1, л. 130 — П. И. Бартенева. НС, № 461. Вар.: Шейн, № 1622, 2255, 2417, 2418.

432. Л. 240 об., 17. Свадебная величальная песня дружке. Копия: п. 1, л. 129 — П. И. Бартенева. НС, № 463. Вар.: Шейн, № 1547, 1625, 1808, 2111; ЖС, 1902, II, с. 221.

433. Л. 230 об., 18. Свадебная припевка величаемому гостю. Копия: п. 1, л. 127 — П. И. Бартенева. НС, № 464.

434. Л. 230, 19. Свадебная песня, которою величают молодых после венца. Копия: п. 1, л. 125 — П. И. Бартенева. НС, № 465.

435. Л. 230 об., 20. Свадебная песня сироте (жениху или невесте). Копия: п. 1, л. 126 — П. И. Бартенева. НС, № 466. Вар.: Шейн, № 1699, 2017, 2163; НС, № 168, 302. 409, 585, 838; Балакирев, № 45; Новг. ф-р, № 313, 343.

436. Л. 230, 21. Свадебная песня жениху и невесте. Копия: п. 1, л. 123 — П. И. Бартенева. НС, № 467.

437. Л. 230, 22. Свадебная припевка девушек-игриц после величания и восхваления гостя. Копия: п. 1, л. 123 — П. И. Бартенева. НС, № 468.

438. Л. 230, 23. Свадебная припевка; поется игрицами, если гость не спешит отблагодарить их за восхваление. Копия: п. 1, л. 124 — П. И. Бартенева. НС, № 469.

439. Л. 230, 24. Свадебная припевка, выражающая благодарность певиц. Копия: п. 1, л. 124 — П. И. Бартенева. НС, № 470.

440. Л. 240, 25. Свадебная песня жениху с невестой. Копия: п. 1, л. 131 — П. И. Бартенева. НС, № 471. Вар.: Иваницкий, № 476.

441. Л. 228—227 об., 26. Описание свадебного обряда: привоз приданого, свадебный каравай. Копия: п. 1, л. 120 — П. И. Бартенева.

442. Л. 227 об., 27. Свадебный приговор дружки при угощении караваем. Копия: п. 1, л. 120 — П. И. Бартенева. В 5-й и 7-й строке пропущены слова, не разобранные переписчиком.

Тетрадь 4, ч. II. Голосовые

№ 443—458. ГИМ, ф. 56, п. 44а, л. 7—12

2-я часть тетради 4 — заключительная часть дневника 1846 г. Вверху первой страницы помета Якушкина чернилами: «Возвратить Елагину» — видимо, Василию Алексеевичу, сводному брату П. В. Киреевского по матери.

443. Л. 7, ‹1›. Лирическая военно-бытовая голосовая песня. Текст фрагментарен.

444. Л. 7, ‹2›. Лирическая семейно-бытовая голосовая песня. Вар.: Соб., т. 3, № 509—512.

445. Л. 7, ‹3›. Тюремная голосовая песня, популярная в XIX в. Вар.: Якушкин, № 61, с. 592; НС, № 1838, 2068, 2482; Соб., т. 6, № 485—494; Лопатин-Прокунин, № 59; Языковы, № 351; Новг. ф-р, № 20. Ср.: № 373, 509, 584 наст. изд.

446. Л. 7, ‹4›. Лирическая военно-бытовая голосовая песня. Вар.: Соб., т. 5, № 586—588.

447. Л. 7 об., ‹5›. Солдатская (казачья?) голосовая песня о молодце, готовящемся к походу. Ср.: Соб., т. 6, № 278—279.

448. Л. 8, ‹6› [Гибель молодца у перевоза]. Социально-бытовая лирическая баллада, в сокращенных вариантах постепенно превратившаяся в песню. В 1-й строке: «Ни ка чистом поли» — видимо, описка собирателя. Вар.: Соб., т. 6, № 341—344 (ср. там же, № 180—183); НС, № 1693, 1895; Языковы, № 157—165; Балашов, с. 262—263.

449. Л. 8 об., ‹7›. Лирическая любовная голосовая песня. Ср. № 180, 462 наст. изд.

450. Л. 9, ‹8›. Лирическая любовно-бытовая голосовая песня с частым ритмом, типичным для хороводно-игровых и плясовых песен. Вар.: Соб., т. 4, № 802.

451. Л. 9 об., ‹9›. Лирическая военно-бытовая голосовая песня. Вар.: Соб., т. 2, № 428, 486, 487.

452. Л. 9—10. Тексты загадок написаны чернилами. Возможно, что это не полевая запись, а переписанная набело. Указаний на место и время записи нет. Ср.: ТГВ, 1852, № 24, с. 279.

453. Л. 10 об.—11. Дневниковая запись с кратким описанием праздника «отжинок». Константин Васильевич — Акулов. Выяснить автора и выходные данные книги «Эла-Вер» не удалось.

454. Дневниковая запись.

455. Л. 11 об., ‹10›. Легенда о святом (или самом Христе) на ночлеге. Более распространен вариант со святым Петром в качестве главного героя. См.: СУ, № 791. Ср.: СЭС, № 6.

456. Л. 12, ‹11› [Соломон в аду]. Легенда. Афанасьев II, с. 53 (ошибочно отнесена к Орловскому уезду). Ср.: СЭС, № 31, 32.

457. Л. 12, ‹12› [Касьян и Никола]. Легенда. Афанасьев II, с. 42—43 (ошибочно отнесена к Орловскому уезду). Вар.: СУ, № 790; СЭС, № 5.

458. Л. 12 об. Дневниковые записи о возвращении в Москву.

ЗАПИСИ 1847 г.

РЯЗАНСКАЯ ГУБЕРНИЯ, РАНЕНБУРГСКИЙ УЕЗД; ТАМБОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ, КОЗЛОВСКИЙ УЕЗД

№ 459—503. ГБЛ, ф. 125, п. 44, л. 1082—1091; ГИМ, ф. 56, п. 190, л. 129—134 (5—10 — пагинация Якушкина)

Девять листов, заполненных записями чернилами и карандашом, вложены в пустой чистый лист (л. 1085), на котором помечено карандашом: «Черновые». Лист 1086 лежит отдельно. Первый лист (л. 1082) начинается с окончания песни, предыдущий лист с ее началом, видимо, утрачен. На остальных записаны тексты песен, духовных стихов, сказок. Часть записей оказалась в архиве Бессонова. Это копии с полевых записей, сделанные самим Якушкиным набело, чернилами. Листы имеют двойную пагинацию — Якушкина и Бессонова. Записи представляют тексты песен и стихов.

459. Л. 1082, ‹1› [Осиротевшие дети]. Голосовая песня с балладным сюжетом. Близкие к ней варианты имеют начало: «Спасибо моему синему кувшину». НС, № 1916. Вар.: Соб., т. 3, № 524—532; Шейн, № 1910, 1911. В автографе перед текстом данной песни записано следующее окончание песни, начало которой отсутствует:

Как и стречу молодец хороший,
Всему городу купец.
— Уж ты, купчик, сизенький голубчик,
Не видал ли ты дочь [мою]?
— Уж я видеть не видал,
Чуть по голосу слыхал.
Стоить девка пад винцом
С разудалым молодцом,
С разудалым молодцом —
Сы Ванюшай падлицом.

460. Л. 1082,* ‹2›. Солдатская голосовая песня; переосмыслена в данном случае в извозчичью. Текст без окончания. Ср.: Соб., т. 6, № 181—184; НС, № 1274, 1392, 1996, 2123; Печора, № 45, 335.

461. Л. 1087, ‹3›. Рекрутская голосовая песня. В 6-й строке подчеркнуто слово «плача», в 7-й — отрицание «не». Текст перечеркнут вертикальной чертой, лист в верхней части и по сгибу разорван. НС, № 1855. Вар.: Кашин, ч. 1, с. 83—84; НС, № 2764, 2765, 2978; Соб., т. 6, № 181—184; Печора, № 45, 335.

462. Л. 1087, ‹4›. Фрагмент лирической любовно-бытовой голосовой песни. НС, № 1856. См. № 180, 449 наст. изд.

463. Л. 1087, ‹5› [Мы стояли на границе]. Историческая песня, сюжет которой используется в разных вариантах, отразивших различные события русской истории вплоть до русско-японской войны 1905 г., но чаще всего взятие Варшавы русскими войсками в 1830 г. Данный текст контаминирован с песней «Разоренная путь-дороженька» и относится к событиям Отечественной войны 1812 г. Кир., вып. X, с. 12—13; НС, № 1857; ИП IV, № 96. Вар.: Листопадов, т. 2, № 216; Печора, № 142, 316; ИП IV, № 81—95, 97—98; обзор вариантов: там же, с. 225.

---

* На обороте листа дата: «17 января. Лопухи». Далее следуют конспективные записи сказок карандашом, местами почти стершиеся, так что слова не поддаются прочтению. Некоторые сказки без окончания. Видимо, часть листов утрачена. См.: Приложение, с. 277—278, № 3—7.

464. Л. 1087, <6>. Фрагмент свадебной величальной песни холостому гостю. Копии: п. 2, л. 427, 433 — М. В. Киреевской, НС, № 1858.

465. Л. 1087, <7> [Степь Моздовская]. Старинная ямщицкая песня. НС, № 1918. См. примеч. к № 295 наст. изд. В рукописи (2-я от конца строка) — «своей», возможно, описка.

466. Л. 1087, <8>. Военно-бытовая голосовая песня. Копии: п. 17, л. 4523, 4524 — М. В. Киреевской. НС, № 1919. Вар.: НС, № 2724; Соб., т. 5, № 713—715; Поволжье, № 29. См. № 508 наст. изд.

467. Л. 1088, <9>. Лирическая любовно-бытовая голосовая песня. Копии: п. 17, л. 4520, 4521 — М. В. Киреевской. НС, № 1920.

468. Л. 1088, <10>. Лирическая любовно-бытовая голосовая песня. Копии: п. 17, л. 4519, 4522 — М. В. Киреевской. НС, № 1921. Вар.: Соб., т. 5, № 75; ФГО, № 38.

469. Л. 1088 об., <11> [Князь Волконский и Ваня-ключник]. Сокращенный вариант баллады. Копии: п. 16, л. 4351, 4352 — М. В. Киреевской. НС, № 1922. См. № 245 наст. изд.

470. Л. 1088 об., <12> [Возвращение Голицына из похода]. Историческая песня XVII в. Кир., вып. VIII, с. 47—48; НС, № 1923. Данный текст использован Якушкиным в заметке «Несколько слов от собирателя» (Русские песни. СПб., 1860, с. 12) и ошибочно отнесен в Калужскую губернию Лихвинский уезд, имение г. Полтава, где записан другой вариант песни. См. № 252 наст. изд.

471. Л. 1088 об., <13>. Лирическая социально-бытовая голосовая песня. Текст фрагментарен. Копия: п. 14, л. 3716 — М. В. Киреевской. НС, № 1924. Вар.: НС, № 1391, 1534.

472. <14>. Сказка с чертами исторического предания. Автограф неизвестен. Афанасьев 1, № 148 (ссылка на запись Якушкина и паспорт: «Козловский уезд Тамбовской губернии»). Текст редкий. Вар.: СУ, № 300.

473. Л. 1093—1093 об., <15>. Сказка с известным зачином «Война птиц и зверей» на сюжет «Чудесное бегство». Вар.: СУ, № 313 А, Б, С.

474. Л. 154 об. (ГБЛ, ф. 125, п. 58). Копия-автограф П. И. Якушкина с заголовком «сговорная». Текст записан полустихом. Копия: п. 1, л. 189 — М. В. Киреевской. Фонетические особенности говора сняты. НС, № 436. Внесены позднее П. В. Киреевским, исправившим текст копии.

475. Л. 1089, <17>. Свадебная песня; поется «на пропое» (собир.). Копии: п. 2, л. 421, 439 — М. В. Киреевской. НС, № 438. Вар.: Шейн, № 1910. Вверху листа, где записана песня, дата: «Марта 31.1847». Там же, ниже зачеркнуты слова: «Раненбургского уезда», «Вирзилин», «Становая», «Раново». Вирзилин — фамилия городничего г. Раненбурга, упоминается в очерке Якушкина об этом городе. Раново — село Данковского уезда (см.: Рязанская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1862, с. 27, № 585). Дальше на том же листе дата: «5 апреля 1847 г. Раненбург»; ниже идут записи свадебных песен. Из них пять текстов публикуются по копиям, имеющим паспорт с указанием на Раненбургский уезд. Автографы их, видимо, не сохранились.

476. Л. 1089, <18>. Свадебная «сговорная» песня; поется «на пропое» и «на сговоре, когда ждут жениха» (собир.). Копии: п. 1, л. 422 (с фонетическими особенностями), л. 438 — М. В. Киреевской. НС, № 437. Вар.: Шейн, № 1957, 1975.

477. Л. 1089 об., <19>. Свадебная песня; поется на девичнике жениху и невесте. Копии: п. 2, л. 415, 417 — М. В. Киреевской. НС, № 439. Вар.: Шейн, № 1663, 1962, 1990, 2061, 2074, 2186, 2360, 2374, 2480; Новг. ф-р, № 323; Калуга, № 106.

478. Л. 1089 об., <20>. Свадебная песня жениху. Копии: п. 2, л. 418, 441 — М. В. Киреевской (имена в рукописи сокращены, в копии даны полностью). НС, № 440.

479. Л. 1089 об., <21>. Свадебная песня невесте. Копии: п. 2, л. 419, 442 — М. В. Киреевской. НС, № 441.

480. Л. 1089 об., <22>. Свадебная песня; поется на сговоре невесте. Копии: п. 2, л. 420, 440 — М. В. Киреевской. НС, № 442. Вар.: Шейн, № 1600; НС, № 272, 294, 450, 761; Новг. ф-р, № 330, 331.

481. Л. 1090, <23>. Свадебная песня; поется на девичнике, известна в обработке Н. А. Римского-Корсакова. Копии: п. 2, л. 423, 437 — М. В. Киреевской с пропуском 27-й строки и пропуском (сокращенное написание?) повторяющихся неоднократно слов в последующих стихах. НС, № 443. Вар.: Римский-Корсаков, № 91; НС, № 330, 412, 549, 982; Славянина II, № 140. 141; ИРЛИ, к. 263, п. 1, № 74; п. 6, № 39.

482. Л. 426 (ГБЛ, ф. 125, п. 2, копия М. В. Киреевской), <24>. Свадебная песня невесте; поется, «когда косу продают» (собир.). 2-я копия: там же, л. 434. НС, № 434. См. № 426 наст. изд.

483. Л. 1091, <25>. Свадебная песня; поется у невесты в доме, «когда ждут жениха ехать к венцу» (собир.). Копии: п. 2, л. 425 (3-я строка — «подломили»), 435 — М. В. Киреевской. НС, № 445. Вар.: Шейн, № 1839, 2045, 2308; НС, № 4, 40, 63, 191, 214, 567, 733, 785, 992; Новг. ф-р, № 346.

484. Л. 1091, <26>. Свадебная песня; поется матери невесты, «когда везут невесту» (собир.). Копии: п. 2, л. 424, 436 — М. В. Киреевской (пропущены 6, 11 и 12-й стихи). НС, № 446. Вар.: НС, № 925.

485. Л. 154 об. (ГБЛ, ф. 125, п. 5, 8). Копия-автограф П. И. Якушкина с заголовком: «Девушек величают». Текст записан полустихом. Копии: п. 1, л. 190 (с исправлениями П. В. Киреевского, восстанавливающими особенности произношения); п. 20, л. 5015 — М. В. Киреевской. НС, № 447. Вар.: Пальчиков, № 121.

486. Л. 132 (ГИМ, ф. 56, п. 190), ‹28› [Веселая беседушка]. Лирическая семейно-бытовая песня, входившая прежде в весенний календарный цикл. Копия: п. 12, л. 2961 — М. В. Киреевской с исправлениями и пометой П. В. Киреевского: «Ряз‹анской› губ. Раненб‹ургского› у. записана П. И. Якушкиным». См. № 374 наст. изд.

487. Л. 132 (ГИМ, ф. 56, п. 190), ‹29› [Гибель молодца у перевоза]. Над текстом заголовок: «Голосовые»; ниже его помета: «На осьмушки писать». Копия: п. 12, л. 2962 — М. В. Киреевской с исправлениями и пометой П. В. Киреевского, как и на предыдущей копии. См. № 448 наст. изд.

488. Л. 132 (ГИМ, ф. 56, п. 190), ‹30›. Рекрутская песня. Записана Якушкиным в двух вариантах (см. т. 2 наст. изд., № 115). Данный текст значительно сокращен. Вар.: Соб., т. 6, № 46, 47.

489. Л. 3024 (ГБЛ, ф. 125, п. 58. автограф П. И. Якушкина), ‹31›. Лирическая социально-бытовая голосовая песня. Копия: п. 12, л. 2963 — М. В. Киреевской с пометой П. В. Киреевского, как и в предыдущих копиях. См. № 157, 305, 560 наст. изд.

490. Л. 3024 (ГБЛ, ф. 125, п. 58, автограф Якушкина), ‹32›. Лирическая любовно-бытовая голосовая песня. Копии: п. 12, л. 2964 — М. В. Киреевской с пометой П. В. Киреевского: «Ряз‹анской› губ. Раненб‹ургского› у. Запис‹ана› П. И. Якушкиным». 2-я копия: п. 20, л. 5013 — со вставками и исправлениями. Текст перечеркнут карандашом.

491. Л. 130—129 (ГИМ, ф. 56, п. 190), ‹33› [Стих пор 12 пятниц]. В копиях «12 великих пятниц»: п. 58, л. 2695—2700; л. 2896 — Е. И. Елагиной; Калики, вып. 6, № 580, с. 124—128. Вар.: там же, № 579, 581—590; исследование сюжета: Сперанский, с. 388—389.

492. Л. 134—133 (ГИМ, ф. 56, п. 190), ‹34› [Плач Адама]. Духовный стих. Автограф П. И. Якушкина коричневыми чернилами. Калики, вып. 6, № 658, с. 283—286. Вар.: там же, № 632—657, 659—668; Варенцов I, с. 40—44.

493. Л. 133—133 об. (ГИМ, ф. 56, п. 190), ‹35› [Стих про Иосифа Прекрасного]. Духовный стих и сказание про Иосифа-Иоасафа были распространены в приокских селах, возможно, потому, что в монастыре св. Николая в Радовицах, лежащем в 35—40 верстах от р. Оки, находилось «местно чтимое резное изображение Иоасафа, царевича индийского» (см.: Мендельсон Н. Из наблюдений в Зарайском уезде Рязанской губернии. — ЭО, 1899, № 1—2, с. 388). Вар.: Калики, вып. 1, № 45—52, 54—58; ЭО, 1901, № 1, VIII, с. 62; исследование сюжета: Сперанский, с. 386—388.

494. Л. 1091, 1098 (ГБЛ, ф. 125, п. 44), ‹36›. Очерк о Раненбурге написан на двух листах, сильно обтрепанных, протертых и надорванных по сгибам. Г. Раненбург (теперь г. Чаплыгин) основан в начале XVIII в. по указу Петра I А. Д. Меншиковым. Перед войной со Швецией император укреплял юго-запад России. В Раненбурге была построена крепость по плану, составленному им самим (см.: Письма и бумаги Петра Великого, т. II. СПб., 1889, с. 126—127). Рясы — общее название рек: Становой, Ягодной и Пиковой Рясы, при слиянии которых расположен г. Раненбург. Рушалки — мельницы для получения круп; назывались также крупорушки, круподирки (см.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV. М., 1866, с. 110). А. Ф. Заболоцкий и В. Ф. Одоевский — составители популярной в 1840—1860-х гг. книги «Сельское чтение» (ч. I—III. СПб., 1847—1861), выходившей в виде отдельных выпусков и выдержавшей несколько изданий. О ней одобрительно отзывался В. Г. Белинский.

495. ‹37› [Доброе слово]. Сказка из разряда волшебных. Автограф неизвестен. Название, возможно, дано А. Н. Афанасьевым. Афанасьев I, т. 3, № 332 (дана ссылка на запись П. И. Якушкина и паспорт: Раненбургский уезд Рязанской губернии). Среди полевых записей Якушкина сохранился конспективный набросок этой сказки. См. приложение в конце этого тома, с. 279, № 8.

496. Л. 120 (ГИМ, ф. 56, п. 190), ‹38› [Про Астафия]. Духовный стих. Калики, вып. 1, № 53, с. 221—225. См. примеч. к № 493 наст. изд.

497. Л. 2911—2913 (ГБЛ, ф. 125, п. 58), ‹39› [Про Федора Тирана]. Беловой автограф с пометой: «24 генваря. Тетрадь 7». Народный эпический стих. Некоторые стихи в автографе пропущены и восстановлены по копиям (см.: там же, л. 2914—2918). Калики, вып. 3, № 124, с. 536—541. Вар.: там же, № 121—123, 125; исследование сюжета: Сперанский, с. 378—380; СЭС, с. 662.

498. Л. 3025 (ГБЛ, ф. 125, п. 58, л. 3025), ‹40› [Агриков сын Василий]. Народный эпический стих. Автограф без окончания, конец стиха дан по копии (см.: там же, л. 2975—2978). Сюжет — песенная редакция легенды «Чудо об Агриковом сыне Василии», представляющей апокрифический эпизод из «Жития св. Николая», в канонический текст не входивший. Калики, вып. 3, № 127, с. 563—569. Вар.: там же, № 126, 128; Варенцов I, с. 86—94; напев и сведения см. в комментариях Б. М. Добровольского в кн.: Былины. Русский музыкальный эпос. М., 1981, с. 581. Исследование сюжета: Сперанский, с. 376—378.

499. Л. 131 (ГИМ, ф. 56, п. 190), ‹41› [Страсти Христовы]. Народный эпический стих. Калики, вып. 4, № 375, с. 204—206. Вар.: там же, № 367—374, 376—378; Варенцов I, с. 50—52; ЭО, 1901, № 1—2, с. 62—69; СЭС, с. 667.

500. Л. 131 (ГИМ, ф. 56, п. 190), ‹42› [Страшный суд]. Духовный стих. Калики, вып. 5, № 446, с. 73—74. Вар.: там же, № 441—445, 447—590; СЭС, с. 684.

501. Л. 132 (ГИМ, ф. 56, п. 190), ‹43› [Страшный суд]. Духовный стих. Калики, вып. 5, № 456, с. 86—87. См. примеч. к № 500 наст. изд.

502. Л. 132 (ГИМ, ф. 56, п. 190), ‹44› [Стихи иерусалимские]. Народный эпический стих об иерусалимском свитке. Копия: п. 58, л. 2905—2910; л. 2913 — автограф-копия Якушкина. Калики, вып. 6, № 564, с. 68—74. Вар.: там же, № 565—571.

503. Л. 2904 (ГБЛ, ф. 125, п. 58), ‹45› [Василий Кесарийский]. Народный эпический стих, известный под названием «Василий-пьяница». Автограф Якушкина. Копия: там же, л. 2900. Калики, вып. 6, № 577, с. 112—115. Вар.: там же, № 572—576, 578; СЭС, с. 665.

Тетрадь 1

РЯЗАНСКАЯ ГУБЕРНИЯ, ДАНКОВСКИЙ И ЕФРЕМОВСКИЙ УЕЗДЫ

№ 504—546. ГБЛ, ф. 125, п. 36, л. 12—22

Данковские и ефремовские записи находятся в одной тетради. Она состоит из 11 листов, пронумерованных красными чернилами, и помечена П. В. Киреевским: «Достав‹лена› от П. И. Якушкина». Записи из Ефремовского уезда продолжены в следующей тетради (см. № 547—564).

504. Л. 12. Заметка о г. Данкове. Опубликована в кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. II. М., 1963, с. 25—26. Пьяный городничий — А. А. Стрынжев (см.: Адрес-календарь на 1847 год, ч. II. СПб., 1848, с. 157). Управляющий палатой государственных имуществ, коллежский секретарь — Н. Д. Иващенко (см.: там же, с. 155).

505. Л. 12 об., ‹1›. Лирическая любовно-бытовая голосовая песня. Записана, возможно, не до конца (спета без окончания?). Копия: п. 12, л. 3062 — П. И. Бартенева. Вар.: Соб., т. 5, № 497.

506. Л. 12 об. Дневниковая заметка, написанная карандашом, с упоминанием Покровского мужского монастыря. Якушкин рассказывает об основании его боярином Р. Н. Телепневым-Оболенским как о достоверном факте. В конце XIX в. это считалось уже преданием (см.: Энциклопедический словарь, т. XXIV. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. СПб., 1898, с. 246). См. также: Рязанские губернские ведомости, 1859, № 48, с. 315—316. Сведения о Филиппове найти не удалось.

507. Л. 12 об., ‹2›. Фрагмент любовной лирической песни. Копия: п. 12, л. 3063 — П. И. Бартенева.

508. Л. 12 об., ‹3›. Лирическая любовная песня, называемая иногда солдатской и рекрутской. Копии: п. 12, л. 3064 — П. И. Бартенева (1-я строка: «Кабы ни у Машеньки крылья»; возможно, неточно прочитано сокращенное или недописанное слово «были»). Ср. № 466 наст. изд.

509. Л. 12 об., ‹4›. Старинная тюремная песня. Копия: п. 12, л. 3065 — П. И. Бартенева. В рукописи повторения прочеркнуты, в копии не восстановлены. НС, № 1838. Вар.: Соб., т. 6, № 485 и след.; НС, № 1403; Картыков, № 60. См. № 373, 584 наст. изд.

510. Л. 12 об., ‹5›. Фрагмент лирической любовно-бытовой песни. Две последние строки — контаминация с песней «Не велят Маше за реченьку ходить». Песня, как видно, забыта певцами. НС, № 1839.

511. Л. 13, ‹6› [Не спалось девке, не дремалось]. Историческая песня. Старинные ее варианты отразили эпоху татарского нашествия. Данный текст отражает события Отечественной войны 1812 г. Кир., вып. X, с. 3—4; ИП IV, № 62 (там же другой вариант, записанный П. В. Киреевским, — № 61 и анализ сюжета — с. 223).

512. Л. 13, ‹7›. Плясовая песня. Текст без окончания. Копия: п. 12, л. 3066 — П. И. Бартенева. НС, № 1840. Вар.: Соб., т. 2, № 95—96; НС, № 2550, 2592; ЛН, № 26, с. 201—202 (запись А. С. Пушкина).

513. Л. 13 об., ‹8›. Хороводно-игровая песня. НС, № 1841. Вар.: Соб., т. 5, № 220—223; НС, № 1696, 2104, 2201; Печора, № 54.

514. Л. 13 об., ‹9›. Рекрутская песня. См. вариант: Якушкин, с. 143. НС, № 1842. Вар.: Соб., т. 6, № 50; НС, № 2077, 2500, 2576, 2804; Языковы, № 173.

515. Л. 14, ‹10›. Рекрутская песня. Копии: п. 12, л. 3069; п. 16, л. 4439 — обе П. И. Бартенева. НС, № 1843. Вар.: :Соб., т. 4, № 710; т. 7, № 236.

516. Л. 14, ‹11› [Похороны генерала]. Солдатская песня с мотивами неустановленного исторического события. Кир., вып. IX, с. XV—XXI; ИП IV, с. 128—130. Вар.: Кир., вып. VIII, с. 222—223; НС, № 2095; Соб., т. 6, № 296; ЛН, № 7, с. 527; Языковы, № 166; там же обзор вариантов — с. 287. См. № 172 наст. изд.

517. Л. 14 об., ‹12› [Как жена мужа потеряла]. Семейно-бытовая баллада. Копия: п. 12, л. 3068 — П. И. Бартенева. НС, № 1844. См. примеч. к № 357 наст. изд.

518. Л. 14 об., ‹13› [Девушка крапивушку жала]. Солдатская песня, популярная в крестьянской среде. НС, № 1845. Вар.: Кашин, ч. 2, № 9; Соб., т. 4, № 805—813; НС, № 1634, 2556, 2699в; ЛН, № 15, с. 194 (запись А. С. Пушкина).

519. Л. 14 об., ‹14› [Жена разбойника]. Семейно-бытовая баллада. Копия: п. 12, л. 3070 — П. И. Бартенева. НС, № 1846. Вар.: Соб., т. 1, № 196—213; НС, № 1705, 2023; Листопадов, т. 3, № 206; Печора, № 177; Чернышев, № 101—102; Балашов, с. 128—132; Языковы, № 252.

520. Л, 15, ‹15›. Старинная лирическая социально-бытовая песня. Относится в зависимости от развития сюжета к рекрутским или любовным. Данный текст неполон. Копия: п. 12. л. 3071 — П. И. Бартенева. НС, № 1847. Вар.: Чулков, ч. III, № 167, с. 687—688; Соб., т. 5, № 49.

521. Л. 15, ‹16›. Свадебная величальная песня молодым; поется после венчания. НС, № 477. В записях известна и как игровая, с запевом: «У голубя, у голубя золотая голова». Вар.: Соб., т. 3, № 314—317; Шейн, № 681, 832; НС, № 681.

522. Дневниковая запись о работе в с. Теплом. Видимо, Якушкин работал здесь дважды, поскольку существуют копии с записей в с. Теплом, помеченные августом 1847 г.

523. Л. 15, ‹1›. Лирическая любовно-бытовая песня. Копия: п. 12, л. 3072 — П. И. Бартенева. НС, № 1726. Вар.: Соб., т. 5, № 115; НС, № 1249; Печора, № 192; Калуга, № 131. Ср. № 408 наст. изд.

524. Л. 15, ‹2›. Лирическая голосовая песня, входившая ранее в весенний календарный цикл. 3-я строка в рукописи без окончания. Копия: п. 12, л. 3073 — П. И. Бартенева. НС, № 1727. Вар.: НС, № 1304, 2135; Шейн, № 781; Калуга, № 98; Новг. ф-р, № 32. Ср. № 11, 467 наст. изд.

525. Л. 15 об.—16, ‹3›. Плясовая песня с любовными мотивами. Копия: п. 12, л. 3074 — П. И. Бартенева. НС, № 1728. Вар.: Якушкин, № 42, с. 582; Соб., т. 4, № 677—683; НС, № 1333; Печора, № 63.

526. Л. 16, ‹4›. Игровая песня. НС, № 1729. Вар.: Печора, № 258.

527. Л. 16, ‹5›. Солдатская голосовая песня. НС, № 1730. См. № 443, 447, 460 наст. изд.

528. Л. 16, ‹6›. Лирическая любовно-бытовая песня. Копия: п. 12, л. 3075 — П. И. Бартенева. НС, № 1731. Вар.: Трутовский, № 5; Соб., т. 5, № 680—692; НС, № 1754, 2257. См. № 308 наст. изд.

529. Л. 16 об.—17, ‹7› [Смерть полковника]. Лирическая любовная песня; отнесена Якушкиным к солдатским, но иногда считается то казачьей, то балладой. НС, № 1732. Вар.: Соб., т. 1, № 424—427, 429; т. 5, № 305—306; НС, № 1683, 1806; Балакирев, № 60; Иваницкий, № 272. Ср. № 282 наст. изд.

530. Л. 17, ‹8›. Лирическая семейно-бытовая песня. Копия: п. 12, л. 3077 — П. И. Бартенева. НС, № 1733. Вар.: Соб., т. 3, № 438—443, 513. Ср. № 557 наст. изд.

531. Л. 17 об., ‹9›. Лирическая любовно-бытовая песня. Копия: п. 12, л. 3079 — П. И. Бартенева. НС, № 1734. Вар.: Соб., т. 4, № 616; НС, № 2858; Вол. ГВ, 1883, № 48, текст 83; Иваницкий, № 260, 261. Ср.: ЛН, № 20, с. 437 (запись Н. А. Кострова).

532. Л. 18, ‹10›. Хороводно-игровая песня. Копия: п. 12, л. 3078 — П. И. Бартенева. НС, № 1735.

533. Л. 18, ‹11›. Лирическая любовно-бытовая песня. Копия: п. 12, л. 3080 — П. И. Бартенева. НС, № 1736.

534. Л. 18 об., ‹12›. Лирическая семейно-бытовая песня. Копия: п. 12, л. 3081 — П. И. Бартенева. НС, № 1737.

535. Л. 18 об., ‹13› [Дочь едет от (к) матери]. Лирическая семейно-бытовая песня. Копия: п. 12, л. 3081 — П. И. Бартенева. НС, № 1738. См. № 246 наст. изд.

536. Л. 19, ‹14›. Лирическая любовно-бытовая песня. Начало записано дважды, первый вариант перечеркнут карандашом. Копия: п. 8, л. 2351 — П. И. Бартенева. НС, № 1739.

537. Л. 19, ‹15›. Хороводно-игровая песня. Копия: п. 12, л. 3083 — П. И. Бартенева. НС, № 1740. Вар.: НС, № 1760, 2033, 2174, 2218, 2605; ЛН, № 9, с. 544 (запись Д. П. Ознобишина). Ср. № 323 наст. изд.

538. Л. 19, ‹16›. Солдатская песня, популярная в XIX в. Вар.: Соб., т. 6, № 181—184; НС, № 1274, 1392, 1996, 2123; Печора, № 45, 335.

539. Л. 20, ‹17›. Лирическая семейно-бытовая песня. Копия: п. 12, л. 3083 — П. И. Бартенева. НС, № 1741. Текст неполон.

540. Л. 20, ‹18›. Лирическая любовно-бытовая песня. Копия: п. 12, л. 3085 — П. И. Бартенева. НС, № 1742. Вар.: Соб., т. 4, № 303—304; Иваницкий, № 47. Ср.: ЛН, № 28, с. 616 (запись П. В. Киреевского); Новг. ф-р. № 147.

541. Л. 21, ‹19›. Лирическая семейно-бытовая песня. Копия: п. 12, л. 3086 — П. И. Бартенева. НС, № 1743.

542. Л. 21, ‹20›. Лирическая семейно-бытовая песня. Копия: п. 12, л. 3087 — П. И. Бартенева. НС, № 1744. Вар.: Соб., т. 3. № 506—511; НС, № 1597, 1877, 2041.

543. Л. 21 об., ‹21›. Лирическая семейно-бытовая песня. Копия: п. 12, л. 3088 — П. И. Бартенева. НС, № 1745.

544. Л. 22, ‹22›. Солдатская песня с мотивом: солдат проспал выход полка. Копия: п. 12, л. 3089 — П. И. Бартенева. НС, № 1746. См. № 382 наст. изд.

545. Л. 22, ‹23›. Лирическая семейно-бытовая песня. Копия: п. 12, л. 3090 — П. И. Бартенева. НС, № 1747. См. примеч. к № 147 наст. изд.

546. Л. 22 об., ‹24›. Дневниковая запись со сведениями по экономике уезда. Карандаш стерся от времени, и записи не полностью поддаются прочтению.

[Тетрадь 2]

№ 547—564. ГБЛ, ф. 12, п. 54, л. 2261—2266

Вторая тетрадь с записями из Ефремовского уезда состоит из 12 листов плотной бумаги, сшита нитками, без обложки. Записи сделаны кадандашом в два столбца, без знаков препинания. По сгибам видно, что когда-то была сложена вчетверо и, видимо, носилась в кармане. В правом углу помета П. В. Киреевского: «Доставлена от П. И. Якушкина». Тексты не пронумерованы.

547. Л. 2261, ‹1›. Хороводно-игровая песня. Копия: п. 14, л. 3788 — П. И. Бартенева. Вар.: Маринеску, № 247.

548. Л. 2261, ‹2› [Девица-мудреница]. Лирическая любовно-бытовая песня балладного типа с древним мотивом загадывания загадок суженому. Вар.: Соб., т. 1, № 451—453, 456—467; НС, № 1420, 1469; Фед., № 36; НППК, т. I, № 7; Балашов, с. 95—99, там же о сюжете — с. 387.

549. Л. 2261 об., ‹3› [Наказание разбойника]. Песня относится к старинным тюремным и разбойничьим. Копии: ГИМ, ф. 56, п. 44а, л. 2371; ГБЛ, ф. 125, п. 12, л. 2965 — П. И. Бартенева. Вар.: Соб., т. 6, № 520—526; НС, № 1426; Варенцов II, № 12, с. 235—236; ЛН, № 22, с. 359; Языковы, № 346—347.

550. Л. 2261 об., ‹4›. Песня беглых солдат и бродяг. См. примеч. к № 272 наст. изд.

551. Л. 2262, ‹5›. Старинная солдатская песня. См. № 460, 527 наст. изд.

552. Л. 2262. Дневниковая запись с преданием о разбойнике Кудеяре, популярным в среднерусских и юго-западных губерниях. См.: РФ, XV, с. 213—220.

553. Л. 2262, ‹6›. Плясовая песня с контаминацией двух мотивов. Текст не закончен. Слово «бралинь» — искаженное «браный». На той же странице начало песни «Калинушка с малинушкой, лазоривый цвет, Виселая биседушка, где батюшка пьет. Он пьёт, ни пьёт. . .», видимо, не допетой.

554. Л. 2262, ‹7›. Социально-бытовая песня, видимо, календарно-обрядового цикла. Смысл не вполне ясен. Текст записан не в процессе пения, а в процессе припоминания слов. Далее следует конспективная запись сказки, трудно поддающаяся прочтению. См. приложение, с. 280.

555. Л. 2263, ‹8›. Лирическая любовно-бытовая песня с мотивом насильного замужества. Копия: п. 9, л. 2367 — П. И. Бартенева. См. примеч. к № 69. Ср. № 290, 575 наст. изд.

556. Л. 2263 об., ‹9›. Лирическая любовно-бытовая песня. Копия: п. 8, л. 2366 — П. И. Бартенева. См. примеч. к № 342 наст. изд.

557. Л. 2263 об., ‹10›. Лирическая семейно-бытовая песня. Копия: п. 8, л. 2365 — П. И. Бартенева. Вар.: Соб., т. 3, № 438—443. Ср. № 530 наст. изд.

558. Л. 2264, ‹11›. Лирическая любовно-бытовая песня. Копия: п. 8, л. 2364 — П. И. Бартенева. Вар.: Новг. ф-р, № 45.

559. Л. 2264 об.—2265, ‹12›. Плясовая песня. См. примеч. к № 540 наст. изд.

560. Л. 2265, ‹13›. Социально-бытовая песня; отнесена Якушкиным к солдатским. Копия: п. 8, л. 2362 — П. И. Бартенева. См. № 157 наст. изд.

561. Л. 2265, ‹14›. Лирическая любовно-бытовая песня; известна с XVIII в. Копия: п. 8, л. 2361 — П. И. Бартенева. Вар.: НС, № 1921; Соб., т. 5, № 75; Шейн, № 762; ФГО, № 38.

562. Л. 2266, ‹15›. Величальная свадебная песня холостому гостю. Фрагмент. Текст в рукописи перечеркнут.

563. Л. 2266, ‹16›. Свадебная величальная песня холостому гостю. В данном случае пелась П. И. Якушкину. Копия: п. 1, л. 191 — П. И. Бартенева.

564. Л. 2266, ‹17›. Рекрутская песня. Копия: п. 16, л. 4313 — П. И. Бартенева. Вар.: Кашин, ч. 1, с. 83—84; Соб., т. 6, № 14—20; Истомин-Ляпунов, № 38; НС, № 2764, 2765, 2978. См. № 461 наст. изд. Ниже текста песни помета: «Смотри марта 18, 1847. Свадебные 16».

ТЕКСТЫ, ОТНЕСЕННЫЕ УСЛОВНО К ЗАПИСЯМ В РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Тетрадь 3, ч. I. Голосовые

№ 565—594. ГБЛ, ф. 125, п. 44, л. 1148—1154

Семь листов большого формата, вырванных из тетради и надорванных по местам, где они были сшиты нитками, заполнены карандашными записями песен в два столбца. Над левым столбцом первого листа заголовок: «Голосовые», над правым: «Тетрадь 3» — помета П. В. Киреевского. Первый лист надорван и закапан фиолетовыми чернилами. На копиях, снятых со всех текстов П. И. Бартеневым, индекс 4б — «Данковские». Песенные тексты числом 30 не пронумерованы, записаны без знаков препинания, с сокращениями.

565. Л. 1148, ‹1› [Девушка будит солдата]. Солдатская голосовая песня. Копия: п. 15, л. 4033 — П. И. Бартенева. Вар.: Соб., т. 4, № 472—476. См. № 382, 578 наст. изд.

566. Л. 1148, ‹2›. Рекрутская голосовая песня, в данном варианте по содержанию тюремная. В рукописи глагольные формы «пиша», «напиша» подчеркнуты Якушкиным. Копия: п. 15, л. 4032 — П. И. Бартенева. С запевом «Растоскуйся ты, моя любезная, разгорюйся» приведена Якушкиным в статье «Прежняя рекрутчина и солдатская жизнь» (Якушкин, с. 143). Вар.: Соб., т. 3, № 476; т. 6, № 73.

567. Л. 1148, ‹3› [Жена королевича умирает от родов]. Семейно-бытовая баллада. Вар.: Соб., т. 1, № 263—272; Шейн, № 896; НС, № 1708, 1890; Чернышев,

№ 243; Балашов, с. 120—121; ЛН, № 16, с. 435; Маринеску. № 256. Ср. № 183 наст. изд.

568. Л. 1148 об.—1149, ‹4›. Лирическая семейно-бытовая голосовая песня. Копия: п. 15, л. 4039 — П. И. Бартенева. Вар.: Иваницкий, № 189; НС, № 1468. Ср. № 69 наст. изд.

569. Л. 1149, ‹5›. Старинная разбойничья голосовая песня с образом беглых солдат в первой части. Сарязнев — видимо, искаженное Саратов. Копия: п. 15, л. 4034 — П. И. Бартенева. ЛН, № 41, с. 418—419. Вар.: Чулков, ч. III, с. 126; Соб., т. 6, № 403—412; НС, № 1269, 1671, 2480; ЛН, № 6, с. 563 (запись К. Д. Кавелина); Филиппов, № 13; Балашов, с. 266; Языковы, № 253—259.

570. Л. 1149, ‹6›. Лирическая любовно-бытовая голосовая песня. Копия: п. 15, л. 4066 — М. В. Киреевской. Вар.: Соб., т. 5, № 305, 306; т. 6, № 308; НС, № 1769.

571. Л. 1149, ‹7›. Лирическая любовно-бытовая голосовая песня. Копия: п. 15, л. 4035 — П. И. Бартенева. Вар.: Трутовский, № 58, с. 121; Соб., т. 5, № 217—219; НС, № 1696, 2104; ЛН, № 47, с. 422.

572. Л. 1149 об., ‹8›. Лирическая любовно-бытовая голосовая песня с частым ритмом, видимо, входила в календарно-обрядовый цикл. Вар.: Соб., т. 4, № 25—28; ЛН, № 29, с. 616 (запись П. В. Киреевского).

573. Л. 1150, ‹9›. Плясовая песня. Слово «пабылицу» подчеркнуто Якушкиным. См. примеч. к № 512 наст. изд.

574. Л. 1150, ‹10›. Редкая старинная рекрутская песня. Копии: п. 17, л. 32 — Е. И. Елагиной; п. 15, л. 4042 — П. И. Бартенева. Описки в автографе исправлены по копии Елагиной. Вар.: Печора, № 57, 330.

575. Л. 1150, ‹11›. Лирическая любовно-бытовая голосовая песня. Копия: п. 15, л. 4041 — П. И. Бартенева с указанием на место записи — с. Теплое и индексом 4б — данковские. Вар.: Прач, с. 119; Соб., т. 5, № 669—673; НС, № 1573, 1622. Ср. № 69, 290, 555 наст. изд.

576. Л. 1150 об., ‹12› [Дочка-пташка]. Семейно-бытовая голосовая песня. Копия: п. 15, л. 4040 — П. И. Бартенева. Вар.: Соб., т. 3, № 31; Шейн, № 852, 282; Новикова, № 126, с. 227. См. № 73 наст. изд.

577. Л. 1151, ‹13›. Лирическая любовно-бытовая голосовая песня. Копия: п. 15, л. 4037 — П. И. Бартенева. Вар.: Соб., т. 1, № 182.

578. Л. 1151, ‹14› [Девушка будит молодца]. Лирическая любовно-бытовая голосовая песня; отнесена Якушкиным к солдатским. Копия: п. 15, л. 4036 — П. И. Бартенева. См. примеч. к № 382, 565 наст. изд.

579. Л. 1151, ‹15› [Степь Маздовская]. Старинная ямщицкая голосовая песня. Копия: п. 15, л. 4043 — П. И. Бартенева. См. примеч. к № 324 наст. изд.

580. Л. 1151 об., ‹16›. Лирическая любовно-бытовая голосовая песня. Копия: п. 15, л. 4044 — П. И. Бартенева.

581. Л. 1151 об., ‹17›. Лирическая семейно-бытовая голосовая песня.

582. Л. 1152, ‹18› [Смерть казачьего полковника в Грузии]. Солдатская песня. Кир., вып. X, с. 93; НС, № 1878. Содержание песни относится ко времени завоевания Кавказа. Вар.: НС, № 1878; Путилов, с. 302, 387. Ср.: ИП IV, № 128—130.

583. Л. 1152, ‹19›. Лирическая семейно-бытовая голосовая песня с любовным мотивом. Копия: п. 15, л. 4047 — П. И. Бартенева. Вар.: Соб., т. 3, № 410.

584. Л. 1152 об., ‹20›. Лирическая бытовая голосовая песня. Копия: п. 15, л. 4046 — П. И. Бартенева. См. примеч. к № 373, 509 наст. изд.

585. Л. 1152 об., ‹21›. Лирическая любовно-бытовая голосовая песня. Копия: п. 15, л. 4045 — П. И. Бартенева. Вар.: Соб., т. 5, № 367—368. В автографе подчеркнуты слова: «Черкасску нову сядло».

586. Л. 1153, ‹22› [Разореная слобода]. Социально-бытовая голосовая песня с антикрепостническим мотивом. Копия: п. 15, л. 4049 — П. И. Бартенева. Вар.: Соб., т. 2, № 392; Языковы, № 287; НППК, т. II, № 99.

587. Л. 1153, ‹23› [Жалоба девушки губернатору]. Лирическая любовно-бытовая голосовая песня. Копия: ГИМ, ф. 56, п. 44а, л. 4148 — П. И. Бартенева. См. примеч. к № 268 наст. изд.

588. Л. 1153 об., ‹24›. Лирическая семейно-бытовая голосовая песня. Копия: п. 15, л. 4050 — П. И. Бартенева. Вар.: Соб., т. 3, № 483—490; Шейн, № 778—780; НС, № 1128а.

589. Л. 1153 об., ‹25›. Солдатская голосовая песня. Каменистая дорога через Крым была знакома солдатам со времен турецких войн и отразилась в их песне в виде поэтического образа. НС, № 2876.

590. Л. 1154, ‹26›. Лирическая любовно-бытовая голосовая песня. Копия: п. 15, л. 4031 — П. И. Бартенева. Вар.: Соб., т. 4, № 4—9.

591. Л. 1154, ‹27›. Лирическая любовно-бытовая голосовая песня. Копия: п. 15, л. 4030 — П. И. Бартенева. Вар.: Соб., т. 5, № 465.

592. Л. 1154 об., ‹28›. Казачья голосовая песня с частым ритмом, близким плясовому.

593. Л. 1154 об., ‹29›. Лирическая любовно-бытовая голосовая песня. Копия: п. 15, л. 4029 — П. И. Бартенева. Вар.: Соб., т. 5, № 154; т. 2, № 260.

594. Л. 1154 об., ‹30›. Хороводно-игровая песня с частым ритмом, близким плясовому. Копия: п. 15, л. 4028 — П. И. Бартенева. Текст без окончания. Вар.: Трутовский, № 67, с. 136.

Тетрадь 3, ч. II

№ 595—616. ГИМ, ф. 56, п. 44а, л. 109—130

Небольшая тетрадь без обложки и титульного листа начинается с песни № 17. В верхнем правом углу первой страницы полустершаяся помета карандашом П. В. Киреевского: «П. И. Якушкина. 3». В тетради 21 песня. Тексты переписаны набело чернилами и пронумерованы арабскими цифрами. К текстам № 24 и 29 есть пометы, указывающие, что записи их сделаны в Данковском уезде. На копиях с песен этой тетради, выполненных П. И. Бартеневым, стоит индекс 5б, также указывающий на Данковский уезд. Можно, следовательно, полагать, что перед нами часть песен из Данковского уезда, скопированных с полевых записей.

595. Л. 109, 17. Шуточная плясовая песня, близкая приговорке; состоит из разных мотивов, встречающихся в других контаминациях. Копия: п. 17, л. 4435 — П. И. Бартенева.

596. Л. 110 об.—111, 18. Кумулятивная колядка. Ср.: Шейн, № 1035, 1038.

597. Л. 111, 19. Овсень. Припевка календарно-обрядового цикла; исполнялась в Васильев вечер, в ночь под Новый год. Ср.: Шейн, № 1040, 1041.

598. Л. 112, 20. Лирическая любовно-бытовая песня. Копия: п. 12, л. 2997 — П. И. Бартенева.

599. Л. 113, 21. Лирическая любовно-бытовая песня с частым ритмом, близким к плясовому.

600. Л. 114, 22. Лирическая семейно-бытовая песня. Копия: п. 12, л. 2998 — П. И. Бартенева. Ср.: НПКО, № 16.

601. Л. 115, 23. Лирическая семейно-бытовая песня. Вар.: Шейн, № 807, 808.

602. Л. 116, 24. Хороводно-игровая песня. При тексте помета: «В Сурках у однодворцев». НС, № 779.

603. Л. 117, 25. Свадебная песня; видимо, величальная жениху. НС, № 778. См. № 88 наст. изд.

604. Л. 118, 26 [Девица крапивушку жала]. Лирическая любовно-бытовая песня; отнесена Якушкиным к солдатским. Последние три стиха вписаны в текст Якушкиным. См. № 518 наст. изд.

605. Л. 119, 27. Лирическая семейно-бытовая песня с частым ритмом, близким к плясовому. Копия: п. 12, л. 2999 — П. И. Бартенева. Текст неполон, без окончания.

606. Л. 120, 28. Хороводно-игровая песня. На той же странице в левом верхнем углу помета: «Русские песни. Тетрадь 4». Копия: п. 17, л. 4434 — П. И. Бартенева.

607. Л. 121, 29. Хороводно-игровая песня. Перед текстом написано: «Эта песня взята у данковских однодворцев в Мезинце». Копия: п. 12, л. 3061 — П. И. Бартенева. Вар.: Шейн, № 364; НС, № 2048, 2184, 2578; Калуга, № 109.

608. Л. 122, 30. Текст песни представляет собой контаминацию двух балладных сюжетов: «Молодец и королевна» и «Сестры ищут убитого брата» (последний в записи Якушкина начинается стихом: «Не взлюбил отец сына»). Копия: п. 12, л. 3001 — П. И. Бартенева. Вар.: Балашов, с. 83—84; о сюжете там же, с. 385, 389. См. № 145, 303 наст. изд.

609. Л. 123, 31. Шуточная песня, близкая по типу к рифмованным сказкам; относится к известному циклу «Сватовство и свадьба совы». Текст в рукописи перечеркнут. Вар.: Шейн, № 987—995. Ср. № 67 наст. изд.

610. Л. 124, 32 [Дочь ехала от матери]. Лирическая семейно-бытовая песня. См. примеч. к № 246, 535 наст. изд.

611. Л. 125, 33. Хороводно-игровая песня. На полях помета карандашом: «Хорошая. Против снохача».

612. Л. 126, 34. Свадебная песня; поется невесте при расплетании косы. См. примеч. к № 426 наст. изд. Ср. № 482 наст. изд.

613. Л. 127, 35. Хороводно-игровая песня. См. примеч. к № 536 наст. изд.

614. Л. 128, 36. Хороводно-игровая песня; в поздних записях встречается как плясовая. Копия: ГИМ, ф. 56, п. 78г, л. 21 — П. И. Бартенева. Вар.: Шейн, № 570, 571; Мезень, № 91.

615. Л. 129, 37. Лирическая любовно-бытовая голосовая песня. Копия: п. 12, л. 3003 — П. И. Бартенева. Вар.: НС, № 2868; НППК, т. II, № 35.

616. Л. 130, 38. Лирическая любовно-бытовая песня с частым ритмом, близким к плясовому. Копия: п. 17, л. 4433 — П. И. Бартенева.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КОНСПЕКТИВНЫЕ НАБРОСКИ СКАЗОЧНЫХ СЮЖЕТОВ

1. ГБЛ, ф. 125, п. 54, л. 2262 об. Конспективный набросок сказки на сюжет «Медведь в упряжке». Вар.: СУ, № 1004.
2. ГБЛ, ф. 125, п. 44, л. 1081—1084. Конспективный набросок сказки.
3. ГБЛ, ф. 125, л. 1082 об. Конспективный набросок сказки об Емеле. Вар.: СУ, № 675.

4. ГБЛ, ф. 125, л. 1082 об. Конспективная запись сказки «Чудесное бегство». Вар.: СУ, № 313 А; Жуковский В. А. Сказка о царе Берендее, его сыне Иване Ивановиче и о премудростях Марьи-царевны, Кощеевой дочери. М., 1963.
5. ГБЛ, ф. 125, л. 1083 об. Конспективная запись сказки «Кто съел просвирку». Вар.: СУ, № 785.
6. ГБЛ, ф. 125, л. 1083 об. Конспективная запись сказки на сюжет «Чудесный сынок». Вар.: СУ, № 700.
7. ГБЛ, ф. 125, л. 1083. Конспективная запись сказки о Марке Богатом. Вар.: СУ, № 461, 930.
8. ГБЛ, ф. 125, л. 1084, 1092. Сказка о добром слове. Текст почти дословно близок с опубликованной Афанасьевым. Вар.: СУ, № 677 (В подводном царстве).
9. ГБЛ, ф. 125, л. 1084. Конспективная запись сказки, сюжет которой определить не удалось.
10. ГБЛ, ф. 125, л. 1084. Конспективная запись сказки «Счастливое дитя». Вар.: СУ, № 652.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ СОКРАЩЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ В КОММЕНТАРИЯХ

Абрамский — Абрамский А. Песни Русского Севера. М., 1959.

Абрамычев — Абрамычев А. Сборник русских народных песен Вятской губернии. СПб., 1879.

Акимова — Фольклор Саратовской области, кн. 1. Сост. Т. М. Акимовой под ред. А. П. Скафтымова. Саратов, 1946.

Андреев-Аарне — Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. М., 1929.

Афанасьев I — Народные русские сказки Афанасьева в трех томах. Подгот. текста и примеч. В. Я. Проппа. М., 1957.

Афанасьев II — Афанасьев А. Н. Русские народные легенды. Лондон, 1859.

Балакирев — Балакирев М. Русские народные песни для одного голоса в сопровождении фортепиано. Ред., предисл., исследование и примеч. проф. Е. В. Гиппиуса. М., 1957.

Балашов — Народные баллады. Вступит. статья, подгот. текста и примеч. Д. М. Балашова. М.—Л., 1963.

Баранов — Песни оренбургских казаков с напевами. Собрал и положил на ноты Ф. Н. Баранов, вып. 1. Оренбург, 1913.

Бунин — Бунин И. А. Собр. соч. в 9-ти т. М., 1966.

Варенцов I — Сборник русских духовных стихов. Сост. В. Варенцовым. СПб., 1860.

Варенцов II — Сборник песен Самарской губернии. Сост. В. Варенцовым. СПб., 1858.

Васнецов — Песни северо-восточной России, записанные в Вятской губернии в 1868—1894 гг. Киров, 1949.

Вильбоа — Русские народные песни, записанные с народного напева и аранжированные для одного голоса с аккомпанементом фортепиано К. Вильбоа. СПб., 1860.

ВНП — Воронежские народные песни. Сборник фольклорных записей студентов под ред. С. Г. Лазутина. Воронеж, 1962.

Вол. ГВ — Вологодские губернские ведомости.

Вор. ГВ — Воронежские губернские ведомости.

Григорьев — Архангельские былины и исторические песни, собр. А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг., т. 1. М., 1904.

Железновы — Песни уральских казаков. Записали Александра и Владимир Железновы. СПб., 1899.

ЖС — Живая старина.

Забайкалье — Фольклор семейских. Сост. Л. Е. Элиасов, И. З. Ярневский. Улан-Удэ, 1963.

Иваницкий — Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собр. Н. А. Иваницким в Вологодской губернии. Подгот. текстов, вступит. статья и примеч. Н. В. Новикова. Вологда, 1960.

ИП I — Исторические песни XIII—XVI веков. Изд. подгот.: Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.—Л., 1960.

ИП II — Исторические песни XVII века. Изд. подгот.: О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов и др. М.—Л., 1966.

ИП III — Исторические песни XVIII века. Изд. подгот.: О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л., 1971.

ИП IV — Исторические песни XIX века. Изд. подгот.: Л. В. Домановский, О. Б. Алексеева, Э. С. Литвин. Л., 1973.

Истомин-Дютш — Песни русского народа, собр. в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. СПб., 1894.

Истомин-Ляпунов — Песни русского народа, собр. в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 г. СПб., 1899.

Калики — Калики перехожие. Сборник стихов и исследования П. А. Бессонова, вып. 1—6. М., 1861—1863.

Калуга — Песенное творчество Калужского края. Записал А. В. Ермаченко. Калуга, 1959.

Картыков — Картыков М. Н. Русские песни. Изборник народной лирики. Вологда, 1922.

Кашин — Русские народные песни. Собраны и изданы для пения с фортепьяно Д. Кашиным, ч. 1—3. М., 1959.
КГВ — Калужские губернские ведомости.
К. Дан. — Древние российские стихотворения, собр. Киршею Даниловым. М.—Л., 1958.
Кир. — Песни, собр. П. В. Киреевским, вып. I—X. М., 1860—1874.
Котикова — Котикова Н. Народные песни Псковской области. М., 1966.
Листопадов — Листопадов А. М. Песни донских казаков, т. 1—4. М., 1949—1953.
ЛН — Литературное наследство, т. 79. Песни, собр. писателями. М., 1968.
Лопатин-Прокунин — Сборник русских народных лирических песен Н. М. Лопатина и В. П. Прокунина. М., 1956.
Маринеску — Зяленыя моя вишенка. Собрание песен липован, проживающих в Румынии. Сост. М. Маринеску. Бухарест, 1978.
Мезень — Песенный фольклор Мезени. Л., 1967.
Молдавия — Русская народная песня в Молдавии. Сост., подгот. текстов, статья и коммент. Р. А. Богомольной. Кишинев, 1968.
Новг. ф-р — Традиционный фольклор Новгородской области. Сост., подгот. текста и примеч. В. В. Митрофановой и В. И. Жекулиной. Л., 1979.
Новикова — Русские народные песни. Вступ. статья, сост. и примеч. А. М. Новиковой. М., 1957.
НПВО — Народные песни Воронежской области. Под ред. С. Г. Лазутина. Воронеж, 1974.
НПКО — Народные песни Кировской области. Сост. И. Мохирев, В. Харьков, С. Браз. М., 1966.
НПОО — Народные песни Орловской области. Сост. Н. Владыкина-Бачинская. М., 1964.
НППК — Народные песни Пермского края, т. I. Пермь, 1966; т. II, 1968.
НС — Песни, собранные П. В. Киреевским. Нов. сер., вып. 1. М., 1911; вып. 2, ч. 1. М., 1918; ч. 2. М., 1929.
ОГВ — Орловские губернские ведомости.
ОЗ — Отечественные записки.
Ончуков — Печорские былины. Записал Н. Ончуков. СПб., 1904.
Пальчиков — Крестьянские песни, записанные в с. Николаевке Мензелинского уезда Уфимской губернии Н. Е. Пальчиковым. Изд. 2. М., 1896.
Песни Пинежья — Песни Пинежья. Материалы фонограммархива АН СССР, кн. II. Собрание и разработка Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд. М., 1937.
Печора — Песни Печоры. Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский. М.—Л., 1963.
Поволжье — Русские народные песни Поволжья, вып. 1. Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Г. Г. Шаповалова, Б. М. Добровольский. М.—Л., 1959.
Попов — Народные песни, собр. в Чердынском уезде Пермской губернии В. Поповым. М., 1880.
Потявин — Народная поэзия Горьковской области, вып. 1. Сост. и ред. В. Потявин. Горький, 1960.
Прач — Собрание народных русских песен с их голосами, на музыку положил Иван Прач. М., 1955.
Прибайкалье — Старый фольклор Прибайкалья, т. 1. Улан-Удэ, 1939.
ПС — Пермский сборник, кн. 1, 2. М., 1859—1860.
Путилов — Народные исторические песни. Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Б. Н. Путилова. Б-ка поэта. Больш. сер. М.—Л., 1962.
Римский-Корсаков — Римский-Корсаков Н. А. Сто русских народных песен. М., 1951.
РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.
РФ — Русский фольклор.
Славянина I — Народные песни. Записаны О. А. Славяниной. Брянск, 1973.
Славянина II — Старинная севская свадьба. Записи и свод О. А. Славяниной. Подгот. текстов и ред. Ф. М. Селиванова. М., 1978.
Славянский — Сборник песен, исполняемых в народных концертах Д. А. Агренева-Славянского, собранных в России и славянских землях О. Х. Агреневой-Славянской. М., 1896.
Смирнов — Песни крестьян Владимирской и Костромской губернии. Собр. и изд. Александром Смирновым. М., 1847.
Соб. — Великорусские народные песни, изд. А. И. Соболевским, т. 1—7. СПб., 1895—1902.
Соколовы — Песни и сказки Белозерского края. Записали Борис и Юрий Соколовы. М., 1915.
Сперанский — Сперанский М. Н. Русская устная словесность. М., 1917.
Студитский — Студитский Ф. Народные песни Вологодской и Олонецкой губерний. СПб., 1841.
СУ — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.
СЭС — Смоленский этнографический сборник, ч. 1—4. Сост. В. Н. Добровольский. М.—СПб., 1891—1903.
ТГВ — Тульские губернские ведомости.

Терещенко — Терещенко А. В. Быт русского народа, ч. 1—7. СПб., 1847—1848.
Трутовский — Собрание русских простых песен с нотами В. Ф. Трутовского, ч. 1—4. Под ред. и с вступит. статьей В. Беляева. М., 1953.
ФГО — Фольклор Горьковской области. Песни и сказки пушкинских мест, вып. 1. Изд. подгот. В. И. Еремина, М. А. Лобанов, В. Н. Морохин. Л., 1979.
Фед. — Federowski M. Lud bialoruski. Materiali do etnografii slowianskiej, zgromadzone w latach 1877—1905. T. 5—6. Piesni milosne, weselne. Warszawa, 1958—1960.
Филиппов — Сорок народных песен, собр. Т. И. Филипповым и гармонизованных Н. А. Римским-Корсаковым. СПб., 1882.
Чернышев — Русская баллада. Предисл., ред. и примеч. В. И. Чернышева. Л., 1936.
Чулков — Чулков М. Д. Собрание разных песен, ч. I—III с прибавлением. СПб., 1913.
Шейн — Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Материалы собраны и приведены в порядок П. В. Шейном, т. 1, вып. 1. СПб., 1898; вып. 2. СПб., 1900.
ЭО — Этнографическое обозрение.
ЯГВ — Ярославские губернские ведомости.
Языковы — Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях, т. 1. Подгот. текстов, статья и коммент. А. Д. Соймонова. Л., 1977.
Якушкин — Сочинения П. И. Якушкина. СПб., 1884.
ЯФ — Ярославский фольклор. Сост. Б. Н. Быстров и Н. Е. Новиков. Ярославль, 1938.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПЕСЕННЫХ ЖАНРОВ

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЖАНРОВ

В основу классификации текстов по жанрам положены указания Якушкина, имеющиеся в его записях или копиях в виде помет при текстах или заголовков: «Сговорные», «Голосовые», или на обложках с копиями: «Баллады». В остальных случаях фольклорный материал распределен с учетом тех характеристик, которые имеются при вариантах того или иного текста у позднейших собирателей и исследователей. Если характеристики различны (например, песня «Как у голубя золотая голова» известна как свадебная и как игровая), то номер текста указывается дважды: в разделе свадебных и хороводно-игровых песен. Иногда у Якушкина песня отмечена как «сговорная», но П. В. Киреевский поместил ее в число свадебных, т. е. поющихся и в главный день свадьбы, в день венчания. Поскольку Киреевский учитывал и мнение Якушкина, определяя значение текста, мы не можем не считаться и с его определением. Тексты, отмеченные собирателем как «сговорные», но включенные Киреевским в число исполнявшихся на самой свадьбе, также указаны дважды. В голосовых песнях нередко наличествуют мотивы и любовные, и семейные — такие тексты также разнесены по двум этим разделам. В раздел казачьих, солдатских и рекрутских отнесены так называемые молодецкие (Бессонов) с сюжетом «молодец на чужбине».

Условно отнесен к балладам текст песни «Разореная слобода» (см.: Языковы, № 287, примеч. с. 298).

Дневниковые заметки собирателя выделены в особую рубрику, поскольку они имеют самостоятельное значение.

Хороводно-игровые песни отнесены к обрядовым на том основании, что генетически они являются таковыми: в первой половине XIX в. вождение хороводов и игры молодежи были возможны только в праздники и осознавались населением как часть праздничного обрядового веселья. По этой причине они были включены в число обрядовых в первом выпуске Новой серии «Песен, собранных П. В. Киреевским». В наше время календарно-обрядовая и свадебная поэзия по существу перестала быть обрядовой, так как обряды в собственном смысле слова давно перестали существовать, как и обрядовые празднества, сопровождаемые хороводами.

В текстах календарных и свадебных песен связь с обрядовыми действиями прослеживается очень наглядно; она более органична, нежели в хороводно-игровых песнях, но и в этих последних она достаточно очевидна. Суть дела не в большей или меньшей связи песенного текста с умершим или отмирающим обрядом, а в тех художественных и поэтических особенностях текста, которые определяются его происхождением. В сборниках, изданных при жизни собирателя, хороводно-игровые песни выделяются как обрядовые. На этом основании и с учетом вышеизложенного они отнесены нами к разделу обрядовой поэзии.

В указателе дается краткое определение сюжета и номер текста.

I. ПЕСНИ НЕОБРЯДОВЫЕ, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ГОЛОСОВЫЕ

1. Исторические

Возвращение В. В. Голицына из похода в Крым: 252, 273, 354, 470
Пишет султан турецкий: 244
Граф З. Г. Чернышов в плену: 353
Вы, леса мои, лесочки (песня с именем С. Разина): 355
Казаков и солдат гонят до Полтавы: 2
Собирался-то большой барин на шведску границу: 302
Уж ты батюшка, светел месяц (плач по Екатерине II): 322
Что ж это в каменной Москве за тревога? (умер Павел-император): 264
Отечественная война 1812 г.: 149, 162

2. Баллады

3. Военно-бытовые песни: казачьи, рекрутские, солдатские

* * *

* * *

* * *

4. Разбойничьи, бурлацкие, тюремные

5. Ямщицкие, извозчичьи: 32, 324, 460, 460, 465, 579

6. Лирические любовно-бытовые песни

7. Лирические семейно-бытовые песни

II. ПЕСНИ ОБРЯДОВЫЕ

2. Хороводные и игровые

а) с любовными мотивами

б) с семейными мотивами

3. Свадебный обряд

III. ДУХОВНЫЕ СТИХИ

IV. ПЛЯСОВЫЕ И ШУТОЧНЫЕ ПЕСНИ

V. ПРОЗА

VI. РИТМИЗОВАННАЯ ПРОЗА

VII. ЗАГАДКИ

* Цифра после отгадки обозначает номер публикации, цифра в скобках — порядковый номер загадки.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ *

* Цифры означают: прямые — порядковый номер текста, курсивные — страницы данного издания.

СЛОВАРЬ

АРХАИЗМОВ, ДИАЛЕКТИЗМОВ, МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ *

айсе́ния, 575 — осенние
аллянáя, 278, 614 — льняная
аткýль, 561 — откуда

брáлинь, 553 — полог у кровати из браной, т. е. редкой узорчатой ткани
бы́рчатой, 207 — из мерлушек, овчинный; бы́рка — овечка, ярка

верéя, 36 — столб, на который навешиваются ворота
вечéренька, 277 — вечерний стол, ужин; вечéрять — ужинать
винохóдный, 49, 422 — иноходец
возгря́, вóзгри, 208, 258 — сопли
возгри́вый, 208 — неопрятный, сопливый
воймётся, 20, 306 — уймется, успокоится
волвёночка, 111, воловинка, 78 — волвенка, волнушка, съедобный гриб
всиё, 4 — всю
втоли́мо, 330 — покойно, утолимо от беспокойства, боли
вчýла, 21 — услышала, учуяла

голýбня, 88, 603 — голубятня, голубница
горбы́ль, 495 — рыба ласкирь, вид сазана
горнéц, 16 — глиняный горшок
гости́ный сын, 312 — купец
гри́вна, 187 — монета ценою в 10 копеек
гри́вна золотая, 433, 442 — монета, ценою равная 56 червонцам в XVII в.

дамнó, 199 — давно
дерёжа, 37 — деряга, деряба, борона; дерёжить — трясти (о лихорадке)
дли, 36 — подле, возле, около

жáндар, 158 — искаженное: жандарм
жéрелье, жéрелья, 54, 79, 454 — ожерелья, шейные украшения из бус, монет, драгоценных камней, жемчуга
жиёмчи, 194 — живучи, живя

завдалóй, 26, 270 — разудалый, очень бойкий, удалой, смелый
завёртка, 456 — скрученная веревка
зáзрынка, 265 — от зазрить — позорить.
залóм, 225, 226 — закрутка, узел из пучка колосьев на корню, делается знахарем на пагубу хозяину поля

замáшка, 454 — холст из посконной пряжи, посконь
запривны́ла, 330 — приуныла, опечалилась, загрустила

ильнянáя, 167 — льняная
ипанчá, 592 — епанча, старинный, длинный и широкий плащ
ирби́ть, 452 (40) — свербит, зудит, чешется
исполáть (с греч.), 376 — междометие, употребляемое с дательным падежом, означает: честь, слава, хвала

карáндушком, 309 (6) — от карандышек: коротышка, клубочек
ки́чка, ки́ка, 454 — женский головной убор, разновидность повойника с рогами
клéточка, клеть, 129 — холодная половина избы
колóменцы, 324, 465 — жители г. Коломны
коломя́нковая, 432, 553 — из коломянки, домотканой пестрой шерстяной ткани, часто полосатой
колпия́, колпиá, кóлпь, 187, 602 (сноска) — белая цапля, перья ее использовали на казачьи султаны как украшение
карагóд, корогóд, 317 и др. — хоровод
коты́, 454 — женская обувь в виде полусапожек или башмаков с невысокими голенищами; бывали оторочены алым сукном
кропотáнье, 37 — суетливые мелкие хлопоты
кропотли́вая, 41 — беспокойная, суетливо заботливая и ворчливая
кукóбница, кукóвница, 87, 106 — бережливая хозяйка, скопидомка
курáж, 329 (франц.) — ободрение, поощрение

лакóт, 450 — локтей; лóкоть — старинная мера длины от локтевого сустава до конца среднего пальца, около 12 вершков
лéндачки, 197 — ленточки
лунь, 67, 609 — хищная птица белесоватого цвета, мышатник

манýля, 309 (15) — вещь, которая манит, привлекает, то же: манилка

---

* Цифры означают порядковый номер текста.

межéнь, 299 — посредине, среди
мéчала, мéчела, 79, 80 — смекала, полагала, надеялась
мéчело, 206 — казалось, предполагалось
музы́ка, 16 — здесь в значении: музыкант, игрок на народных инструментах

надзóла, назóла, 307 и др. — грусть, тоска, обида, досада
нáнковый, 391, 547 и др. — из нáнки, грубой бумажной ткани, выделываемой в прежние времена в Нанкине (Китай)
натужли́вые, 502 — нелегкие, трудные, стеснительные
натя́пкайся, 309 (10) — наешься досыта

облудёмши, 338 — заблудившись
одноё, 321 — одну
откýль, 299 — откуда
очнýлась в кýры, 592 — проснулась с пением петухов, с петухами

пáдры, 258 — худые, изнуренные лошади
падыли́, 550 — подняли
пáлася-перепалася, 565 — переволновалась, сильно встревожилась; перепасть — похудеть в лице, осунуться
палики́, 614 — кумачные вставки на рубашке
панёва, понёва, 454 и др. — женская яркая шерстяная юбка из домашней ткани
парáт, 352 — парадный вход в доме, особняке
парма́н, пармáн, 309 (2) — овод
паря́дно, 550 — рядами
повóзник, повóзничек, 95, 97, 208, 290, 423 и др. — свадебный чин: кучер у жениха
подплýтки, 77 — здесь: шнурки, бечевки
подтрусли́вые, 502 — страшные; плохие, заставляющие пребывать в страхе
подья́чий, 22 и др. — служитель, писец в приказе, в суде
полýдружья, поддрýжья, 423 и др. — помощники дружки по ходу обряда
пообы́чился, подобы́чался, 84, 191, 298 и др. — пришелся по обычаю, по душе, по нраву
попы́шка, 221 — здесь в значении: кубышка, клад, вырытый впопыхах (буквально попых, попышка — одышка при быстром движении)
поровáнское масло, 139 — прованское
посáдский, 22 — житель посада, пригорода, поселения вне города, за крепостной стеной. Здесь то же, что горожанин
поскóнь, 454 — сорт конопли с крепким волокном; шла на посконные холсты, из которых шились рубахи
потеля́тилось, 298 — образовано по аналогии с пообычилось, смысловая игра слов
приклáдинка, 477 — переплет оконной рамы, перекладинка
прилýка, 514 — приманка, зазноба; привольное, привлекательное место
прилюлю́кать, 318 — приласкать, утешить
притугáют, 498 — рвутся с цепи, натягивают ее до отказа
прицéлинка, 477 — причелинка, причалинка — резная планка у оконного наличника
пропóйник, 475 — человек, устроивший в доме пропóй — обряд просватанья дочери
просýк, 384 — здесь искаженное прусак, народное название таракана

раздилю́ция, 550 — распределение по полкам
ромóн, 115 — ромен, рамен — ромашка
рыньми́, 450 — ремнями
родéнька, 143 — родня, родственники
рудá, 263, 336 — кровь
ря́чий, 609 — от ряшка — лицо (простореч.); мордастый, толстомордый

самодёрга, 614 — плясунья
сапéлка, 399 — см. сопелка
сваю́тная семья, 1 — дружная, веселая
светéц, 259 — железный треножник или деревянный столбик в донце с железными ушками для втыкания горящей лучины
своя́чины, своячиньи — 83, 190, 399 — родные сестры жены, свояченицы
сермя́га, сермя́жка, 384 — кафтан из грубого некрашеного крестьянского сукна
сипýчая змея, 444 — шипучая; дрова сипят — шипят (рязанск. разговорн.)
склáдни, 215 — деревянные чаши с закрайками, служат одна для другой покрышками. Их делали по нескольку пар, вкладывающихся одна в другую
скýчится, 194 — скучается, тоскуется
смéта, 302 — счет
сопéлка, сопéль, 399 — дудка из бузины или ивовой коры, то же, что и свирель
сопéлешник, сапéлешник, 399 — игрок на сопели
спýкловать, спуклатить, 392 и др. — всклокочить, спутать, скосматить
стебáть, 21, 26, 35, 94, 196 — хлестать, стегать, а также хлебать (344)
стюденёшенька, 332 — холоденешенька; студеный — холодный
сукамы́шная вода, 384 — малопроточная, стоячая
сходáтай 79, 86, 110 — свадебный чин: сват со стороны жениха
схомянýлася, 336 — спохватилась, испугалась
сытá медовая, 91, 411 — медовый взвар, разварной мед на воде; вода, сыченая (насыщенная) медом

твет, 171, 213, 268 и др. — цвет
тирзáн, 350 — искаженное тиран
трóжды, 401 — трижды, три раза

убрáна, 347 — наряд
уваймáет, 134, уйвмáла, 267 — унимала, оставляла, убеждала
удóвка, 14, 16, 67 и др. — вдовка, вдова
удрýг, 336 — вдруг
узвали́лась, 67 — развалилась, свалилась
узводи́ли, 199 — взводили, вводили наверх
узувáлся, 79 — вызывался

узшéл, 29 — взошел
у когó, 30 — в кого
успущáла, 145 — впускала
уставáить, 187 — встает
устревáется, 49 — встречается
утóк, утóчек, 257 — нитки на шпульке, вставленной в челнок при тканье на кроснах, ткацком станке

харч, харчú, 187 — съестной припас, мясо (пироги с харчем)

чеботáрь, 197 — мастер шить чеботы, сапожник
чéпка, 184 — цепочка
чумáк, 181 — здесь: сиделец в кабаке или его помощник (в Казанской, Костромской, Пермской и др. губерниях, в отличие от южного: возчик, извозщик, перевозящий грузы (соль) на большие расстояния)

шитвó, 240 — разная портняжная работа: шитье платья и верхней одежды
шýрья, 83, 519 и др. — родные братья жены; в ед. ч. — шурин
шушýн, 454 — холщевая женская рубашка с кумачными прошивками, надевалась поверх нижней рубашки к панёве (рязанск.)

щевелúт, 198 — щебечет
щёлок, 60, 67 — отвар золы, настой кипятка на золе, которым в бане мыли волосы и стирали белье
щелýшечка, 192 — шелуха, скорлупа от орехов или подсолнечных семечек

СОДЕРЖАНИЕ

СОБРАНИЕ НАРОДНЫХ ПЕСЕН П. В. КИРЕЕВСКОГО

ЗАПИСИ П. И. ЯКУШКИНА

Том 1

Утверждено к печати
Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР

Редактор издательства Н. А. Румянцева. Художник М. И. Разулевич
Технический редактор Н. А. Кругликова. Корректоры А. И. Кац и Н. З. Петрова

ИБ № 20729

Сдано в набор 14.10.82. Подписано к печати 26.05.83. М-31989. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 21¹/₂+2 вкл. (¹/₄ печ. л.)=30.45 усл. печ. л. Усл. кр.-отт. 31.85. Уч.-изд. л. 31.88. Тираж 16900. Изд. № 8343. Тип. зак. № 1877. Цена 2 р. 40 к.

Издательство «Наука». Ленинградское отделение. 199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»
МОЖНО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ЗАКАЗАТЬ В МАГАЗИНАХ
КОНТОРЫ «АКАДЕМКНИГА»

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

117192 **Москва,** В-192, Мичуринский пр., 12.
Магазин «Книга — почтой»
Центральной конторы «Академкнига»;

197345 **Ленинград,** П-345, Петрозаводская ул., 7.
Магазин «Книга — почтой»
Северо-Западной конторы «Академкнига»;

199034 **Ленинград**, 9 линия, 16;
220012 **Минск,** Ленинский пр., 72 («Книга — почтой»);
103009 **Москва**, ул. Горького, 8;
117312 **Москва**, ул. Вавилова, 55/7;
630076 **Новосибирск**, Красный пр., 51;
630090 **Новосибирск**, Академгородок, Морской пр., 22 («Книга — почтой»);
142292 **Пущино** Московской обл., МР «В», 1;
620151 **Свердловск**, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700029 **Ташкент**, ул. Ленина, 73;
700100 **Ташкент**, ул. Шота Руставели, 43;
700187 **Ташкент**, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
634050 **Томск**, наб. реки Ушайки, 18;
450059 **Уфа**, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025 **Уфа**, Коммунистическая ул, 49;
720001 **Фрунзе**, бульв. Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078 **Харьков**, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).



2p. 40k.